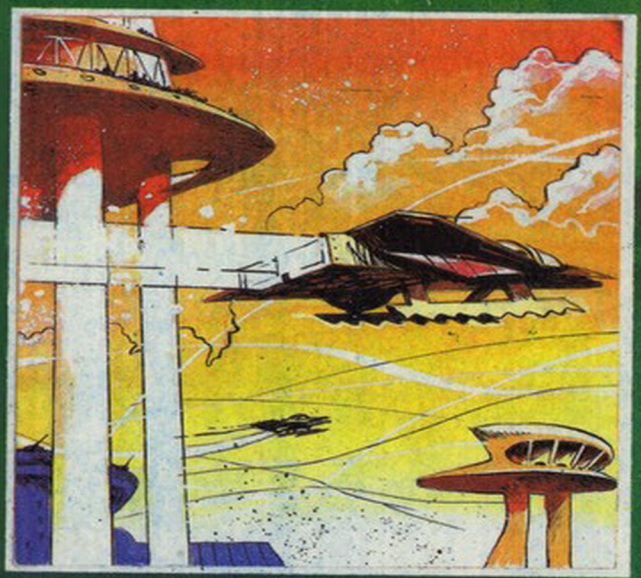
АЙЗЕК АЗИМОВ

ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ



Камешек в небе. Звезды как пыль

Айзек Азимов

Аннотация
КАМЕШЕК В НЕБЕ
Глава 1. Между двумя шагами
Глава 2. Избавление от незнакомца
Глава 3. Один мир — или много?
Глава 4. Чика
Глава 5. Подневольный доброволец
Глава 6. Ночные опасения
Глава 7. Разговор с безумцами
Глава 8. Разговор в Чике
Глава 9. Конфликт в Чике
Глава 10. Интерпретация событий
Глава 11. Разум, который изменяется
Глава 12. Разум, который убит
Глава 13. Паутина в Вашине
Глава 14. Вторая встреча
Глава 15. Исчезнувшие шансы
Глава 16. Выбирайте, с кем вы?
Глава 17. Измените вашу сторону!
Глава 18. Дуэль!
Глава 19. Почти у края

Глава 20. У самого края
Глава 21. За краем
Глава 22. Быть может, лучшее еще впереди
ЗВЕЗДЫ КАК ПЫЛЬ
Глава 1. Спальня бормотала
Глава 2. Сеть в космосе
Глава 3. Случай и наручные часы
Глава 4. Свобода?
Глава 5. Слабая голова
Глава 6. Тот, кто носит корону
Глава 7. Музыкант мозга
Глава 8. Женская юбка
Глава 9. И брюки победителя
Глава 10. Может быть!
Глава 11. И может быть, нет!
Глава 12. Появился Автарх
Глава 13. Автарх остается
Глава 14. Автарх уходит
Глава 15. Дыра в пространстве
Глава 16. Псы
Глава 17. И преследуемые
Глава 18. На грани поражения
Глава 19. Поражение
Глава 20. Где?
Глава 21. Здесь?
Глава 22. Здесь!

Аннотация

Цикл романов знаменитого американского фантаста рассказывает о возникновении и становлении могущественной галактической империи, поднимает вечные нравственно-этические проблемы взаимодействия человека в период расцвета технократической цивилизации.

В книгу вошли второй и третий романы из трилогии «Транторианская империя»

КАМЕШЕК В НЕБЕ

Глава 1
Между двумя шагами

За две минуты до того, как исчезнуть с лица той земли, которую знал, Иосиф Шварц брел по оживленным улицам предместья Чикаго, повторяя про себя строки Браунинга.

В некотором смысле это было странным, ибо Шварц явно не производил впечатления человека, который может декламировать Браунинга. Он казался тем, кем и был на самом деле: удалившимся на покой портным, абсолютно лишенным того, что сегодняшние софисты называют «истинным образованием». Однако он удовлетворял природное любопытство обильным и бессистемным чтением. Повинуясь необузданной прожорливости, он подбирал все, что мог, и, благодаря особенностям памяти, сохранял в ней обрывки полученных сведений.

Например, «Рабби бен Эзра» Браунинга он прочел в юности дважды и, конечно, запомнил наизусть. Большая часть произведения осталась для него темным лесом, но первые три строки за последние несколько лет сделались для него

подобными биению сердца. Вот и сейчас, в этот солнечный и очень яркий день, они звучали в глубине молчаливой крепости его разума:

«Так останься же со мной!
Быть может, лучшее еще впереди.
Ты — последняя эпоха жизни,
Ради которой была прожита первая…»

Шварц ощущал эти строки во всей их полноте. После бурной юности, проведенной в Европе, трудных лет ранней зрелости в США безмятежность спокойной старости была абсолютно приятной. Имея собственный дом и собственные деньги, он мог уйти на покой, что и сделал. У него была жена, находящаяся в добром здравии, две удачно выданные замуж дочери, внук, скрашивающий эти его последние годы, — о чем еще он мог беспокоиться?

Была, конечно, атомная бомба и обильная, какая-то сладострастная болтовня о третьей мировой войне, но Шварц верил в хорошие качества человеческой натуры. Он не допускал возможности новой войны и не верил, что Земля когда-нибудь будет ввергнута в атомную катастрофу. И он кротко улыбался детям, мимо которых проходил, и молча желал им быстрого и

не слишком трудного перемещения из юности к тому лучшему, что, быть может, еще впереди.

Он поднял ногу, намереваясь переступить через куклу, валявшуюся с бессмысленной улыбкой посреди тротуара, но не успел еще вернуть ногу в прежнее положение…

В другой части Чикаго находился Институт по исследованию атомной энергии. Его служащие могли бы располагать теориями относительно ценности человеческой жизни, хотя, с некоторым стыдом, должны были бы признаться: нет пока инструмента для измерения этого качества жизни. И когда они об этом думали, то не лишним было бы пожелать, чтобы провидение удержало человеческую натуру (и проклятую человеческую гениальность) от склонности каждое невинное и интересное открытие превращать в смертоносное оружие.

В то же время не худо было бы, если бы специалист, употребивший все свое любопытство к жизни на изобретение, которое могло бы уничтожить пол-Европы, рискнул бы своей жизнью, чтобы спасти жизнь абсолютно ничтожного человека.

Внимание доктора Смита привлекло голубое свечение за дверью химической лаборатории. Он

заметил его, проходя мимо полуоткрытой двери. Химик, веселый молодой человек, напевая, орудовал с волнометром, наполненным раствором: белый порошок лениво плавал среди жидкости, медленно растворяясь в ней. Это было все, что сначала заметил доктор Смит, но потом тот же инстинкт, который заставил его остановиться перед дверью лаборатории, побудил его к действию.

Он вбежал в комнату, схватил линейку и смахнул ею на пол все с лабораторного стола. Раздалось смертоносное шипение плавящегося металла. Доктор Смит почувствовал, как на его носу повисла капелька пота.

Юноша непонимающим взглядом уставился на бетонный пол, покрытый пятнами серебристого металла. Пятна были неподвижными, и от них исходил жар.

— Что случилось? — слабо проговорил он.

Доктор Смит пожал плечами. Он и сам этого не мог толком объяснить.

— Не знаю. Скажите-ка мне… Что здесь происходит?

— Ничего не происходит, — пробурчал юноша. — Это был всего лишь образчик необработанного урана. Я производил испытания на медном

электролите… Не знаю, что такого могло случиться.

— Что бы там ни случилось, молодой человек, я могу описать вам, что видел собственными глазами. На тигле возникло сияние. Имела место жесткая радиация. Уран, вы говорите?

— Да, но необработанный уран. А что, это опасно? Я не имею в виду, что безупречная чистота является одним из самых важных качеств для расщепления, не так ли? — Он быстро провел языком по губам. — Вы думаете, это было расщепление, сэр? Это не плутоний, и он не подвергался бомбардировке.

— И, — задумчиво добавил доктор Смит, — масса была ниже критической. Или, по крайней мере, ниже критической массы, которая нам известна. — Он посмотрел на запятнанный стол, на испорченную окраску шкафов, на серебристые полосы на бетонном полу. — И все же уран плавился примерно при 1800 градусах основной градации, а атомные явления не настолько хорошо нам знакомы, чтобы мы могли особенно красноречиво рассуждать на эту тему. В конце концов, это помещение могло быть насыщено случайной радиацией. Когда металл охладится, он должен быть добросовестно обработан, собран

и внимательно изучен.

Смит огляделся, потом подошел к противоположной стене и недовольно нахмурился, глядя на пятно, находившееся на уровне его плеча.

— Что это? — спросил он у химика. — Оно всегда здесь было?

— Что, сэр? — юноша нервным движением выпрямился и подошел к указанному месту. Это было не пятно, а крошечное сквозное отверстие, проходившее сквозь всю толщу стены, так что через него можно было увидеть дневной свет.

Химик покачал головой.

— Этого я никогда раньше не видел. Но я сюда никогда и не смотрел, сэр.

Доктор Смит ничего не ответил. Он медленно подошел к термостату, коробке в форме параллелепипеда, сделанной из тонкого листа железа. Вода в нем медленно циркулировала по мере того, как взбалтыватель поворачивался с механической монотонностью, а электрические лампочки под водой, служащие нагревателями, вспыхивали и гасли одновременно со щелчками ртутного реле.

— Ну, а это что такое? — И доктор Смит легонько постучал пальцем по пятну на широкой стороне термостата. Его палец указывал на тонкий кру-

жок, словно просверленный в металле. Вода до него не доставала.

Глаза химика округлились.

— Нет, сэр. Этого здесь раньше не было. Готов поклясться.

— Гм… А на другой стороне есть такое?

— Нет, черт побери! Я хотел сказать, есть, сэр.

— Хорошо. Идите сюда и посмотрите сквозь отверстия… Прошу вас, закройте термостат. А теперь встаньте здесь. — Он указал пальцем на отверстие в стене. — Что вы видите?

— Ваш палец, сэр. Он там, где дырка?

Доктор Смит не ответил. Со спокойствием, весьма далеким от того чувства, которое на самом деле испытывал, он сказал:

— Посмотрите в другом направлении. Что вы видите теперь?

— Теперь ничего.

— Но это место, где стоит тигель с ураном. Вы ведь смотрите в верном направлении, не так ли?

— Думаю, так, сэр, — последовал неохотный ответ.

Бросив взгляд на табличку, прикрепленную ко все еще открытой двери, доктор Смит холодно сказал:

— Мистер Дженнигс, то, что здесь происходит,

прошу считать в высшей степени секретным. Я не хочу, чтобы вы говорили об этом с кем-нибудь. Вы меня поняли?

— Конечно, сэр.

— Тогда уйдемте отсюда. Пошлите людей, занимающихся радиацией, проверить место, а сами отправимся в изгнание к медикам!

— Вы хотите сказать — речь идет о радиации? — Химик побледнел.

— Узнаем.

Но серьезных признаков радиоактивного излучения найдено не было. Исследования крови дали положительный результат, излучение корней волос ничего не показало, развивавшаяся тошнота явно носила психосоматический характер. Никаких дополнительных симптомов не было.

Единственным заключением была мысль о том, что атомная физика — странная область и что изучение ее таит в себе неведомые еще опасности.

Однако доктор Смит так никогда и не осмелился изложить всю правду в отчете, составление которого было его непосредственной обязанностью. Он не упомянул о дырах в лаборатории, не упомянул и о том факте, что дыра на месте термостата еще заметна, другая — на одной из сторон

термостата, отличалась большим размером, в то время как третья — на стене, на расстоянии в три раза удаленнее от первой, была такова, что в нее можно просунуть ноготь.

Луч, распространяющийся по прямой, мог бы пропутешествовать несколько миль, прежде чем поверхность Земли отступила бы настолько, чтобы не подвергаться дальнейшим разрушениям. После этого вспышка окунулась бы в пространство, распространяясь и слабея, — странное пятно на ткани космоса.

Смит никогда никому не говорил об этой своей фантазии.

Он никогда никому не говорил о том, что потребовал на следующее утро газеты — он все еще находился в амбулатории — и отыскал известную колонку с определенной целью.

В гигантских метрополисах каждый день исчезает множество людей. И никто не мчится в полицию с криками и несуразной сказкой о том, как на его глазах исчез человек или, может быть, полчеловека неожиданно исчезло. Во всяком случае, ни о чем подобном газеты не сообщали.

И доктор Смит заставил себя забыть все это.

Для Иосифа Шварца все произошло между двумя шагами. Он поднял правую ногу, намереваясь

переступить через куклу, и на мгновение почувствовал головокружение, как будто частица времени закрутилась в водовороте истории и увлекла его за собой.

Когда он вновь поставил правую ногу на землю, дыхание его пресеклось, и он почувствовал, что опускается на траву.

Долгое время он сидел с закрытыми глазами, потом открыл их.

Все было правдой! Он сидел на траве, в том месте, где раньше шел по бетону.

Дома исчезли! Каждый со своей лужайкой, белые дома, стоящие рядами, исчезли!

И сидел он не на лужайке, ибо трава была буйной, нетронутой, а кругом виднелись деревья, много деревьев, уходящих к самому горизонту.

Когда состояние шока прошло, он заметил, что многие листья на деревьях красного цвета, а под его ладонями шуршит и совсем сухая листва. Он был горожанином, но прекрасно отличал осень от лета.

Осень! Однако, когда он приподнял правую ногу, был июльский день, и зелень вокруг сияла свежестью и новизной.

Подумав об этом, он машинально посмотрел на правую ногу и, резко вскрикнув, потянулся

к этому месту… Маленькая тряпичная кукла, через которую он переступил, — маленький знак реальности…

Он перевернул ее дрожащими руками и обнаружил, что она не была целой. Она была не разорвана, а разрезана. Разве это не странно!? Разрезанная вдоль, очень аккуратно, таким образом, что ни одной ниточки не затерялось. Так она и лежала, плоская и неподвижная.

Внимание Шварца привлек блеск на левой туфле. Продолжая сжимать в руках куклу, он подтянул к себе ногу, согнув ее в колене. Верхний слой почвы был срезан очень гладко — ни один земной нож не мог бы повторить подобного среза. Свежая поверхность блестела почти как жидкость — столь неправдоподобной была ее гладкость. Шварца охватило смятение, перешедшее в ужас.

Наконец — поскольку даже звук собственного голоса был чем-то успокаивающим в мире, иначе можно сойти с ума — он заговорил вслух. Голос, который он услышал, был напряженным и как будто задыхающимся.

Он сказал:

— В первую очередь, я не сумасшедший. Я чувствую себя так же, как чувствовал всегда…

Конечно, если бы я был сумасшедшим, я бы этого не знал. Или знал? Нет… — Он ощутил, как в нем нарастает истерическая вспышка, и силой заставил ее улечься. — Должна быть какая-то другая версия.

Он подумал:

«Может быть, сон? А как я могу знать, сон это или нет? — Он ущипнул себя и почувствовал боль, но покачал головой. — Я могу видеть сон, что чувствую боль. Это не доказательство».

В отчаянии он огляделся. Ну, может быть, сон такой ясный, такой детальный и такой продолжительный? Как-то он читал, что большая часть снов длится не более пяти секунд, что они провоцируются мельчайшими раздражителями, действующими на спящего. И что кажущаяся длительность сна — всего лишь иллюзия.

Жестокое утешение? Он подтянул манжеты рубашки и посмотрел на часы. Секундная стрелка вращалась и вращалась. Если это был сон, то он, должно быть, сошел с ума.

Он посмотрел вдаль и машинально провел рукой по лбу, отирая холодный пот.

— Как насчет амнезии?

Он не ответил себе на этот вопрос, но медленно опустил голову и спрятал лицо в ладонях.

Когда он занес ногу над куклой, разум его покинул хорошо проторенный и гладкий путь, каким столь уверенно он шел до сих пор… Если тремя месяцами позже, или десятью годами, он вновь опустил ногу в незнакомом месте, и в это время разум вернулся к нему…

Да, тогда все могло бы показаться одним-единственным шагом… Но где он был и что делал в промежутке?

— Нет! — слово это вылилось в громкий крик. — Невозможно! — Шварц посмотрел на свою рубашку. Она была той же самой, которую он надел сегодня утром или тогда, что казалось сегодняшним утром, и это была свежая рубашка. Он подумал, сунул руку в карман пиджака и вытащил яблоко.

Как безумный, он вонзил в него зубы. Оно было свежим и все еще хранило прохладу холодильника, из которого он достал его двумя часами раньше или в то время, что казалось двумя часами раньше.

А эта маленькая тряпичная кукла, как насчет нее?

Он почувствовал, как быстро устремился вперед. Это должно быть сном, иначе он действительно сошел с ума.

Его поразило, что время дня изменилось. Был уже вечер, по крайней мере тени удлинились. Он вдруг понял, какая полная тишина и спокойствие царили в этом месте. И он проникся еще большей тревогой.

Очевидно, нужно было найти людей, каких угодно людей. И столь же очевидно, нужно было найти дом, а самое лучшее — найти к нему дорогу.

Автоматически он повернулся в том направлении, где деревьев, казалось, было меньше.

Вечерняя прохлада легким ознобом проникла под пиджак. Он пошел к прямой и безлюдной щебеночной полосе и устремился по ней с невыразимым облегчением, чувствуя под ногами твердую поверхность.

Вокруг царила абсолютная пустота, и на мгновение холод вновь охватил его. Он надеялся увидеть машины. Было бы легче легкого помахать рукой и сказать — он даже произнес это вслух:

— Вы, случайно, не в сторону Чикаго?

А что, если он был не около Чикаго? Что ж, любой большой город, любое место дали бы ему возможность для телефонной связи. В его кармане лежало всего лишь четыре доллара 27

центов, но ведь везде есть полиция.

Никаких машин, ничего! А темнота становилась все гуще.

Он все шел и шел по шоссе, прямо по его середине, и все время озирался вокруг. Заход солнца остался им незамеченным, как и появление звезд.

Он решил, что к нему вновь вернулось состояние неясности, потому что горизонт слегка замерцал. Между деревьями было видно холодное голубое небо. И щебенка под его ногами, казалось, слабо искрилась. Он наклонился и потрогал ее.

… Он ощутил себя мчащимся по шоссе. Из-под ног его доносились громкие аритмичные и шероховатые звуки. Он сознавал, что почему-то еще несет поврежденную куклу, и швырнул ее через голову.

Гнусное, издевательское воспоминание о жизни…

А потом он в панике остановился. Каким бы воспоминание ни было, оно служило доказательством его психического здоровья. А он в нем нуждался! Поэтому он вернулся назад, к исходному месту, и, опустившись на колени, искал куклу до тех пор, пока не нашел ее.

И снова шел, слишком несчастный для того, чтобы бежать (так он определил свое состояние).

Он проголодался и был испуган, по-настоящему испуган, когда увидел справа от себя свет.

Конечно, дом!

Он дико закричал, но никто ему не ответил. Однако это был дом, искорка реальности, подмигивающая ему сквозь ужасную безымянную пустоту последних часов. Он свернул с дороги и устремился напрямик, сквозь кусты.

Странная вещь! Даже ручей слабо светился — фосфоресцировал! Но он отметил это лишь каким-то уголком зрения.

И вот он уже рядом с домом, может пощупать рукой его твердое белое тело. То были не кирпич, не камень, не дерево, но он не обратил на это внимания. Вещество, похожее на простой крепкий фарфор, но ему было все равно. Он лишь смотрел на дверь, а потом подошел к ней и увидел, что никакого звонка нет, и принялся стучать в нее и орать, как демон.

Он услышал возню за ней, прекраснейший звук человеческого голоса, и закричал:

— Эй, сюда!

Раздался слабый ровный звук, и дверь отворилась. Появилась женщина. В глазах ее мерцала

искорка тревоги. Она была высокая и худая, а за ней маячила фигура мужчины с суровым лицом в рабочей одежде… Нет, не в рабочей одежде… Собственно, одежда мужчины не была похожа на что-либо, виденное Шварцем раньше, но каким-то непонятным образом чувствовалось, что это — одежда, в которой человек работает.

Но Шварц не был аналитиком. Для него и рабочие и их одежда были прекрасными настолько, насколько может быть прекрасным лишь то, что касается друзей.

Женщина заговорила, и голос ее звучал мелодично, но властно, и Шварц ухватился за дверь, чтобы не упасть. Губы его беззвучно шевелились, и мгновенно, все прошлые страхи вернулись к нему с удвоенной силой и стиснули его сердце.

Ибо женщина заговорила на языке, которого Шварц никогда не слышал.

Глава 2
Избавление от незнакомца

Прохладным вечером Лоа Марен и ее флегматичный муж Арбен играли в карты; старый человек, сидящий в углу в кресле на колесиках, сердито зашелестел газетой.

— Арбен! — позвал он.

Арбен Марен ответил не сразу. Постукивая пальцем по гладкому прямоугольнику стола, он обдумывал следующий ход. Потом, приняв решение, рассеянно отозвался:

— Чего тебе, Грю?

Седой Грю бросил на своего зятя яростный взгляд поверх газеты и вновь зашелестел ею. Шум подобного рода действовал на его нервы самым благотворным образом. Когда человек, переполненный энергией, вынужден безотлучно находиться в кресле на колесах — у него вместо ног были две бесчувственные палки, должно же быть нечто такое, клянусь космосом, что помогало бы ему хоть как-то выразить свои чувства. Грю использовал для этого газеты. Он шелестел ими, жестикулировал, а в случае крайней необходи-

мости и хлестал ими по вещам.

Повсюду, кроме Земли, как было известно Грю, использовались машины теленовостей, прокручивающие мотки микропленки с текущими новостями. Для чтения выпускались стандартные книговизоры. Но Грю молча презирал подобный обычай.

Он сказал:

— Ты читал насчет археологической экспедиции, которую посылают на Землю?

— Нет, не читал, — спокойно ответил Арбен.

Грю и так это знал, поскольку никто, кроме него, газет еще не видел, а от видео семья отказалась в прошлом году. Однако этот его вопрос являлся обычным первым ходом начинающейся партии в разговоре.

Он сказал:

— Ну, так вот, одна уже в пути. И, с имперского соизволения, как вам это нравится? — Он начал читать с той странной неестественной интонацией, какой большинство людей автоматически сопровождают чтение вслух:

— Бел Алварден, старший научный сотрудник Имперского Археологического института, в интервью, данном Галактик-пресс, выразил надежду на ожидаемые ценные результаты ар-

хеологических излучений, которые планируется провести на планете Земля, расположенной на окраине сектора Сириус. «Земля, — заявил он, — с ее архаической цивилизацией и единственным в своем роде окружением, являет собой причудливую культуру, на которую наши ученые-социологи слишком долгое время не обращали внимания, если не считать трудностей в объяснении с местным правительством. Я очень надеюсь на то, что следующие год-два принесут коренные изменения в некоторых наших фундаментальных концепциях относительно социальной эволюции и человеческой истории». И так далее и тому подобное, — закончил он.

Арбен Марен слушал его всего лишь в пол-уха. Он пробормотал:

— Что он имеет в виду под словами «причудливая культура»?

Лоа Марен не слушала вообще. Она просто сказала:

— Твой ход, Арбен.

Грю продолжал:

— Ну, так вы не собираетесь спросить меня о том, почему «Трибуна» это напечатала. Вы же знаете, что она не перепечатывает сообщений Галактик-пресс, заплати ей даже миллион импер-

ских кредитов, если на то нет стоящей причины.

Он напрасно ждал ответа, потом сказал:

— Потому что она сделала из этого передовицу. Полновесную передовицу, вышибающую дух из этого парня, Алвардена. Это тот самый парень, который хочет приехать сюда с научными целями, и они пыжатся до красноты, чтобы ему помешать. Вы только посмотрите на эту дурацкую болтовню, только посмотрите! — Он потрясал перед ними газетой. — Почитайте, почитайте!

Лоа Марен отложила карты и твердо сжала тонкие губы.

— Отец, — сказала она, — у нас был трудный день, так что давай пока оставим политику в покое. Может быть, попозже, а? Прошу тебя, отец.

Грю нахмурился и передразнил:

— «Прошу тебя, отец». А мне кажется, что ты просто устала от твоего старого отца, если скупишься ради него на несколько слов о последних событиях. Я так думаю, что стою у тебя на пути, сидя здесь, в углу, и позволяя вам двоим работать за троих… Чья это вина? Я силен и хочу работать. И вы знаете, что я мог бы вылечить свои ноги и стать таким же бодрым, как и раньше.

Говоря это, он топал деревяшками, топал сильно и энергично. Он слышал этот топот, но ног не

чувствовал.

— Единственная причина, по которой я не могу этого сделать, — в том, что я становлюсь слишком старым и мое лечение невыгодно для них. Так вы называете это причудой «причудливой культуры»? Как еще можно назвать мир, в котором человеку не позволяют работать, когда он вполне может? Клянусь космосом, я думаю, что пришло самое время остановить всю эту чушь насчет так называемого «своеобразного устройства». Оно не своеобразное — оно просто свихнувшееся! Я думаю…

Он размахивал руками, и его сердитое лицо налилось краской.

Арбен встал со стула, и его тяжелая рука легла на плечо старика. Он сказал:

— Ну к чему так расстраиваться, Грю? Когда ты покончишь с газетой, я прочту передовицу.

— Конечно, но ты с нею согласишься. Какая от этого польза? Вы, молодые, просто стадо молокососов, просто резиновые губки в руках Древних.

Лоа быстро проговорила:

— Тише…

Некоторое время она сидела, прислушиваясь. Она не могла толком объяснить — почему, но…

Арбен ощутил легкий озноб, так было всегда,

когда упоминалось общество Древних: просто небезопасно говорить, как Грю, насмехаться над современной земной культурой…

Что ж, таков обычай. Да, мир был уродлив, если честно заглянуть в собственные мысли.

Конечно, в дни юности Грю существовало много болтовни о забытых старых путях, но настали другие времена. Грю следовало бы это знать. И он, возможно, знал, но только нелегко было быть благоразумным, следовать здравому смыслу, когда сидишь в тюрьме на колесиках и ждешь, считая дни до наступления следующего ценза.

Вероятно, страсти еще бушевали в груди Грю, но он ничего не сказал. И по мере того, как текли минуты, он становился все спокойнее и взгляд его со все большим трудом сосредотачивался на нужном месте в газете. Он не успел еще дойти до спортивной страницы и критических заметок, когда голова его медленно опустилась на грудь. Он тихонько засопел.

Потом Лоа с беспокойством в голосе зашептала:

— Может быть, мы недостаточно добры к нему, Арбен. Для такого человека, как отец, подобная жизнь ужасно тяжела. По сравнению с той жизнью, какую он вел раньше, он, можно считать,

просто мертвый.

— Ну, ничего не может быть похоже на смерть. У него есть газеты, есть книги. Так пусть так и будет! Небольшие возбуждения, подобные таким спорам, ему только на пользу. Теперь несколько дней хорошее настроение будет помогать ему жить.

Арбен вновь было задумался над своими картами, когда послышался стук, сопровождаемый хриплым криком. Слов разобрать было невозможно.

Рука Арбена дернулась и остановилась. Глаза Лоа наполнились страхом, она посмотрела на мужа, ее нижняя губа дрожала.

Арбен сказал:

— Увези отсюда Грю. Быстро!

Он не успел еще договорить, как Лоа оказалась возле кресла. Она успокаивающе пощелкивала языком.

Но спящий человек шевельнулся, вздрогнул, и голос его никак нельзя было назвать шепотом.

— Ш-ш-ш… Все в порядке, — прошептала Лоа и покатила стул в соседнюю комнату. Она закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Стук повторился.

Открывая дверь, они держались рядом, как

будто готовые к защите, и просто излучали враждебность, когда оказались лицом к лицу с невысоким полным человеком, глядящим на них со слабой улыбкой.

Лоа сказала:

— Что мы можем для вас сделать? — С церемонной сдержанностью она отшатнулась назад, так как человек охнул и схватился за дверь, чтобы не упасть.

— Он болен? — удивленно проговорил Арбен. — Ну-ка помоги мне втащить его в дом.

Прошли часы в тишине их спальни. Лоа и Арбен медленно готовились ко сну.

— Арбен… — произнесла Лоа.

— В чем дело?

— Это не опасно?

— Опасно? — Он, казалось, намеренно не хотел понимать смысла ее слов.

— Я имею в виду, держать этого человека в доме. Кто он?

— Откуда мне знать? — последовал раздраженный ответ. — Мы не можем отказать в убежище больному человеку. Завтра, если личность его окажется неизвестной, мы проинформируем региональный Отдел Безопасности, и дело с концом. — Он отвернулся с явным намерением

закончить этот разговор.

Но его жена нарушила молчание, и на этот раз ее тонкий голос был более решительным.

— Ты думаешь, он может быть агентом Общества Древних, а? Ведь есть же такие, как Грю, как тебе известно.

— Ты хочешь сказать, из-за того, что он наговорил сегодня вечером? Такое предположение превышает границы разумного. Я даже спорить с тобой не хочу.

— Я не это имею в виду, и ты прекрасно это знаешь. Я имею в виду то, что мы держим нелегально Грю уже два года, и ты знаешь, что мы нарушаем этим самым серьезный обычай.

Арбен пробормотал:

— Ничего мы не нарушаем. Мы же выполняем свою долю, не так ли? Даже если нам приходится рассчитывать на троих работников. А если это так, то почему они должны что-то подозревать? Мы ведь его даже из дома не выпускаем.

— Они могли проследить за креслом с колесиками. Тебе бы следовало купить мотор на стороне.

— Не начинай, пожалуйста, все сначала. Я много раз объяснял тебе, что ничего я такого не покупал, кроме стандартного кухонного оборудования для этого кресла. Кроме того, просто бес-

смысленно думать, будто он может быть агентом Братства. Неужели ты думаешь, что они пошли на такую хитрость ради несчастного старика, прикованного к креслу? Разве не явились бы они прямо днем и не предъявили бы законный ордер на обыск? Прошу тебя, будь благоразумной.

— Ну что ж, Арбен… — Глаза ее вдруг сделались яркими, и тревога покинула их. — Если ты действительно думаешь… я надеюсь, что это правда… тогда он должен быть пришельцем извне. Он не может быть землянином.

— Что ты хочешь сказать этим «не может»? Еще более смехотворное предположение. Зачем человеку из Империи являться именно сюда, на Землю?

— Не знаю, зачем! Хотя нет, знаю: может быть, он совершил преступление. — Собственная фантазия захватила ее. — Почему бы и нет? Это имеет смысл, Земля была бы естественным местом для укрытия. Кто бы подумал искать его здесь?

— Если он пришелец извне… А какие у тебя есть основания так думать?

— Он ведь не знает языка, правда? Уж в этом можешь мне поверить. А ты смог что-нибудь понять? Так что он, должно быть, явился из самого удаленного уголка Галактики, который отлича-

ется странным диалектом. Говорят, что люди с Фомальгаута постоянно упражняются в новом языке, чтобы быть понятыми при имперском дворе на Транторе… Но неужели ты не понимаешь, что все это означает? Если он чужой на Земле, то у него нет регистрации в Цензорном отделе, и он с радостью избежит этого отчета. Мы сможем использовать его на форсе вместо отца, и снова нас будет трое, а не двое, чтобы получить тройную долю в следующем году… Сейчас он даже смог бы помочь нам с жатвой.

Она с беспокойством посмотрела на мужа — лицо его хранило выражение неуверенности. Он долго молчал, потом сказал:

— Ладно, идем-ка спать, Лоа. Поговорим завтра, при дневном свете, когда все покажется более разумным.

Шептания прекратились, свет погас, и сон вошел в комнаты дома.

На следующее утро Грю сказал:

— Ваши неприятности, Арбен, конечно же, обязаны тому факту, что я зарегистрирован как рабочий, так что доля продукции рассчитывается из числа трех. Я устал причинять вам неприятности. Вот уже два года, как я живу дольше положенного времени. И довольно.

Арбен пришел в замешательство.

— Да нет, речь совсем не об этом. Я вовсе не намекал, что ты причиняешь нам неприятности.

— Но, в конце концов, какая разница? Через два года появится Цензор, и мне все равно нужно — будет уйти.

— По крайней мере у тебя будет еще два года книг и отдыха. Зачем от этого отказываться?

— Потому что другие отказываются. А как насчет тебя и Лоа? Когда они придут за мной, то и вас тоже заберут. Каким же нужно быть человеком, чтобы прожить два паршивых года за счет…

— Прекрати, Грю. Мне не нужны причитания. Мы много раз говорили тебе, что собираемся сделать. Мы заявим о тебе за две недели до Цензора.

— И обманете доктора, я полагаю?

— Мы подкупим доктора.

— Гм… А этот новый человек… он удвоит вину. Вы и его собираетесь скрывать.

— Мы его освободим. Ради Космоса, зачем беспокоиться об этом сейчас? У нас еще есть два года. Что мы с ним будем делать?

— Чужак, — пробормотал Грю. — Он пришел и стал стучать в дверь. Он из ниоткуда. Он говорит так, что ничего нельзя понять… Не знаю, что и посоветовать.

Фермер сказал:

— Он действует как безумный. Он как будто до смерти напуган. Он не может причинить нам зла.

— Напуган, а? А что, если он слабоумный? Что, если его бормотание вовсе не иностранный диалект, а болтовня безумца?

— Вряд ли такое возможно, — сказал Арбен, однако тревожно пошевелился.

— Ты говоришь так, потому что хотел бы его использовать… Ладно, я скажу тебе, что делать. Забери его в город.

— В Чину? — Арбен был в ужасе. — Это бы все испортило.

— Вовсе нет, — спокойно ответил Грю. — Беда с нами, вы не читаете газет. К счастью для этой семьи, и их читаю. Случилось так, что Институт Атомных Исследований придумал прибор, который должен облегчить для людей процесс обучения. В воскресном «Спилммент» была целая страница об этом. И им нужны добровольцы. Возьми этого человека. Пусть он будет добровольцем.

Арбен решительно покачал головой.

— Ты с ума сошел. Я не могу сделать ничего подобного, Грю. Прежде всего они спросят о его

регистрационном номере. То, что его нет, только наведет на подозрения и заставит провести дальнейшее расследование. И они обнаружат тебя.

— Нет, не обнаружат. Вы все ошибаетесь, Арбен. Причина, по какой институту нужны люди, в том, что машина для их обучения — пока что эксперимент. Возможно, она убила нескольких людей, поэтому я уверен, что вопросов не будет. А если чужак умрет, то его отсутствие, возможно, будет не большим, чем сейчас… Ну-ка, Арбен, дай-ка мне ручной проектор и поставь отметку на бобину шесть. И принеси мне газету, как только она придет. Хорошо?

Когда Шварц открыл глаза, было за полдень. Он ощутил будоражащую сердце боль от того, что жены нет рядом и она не будит его, — знакомый мир потерян…

Однажды, раньше, он уже испытывал подобную боль. И воспоминание о ней захватило мозг, сделав реальной давно забытую сцену. Вот он сам, молодой, стоит у заснеженной деревни… приближаются сани… в конце его путешествия будет поезд… а потом огромный корабль…

Всепоглощающий огромный страх потери знакомого мира, страх, который некогда охватывал его, двадцатилетнего, эмигрирующего в

Америку.

Ощущение было слишком реальным. Оно не могло быть сном.

Он вскочил, так как свет за дверью мигнул и погас, а затем прозвучал баритон непонятно что говорившего его хозяина. Потом дверь открылась и появился завтрак — овсяная каша. Он не узнал ее по виду, но вкус был похожим. И молоко.

Он сказал:

— Спасибо, — и энергично кивнул головой.

Фермер проговорил что-то в ответ и взял рубашку Шварца со спинки стула. Он тщательно изучил ее, обратив особое внимание на пуговицы. Потом вернул ее на место и отвел в сторону скользящую дверь стенного шкафа. Шварц в первый раз обратил внимание на теплое молочное свечение стен.

— Пластик, — пробормотал он сам себе, используя это многозначительное слово со всегдашней уверенностью неспециалиста. Потом он заметил, что в комнате нет углов, — стены переходили одна в другую плавными кривыми плоскостями.

Но другой человек держал перед ним предметы и делал жесты, смысл которых не оставлял сомнения. Шварц явно должен был вымыться и переодеться.

Он повиновался. Только он не нашел ничего такого, чем можно было бы побриться, и не сумел облечь свое желание в более вразумительную форму. Шварц поскреб седую щетину пальцами и продолжительно вздохнул.

Его отвели к маленькой вытянутой двухколесной машине и жестами велели залезть в нее. Земля под ним покачнулась, и пустая дорога побежала мимо в обоих направлениях и бежала до тех пор, пока низкие сверкающие белые здания не возникли перед ним, а и ними, еще дальше — сверкающая голубая вода.

Он указал вперед.

— Чикаго?

Но последняя надежда, еще тлевшая в его душе, теперь угасла, ибо он, конечно же, не видел ничего, что напоминало бы этот город.

Фермер ничего не ответил.

И это был конец.

Глава 3
Один мир — или много?

Бел Алварден, еще не остывший от интервью, которое он давал газетчикам по случаю его предстоящей экспедиции на Землю, чувствовал себя в состоянии полного мира с сотнями миллионов звездных систем, составляющих необъятную Галактическую Империю. Известность его в том или ином секторе была бесспорной. Пусть только подтвердится его теория относительно Земли, и репутация его на каждой населенной планете Млечного Пути станет просто незыблемой.

Возможность известности и озарения, сопровождающие оригинальные научные открытия, пришли к нему очень рано. Но путь его в науке был нелегким. Он едва достиг тридцатипятилетнего возраста, как на пути его встали серьезные трудности.

Все началось со взрыва, прогрохотавшего в холлах Арктурского Университета, когда он был выпущен из института со званием старшего археолога в несолидном возрасте двадцати трех лет. Взрыв — не менее эффективный из-за своей

нематериальности — состоял в приказе «Журнала Галактического Археологического Общества» об отказе печатать его диссертацию. То был первый случай, когда подобный солидный научный журнал отклонил диссертацию в таких резких выражениях.

Для неархеолога причина для столь сильного гнева, направленного против маленькой сухой работы под названием «Взгляд на античный период раннего Сектора Сириус с учетом теории влияния радиации на происхождение человека», могла бы показаться таинственной. На самом же деле здесь сыграло роль то обстоятельство, что Алварден с самого начала одобрительно отнесся, приняв ее потом за собственную отправную точку, к гипотезе, выдвинутой ранее группой мистиков, имеющих большее отношение к метафизике, чем к археологии.

Гипотеза заключалась в том, что человечество зародилось на одной определенной планете, а потом распространилось по всей Галактике. Это была излюбленная теория писателей-фантастов того времени и «паршивая овца» для каждого уважающего себя археолога Империи.

Но Алварден со временем сделался силой, почитаемой даже самыми уважаемыми специа-

листами, ибо и течение последующих десяти лет он стал признанным авторитетом в выявлении останков проимперских культур, все еще находящихся в затерянных уголках Галактики.

Например, он написал монографию о механической цивилизации Сектора Ригель, где развитие роботехники создало отдельную культуру, главенствующую столетия, пока совершенство металлических роботов не низвело инициативу людей до такого плачевного состояния, что энергично действующий флот военного повелителя Морея легко смог взять контроль над ними. Ортодоксальная археология настаивала на независимой эволюции человеческого типа на различных планетах и использовала такие антиподные культуры, как, например, на Ригеле, чтобы показать все еще существующую несглаженность расовых различий, несмотря на многолетнее сближение культур. Алварден эффективно разрушил подобные концепции, показав, что ригельская роботехника и роботехническая культура были ничем иным, как детищем экономических и социальных сил своего места и времени.

Далее. Существовали варварские миры Офиучуса, которые ортодоксальное учение классифици-

ровало как образцы примитивного человечества, не поднявшегося еще до стадии межзвездных путешествий.

Каждый учебник использовал эти миры в качестве лучшего доказательства теории Мержеба, то есть того, что человечество является естественной вершиной эволюции любого мира, основанного на водно-кислородной химии с определенной интенсивностью температуры и гравитации, того, что каждый независимый виток в развитии человечества на одной планете может влиять на жизнь другой планеты, того, что с началом межзвездных перелетов такое влияние имело место.

Алварден тем не менее открыл следы ранней цивилизации, предшествовавшей эпохе офиучусанского варварства тысячелетней давности, показал, что эти ранние данные несут в себе следы межзвездных путешествий. Заключительным аккордом явился вывод ученого о том, что Человек мигрировал по Галактике, согласно новой теории, в уже цивилизованном состоянии.

Именно после этого «Ж. Г. А. О.» (таково было профессиональное сокращенное названия журнала) решил напечатать диссертацию Алвардена, написанную им десять лет назад.

А теперь разработка любимой теории привела Алвардена на планету, возможно, наименее значительную в Империи, — на Землю.

Алварден приземлился на том единственном участке Земли, что принадлежал Империи. Он был расположен на высоком плато к северу от Гималаев. Здесь, где радиоактивности не было ни теперь, ни раньше, сохранилось сооружение, не имеющее никакого отношения к земной архитектуре. По сути дела оно было копией вице-королевского дворца, детища более удачливых миров. Для комфорта на плато была сотворена мягкая пышная почва.

Стоимость энергии, затраченной на преобразование плато, была ужасающей по земным масштабам, но являлась мизерной для соответственных ресурсов десятков миллионов планет, чье число постоянно увеличивалось. (Было вычислено, что в 827 год галактической эры в среднем 50 новых планет каждый день достигали достоинства провинциального статуса, а подобного положения можно добиться при условии, что население планеты составляло не менее пяти миллионов.)

В этом месте на Земле правил Прокуратор Земли. И иногда, среди искусственной роскоши, он

мог забыть о том, что был Прокуратором всего лишь крысиной норы, но всегда помнил, что он аристократ, происходивший из не очень древней, но пользовавшейся большим уважением семьи.

Его жена, пожалуй, гораздо реже Подвергалась подобному заблуждению, особенно в те моменты, когда, поднявшись на поросший травой холм, она могла видеть на расстоянии резкую, неровную линию, отделявшую эту область от яростной дикости Земли. И тогда ни цветные фонтаны, люминесцирующие в темноте с помощью холодного жидкого пламени, ни идиллические рощи не могли соперничать с сознанием того, что это окраина.

Так что, возможно, Алварден был принят здесь более тепло, чем мог на то рассчитывать. В конце концов, для Прокуратора Алварден был дыханием Империи, космоса, свободы.

А Алварден, в свою очередь, нашел здесь много такого, чем можно было восхищаться.

Он сказал:

— Хорошо сделано, и со вкусом. Удивительно, что дыхание центральной культуры достигает даже таких отдаленных уголков, как этот, лорд Энниус.

Энниус улыбнулся.

— Боюсь, что гораздо приятнее посещать здешний прокураторский дом, чем жить в нем. Он — не более, как пустая оболочка, приятно позванивающая от прикосновения к нему. Подумайте о том, что мы располагаем здесь только такими случайными гостями, как вы, и это все, что может дать нам центральная культура. Думаю, этого едва ли достаточно.

Они сидели в беседке, наблюдая за уходящим солнцем, окрашивающим горизонт в пурпур. Воздух был тяжелым от запахов цветов и трав, и казалось, что любое движение в нем может быть сделано только с усилием.

Конечно же, для Прокуратора было неудобно выказывать слишком большое любопытство относительно намерений гостя, но следовало ведь принимать во внимание изолированность этого мира от всей Империи.

Энниус сказал:

— Вы планируете остаться здесь на некоторое время, доктор Алварден?

— На этот вопрос, лорд Энниус, мне трудно ответить с точностью. Я прибыл раньше остальных членов экспедиции с тем, чтобы самому ознакомиться с Землей, с ее культурой и выполнить необходимые формальности. Например, я дол-

жен получить от вас официальное разрешение на разбивку лагеря в необходимых местах, и тому подобное.

— О, конечно, конечно! Но когда вы начнете раскопки, что, собственно, вы ожидаете найти на этой жалкой горстке булыжников?

— Я надеюсь, все пойдет хорошо и мы сможем основать лагерь через несколько месяцев. Что же касается этого мира… должен сказать, это что угодно, но только не несчастная горстка булыжников. Он — единственный в своем роде во всей Галактике.

— Единственный? — недоверчиво переспросил Прокуратор. — Вовсе нет! Это очень обычный мир. Его можно было бы назвать хлевом мира или ужасной дырой мира, или другими малоэстетичными определениями, какие только можно придумать. Однако, при всей своей великолепной тошнотворности, он не может достичь некоей оригинальности в своей грубости и остается обычным грубым и примитивным миром.

— Но, — сказал Алварден, несколько озадаченный тоном, каким говорил Прокуратор, — этот мир радиоактивен.

— Ну и что? Несколько тысяч планет в Галактике радиоактивны, и некоторые из них

значительно больше, чем Земля.

Именно в этот момент их внимание привлек передвижной бар. Он остановился на расстоянии вытянутой руки от них.

Энниус кивнул в сторону бара и спросил:

— Что вы предпочитаете?

— У меня нет особого любимого напитка. Может быть, лимонный коктейль.

— Пожалуйста. Бар имеет все ингредиенты. С пепси или без?

— Лишь чуть-чуть, — ответил Алварден, коснувшись ногтем большого пальца верха указательного.

— Подождем немного.

В глубинах бара — возможно, самого популярного предмета из изобретений человеческого гения — пришел в движение смеситель, оперирующий не долями, а атомами жидкостей, вес которых каждый раз оказывался безупречным. Ни один человек не смог бы достичь подобной точности.

Откуда-то появились высокие бокалы, как будто они только и ждали этого момента. Алварден взял зеленый, коснулся им щеки и ощутил его холод. Потом он поднес бокал к губам и сделал глоток.

— Превосходно, — сказал он. — Тысячи радиоактивных планет, Прокуратор, именно таковы, как вы сказали, но только именно одна из них заселена — эта.

— Ну… — Энниус отпил из собственного бокала и, казалось, утерял часть своей резкости. — Возможно, на такой взгляд он единственный мир. Но отличие это не слишком значительно.

— Но речь идет не просто о вопросе статической универсальности, — осторожно продолжал Алварден. — Дело гораздо серьезнее: здесь таятся огромные возможности. Биологи доказали, или заявляют, что доказали, что на планетах с радиоактивностью в атмосфере и океанах, интенсивность которой превышает определенный уровень, жизнь развиться не может… Радиоактивность Земли превышает этот уровень.

— Интересно. Я этого не знал. Думаю, именно поэтому жизнь Земли так фундаментально отличается от жизни остальной части Галактики… Вас бы это устроило, поскольку вы с Сириуса.

Замечание, казалось, доставило ему сардоническое удовольствие, и он продолжал с доверительностью в голосе:

— Знаете ли вы, что самое большое затруднение из тех, что мешают управлению на этой планете,

состоит в нахождении общего языка с обширной армией антиземлян, которая распространяет свое влияние в секторе Сириуса? И части землян, в свою очередь, передается антиземное чувство. Я не говорю, конечно, что антиземляне не существуют на других частях Галактики, но не в таком количестве, как на Сириусе.

Ответ Алвардена был нетерпеливым и напористым.

— Лорд Энниус, я протестую против какой бы то ни было причастности. Как человек, я обладаю столь малой долей нетерпимости, которая только возможна. Согласно моей теории, я верю в единство человечества, а оно включает даже Землю. И основа всей жизни — едина. Она базируется на протеиновых соединениях и коллоидной дисперсии, которую мы называем протоплазмой. Действие радиоактивности, о которой я только что говорил, не относится просто к каким-то формам любой жизни. Оно относится ко всей жизни, поскольку базируется на квантовой механике протеиновых молекул. Это касается вас, меня, землян и других. Видите ли, протеин, о чем мне, возможно, и не нужно вам говорить, представляет собой невероятно сложные группы аминокислот и некоторых других особых соеди-

нений, собранных в запутанные группы, столь же нестабильные, как лучи солнца в дождливый день. И именно эта нестабильность и является жизнью, ибо она вечно изменяет свое положение в усилии достичь единства — по типу того, как длинный прут балансирует на носу акробата. Но прежде чем возникает жизнь, великолепное соединение протеин должно возникнуть из неорганических веществ. Итак, в самом начале под влиянием энергии солнечной радиации на огромные резервуары растворов, называемых нами океанами, органические молекулы постепенно усложняются в своем строении от метана к формированию формальдегида и протеина в другом направлении. Конечно, это вопрос удачи, займут ли подобные процессы миллионы лет или же только сотни. Конечно, гораздо более вероятным является первый вариант. Но может случиться так, что этот процесс вообще окажется бесконечным. Химики, занимающиеся органикой, с большой точностью воссоздавали всю цепь вовлеченных в процесс реакций, практически выстроили энергетическую цепь, ведь деятельность каждого атома непрерывно связана с энергетическими процессами. Теперь уже не подлежит никакому сомнению, что некоторые

критические шаги в построении жизни зависят от отсутствия энергии радиации. Прокуратор, я могу только сказать, что протеиновая химия (химия, изучающая реакции, побуждаемые лучевой энергией) является хорошо развитой отраслью науки и имеется огромное число очень простых реакций, которые могут пойти в одном или двух совершенно разных направлениях в зависимости от того, будут ли они происходить в присутствии или отсутствии кванта энергии света. В обычных мирах солнце является единственным источником лучевой энергии или, по крайней мере, главным ее источником. Под прикрытием облаков или ночью угольные или нитрогенные составы влияют на образец, ставший возможным благодаря отсутствию тех маленьких сгустков энергии, которые испускает в их среду солнце — как кипящие шарики среди бесконечного числа малых кеглей. Но и мирах радиоактивных, независимо от того, есть ли солнце или нет, каждая капелька воды — даже глубокой ночью, даже в пяти милях под землей — пронизывается стрелами гамма-лучей, побуждающих к тому, чтобы ключевые реакции проходили только определенным путем, путем, конечным пунктом которого никогда не бывает жизнь.

Бокал Алвардена опустел. Он поставил его на бар. Тот мгновенно исчез в особом отделении, где был вымыт, стерилизован и подготовлен для следующего напитка.

— Еще порцию? — спросил Энниус.

— Лучше после обеда, — ответил Алварден. — Мне пока хватит.

Энниус постучал ногтем указательного пальца по ручке кресла и сказал:

— Вы описали этот процесс самым завораживающим образом, но если все так, как вы говорите, то как же тогда насчет жизни на Земле? Как развилась она?

— А, вот видите, даже вы начинаете интересоваться. Но ответ, я думаю, прост. Радиоактивность, при условии, что количество ее не избыточно, все же необязательно должна уничтожать уже сформировавшуюся жизнь. Она может ее изменить, но, если не считать отдельных процессов, она ее не уничтожит…

— Я не улавливаю значимости всего этого, — сказал Энниус.

— Разве она не очевидна? Жизнь на Земле возникла раньше, чем планета стала радиоактивной. Дорогой мой Прокуратор, это единственно возможное объяснение, позволяющее ни отри-

цать факта жизни на Земле, ни перечеркивать достигнутое наукой.

Энниус посмотрел на своего собеседника с недоумением и недоверием.

— Но вы же не можете утверждать это всерьез.

— Почему же?

— Как может мир стать радиоактивным? Жизнь радиоактивных элементов в окружении планеты исчисляется миллионами лет. Я изучал это, по крайней мере во время моей университетской карьеры и даже на подготовительных курсах. Они должны были существовать в бесконечном прошлом.

— Да, но имеется такое явление, как искусственная радиоактивность, лорд Энниус, даже в большом масштабе. Имеются тысячи водородных реакций значительной энергии, способные создать все виды радиоактивных изотопов. Что ж, если мы предположим, что человеческие существа могли использовать определенный вид водородных реакций в промышленности без должного контроля или даже в военных действиях — если только вы сможете вообразить себе нечто, подобное войне, ведущейся на одной планете, — то большая часть верхней поверхности почвы могла бы, конечно же, быть видоизменена

в искусственные радиоактивные материалы. Что вы на это скажете?

Солнце окрасило в кровавый цвет горы, и худое лицо Энниуса тоже сделалось красноватым.

Энниус сказал:

— Для меня все это звучит очень затейливо. Во-первых, я не могу понять, как можно использовать водородные реакции в войне или позволить им выйти из-под контроля в такой степени…

— Естественно, лорд, вы тяготеете к взгляду на водородные реакции с позиции вашей сегодняшней жизни, когда их так легко взять под контроль. Но что, если некто — какая-нибудь армия использовала подобное оружие раньше, чем была изобретена система защиты? Это похоже на использование фугасных бомб до того, как кто-либо узнал, что вода или песок могут совладать с огнем.

— Гм… — сказал Энниус. — Вы говорите, как Шент.

— Кто это — Шент? — Алварден быстро поднял голову.

— Один землянин. Один из немногих честных — я хочу сказать, один из тех, о ком можно говорить, что это джентльмен. Он физик. Однажды он сказал мне, что Земля не всегда могла быть

радиоактивной.

— А… Да, это нельзя назвать необычным, поскольку теория, конечно же, не придумана мною. Она является частью «Книги Древних», которая содержит традиционные мифические истории о доисторической Земле. Просто я использую для объяснения несколько иную фразеологию.

— «Книга Древних»?.. — У Энниуса был удивленный вид, удивленный и несколько расстроенный. — Где вы ее достали?

— Здесь и там. Это было нелегко, и мне удалось получить лишь разрозненные части. Конечно, вся эта традиционная информация относительно нерадиоактивности, пусть она даже не имеет ничего общего с научными положениями, важна для моего проекта… А почему вы спрашиваете?

— Потому что эта книга является священным текстом радикальной секты землян. Она запрещена для людей извне. Они не должны читать ее. Я бы не стал распространяться о том, что вы ее прочли, находясь здесь. Неземлянин может быть подвергнут линчеванию и за более мелкий проступок.

— Вы говорите так, как будто имперская полиция здесь бессильна.

— Когда речь идет о святотатстве — да, доктор

Алварден!

— Полагаю, пришло время обеда. Не присоединитесь ли вы ко мне, лорд, и не разделите ли со мной то, что может дать вам ощущение Империи на Земле?

Случаи для приготовления изысканных блюд предоставляются нечасто. Любой предлог, даже самый незначительный, поэтому не упускался. Блюд было много, окружение — великолепное, мужчины прекрасно одеты, женщины — очаровательны. И, нужно добавить, доктор Алварден из Баронна, Сириус, никоим образом не ударил в грязь лицом.

Алварден господствовал за обедом, и во второй половине банкета повторил присутствующим большую часть из того, что он сказал Энниусу, однако здесь его исторический экскурс имел не такой большой успех.

Цветущий джентльмен в форме полковника наклонился к нему и проговорил с уверенностью кадрового военного:

— Если я правильно понял вас, доктор Алварден, вы пытаетесь объяснить нам, что эти негодяи с Земли представляют собой древнюю расу, которая когда-то была началом всего человечества?

— Я бы не стал, пожалуй, облекать свое предпо-

ложение в столь уверенную форму, полковник, но, думаю, имеются некоторые возможности к тому, что все это именно так. Я надеюсь, через год смогу располагать определенной аргументацией.

— Если вы обнаружите, что это так, доктор, в чем я очень сильно сомневаюсь, — продолжал полковник, — то удивите меня сверх всякой меры. Я нахожусь на Земле вот уже четыре года и располагаю немалым практическим опытом. Я нахожу этих землян убогими и глуповатыми, всех до одного. Они явно стоят ниже нас в интеллектуальном отношении. Они лишены той искры, что распространяла человеческую расу по Галактике. Они ленивы, суеверны, недалеки, им совершенно чуждо какое-либо душевное благородство. Прошу вас или кого-либо другого показать мне землянина, который может быть в каких-нибудь отношениях равным настоящему человеку — такому, как я или вы, например, — и только тогда я буду склонен поверить вам, что они могут представлять расу, явившуюся некогда нашими предками. Но до тех пор, прошу вас, избавьте меня от подобных предположений.

Представительный человек, сидевший во главе стола, неожиданно сказал:

— Говорят, что хорошим землянином может быть только мертвый землянин, да и то он, как правило, воняет. — Он расхохотался во все горло.

Алварден нахмурился, не поднимая глаз от стоящего перед ним блюда.

— Я не имею желания спрашивать вас относительно вашей расовой позиции, особенно потому, что в данном случае она не имеет отношения к делу. Речь идет о человеке доисторической эпохи. Его сегодняшние потомки долгое время находились в изоляции, и окружение их было самым необычным… И все же я не стал бы подвергать их подобным унижениям.

Он повернулся к Энниусу и сказал:

— Лорд, мне кажется, перед обедом вы упоминали об одном землянине.

— Вот как? Я не помню.

— О физике Шенте.

— Ах, да.

— Может быть, это Аффект Шент?

— Ну да. Так вы о нем слышали?

— Думаю, что так. Я не мог точно вспомнить, но мне почему-то знакомо это имя, и это беспокоило меня весь обед, но теперь, я думаю, все стало на свои места. Он случайно не из Института Ядерных Исследований, находящегося… как оно, это

проклятое слово? — Он потер лоб. — Чика?

— Вы вспомнили совершенно точно. И что насчет него?

— Только это. В августовском выпуске «Физического журнала» была его статья. Я отметил ее, потому что всегда интересуюсь всем, что связано с Землей, а статьи землян в журналах галактической циркуляции появляются крайне редко… Во всяком случае, я клоню к тому, что этот человек заявляет, будто он изобрел прибор, который он называет синапсифером, улучшающий способности нервной системы к процессу обучения.

— Вот как? — несколько быстро подхватил Энниус. — Я об этом не слышал.

— Я могу найти копию для вас. Это чрезвычайно интересная статья, хотя, конечно, не стану делать вид, будто понял весь ее математический смысл. Суть его эксперимента, однако, в следующем. Он взял несколько местных жителей с Земли — мне кажется, их называют «крысами», — воздействовал на них этим синапсифером, а потом поместил их в лабиринт. Вы знаете, что я имею в виду: животные учатся находить в лабиринте путь к кормушке. Для контроля он использовал обученных крыс и обнаружил, что в любом случае крысы, имевшие дело с синапсифером,

разрешают задачу лабиринта в три раза скорее… Вам понятна значимость этого, полковник?

Военный, инициатор дискуссии, безразличным голосом ответил:

— Нет, доктор, непонятна.

— Тогда я объясню. Я твердо уверен в том, что любой ученый, способный провести подобные исследования, даже если он землянин, обладает интеллектом не меньшим моего, по крайней мере, и, если вы простите мое предположение, также и вашего.

Энниус прервал его.

— Извините меня, доктор Алварден, я хотел бы вернуться к синапсиферу. Шент экспериментировал с людьми?

Алварден рассмеялся.

— Сомневаюсь в этом, лорд Энниус. Девять десятых его подопытных крыс умерли во время эксперимента. Вряд ли бы он осмелился использовать людей на такой стадии эксперимента.

Энниус опустился в кресло, нахмурился и больше в течение вечера не разговаривал и не ел.

В полночь Прокуратор тихо оставил собравшихся и, сказав что-то жене, отбыл в личном крузере в Чику. В душе его росло беспокойство.

Все это случилось в тот же самый день, когда

Арбен и Лоа Марены привезли Иосифа Шварца в Чику для лечения синапсифером Шента. Сам Шент в этот день больше часа беседовал с Прокуратором Земли — с глазу на глаз.

Глава 4
Чика

Арбену было тревожно в Чике. Он чувствовал себя в западне. Где-то в Чике, одном из самых больших городов на Земле — здесь проживало около пятидесяти тысяч человек, — где-то в этом городе находились представители внешних миров Империи.

Собственно, ему никогда не приходилось видеть человека из Галактики, однако, здесь, в Чике, он постоянно испытывал страх оттого, что это может произойти. Если бы расспросить его поподробнее, он не смог бы вразумительно объяснить, каким образом собирается отличить пришельца от землянина. Просто что-то внутри должно было подсказать разницу.

Входя в институт, он оглянулся. Его бьюхил был припаркован на открытой площадке. Шестичасовой купон гарантировал, что она останется свободной в течение этого времени. Была ли его экстравагантность подозрительной? Сейчас его пугало все. Воздух был полон глаз и ушей.

Если бы только странный человек помнил, что

ему следует оставаться в глубине заднего отсека. Он энергично кивал на просьбу Арбена не высовываться из заднего отсека, но понял ли он эту просьбу? Внезапно он сам на себя рассердился. Зачем он только позволил Грю вовлечь его в это безумие?

А потом дверь вдруг отворилась и чей-то голос нарушил течение его мыслей.

— Что вам угодно?

Интонация была нетерпеливой, возможно, вопрос задавался ему уже не раз.

Он ответил хрипло:

— Здесь находится человек, который объявил насчет лечения синапсифером?

Приемщица внимательно взглянула на него и сказала:

— Распишитесь.

Арбен засунул руки в карманы и еще более хрипло повторил сказанное. Грю называл ему имя прибора, но слово звучало странно, как какая-нибудь абракадабра.

Приемщица с металлом в голосе ответила:

— Ничего не могу для вас сделать, пока вы не распишетесь в книге посетителей. Таковы наши правила.

Не говоря ни слова, Арбен повернулся, наме-

реваясь уйти. Молодая женщина, сидящая за столом, сжала губы и нажала на кнопку сигнала, находящуюся сбоку стола.

Арбен безуспешно боролся с охватившим его отчаянием. Девушка смотрела на него в упор, взгляд ее был жестким. Его охватило дикое желание бежать…

Кто-то в белом халате поспешно вышел из другой комнаты, и приемщица указала ему на Арбена.

— Доброволец для синапсифера, — сказала она. — Не хочет назвать себя.

Арбен поднял голову. Это была еще одна женщина, моложе. Он посмотрел на нее с тревогой.

— Вы занимаетесь этой машиной, мисс?

— Нет, совсем нет, — она улыбнулась самым дружелюбным образом, и Арбен почувствовал, как его тревога немного отступает.

— Но я могу отвести вас к ней, — продолжала она. Потом добавила: — Вы действительно хотите стать добровольцем для синапсифера?

— Я просто хотел повидать человека, который им занимается, — деревянным голосом ответил Арбен.

— Отлично. — Казалось, его слова ничуть ее не смутили. Она повернулась к комнате, из которой

вышла, и поманила его за собой.

Он последовал за ней с колотящимся сердцем и оказался в маленькой комнатке ожидания. Она мягко проговорила:

— Если вы согласны подождать примерно с полчаса, а может, и меньше, доктор Шент вас примет. Сейчас он очень занят…

Четыре стены маленькой комнаты сомкнулись вокруг него и, казалось, сделали его беспомощным. А вдруг это ловушка? Не придут ли за ним Древние?

То было самое долгое ожидание за всю его жизнь.

Лорд Энниус, Прокуратор Земли, не встретил подобных трудностей, когда пожелал увидеться с доктором Шентом. За те четыре года, что он был Прокуратором, визит в Чику все еще не перестал быть для него событием. Поскольку он являлся здесь прямым представителем далекого императора, номинально его статус был равен статусу наместника огромного галактического сектора, распространявшего свое влияние на сотни кубических парсеков, однако, фактически, его пост был немногим лучше изгнания.

Пойманный в ловушку стерильной чистоты Гималаев и сидящий в ней среди столь же сте-

рильных и ненавидящих его обитателей, он даже поездку в Чику склонен был рассматривать как временный побег.

Собственно, эти его побеги были кратковременными. Они должны были быть таковыми, ибо здесь, в Чике, необходимо было носить, не снимая, даже во время сна, пропитанные свинцом одежды и, что еще хуже, постоянно вводить в себя дозы метаболика.

Он с горечью сказал об этом Шенту.

— Метаболик, — проговорил Шент, держа приготовленную для инъекции ампулу, — является, возможно, настоящим символом всего, что ваша планета означает для меня, друг мой. В его функции входит ускорение всех физико-химических процессов в организме, пока я сижу здесь, погруженный в радиоактивное облако, о котором вы даже не имеете понятия.

Он ввел ампулу.

— Ну вот! Теперь мое сердце забьется немного быстрее, дыхание станет более учащенным, а в печени начнется процесс химического синтеза, ибо печень, как объясняли мне медики, является самой важной фабрикой в организме. И за это я плачу последующими головными болями и усталостью.

Доктор Шент слушал его с некоторым удивлением. Он производил впечатление очень близорукого человека, и не потому что носил очки или щурился, но просто в силу давно выработавшейся привычки, которая побуждала его долго всматриваться в находившееся перед ним и как бы взвешивать все факты прежде, чем дать ответ. Он был высоким, слегка сутулился.

Однако он достаточно много читал о различных галактических культурах и был относительно свободным от враждебности и подозрения, которые делали среднего землянина столь отталкивающим даже для такого имперского космополита, каковым являлся Энниус.

Шент сказал:

— Я уверен, вы не нуждаетесь в лекарствах. Метаболик — лишь один из ваших предрассудков, и вы знаете об этом. Если бы я заменил ваши пилюли без вашего на то ведома, вам бы вовсе не стало хуже. Более того, вы могли бы даже ощущать потом подобные головные боли.

— Вы говорите это, делая комплимент вашей собственной окружающей среде. Вы отрицаете, что ваш базовый метаболизм выше моего?

Шент проговорил:

— Конечно, нет, но какая разница?! Я знаю, что

все это — имперские предрассудки, Энниус, — относительно того, что люди Земли отличаются от других человеческих существ. По сути дела это не так.

— Или вы приходите сюда в качестве миссионеров?

Шент застонал:

— Ради жизни императора. Да, вы, друзья Земли, являетесь лучшим образцом таких миссионеров. Жить здесь, запертым в этой смертоносной планете, что может быть ужасней?

— Я говорю серьезно, Шент. Какая еще планета сохраняет в повседневной жизни столько ритуальных обычаев и доводит себя до такой ярости? Не проходит и дня, чтобы ко мне не прибыли делегации от одного или другого из ваших правящих органов с просьбой о смертном приговоре для какого-нибудь бедняги, все преступление которого состоит в том, что он вошел в запрещенную зону, уклонился от шестидесяти лет или просто съел больше еды, чем полагается на его долю.

— Да, но вы всегда даете согласие на подобный приговор. Ваш идеализм как будто прекращает сопротивляться.

— Звезды мне свидетели, что я борюсь с собой, давая согласие на смерть. Но что может сделать

одиночка? Император сделал бы так, потому что все подданные империи должны оставаться неизменными в своих местных обычаях — и это верно и мудро, ибо поддерживает оборону против тех дураков, которые, в противном случае, подняли бы восстание, базируясь на каком-нибудь вторжении. Кроме того, стоило бы мне воспрепятствовать вашим советам, сенатам и палатам, настаивающим на смерти, и поднялся бы такой крик, такой шум, что я предпочел бы спать среди легионеров, дьяволов, чем находиться на такой Земле даже десять минут.

Шент вздрогнул и пригладил редкие волосы.

— Для всей Галактики, если она вообще что-нибудь о нас знает, Земля — только камень в небе. Для нас же это дом, единственный дом, который мы знаем. И все же мы не отличаемся от вас, живущих во внешних мирах. Просто мы более невезучи. Мы толпимся здесь, в этом мире, за стеной радиации, окруженные огромной Галактикой, которая отрицает нас. Что мы можем сделать, чтобы противостоять пожирающему нас ощущению крушения? Вот вы, Прокуратор, захотели бы, чтобы мы послали излишек нашего населения в Галактику?

Энниус пожал плечами.

— А какое бы мне до этого дело? Население внешних миров — другое дело. Их бы это обеспокоило. Они не захотели бы пасть жертвами земных болезней.

— Земные болезни! — Шент нахмурился. — Это бессмысленные предрассудки, которые нужно похоронить. Мы не несем с собой смерти. Разве вы умираете здесь, живя среди нас?

— Если говорить честно, — улыбнулся Энниус, — я делаю все, чтобы предотвратить личный контакт.

— Это потому, что вы сами боитесь пропаганды, созданной, в конце концов, только глупостью ваших изуверов.

— Но, Шент, разве теория о том, что земляне сами по себе радиоактивны, не имеет под собой никакой научной базы?

— Ну, конечно, они радиоактивны. Как они могут этого избежать? И я тоже. И любой из жителей сотен миллиардов миров Империи. Мы подвержены этому немного больше, согласен, но не настолько, чтобы причинить кому-нибудь вред.

— Но средний житель Галактики верит в противоположное. Боюсь, он вовсе не желает стать жертвой эксперимента. Кроме того…

— Кроме того, хотите вы сказать, мы — другие.

Мы — не люди, потому что гораздо быстрее мутируем, благодаря атомной радиации, и поэтому изменились очень во многом… Но это тоже не доказано.

— Но в это верят.

— А пока в это верят, Прокуратор, и пока мы, земляне, рассматриваемся как парии, вы находите в нас черты, которые вы не принимаете. Если вы брезгливо отталкиваете нас, то стоит ли удивляться тому, что мы вас сторонимся? Если вы нас ненавидите, то и мы в свою очередь ненавидим вас. Нет, нет, нас обижают гораздо больше, чем обижаем мы.

Энниус был огорчен тем, что вызвал такой прилив гнева. «Даже лучшие из этих землян, — подумал он, — столь же слепы в этом вопросе, столь же наивно считают Землю превыше всего во Вселенной».

Он тактично заметил:

— Шент, простите мою неловкость, пожалуйста. Пусть утомление и дурное настроение послужат мне извинением. Вы видите перед собой неудачника, молодого сорокалетнего человека — сорок ведь детский возраст для профессиональных гражданских служащих, — который безнадежно застрял здесь, на Земле. Пройдут, может быть,

годы, прежде чем дураки из Бюро Внешних Провинций вспомнят меня, чтобы предложить мне нечто менее тягостное. Таким образом, мы оба являемся пленниками Земли и оба же — граждане великого мира разума, не знающего различия ни в месте жительства, ни в физических характеристиках. Дайте же мне вашу руку, и будем друзьями.

Морщины на лице Шента разгладились, он пришел в хорошее расположение духа и рассмеялся.

— Ваши слова — слова умоляющего человека, но тон по-прежнему принадлежит дипломату имперского полета. Вы плохой актер, Прокуратор.

— Тогда уравновесьте это мое качество, показав, что вы хороший педагог, и разрешите мне взглянуть на синапсифер.

Шент, видимо, насторожился и потому нахмурился.

— Как, вы слышали об этом приборе? Значит, вы не только администратор, но и физик?

— Я в любой науке чувствую себя, как рыба в воде. Но, если говорить серьезно, Шент, мне действительно очень бы хотелось знать о приборе.

Физик пристально посмотрел на своего собеседника. Вид у него был задумчивый.

— Я просто не знаю, с чего начать.

— Ну, если вы имеете в виду, с какой части математической теории вам следует начинать, то я упрощу для вас проблему. Оставьте ее вообще в стороне. Я ничего не знаю ни о тензорах, ни о функциях, ни о чем там еще.

У Шента блеснули глаза.

— Что ж, тогда если брать самую суть, должен сказать, что прибор этот должен увеличивать способность человека к учению.

— Человека? Вот как? И он работает?

— Я сам бы хотел это знать. Нужно усовершенствовать еще многое. Я сообщу вам самое необходимое, Прокуратор, и тогда вы судите сами. Нервная система человека — и животного — состоит из нью-протеинового материала. Этот материал представляет собой ткань из больших молекул, электрический потенциал которых очень прочен. Самый ничтожный стимул способен разрушить одну из них, та, разрушенная, уничтожит следующую, и процесс этот будет продолжаться до тех пор, пока не подключится мозг. Сам мозг являет собой огромное сосредоточение подобных молекул, связанных между собой всеми возможными способами. Поскольку здесь имеет место сила, равная примерно десяти с двадцатью нулями после основного числа, — подобные

нью-протеины комбинируются в мозгу, имеют число возможных комбинаций соответственно как десять к двадцати. Число это так велико, что если бы все электроны и протоны во всех новых вселенных вновь составили вселенные, а потом все электроны повторили этот процесс, то все равно сравнения бы не получилось… Вы следуете моей мысли?

— Благодарение звездам, совершенно нет. Если бы я даже попытался, то завыл бы, как собака.

— Гм… Хорошо. Во всяком случае то, что мы называем нервными импульсами, является на самом деле всего лишь прогрессивной электронной неуравновешенностью, которая движется по нервам к мозгу, а потом от мозга назад вдоль нервов. Это вы понимаете?

— Да.

— Хорошо. Значит, в вас есть искра таланта. Пока этот импульс развивается в нервной клетке, он распространяется на большой скорости, поскольку нью-протейны практически находятся в контакте. Тем не менее, протяженность нервных клеток ограничена, а между каждой нервной клеткой имеется очень тонкая перегородка из нервной ткани. Другими словами, две соседние нервные клетки не соединены друг с другом са-

мым непосредственным образом.

— И нервные импульсы, — сказал Энниус, — должны преодолевать барьер.

— Вот именно. Перегородка ослабляет силу импульса и замедляет скорость этой трансмиссии, согласно площади, ширине и так далее. Все это отражается и на мозге. А теперь, представьте себе, что могут быть найдены какие-то способы, которые ослабили бы диэлектрическую постоянную этой перегородки между клетками.

— Какую постоянную?

— Изоляцию силы перегородки. Вот все, что я имею в виду. Если мы ее уменьшим, то импульс уже легче перепрыгнет через провал. Вы сможете быстрее думать и запоминать.

— Тогда я вернусь к своему изначальному вопросу. Прибор работает?

— Я испробовал его действие на животных.

— И каковы результаты?

— Ну, большинство животных очень быстро погибли от денатурации мозгового протеина — иными словами, коагуляции, подобной переваренному яйцу.

Энниус сморщился.

— В этом непробиваемом хладнокровии науки есть что-то невыносимо жестокое. Как насчет

тех, кто не умер?

— Прямых заключений делать нельзя, поскольку они не люди. Обстановка казалась благоприятной для них… Но мне нужны люди… Видите ли, суть в естественных электронных владениях индивидуального мозга. Каждый мозг чувствителен к микропотокам определенного типа. Дубликатов не бывает. Это как отпечатки пальцев, как рисунок сетчатки глаза. Собственно, они даже еще более индивидуальны. Лечение, насколько я понимаю, должно принять это во внимание, и, если я не ошибаюсь, большей денатурации это не дает… Но у меня нет людей, на которых я смог бы экспериментировать. Я приглашал добровольцев, но… — Он развел руками.

— Я, конечно, не виню их, старина, — сказал Энниус. — Но, говоря серьезно, что бы мы стали делать с аппаратом, если бы он на самом деле действовал превосходно?

Физик пожал плечами.

— Не мне отвечать на этот вопрос. Он, конечно, поступил бы в распоряжение Большого Совета.

— Вы не рассчитываете сделать изобретение достоянием Империи?

— Я? У меня нет к этому никаких возражений. Но такие вопросы может решать только Большой

Совет.

— О, — нетерпеливо проговорил Энниус, — дьявол с вашим Большим Советом. Я не имел с ним раньше дел. Вы согласны поговорить с ними в надлежащее время?

— Но какое я могу иметь на них влияние?

— Вы могли бы сказать им, что если Земля могла произвести синапсифер, то это равносильно безопасности для них. И если прибор стал бы доступным для Галактики, то некоторые преграды относительно иммиграции на другие планеты могли бы быть устранены.

— Как?! — с сарказмом в голосе произнес Шент. — А риск эпидемии, а наши отличия, а наша нечеловечность?

— Вы могли, — спокойно продолжал Энниус, — быть переселены на другую планету даже массовым путем. Подумайте об этом.

Дверь отворилась, в комнату ворвалась молодая женщина, сразу же кинувшаяся к шкафу с фильмокнигами. Она нарушила напряженную атмосферу кабинета, как нарушает чопорность приборов вырвавшаяся на свободу пружинка. При виде незнакомца она слегка покраснела и повернулась, намереваясь уйти.

— Погоди, Пола, — поспешно окликнул ее

Шент. — Господи, — сказал он Энниусу, — мне кажется, вы ни разу не встречались с моей дочерью. Пола, это лорд Энниус, Прокуратор Земли.

Прокуратор уже стоял. Он проделал это с такой непринужденностью, галантностью, что ее невольное намерение убежать сразу исчезло.

— Дорогая мисс Шент, — сказал он. — Вы — украшение Земли, на которое я просто не считал ее способной. Позвольте мне заметить, что вы, впрочем, явились бы украшением любого мира.

Он взял протянутую ему руку Полы. И как будто намеревался поцеловать ее — на манер приветствий прошлых поколений, однако, если такое намерение у него и было, то в жизнь оно не воплотилось.

Пола, слегка нахмурившись, сказала:

— Я просто ошеломлена вашей добротой, лорд, удивительной для простой земной девушки. Вы галантны и мужественны, если осмеливаетесь забыть об инфекции.

Шент кашлянул и прервал ее.

— Моя дочь, Прокуратор, завершает учебу в университете в Чике, и закрепление полученных ею знаний требует, чтобы она два дня в неделю проводила в моей лаборатории в качестве техника. Она компетентная девушка, и, хотя мои слова

могут показаться отцовской гордостью, я думаю, что со временем она сможет занять мое место.

— Отец, — мягко проговорила Пола, — у меня есть важные новости для тебя. — Она колебалась.

— Мне уйти? — спокойно спросил Энниус.

— Нет-нет, — сказал Шент. — В чем дело, Пола?

Девушка ответила:

— У нас есть доброволец, отец.

Шент непонимающе уставился на нее. Вид у него был довольно глупый.

— Для синапсифера?

— Так он говорит.

— Что ж, — сказал Энниус, — я как будто принес вам удачу.

— Похоже, что так. — Шент повернулся к дочери. — Попроси его подождать. Отведи его в комнату, я скоро туда приду.

Он обернулся к Энниусу после ухода Полы.

— Вы извините меня, Прокуратор?

— Конечно. Сколько времени займет операция?

— Боюсь, что это вопрос нескольких часов. Хотите посмотреть?

— Не могу представить себе ничего более отвратительного, дорогой мой Шент. Я должен

быть сегодня в Штат-хауз. Вы сообщите мне о результатах?

Шент казался довольным.

— Да, да, конечно.

— Хорошо… И обдумайте то, что я вам сказал насчет синапсифера. О вашей новой королевской дороге к знаниям.

Энниус вышел. Вряд ли он стал более спокойным по сравнению с тем состоянием, в каком он сюда вошел. Знания его не стали большими, а страхи не уменьшились.

Глава 5
Подневольный доброволец

Оставшись один, доктор Шент коснулся кнопки звонка, и в комнату поспешно вошел молодой техник. Халат его сверкал белизной, волосы были аккуратно зачесаны назад.

— Пола сказала вам…

— Да, доктор Шент. Я видел его через глазок. Без сомнения, это настоящий доброволец. Он абсолютно непохож на субъекта, посылаемого обычным способом.

— Как вы считаете, следует ли мне обратиться в Совет?

— Я просто не знаю, что вам ответить. Совет не одобрил никакой обычной коммуникации. Все, как вы знаете, должно быть записано на пленку. — Потом с энтузиазмом продолжал: — Предположим, я постараюсь от него избавиться. Я могу сказать ему, что нам нужен человек моложе тридцати лет. Этому же вполне может быть тридцать пять.

— Нет, нет. Лучше я сам посмотрю на него. — Разум Шента напоминал холодный водоворот. До

сих пор он руководствовался им.

Информации как раз достаточно, чтобы отношения сохраняли видимость дружелюбия, не более того. А теперь — настоящий доброволец — и сразу после визита Энниуса. Была ли здесь связь? Сам Шент имел лишь смутное представление о тех гигантских невидимых силах, которые сейчас начали разгуливать во всех направлениях по неровной поверхности Земли. Но некоторым образом он знал достаточно, чтобы чувствовать себя на милости этих сил, и, конечно же, больше, чем об этом подозревал любой из Древних.

Но все же, что он может сделать, когда его жизнь подвергается двойной опасности?

Через несколько минут доктор Шент пристально и безнадежно рассматривал стоящего перед ним неуклюжего фермера. Тот мял в руках шляпу и старался смотреть в сторону. Конечно, подумал Шент, он еще не достиг сорока, но суровая жизнь на Земле оказала на него свое влияние. Человек этот с такой силой сжал руки, что побелели костяшки пальцев.

— Итак, мой дорогой сэр, — мягко проговорил Шент, — вы, насколько я понимаю, отказываетесь сообщить свое имя.

Арбен был само упрямство.

— Мне сказали, что добровольцам не станут задавать никаких вопросов.

— Гм… А есть ли что-нибудь такое, о чем бы вы хотели спросить? Или же вы предпочитаете немедленно приступить к делу?

— Я? Здесь? Сейчас? — И, явно испуганный панически, он продолжал: — Я не сам доброволец. Я ничего такого не сказал, чтобы вы так подумали.

— Конечно. Но я хотел бы знать, кто же тогда им является?

— Я должен…

— Значит, с вами есть другой человек?

— Некоторым образом, — осторожно ответил Арбен.

— Хорошо. А теперь расскажите нам только то, что вы сами считаете нужным. Все, что бы вы ни сказали, останется строго между нами, и мы поможем вам всем, чем только сможем. Согласны?

Фермер наклонил голову — рудиментарный жест, выражающий согласие.

— Спасибо вам. Дело вот в чем, сэр. У нас на ферме есть человек, дальний… э-э… родственник. Он помогает, понимаете…

Арбен с трудом глотнул, и Шент серьезно кивнул.

Арбен продолжал:

— Он очень старательный работник, очень хороший работник… У нас был сын, понимаете ли, но он умер… И моя добрая жена и я сам, видите ли, нуждались в помощи. Она у меня не слишком здоровая женщина — нам без него было бы трудно управляться. — Он почувствовал, что его история каким-то образом обращается в полную чепуху.

Но сутулый ученый согласно кивнул.

— И этот ваш родственник — тот, кого вы хотите подвергнуть лечению?

— Ну да. Я думал, что сказать, но вы простите меня, если мне потребуется на это некоторое время. Понимаете, у бедняги… не все в порядке с головой. — Он поспешно продолжал. — Он не болен, понимаете. С ним не происходит ничего такого, за что его нужно было бы удалить. Просто он медлительный. Понимаете, он не говорит.

— Не может говорить? — Шент, казалось, был удивлен.

— Э… он может. Просто ему это не нравится. Он не говорит хорошо.

Физик посмотрел на него с сомнением.

— И вы хотите, чтобы синапсифер исправил его дефект?

Арбен медленно кивнул.

— Если бы он знал немного больше, сэр, он бы смог выполнить ту работу, которую приходится выполнять моей жене.

— Он может умереть. Вам это понятно?

Арбен смотрел на него беспомощным взглядом.

Шент сказал:

— Мне нужно его согласие.

Фермер покачал головой, медленно и упрямо.

— Он не поймет. — Потом напористо, но почти шепотом: — Послушайте, сэр. Я уверен, что вы меня поймете. Вы не похожи на человека, который не знает, что такое тяжелая жизнь. Этот человек странен. Нет, тут вопрос не о шестидесяти, а в том, что будет, если в следующий донаус его сочтут слабоумным… и заберут его. Мы не хотим его терять, и поэтому мы привезли его сюда. Я потому хочу сохранить все это в тайне, что… что… — Взгляд Арбена метнулся к стене и вперился в нее с такой настойчивостью, как будто хотел разглядеть, не скрывается ли за ней нежелательный слушатель. — Ну, может быть, Древним не понравилось бы то, что я делаю. Может быть, попытка спасти такого человека посчиталась бы противной обычаям, но жизнь тяжела, сэр… И для нас это было бы безопасным.

Вы ведь искали добровольцев?

— Понимаю. Где же ваш родственник?

Арбен сразу же воспользовался возможностью.

— В моем багаже, если только никто его не нашел. Он не смог бы позаботиться о себе, если бы кто-нибудь…

— Ну, будем надеяться, что он в безопасности. Сейчас с вами выйдем наружу и перегоним вашу машину в гараж нашего здания. Я позабочусь о том, чтобы никому, кроме нас и моих помощников, не было известно о его присутствии. И, уверяю вас, никаких затруднений у вас не будет.

Его рука самым дружелюбным образом опустилась на плечо Арбена, и тот спазматически улыбнулся. Он чувствовал себя так, будто узел веревки, затянутой у него на шее, ослаб.

Шент смотрел на полного лысоватого человека, лежащего на диване. Пациент был без видимых признаков понимания окружающего мира. Он дышал глубоко и ровно. Говорил неразборчиво, на вопросы не реагировал. Но все же физических признаков слабоумия у него не было. Рефлексы для старого человека были нормальными.

Он посмотрел на Арбена, который наблюдал за происходящим со всевозможным вниманием.

— Как бы вы отнеслись к костному анализу?

— Нет! — вскричал Арбен. Потом, уже спокойно, добавил: — Я не хочу ничего такого, что могло бы послужить идентификацией.

— Нам могло бы помочь — для его безопасности — если бы мы знали его возраст, — сказал Шент.

— Ему пятьдесят, — ответил Арбен.

Физик пожал плечами. Это не имело значения. Он вновь посмотрел на спящего. Когда его привели, наблюдаемый был, казалось, подавленным, растерянным и несчастным. Даже гипнопилюли не вызвали у него никаких подозрений. Он принял их — ответом была лишь вымученная спазматическая улыбка.

Техники уже вкатили последнюю из довольно объемистых частей, вместе составляющих синапсифер. От прикосновения к кнопке полированное стекло, вставленное в окна операционной, претерпело молекулярные изменения и сделалось непрозрачным. Единственным светом был белый поток, лившийся на пациента, находящегося в многосотеннослойном диамагнитном поле на операционном столе.

Арбен все еще сидел в темноте, ничего не понимающий, но крепко-накрепко решивший одним фактом своего присутствия каким-то образом предотвратить любой опасный трюк.

Физики не обращали на него никакого внимания. Электроды были укреплены на голове пациента. То была долгая работа. Прежде всего следовало тщательно изучить форму черепа и состав покрывающей его ткани. Шент мрачно улыбнулся. Ткань черепа не являлась надежным мерилом возраста, но в данном случае она говорила достаточно. Возраст человека превышал объявленные пятьдесят лет. Через некоторое время Шент перестал улыбаться и нахмурился. Бороздки мозга были какими-то странными… Не совсем…

На мгновение он был готов поклясться, что форма черепа была примитивной, но тогда… Но психика человека была субнормальная.

И, внезапно, в крайнем удивлении он воскликнул:

— Да я же не заметил! У этого человека волосы на лице! — Он повернулся к Арбену. — Он всегда был бородатым?

— Бородатым?

— Волосы на лице! Идите сюда! Неужели вы их не замечали?

— Да, сэр. — Арбен искал ответ. Он действительно заметил их утром, но потом забыл. — Он таким родился, — сказал он.

— Что ж, нужно их удалить. Вы ведь не хотите, чтобы он бродил по округе, как дикое животное, не так ли?

— Нет, сэр.

Волосы быстро исчезли под облаченными в перчатки руками техника.

Техник сказал:

— У него и на груди волосы, доктор Шент.

— Великая Галактика, — проговорил Шент, — позвольте, я взгляну! Да это просто ковер какой-то! Ладно, пусть так и останется. Сквозь рубашку их не будет видно, а я хочу, чтобы вы продолжали работу с электродами. Давайте провода сюда и сюда.

Протянулись тонкие пластиковые полоски.

Дюжина соединений, чувствующих сквозь кожу костный мозг, а в глубине нежные ткани и отголоски тех микропотоков, что волнами струятся в мозгу от клетки к клетке.

Они внимательно наблюдали за деликатными отклонениями стрелки амперметра, по мере того, как создавались и нарушались соединения. Крошечные отметчики плели свою нежную паутину на разграфленной бумаге, оставляя на ней след, состоящий из неровных пиков и обрывов.

Потом графики были сняты и размещены на

светящемся стекле. Все наклонились над ними, перешептываясь.

Арбен слышал обрывки слов:

— … замечательная регулярность… посмотрите на высоту квантового пика… подумайте, что необходимо проанализировать… настолько ясно, что видно невооруженным взглядом…

А потом, как ему показалось, ужасно долго шла утомительная возня с синапсифером. Поворачивались ручки, записывались данные и снова включались различные электроприборы.

Потом Шент улыбнулся Арбену и сказал:

— Скоро все кончится.

Огромная машина надвигалась на спящего, подобно медленно движущемуся голодному животному. Четыре длинных провода протянулись к его конечностям, плоский черный кусок чего-то, похожего на твердую резину, был осторожно помещен на шею, а зажимы, идущие от плеч, удерживали его на месте и, наконец, подобно двум щупальцам, прикреплялись к бледной округлой голове так, чтобы каждый электрод заканчивался на виске.

Шент не спускал глаз с хронометра в правой руке. В левой он держал выключатель. Большой палец на его левой руке шевельнулся — и ничего

не произошло. Даже обостренный слух Арбена не уловил никаких изменений в окружающем. Казалось, протекли часы, бывшие на самом деле тремя минутами. Большой палец Шента напрягся вновь.

Ассистент доктора наклонился над все еще спящим Шварцем, поднял голову и победно взглянул на Шента.

— Он жив.

Потом прошло еще несколько часов, в течение которых изымались данные пациента, шли взволнованные разговоры — то шепотом, то едва ли не криками восторгов. Было уже далеко за полночь, когда глаза Шварца открылись.

Шент отошел бледный, но счастливый. Он вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Все в порядке.

Потом он уверенно повернулся к Арбену.

— Он должен остаться у нас на несколько дней, сэр.

Взор Арбена загорелся тревогой.

— Но… но…

— Нет, нет, вы должны положиться на меня. Он будет в безопасности, и я готов поклясться в этом собственной жизнью. Оставьте его нам, кроме нас, его никто не увидит. Если вы сейчас заберете

его с собой, он может не выжить. Что вам это даст? Если он действительно умрет, вам придется объяснять Древним, откуда взялось тело.

Это решило проблему. Арбен от волнения сглотнул слюну и сказал:

— Слушайте, как мне узнать, когда прийти и забрать его? Я не сообщу вам своего имени.

Но это уже можно было считать согласием.

Шент сказал:

— Я не спрашиваю вашего имени. Приходите через неделю, считая от сегодняшнего дня, в десять вечера. Я буду ждать вас у двери в гараж, тот самый, в котором вы оставили ваш бьюхил.

Был вечер, когда Арбен выехал из Чики. Прошло двадцать четыре часа с тех пор, как незнакомец оказался у дверей его дома, и за это время он удвоил преступление, совершенное им против обычаев. Будет ли он когда-нибудь снова в безопасности?

Когда его машина катилась по пустынной дороге, он не мог удержаться, чтобы то и дело не оглядываться. Станет ли его кто-нибудь преследовать и устанавливать, где он живет? Ведет ли на него досье Братство Древних?

Он располагал еще четвертью столетия, прежде чем ему исполнится шестьдесят лет, однако они

жили с Древними каждый день — из-за Грю, а теперь еще и из-за незнакомца.

Что, если он никогда не вернется в Чику?

Нет, они с Лоа не смогут долго работать за троих, а как только они не смогут этого делать, их первое преступление — укрытие Грю — выйдет наружу. И за ним потянется цепь преступлений.

Арбен знал, что вернется, несмотря на риск.

Было уже далеко за полночь, прежде чем Шент решил уйти, да и то только потому, что на этом настояла встревоженная Пола. Но уснуть он все равно не мог. Он встал и сел к окну. Теперь город был темным, но там, на горизонте, на стороне, противоположной озеру, остался слабый свет того голубого смертоносного свечения, которое возобладало над всем, кроме нескольких кусочков Земли.

Все события этого сумасшедшего дня проносились перед его мысленным взором в безумном темпе. Первое, что он сделал после отъезда испуганного фермера, — связался со Штат-хаузом. Энниус должен был ждать его звонка и поэтому сразу снял трубку. Он все еще носил на себе броню пропитанных свинцом одежд.

— А, Шент, добрый вечер. Ваш эксперимент закончен?

— И мой доброволец находится почти в таком же состоянии, бедняга.

— Значит, мое решение было верным, когда я отказался остаться. Мне кажется, что вы, ученые, немногим отличаетесь от убийц.

— Он еще не умер, Прокуратор, и, может быть, нам удастся его спасти, но… — И он пожал плечами.

— Я бы предпочел, чтобы вы имели дело с крысами, Шент… но вы сами на себя непохожи, дружище… Вам тоже, должно быть, пришлось нелегко.

— Я старею, лорд, — сказал Шент просто.

— Опасные земные последствия, — прозвучал сухой ответ. — Вам нужно лечь, Шент.

И вот Шент сидит здесь, глядя на темный город умирающего мира.

Вот уже два года, как синапсифер находится в стадии испытаний, и два года он был рабом и игрушкой в руках общества Древних или Братства, как они сами себя называли.

Он располагал семью или восемью работами, которые могли бы быть опубликованы в «Сирианском журнале нейропсихологии», что могло бы принести ему столь желанную галактическую известность. Работы эти громоздились на его сто-

ле. А вместо них в «Физик ревю» была напечатана неясная и нарочито путаная работа. Таков был девиз Братства: лучше полуправда, чем ложь.

И все-таки Энниус расспрашивал его. Почему?

Сочеталось ли это с тем, другим, о чем он узнал? Подозревал ли Император то, что он подозревал сам?

За двести лет Земля поднималась трижды. Трижды, под лозунгами, провозглашающими возвращение к древнему величию. Земля восставала против имперских гарнизонов. Три раза она терпела поражение, и это естественно. И если бы Империя не была бы так хорошо просвечена, а большинство членов Галактического Совета не были бы человекоподобными, Земля была бы залита кровью и превращена в необитаемую планету.

Но теперь все могло измениться… Но могло ли? Насколько он может доверять словам умирающего сумасшедшего, три четверти речей которого невозможно было разобрать?

Какова польза от всего этого? В любом случае он не осмелится пойти на какие-либо действия. Он может только ждать. Он старел, и, как сказал Энниус, то были тяжелые земные последствия. Шестьдесят надвигались на него, и избежать этой

возрастной хватки было почти невозможно.

И даже на этом несчастном, горящем, безумном земном шаре он все равно хотел жить.

Он снова лег и перед сном успел еще подумать о том, был ли звонок Энниусу зарегистрирован Древними. В то время он еще не знал, что Древние располагают другими источниками информации.

Наступило утро, прежде чем молодой техник окончательно принял решение.

Он восхищался Шентом, но хорошо понимал, что тайное решение неизвестного добровольца шло вразрез с приказом Братства. А этот приказ был дан статусом Обычаев, что делало неповиновение крупной провинностью.

Он взвесил все детали. В конце концов, кем был этот человек, которого они лечили? Кампания набора добровольцев была тщательно продумана. Она была разработана с целью дать достаточно информации о синапсифере, с тем чтобы устранить подозрения возможных имперских шпионов, не дав при этом нужного одобрения возможным добровольцам. Общество Древних присылает для лечения своего человека, и этого достаточно.

Кто же тогда прислал этого человека? Общество

Древних по тайным каналам? Для того, чтобы проверить надежность Шента?

Или же Шент — предатель? Днем он с кем-то разговаривал, закрывшись в кабинете. С кем-то, носящим плотную одежду, такую, какую носят пришельцы из внешних миров, боясь радиоактивности.

В любом случае Шент мог оказаться обреченным, так почему же он должен позволить вовлечь себя в это дело? Он молодой человек, перед ним еще почти четыре декады жизни. Зачем ему противостоять шестидесяти?

Кроме того, для него это означает запрещение… А Шент так стар… Следующий цензус, вероятно, уведет его с собой, так что для него не будет большого вреда. Практически вообще никакого.

Техник решился. Его рука потянулась к коммуникатору, и он набрал комбинацию, которая вела прямо к личному кабинету Верховного Министра всей Земли, который, не считая Прокуратора и Императора, держал в своих руках жизнь и смерть каждого человека на Земле.

Снова был вечер, когда неясные впечатления в мозгу Шварца обострились уколом боли. Он вспомнил поездку к неким беспорядочно громоздящимся зданиям у берега озера, долгое ожидание

в неудобной позе в задней части машины.

А потом… Что? Что? Его разум отшатнулся от неясных мыслей. Да, за ним пришли. Была комната, приборы, диски и две пилюли… Вот и все. Ему дали пилюлю, и он охотно принял ее. Что ему было терять? Яд казался для него настоящим благодеянием.

А потом — ничего.

Подождите! Что-то такое копошилось в его мозгу… Люди, склонившиеся над ним… Внезапно ему припомнилось холодное прикосновение стетоскопа к груди… Девушка кормила его…

Пришла мысль об операции, и, объятый паникой, он откинул простыни и резко сел.

Девушка оказалась рядом с ним. Она положила ему на плечи руки, пытаясь заставить его опуститься на подушки. Она что-то успокаивающе говорила, но он не понимал ее. Он попытался сбросить с себя эти тонкие руки, но тщетно. Силы покинули его.

Он поднес собственные руки к глазам. Они казались нормальными. Он пошевелил ногами и почувствовал, как они движутся под простыней. Значит, они не ампутированы.

Он повернулся к девушке и без особой надежды спросил:

— Вы можете меня понимать? Вы знаете, где я? — и едва узнал собственный голос.

Девушка улыбнулась и внезапно издала поток быстрых журчащих звуков. Шварц застонал. Вошел пожилой человек, тот самый, что давал ему пилюли. Человек и девушка поговорили друг с другом, потом девушка повернулась к нему, указала на его губы и сделала несколько приглашающих жестов.

— Что? — спросил он.

Она энергично кивнула, и ее хорошенькое личико просияло от удовольствия. Сам того не желая, Шварц почувствовал радость, глядя на нее.

— Вы хотите, чтобы я говорил? — спросил он.

Человек уселся возле него и знаком попросил открыть рот. Он сказал:

— А-а-а-а…

И Шварц повторил:

— А-а-а-а, — в то время как пальцы человека массировали его адамово яблоко.

— В чем дело? — недовольно спросил Шварц, когда его шея оказалась на свободе. — Вы удивлены тем, что я могу говорить? Да за кого вы меня принимаете?

Проходили дни, и Шварц узнал несколько ве-

щей. Человек был доктором Шентом — первый человек, которого он узнал по имени с тех пор, как остановился над тряпичной куклой. Девушка была его дочерью, Полой. Шварц обнаружил, что ему больше не нужно бриться. Волосы на его лице перестали расти. Это испугало его. Неужели они больше никогда не вырастут?

Силы быстро возвращались к нему. Ему разрешили одеться и вставать и кормили уже не только кашей.

Был ли он тогда болен амнезией? Лечили ли его от этого? Был ли именно этот мир нормальным и естественным, в то время, как тот мир, который он помнил, был лишь фантазией, порожденной амнезией мозга?

Ему так и не позволили выходить из комнаты, даже в коридор. Что же тогда — он пленник? Может быть, он совершил преступление?

Человек никогда не может оказаться более потерянным, чем если он потеряется в коридорах собственной памяти, куда никто не может добраться, чтобы найти его. Не бывает человека более беспомощного, чем тот, который не может вспомнить.

Пола забавлялась, уча его словам. Но его вовсе не вселила та легкость, с какой он подхватывал

их и запоминал. Он помнил, что обладал в прошлом удивительной памятью. По крайней мере, память его казалась прежней. Через два дня он мог понимать простые предложения. Через три — произносить их так, чтобы его понимали.

Так или иначе, на третий день он был удивлен и сам. Шент учил его говорить и задавал ему вопросы. Шварц должен был отвечать, а Шент смотрел при этом на показания приборов. Потом Шент объяснил ему термин «логарифмы» и попросил назвать логарифм двух.

Шварц осторожно подбирал слова. Его словарный запас был еще ничтожен, и он дополнял его жестами.

— Я… э… говорить. Ответ… но… цифра…

Шент кивнул головой и сказал:

— Не цифра. Не это, не то, часть того, часть этого.

Шварц достаточно хорошо понял, что Шенту ясно его соображение, насчет того, что ответ не является круглым числом, и тогда он сказал:

— Точка, три, ноль, один, ноль, три… и… много… цифр.

— Достаточно.

И тогда пришло удивление. Откуда он мог знать этот ответ? Шварц был уверен в том, что никогда

не слышал о логарифмах раньше, однако ответ в его мозгу возник сразу же, как только был поставлен вопрос. Он понятия не имел о том, каким образом он его вычислил. Все произошло так, будто его мозг был независимым существом и использовал его самого лишь как незначительный источник информации. Или же он был когда-то математиком, я дни до наступления амнезии?

Он обнаружил, что ему безумно трудно ждать, как проходят дни. Он все острее чувствовал, что должен вырваться в мир и каким угодно образом вырвать ответ. Он никогда не получит его в этой тюрьме, где (как он внезапно понял) он был всего лишь подопытным существом.

Возможность представилась на шестой день. Ему начали чересчур доверять, и однажды Шент, уходя, не запер дверь. Обычно дверь закрывалась столь тщательно, что даже самой тонкой щели не оставалось между ней и стеною. Но на сей раз она была.

Он ждал, пока не уверился, что Шент уже не вернется, потом медленно приложил руку к блестящей полоске света, как делали раньше Шент и другие. Дверь тихо отворилась. Коридор был пуст.

И Шварц «бежал».

Откуда ему было знать, что в течение последних шести дней агент общества Древних наблюдает за больницей, за комнатой, за ним.

Глава 6
Ночные опасения

В вечерние часы дворец Прокуратора походил на волшебную сказку. Вечерние цветы (ни один из них не был родом с Земли) раскрыли свои белые чашечки и наполняли своим благоуханием даже стены дворца.

Под поляризованным светом луны искусственные силикатовые пряди, умело вправленные в алюминиевые структуры дворца, фиолетово искрились на фоне металлического сияния.

Энниус посмотрел на звезды. Именно они были для него истинной красотой, потому что принадлежали Империи.

Земное небо относилось к небесам среднего типа. Оно не имело непереносимого сверкания небес Центральных Миров, где одна звезда так тесно соседствует с другой, что чернота ночного неба почти теряется в потоках света.

На Земле одновременно бывают видимы две тысячи звезд. Энниус мог видеть Сириус, вокруг которого вращалась одна из тысяч наиболее населенных планет Империи. Там был Арктурус,

столица его родного сектора. Солнце Трантора, столичного мира Империи, было затеряно где-то во Млечном Пути. Даже в телескоп оно было неразличимо.

Он ощутил прикосновения мягкой руки к плечу и накрыл ее своею.

— Флора? — прошептал он.

— Кто же еще? — прошептал полунасмешливый голос жены. — Тебе известно, что ты не спал со времени твоего возвращения из Чики? Более того, тебе известно, что уже почти светает?.. Прислать тебе сюда завтрак?

— Почему бы и нет? — Он нежно улыбнулся ей и ощутил в темноте прикосновение к своей щеке ее каштанового локона. Он коснулся его.

— Но почему ты должна оставаться со мной, пряча самые прекрасные в Галактике глаза?

Она отвела волосы и мягко ответила:

— Ты сам прячешь свои за тобой же приготовленным сахарным сиропом, но я уже видела тебя таким, так что ты не обманешь меня и теперь. Что тебя беспокоит сегодня, дорогой?

— Только то, что и всегда. То, что я похоронил тебя здесь, в то время, как ты могла служить украшением вице-королевского общества Галактики.

— Есть и кое-что еще! Ну же, Энниус, я не поз-

волю с собой играть.

Энниус покачал головой в полутьме и сказал:

— Не знаю. Думаю, что меня выбила из колеи совокупность мелких озадачивающих обстоятельств. Есть Шент со своим синапсифером. Есть этот археолог, Алварден, и его теория. Есть еще кое-что. А какой в этом толк, Флора? Я все равно ничего не могу сделать…

Конечно, подобное время суток не является слишком подходящим для душевного самоанализа.

Но Энниус продолжал говорить сквозь стиснутые зубы:

— Эти земляне! Почему такая горстка должна быть новой Империей? Ты помнишь, Флора, предостережения, полученные мной от старого Фарула, когда я впервые получил прокураторство? Относительно трудности положения? Он был прав. Собственно, он не так уж далеко зашел в своих домыслах. И все же, в то время я посмеялся над ним и считал его, про себя, конечно, жертвой собственной некомпетентности. Я был молод и деятелен, дорогая. Мне было бы лучше… — Он замолчал, погруженный в собственные мысли, потом продолжал, уже о другом: — И все же очень много независимых друг от друга деталей указы-

вают, что эти земляне вновь погружены в мечты о восстании.

Он посмотрел на жену.

— Тебе известно, что доктрина Общества Древних состоит в том, что Земля была когда-то единственным домом человечества, что она является центром расы, истинным представителем человечества?

— Но ведь об этом Алварден говорил нам два вечера назад, не так ли?

— Да, говорил, — мрачно согласился Энниус, — но даже в таком контексте он говорит только о прошлом. Общество Древних говорит же о будущем. Земля снова, говорят они, будет центром расы. Они даже провозглашают Второе земное королевство, они предупреждают, что Империя будет уничтожена во всеобщей катастрофе, которая оставит Землю триумфатором во всей ее предысторической славе, — здесь его голос дрогнул, — во всем ее варварстве и приверженности к собственным традициям. Земля уже знала подобные бессмысленные восстания, но все разрушения ничему не научили глупых фанатиков.

— Они всего лишь несчастные существа, эти земляне, — сказала Флора. — Что у них осталось, кроме их веры? Во всем остальном они явно

ущемлены — и в приличном мире, и в приличной жизни. Они ущемлены даже в достоинстве, которым сопровождается принятие базиса равенства в числе остальных миров Галактики. Вот они и вернулись к своим мечтам. Можно ли их винить за это?

— Да, я могу винить их! — с энергией воскликнул Энниус. — Пусть они борются за признание. Они не отрицают того, что отличны от других. Просто они желают изменить слово «худшие» на «лучшие», но вряд ли вся остальная часть Галактики в этом согласится с ними. Пусть оставят свои странности, свои возмутительные и обидные «обычаи». Пусть будут людьми. И люди признают их. Но если они останутся только землянами, то таковыми их и будут считать.

Но оставим это. Возьмем синапсифер. Это тоже одна из деталей, которая не дает мне спать. — Энниус задумчиво посмотрел на полосу, появившуюся на отполированной черноте восточной части неба.

— Синапсифер?.. Но разве это не тот прибор, о котором говорил доктор Алварден? Ты из-за этого ездил в Чику?

Энниус кивнул.

— И что ты там узнал?

— Да ничего, — сказал Энниус. — Я знаю Шента. И могу сказать, когда он чувствует себя непринужденно, а когда и по-другому. Этот человек умирал от мрачных предчувствий все время, пока говорил со мной. Когда же я ушел, он вздохнул свободно. Это нехорошая тайна, Флора.

— Но машина будет работать?

— Разве я нейропсихолог? Шент говорит, что нет. Он подводил меня к тому, чтобы рассказать о почти убитом ею добровольце. Но я в это не верю. Он был взволнован! Даже более того. Он был полон триумфа! Его доброволец пережил эксперимент, и эксперимент был удачным. Если я не прав, значит, я никогда не видел счастливого человека… А теперь скажи, почему он тогда солгал мне? Ты думаешь, он сможет создать новую генную расу?

— Но если так, то почему это держат в тайне?

— А! Почему! Неужели тебе непонятно? Почему Земля терпела поражения во времена восстаний? Но это ведь только один ответ, не так ли? Подними средний уровень интеллекта землянина. Удвой его. Утрой его. И что можно будет сказать тогда?

— О, Энниус.

— Мы можем оказаться в положении обезья-

ны, нападающей на людей. Что можно к этому добавить?

— Ты борешься с тенями. Они не смогли бы скрыть что-либо подобное. Ты всегда можешь сделать так, что Отдел Внешних Провинций пришлет сюда несколько психологов и подвергнет тестам взятых наугад землян. И, конечно же, любое отклонение от нормального сразу же будет обнаружено.

— Да? Я тоже так думаю… Но может получиться и по-другому. Я ни в чем не уверен, и в воздухе, кажется, пахнет восстанием. Готовится нечто вроде восстания 750, только в худшем варианте.

— А мы к нему готовимся? Я хочу сказать, если ты так уверен…

— Готовимся? — Смех Энниуса был отрывистым, как лай. — Я готовлюсь. Гарнизон наготове и полностью вооружен. Я сделал все, что можно сделать с материалом, находящимся под рукой. Но я не хочу, чтобы восстание разразилось. Я не хочу, чтобы мое прокураторство вошло в историю как прокураторство периода восстания. Я не хочу, чтобы мое имя через столетия вошло в исторические книги как имя кровавого тирана. Как вице-короля Антания Шестого. Мог ли он сделать что-либо другое, кроме того, что сделал,

когда погибли миллионы? Тогда он был в почете, но кто скажет о нем доброе слово теперь? Я предпочел бы получить известность как человек, предотвративший восстание и спасший жизни миллионам дураков. — Но в его голосе звучала безнадежность.

— Ты уверен, Энниус, что это невозможно? — Она села рядом с ним и провела кончиками пальцев по его щеке.

Он поймал их и крепко сжал.

— Как я могу? Все действует против меня. Сам Отдел оказался на стороне земных фанатиков, послав сюда Алвардена.

— Но, дорогой, мне не кажется, что этот археолог делает что-то ужасное. Он, я допускаю, говорит вещи, которые кажутся нелепыми, но какой он может причинить вред?

— Неужели это неясно? Он хочет, чтобы ему позволили доказать, что Земля является истинной колыбелью человечества. Он хочет придать суевериям научную основу.

— Тогда останови его.

— Не могу. Честно тебе говорю — не могу. Есть мнение, что наместники могут все. Но это не так. Этот человек, Алварден, имеет письменное разрешение от Отдела Внешних Провинций. Так что

оно полностью превосходит мои полномочия. Разрешение вдобавок одобрено Императором. Я ничего не могу сделать, не обратившись предварительно в Центральный Совет, что заняло бы месяцы… И какую я смогу выставить причину? Если бы я попытался остановить его силой, такое мое действие рассматривалось бы как попытка восстания, а ты знаешь о готовности Центрального Совета удалить любого исполнителя, преступившего, по его мнению, возможную черту. И что потом? Я был бы заменен кем-нибудь другим, кто вообще не разобрался бы в ситуации, и тогда Алварден смог бы с успехом сделать все, что посчитал бы нужным. И это еще самое худшее, Флора. Тебе известно, как он намерен доказать изначальность Земли? Попробуй догадаться.

Флора тихо засмеялась.

— Ты смеешься надо мной, Энниус. Как я могу догадаться? Я не археолог. Полагаю, он попытается выкопать статую или кости и датировать их.

— Хотел бы я, чтобы это было так. Алварден сказал мне вчера, что он намеревается сделать. Он хочет пойти в радиоактивные зоны Земли. Он намерен искать в таких местах следы пребывания человека, доказать, что человек существовал ранее того времени, как Земля стала радиоак-

тивной, ибо он настаивает, что радиоактивность — дело человеческих рук. И таким образом он обоснует новую хронологию.

— Но это почти то же, что говорила я.

— Тебе известно, что значит войти туда, где имеется радиоактивность? Это запрещенные зоны. Один из самых наистрожайших обычаев из всех тех, которых придерживаются земляне. Никто не смеет проникнуть на запрещенные земли, а все радиоактивные земли — запрещенные.

— Но тогда все в порядке. Алварден будет остановлен самими землянами.

— О, прекрасно! Он будет остановлен Верховным Министром! А каким образом мы сможем убедить его в том, что Империя не намеревалась провести намеренный акт святотатства?

— Верховный Министр не может быть таким чувствительным.

— Не может? — Энниус подался назад, глядя на жену. Лицо его было едва видимым в ночной тьме. — Твоя наивность удивительно трогательна. Конечно же, он вполне может быть таким чувствительным. Известно ли тебе, что случилось… о, лет тридцать назад? Я расскажу тебе, а потом — суди сама.

Случилось так, что Земля получила разрешение

не носить знаков господства Империи, поскольку она настаивала на своем автономном праве правления в Галактике. Но потом молодой Станнельп — мальчик-император, который был некоторым образом душевно нездоровым и которого с помощью убийства удалили от трона через два года правления, — ты должна помнить! — приказал, чтобы знаки императорского отличия были установлены на здании Совета в Вашине. Само по себе это требование благоразумно, поскольку эти знаки присутствуют на здании каждого планетарного Совета Галактики как символ императорского единства. Но что произошло в этом случае? В день появления знаков город превратился в средоточение безумцев. Сумасшедшие Вашина сорвали все знаки и поднялись против гарнизона. Со стороны Станнельпа было явным безумством требовать выполнения приказа, ибо это означало убийство каждого живого землянина, но он был убит раньше, чем смог завершить свое начинание, а Эдард, его преемник, отменил приказ. И снова установился мир.

— Ты хочешь сказать, — недоверчиво проговорила Флора, — что имперские знаки не были водворены на место?

— Именно это я и имею в виду. Клянусь звез-

дами, среди миллиардов других планет Земля одна не имеет знаков Империи на здании своего Совета. Несчастная планета, на которой мы находимся… И даже сегодня, если мы снова попытаемся установить эти знаки, земляне станут драться до последнего Человека, и нам придется убить этого последнего человека, прежде чем мы сможем выполнить то, что хотим. А ты спрашиваешь меня, не будут ли они чувствительны. Говорю тебе, они безумцы.

Они долго молчали, пока вновь не зазвучал голос Флоры, на этот раз несколько неуверенный.

— Энниус?

— Да.

— Ты обеспокоен не только возможностью восстания и влиянием его на твою репутацию. Я не была бы твоей женой, если бы не могла наполовину читать твои мысли. Мне кажется, ты ожидаешь чего-то по-настоящему опасного для Империи… Не нужно ничего от меня скрывать, Энниус. Ты боишься, что земляне могут победить.

— Флора, я не могу об этом говорить.

В его глазах застыло мученическое выражение.

— Это даже не предчувствие… Может быть,

четыре года на этой планете чересчур длительный срок для психически здорового человека. Но почему эти земляне такие самоуверенные?

— Откуда ты знаешь, что это так?

— О, это так. У меня тоже есть собственные источники информации. В конце концов, их три раза били, и у них не должно остаться иллюзий. И все же они прямо смотрят в лицо двум миллионам миров, каждый из которых намного сильнее Земли, и чувствуют себя уверенно. Могут ли они действительно быть так крепки в своей вере относительно собственной судьбы или некоей сверхъестественной силы… в чем-то, что имеет смысл только для них? Может быть… Может быть…

— Что «может быть», Энниус?

— Может быть, у них есть свое оружие?

— Оружие, которое позволит одному миру победить два миллиона других миров? Ты шутишь. Ни одно оружие на такое неспособно.

— Я уже говорил о синапсифере.

— А я говорила тебе о том, кто и как об этом позаботиться. Тебе известен какой-нибудь тип оружия, который они могли бы использовать?

— Нет, — последовал неохотный ответ.

— Конечно. Потому что такое оружие невоз-

можно. А теперь я скажу тебе, что нужно делать. Почему бы тебе не связаться с Верховным Министром и, как можно скорее и искренне, не предупредить его о планах Алвардена? С глазу на глаз, конфиденциально, так, чтобы он тебе поверил. Тогда у него не останется сомнений в том, что у имперского правительства нет никаких намерений нарушить их обычаи. В то же время это позволило бы тебе остановить Алвардена, самому не показываясь на арене. Потом Отдел можно попросить о двух хороших психологах — или, лучше, попросить о четырех, тогда двух пришлют наверняка — и они обследовали бы возможности синапсифера… А обо всем другом позаботятся ваши солдаты, в то время как наши потомки могут заботиться сами о себе…

А теперь, почему бы тебе не поспать прямо здесь? Мы можем поставить кресло вон туда, а моя меховая накидка послужит тебе одеялом, завтрак же тебе подадут, когда ты проснешься. При дневном свете все кажется иным.

Так и случилось. Энниус, прободрствовав всю ночь, уснул за пять минут до рассвета.

Это произошло спустя восемь часов после того, как Верховный Министр впервые узнал о Беле Алвардене и его миссии от самого Прокуратора.

Глава 7
Разговор с безумцами

Что касается Алвардена, он был озабочен только своими каникулами. Его корабль «Кофиукус» задерживался по меньшей мере на месяц, таким образом, он мог провести целый месяц по своему желанию.

Итак, на шестой день после своего прибытия на Эверест, Алварден нанял в Воздушной Транспортной компании самый большой стратосферный реактивный самолет, совершающий путь между Эверестом и земной столицей — Вашином.

Если он воспользовался не скоростным крейсером, предоставленным в его распоряжение Энниусом, а торговым лайнером, то сделал это намеренно, из-за понятного любопытства чужеземца и археолога к обычной жизни людей, населяющих такую планету, как Земля.

А также и по другой причине.

Алварден был родом из Сирианского сектора, который считал себя выше всех в Галактике и в котором антиземные настроения были наиболее сильны. Однако ему всегда нравилось думать, что

сам он свободен от такого рода предрассудков. Как ученый, как археолог, он не мог этого допустить. Конечно, он вырос среди привычных мыслей о землянах, как некоей карикатуре на человечество, и даже сейчас слово «землянин» казалось ему уродливым. Но настоящего предубеждения против землян у него не было.

По крайней мере, он так думал. Если бы землянин, к примеру, вдруг пожелал присоединиться к его экспедиции или выполнить для него какую-нибудь работу, обладая для этого достаточными способностями и возможностями, он бы пошел ему навстречу. Если бы, конечно, другие члены экспедиции не слишком возражали.

Он обдумал эту возможность. Безусловно, у него не возникло бы возражений против того, чтобы есть в обществе землянина или переночевать у него в случае необходимости — допуская, что землянин был достаточно чистым и здоровым. Он, естественно, обращался бы с ним, как с любым другим чужеземцем, думал он.

Не стоило, однако, отрицать того факта, что все же землянин оставался землянином. И здесь уже ничего нельзя было сделать. То был результат созревания Алвардена в атмосфере такого фанатизма, что полнота его была почти неосязаемой,

а его всепроницаемость становилась как бы второй натурой.

Теперь же представлялась возможность испытать себя. Он находился в самолете, где его окружали одни земляне, но чувствовал он себя так же, как обычно. Ну, может быть, чуточку по-другому.

Алварден оглядел обычные ординарные лица пассажиров. Предполагалось, что они должны быть иными, чем у чужеземцев, но смог бы он уловить эту разницу, повстречай одного из сидящих здесь людей случайно в толпе на одной из других планет Галактики? Женщины на Земле были отнюдь не уродками. Он нахмурился. Конечно, о смешении путем брака невозможно было даже и думать.

Сам самолет был в его глазах небольшой штуковиной несовершенной конструкции. Конечно, он работал на атомной энергии, но эксплуатация реактивного принципа была далека от совершенства. Прежде всего, силовое устройство самолета не было как следует защищено. Алварден подумал о том, что присутствие потока гамма-лучей и постоянная высокая нейтронная плотность в атмосфере могли бы с успехом воздействовать на землян — по крайней мере эффективнее, чем

на остальных.

Потом его взору открылось интересное зрелище. С высоты темных винно-пурпурных слоев атмосферы Земля являла собой странную картину. Массивные и мглистые пространства были окрашены в оранжевый цвет — цвет пустыни. За ними начиналась темная ночная полоса, за которой сумрачной тенью маячили радиоактивные территории.

Смех отвлек его от созерцания Земли. Смеялись, кажется, над пожилой располневшей парой.

Алварден наклонился к своему соседу.

— Что происходит?

Сосед, помолчав, ответил:

— Они женаты сорок лет и теперь совершают Большой Тур.

— Большой Тур?

— Ну да. Вокруг Земли.

Пожилой человек, покраснев от удовольствия, описывал свои впечатления и делился опытом. Его жена тоже время от времени вставляла замечания, уточняя ничего не значащие детали. Оба находились в превосходном расположении духа. Остальные слушали их со вниманием, так что Алвардену показалось, что земляне столь же человечны, как и другие люди Галактики.

А потом кто-то спросил:

— И когда вы подойдете к Шестидесяти?

— Примерно через месяц, — последовал радостный ответ. — 16-го ноября.

— Что ж, — ответил тот, кто задал вопрос, — надеюсь, в этот день будет хорошая погода. Мой отец достиг своих Шестидесяти в чертовски дождливый день. Лило, как из ведра. Я ничего подобного не видел ни до, ни после. Я отправился к ним — в такой день, знаете, каждому хочется иметь провожатого, — и он всю дорогу жаловался на дождь. У нас был открытый «бьюхил», понимаете, и мы все вымокли. «Слушай, — сказал я, — тебе-то не на что жаловаться, папа. Возвращаться-то придется мне».

Раздался общий взрыв смеха, к которому с готовностью присоединилась и пожилая пара. Алварден, однако, почувствовал, как ужас проник ему в душу в то время, как в его мозгу зародилось смутное и неприятное подозрение.

Он сказал своему соседу:

— Эти Шестьдесят, предмет здешнего разговора, я понимаю так, что в этом возрасте подвергаются утаназии. Я хочу сказать, вы убираете их с пути, когда они достигают Шестидесяти, не так ли?

Голос Алвардена заметно дрогнул, так что его

сосед, издав последний смешок, повернулся на своем сиденье и оглядел своего спутника долгим подозрительным взглядом. Наконец, он сказал:

— Ну, а вы как думаете, что он имел в виду?

Алварден неопределенно махнул рукой и довольно глупо улыбнулся. Он знал обычай, но только теоретически. Как нечто вычитанное из научного журнала. Но теперь этот обычай предстал перед ним в ином свете, касающемся живых людей, мужчин и женщин, его окружающих. Все они, согласно обычаю, не могли жить больше шестидесяти лет.

Человек, который сидел рядом с ним, по-прежнему не спускал с него глаз.

— И откуда ты такой взялся, парень? Неужели там, откуда ты родом, ничего неизвестно о Шестидесяти?

— Мы называем это «временем», — слабо ответил Алварден. — Сам я из тех мест. — Он ткнул большим пальцем через плечо, и через четверть минуты его недоверчивый спутник перестал сверлить его взглядом.

Губы Алвардена дрогнули. Эти люди были так подозрительны. По крайней мере, эта грань карикатурного образа землян, известная ему с детства, совпадала с действительностью.

Пожилой человек заговорил снова:

— Она отправляется вместе со мной, — сказал он, кивая в сторону своей улыбающейся жены. — У нас остается еще три месяца, но в ее ожидании нет смысла, так она думает, и мы отправляемся вместе. Ведь правда, Чабби?

— О, да, — ответила та, радостно хихикая. — Все наши дети имеют свои семьи и свой дом. Я была бы им только обузой. Кроме того, без моего старика я не смогу как следует насладиться оставшимся временем, так что мы отправимся вместе.

Все пассажиры, казалось, углубились в подсчеты, сколько времени еще осталось у каждого из них, и эти подсчеты даже вызвали споры у нескольких семейных пар.

Один маленький мужчина в плотной одежде и с решительным выражением лица напористо бросил:

— Мне остается ровно двенадцать лет, три месяца и четыре дня.

Кто-то благосклонно добавил:

— Если вы не умрете раньше.

— Чепуха, — последовал немедленный ответ. — Я не имею такого намерения. Я проживу ровно двенадцать лет, три месяца и четыре дня. — И вид у него сделался самым свирепым.

Спокойный молодой человек извлек изо рта щегольскую длинную сигарету и сказал, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Хорошо тем, кто может так просто высчитать свой день. Есть много таких, что живут и после своего времени.

— А, конечно, — подхватил другой, и все закивали с возмущенным видом.

— Нет, — продолжал тот, — я вовсе не вижу ничего удивительного в том, что мужчина или женщина хотят пожить После своего дня рождения до следующего Совета, особенно если у них есть какие-то дела, которые следует решить. А вот всякие там уклонщики и паразиты, это другое дело.

Алварден мягко спросил:

— Но разве возраст каждого не регистрируется? Ведь невозможно с успехом и надолго проскочить день своего рождения, не так ли?

Последовало общее молчание, насыщенное презрением к подобному глупому идеализму. Наконец, кто-то сказал на дипломатический манер, как будто пытаясь закончить разговор:

— Ну, я полагаю, особых возможностей пожить после Шестидесяти нет.

— Если только ты не фермер, — сердито вста-

вил другой. — После того, как проработаешь полстолетия на полях, будешь просто безумцем, если не захочешь с этим покончить. А вот насчет администраторов или бизнесменов…

Наконец, пожилой человек, чья сороковая годовщина свадьбы и послужила началом разговора, решил высказать свое мнение, осмелевший, возможно, потому, что как ближайшей жертве терять ему нечего.

— Если говорить об этом, — сказал он, — то все зависит от того, кого вы знаете. — И он подмигнул с таинственным видом. — Я когда-то знал человека, которому Шестьдесят исполнилось через год после 810 Цензуса, и он прожил до 820, который его и поймал. Ему было 69 лет, когда он ушел. Только подумайте!

— Как ему это удалось?

— У него было немного денег, а его брат был одним из Общества Древних. Имея подобные связи, можно сделать все, что угодно.

Его замечание встретило явное одобрение.

— Послушайте, — с чувством начал молодой человек с сигаретой, — у меня был дядя, который жил год после Шестидесяти — только год. Он был одним из тех самодовольных мужчин, которые не чувствуют склонности уходить, и до нас,

остальных, ему не было никакого дела… Я об этом не знал, понимаете ли, а то бы я о нем сообщил. Это только честно по отношению к следующему поколению. Наконец, его поймали, я об этом узнал, это тогда, когда Братство вызвало меня и моего брата и пожелало выяснить, почему мы не сообщили. Я сказал, что никто в моей семье об этом не знал. И мой старик нас поддержал. Но все равно нам пришлось выложить 500 кредиток. Тут уж выбора не остается.

Тревога охватывала Алвардена все больше. Безумцы ли эти люди, что так легко соглашаются со смертью и даже не желают помогать своим друзьям или родственникам избежать ее? Не мог ли он, по какому-то стечению обстоятельств, оказаться на корабле, везущем безумцев в лечебницу… или в утаназий? Или же это просто земляне?

Его сосед вновь смотрел, на него, нахмурившись, и его голос прервал течение мыслей Алвардена?

— Эй, парень, а где это «вон там»?

— Простите?

— Я сказал, откуда вы взялись? Вы сказали — «вон оттуда». Что это за «оттуда»? А?

Алварден почувствовал, как взгляды присут-

ствующих устремились на него, и в каждом тлела искра подозрения. Не считают ли они его членом Общества Древних? А может, его вопросы навели их на мысль о том, что он принадлежит к категории «агентов-провокаторов»?

И тогда он решил ответить со всей откровенностью:

— Я не с Земли. Я — Бел Алварден из Баронна, сектор Сириус. А вас как зовут? — И он протянул руку.

С таким же успехом он мог швырнуть в центр самолета бомбу.

Первой реакцией пассажиров был молчаливый ужас, отразившийся на их лицах, следующей — гаев, вспыхнувший в них, как пламя. Человек, сидевший рядом с ним, быстро вскочил и кинулся к другому сиденью. Два человека, уже занимающих его, подвинулись, чтобы дать место новичку.

Все отвернулись от него. Он оказался отгороженным рядами спин. На мгновение Алварден ощутил прилив негодования. Земляне смеют так обращаться с ним, земляне! Он протянул им руку дружбы, он, сирианин, пришел к ним с миром, а они отвергают его.

Потом, с усилием, он отогнал эти мысли. Было

очевидно, что презрение никогда не бывает односторонним, что ненависть вызывает ненависть.

Он почувствовал, что за его спиной кто-то находится, и обернулся.

Это был молодой человек с сигаретой.

— Хэлло, — сказал он. — Меня зовут Грин… Не позволяйте этим ничтожествам задевать вас.

— Меня никто не задевает, — коротко ответил Алварден. Он был не слишком доволен обществом пассажиров и находился в состоянии, не подходящем для выслушивания советов от землянина.

Но Грин не был приучен различать эмоциональные оттенки в речи других. Он еще раз пыхнул сигаретой и сбросил пепел в средний проход.

— Провинциалы! — с презрением прошептал он. — Кучка фермеров, не больше… Они лишены галактической широты. Не обращайте на них внимания. Возьмите вот меня. У меня иная философия.

— Да?

— Живи сам и позволяй жить другим, вот что я говорю. Я ничего не имею против Внешних. Если они хотят быть со мной дружелюбными, я тоже буду с ними таким же. Какого черта… Они же не

могут быть Внешними по желанию. Ведь я прав, не так ли? — и он фамильярно коснулся запястья Алвардена.

Алварден кивнул, хотя прикосновение вызвало у него странное чувство. Социальный контакт с человеком, сожалеющим о том, что упустил случай сообщить о грядущей смерти своего дяди, был не из приятных.

Грин подался вперед.

— Вы в Чику? Как вы сказали вас зовут? Алварден?

— Алварден. Я направляюсь в Чику.

— Мой родной город. Лучший на Земле. Долго собираетесь там пробыть?

— Может быть. У меня нет определенного плана.

— Гм… А вы не будете возражать, если я скажу, что мне понравилась ваша рубашка? Можно я посмотрю ее поближе? На Сириусе сделана, а?

— Да.

— Отличный материал. На Земле ничего такого не достанешь… Послушайте, приятель, в вашем багаже нет такой запасной, а? Я бы заплатил, если бы вы захотели ее продать. Отличная штука.

Алварден отрицательно покачал головой.

— Очень жаль, но я взял с собой слишком мало

вещей. Я рассчитывал купить вещи здесь, на Земле.

— Я дам пятьдесят кредиток, — сказал Грин.

Наступило молчание. Он добавил:

— Это хорошая цена.

— Очень хорошая, — согласился Алварден, — но, как я уже вам сказал, у меня нет рубашки, которую можно бы было продать.

— Ну… — Грин пожал плечами. — Вы рассчитываете пробыть на Земле достаточно долго, насколько я понял.

— Может быть.

— А чем вы занимаетесь?

Археолог подавил готовое вырваться наружу раздражение.

— Послушайте, мистер Грин, если вы не возражаете, я немного устал и хотел бы отдохнуть. Вас это не обидит?

Грин нахмурился.

— А что такое с вами? Ваши люди что, не верят в вежливость? Я просто задаю вам вежливые вопросы, и нечего наступать мне на пятки.

Разговор, до этого шедший вполголоса, теперь возвысился почти до крика. Враждебность просто повисла в воздухе, и губы археолога сомкнулись в тонкую нить.

Он сам на это напросился, с горечью решил он про себя. Он не попал бы в подобную переделку, если бы сидел и молчал, если бы не стал испытывать силу дурацкой терпимости на людях, которым она совершенно не нужна.

Он примирительно сказал:

— Мистер Грин, я не просил вас присоединяться ко мне, и я не был невежливым. Повторяю, я устал и хотел бы отдохнуть. Думаю, ничего необычного в этом нет.

— Послушайте. — Молодой человек поднялся со своего сиденья, гневным жестом отбросил сигарету и ткнул в своего противника пальцем. — Не нужно вести себя со мной так, как будто я собака или что-то в этом роде. Вы, вонючие Внешние, являетесь сюда со своими прекрасными рассуждениями и надменностью и думаете, что это дает вам право топтать нас всех. Мы этого терпеть не намерены. Если вам это не нравится, можете убираться туда, откуда явились. Думаете, я вас испугаюсь?

Алварден отвернулся и неподвижным взором уставился в окно.

Грин больше ничего не сказал и снова занял собственное место. Со всех сторон неслась взволнованный шепот, на который Алварден не обращал

внимания. Он скорее чувствовал, чем видел, обращенные на него пронзительные и недовольные взгляды. Но всему приходит конец, пришел конец и этому инциденту.

На него перестали обращать внимание, и он закончил путешествие в одиночестве и молчании.

Посадка в аэропорту Чика была приятной. Вид с воздуха «лучшего города на Земле» заставил Алвардена улыбнуться, но, тем не менее, он нашел это место неплохой заменой тревожной и недружелюбной атмосферы самолета.

Он проследил за разгрузкой багажа и размещением его в бьюхиле. По крайней мере, здесь он был единственным пассажиром, поэтому если он воздержится от бесполезных разговоров с водителем, все должно благополучно обойтись.

— Дом Совета, — сказал он водителю, и они отправились.

Так Алварден впервые попал в Чику, и появился он здесь как раз в тот день, когда Иосиф Шварц бежал из своей комнаты в Институте Атомных Исследований.

Грин наблюдал за отъездом Алвардена с горькой полуусмешкой. Он извлек из кармана маленькую красную записную книжку и внимательно изучил ее. Удалось немного вытянуть

из пассажиров, несмотря на историю насчет своего дяди, которую он раньше использовал с хорошими результатами. Старикан пожаловался на людей, живущих дольше своего времени, и обвинил в «соучастии» Древних. Это могло бы заинтересовать Братство. Но старик все равно через месяц подъедет к Шестидесяти. Нет смысла записывать его имя.

А вот с Внешними — другое дело. Он с видимым удовольствием отметил: Бел Алварден, Баронн, сектор Сириус, любопытство насчет шестидесяти, не хочет говорить о своих намерениях, прибыл в Чику на коммерческом самолете в 11 вечера по чикскому времени, 12 октября — ярко выраженные антиземные настроения.

Может быть, на этот раз ему действительно повезло. Собирать всякие замечания циников — нудная работа, но такие вот вещи могут сработать.

Братство должно получить его рапорт менее чем через полчаса. Он лениво побрел с поля.

Глава 8
Разговор в Чике

Доктор Шент в двадцатый раз пробежал книгу записей об опыте, потом посмотрел на вошедшую в его кабинет Полу. Она хмурилась, надевая лабораторный халат.

— Отец, неужели ты еще не поел?

— А? Конечно, поел… О, что это?

— Это ленч. То есть был когда-то ленч. То, что ты съел, было когда-то завтраком. Ну, скажи, есть ли смысл в том, что я готовлю еду и приношу ее сюда, если ты не думаешь ее есть. Уж лучше тебе тогда ходить домой.

— Не волнуйся. Я все съем. Я не могу прерывать важный эксперимент ради еды.

Взгляд его загорелся весельем.

— Ты не представляешь себе, — сказал он, — какой добрый человек этот Шварц. Я говорил тебе о строении его черепа?

— Ты говорил мне, что оно примитивное.

— Но это не все. У него тридцать два зуба: четыре коренных сверху и снизу, слева и справа, считая один искусственный, должно быть, са-

модельный. По крайней мере, мне никогда не приходилось видеть мост, который имел бы металлические зубы и соединял их с естественными зубами… Но ты видала кого-нибудь с тридцатью двумя зубами?

— Я не хочу считать у людей зубы, отец. А какое верное число… тридцать восемь?

— Это так же верно, как космос… но я еще не закончил. Вчера мне сделали анализы пищеварительных органов. И, как ты думаешь, что мы нашли?.. Угадай!

— Кишки?

— Пола, ты нарочно меня дразнишь, но мне все равно. Можешь не гадать, я тебе скажу. У Шварца имеется аппендикс длиной в три с половиной дюйма, и он открытый. Великая Галактика! Я справился в Медицинской школе — осторожно, конечно. Аппендиксы практически не бывают длиннее, чем полдюйма, и они никогда не бывают открытыми.

— Что же это означает?

— Да он же ходячий атавизм, просто допотопность какая-то. — Шент поднялся с кресла и принялся расхаживать по комнате. — Вот что я тебе скажу, Пола. Я не думаю, что мы позволим Шварцу уйти. Он — слишком ценный экземпляр.

— Нет, нет, отец, — быстро проговорила Пола. — Ты не можешь этого сделать. Ты обещал фермеру вернуть Шварца. И ты должен сделать это ради самого Шварца. Он несчастен!

— Несчастен! Но мы же обращаемся с ним, как с богатым Внешним.

— Какая разница? Бедняге нужны его люди и его ферма. Он прожил там всю жизнь. А теперь он пережил пугающее впечатление — болезненное, судя по всему, что я знаю, — и разум его работает по-другому. Он не ждет, что его поймут. Мы должны подумать о его человеческих правах и вернуть его домой.

— Но, Пола, требования науки…

— Ах, перестань! Причем тут требования науки? Что скажет Братство, когда услышит о твоем самодеятельном эксперименте? Ты думаешь, ему есть дело до требований науки? Подумай о себе, если не хочешь подумать о Шварце? Чем дольше ты его будешь держать, тем больше шансов, что об этом узнают. Ты отправишь его домой завтра вечером, как и договорились, слышишь?.. А сейчас я пойду и узнаю, не нужно ли Шварцу что-нибудь перед обедом.

Не прошло и пяти минут, как она вернулась, бледная и потрясенная.

— Отец, он ушел!

— Кто ушел? — непонимающе спросил Шент.

— Шварц же! — крикнула она, не сдерживая слез. — Ты, должно быть, забыл запереть дверь.

— Когда?

— Не знаю. Ты давно вернулся?

— И пятнадцати минут не будет. Я пробыл здесь минуту-другую до твоего прихода.

— Тогда ладно. — Внезапно она сделалась очень решительной. — Я побежала. Может, он блуждает по окрестностям. Ты останешься здесь. Если его поймают, то не должны связывать с тобой. Понимаешь?

Шент смог только кивнуть головой.

Иосиф Шварц не почувствовал особого волнения, когда поменял больничное заключение на широты города. Он не обманывал себя тем, будто имеет определенный план действия. Он знал, и знал хорошо, что просто импровизирует.

Если им и руководил какой-то рациональный интерес (хоть сколько отличный от слепого желания поменять затворничество на какую-нибудь деятельность), то это была надежда, что случайно какая-нибудь грань жизни вернет ему ускользнувшую память. Если только он действительно оказался жертвой амнезии, в чем он не был пол-

ностью уверен.

Первые впечатления от города не доставили ему, однако, радости. Дело шло к вечеру, и в солнечном свете Чика казалась молочно-белой. Здания выглядели будто построенными из фарфора, как фермерский дом, который он увидел первым.

Глубоко укоренившееся чувство подсказывало ему, что город должен быть коричневым и красным. И что он должен быть гораздо грязнее. Он был уверен в этом.

Он медленно брел, и ему почему-то казалось, что систематичность его поисков организованнее от этого не будет. Он знал это, сам не понимая, почему он это знает. Если говорить точнее, то за последние пять дней он обнаружил в себе растущую чувствительность к «атмосфере» и «ощущению» окружающих его вещей. То была странность его разума с тех пор… с тех пор…

Тут мысли его натолкнулись на невидимую преграду.

В любом случае «атмосфера» больницы-тюрьмы была атмосферой тайны, и пугающей тайны, как ему казалось. Поэтому они не могли пойти на его открытое преследование. Он знал об этом. Но почему он должен был знать? Была ли странная

деятельность его разума частью того, что входит в понятие «амнезии»?

Он достиг перекрестка. Колесные машины встречались довольно редко. Пешеходы были… пешеходами.

Их одежда была многоцветной и производила смехотворное впечатление, на ней не было ни одной пуговицы или шва. Но такой же была и на нем. Он подивился тому, куда же делась его собственная старая одежда, та, которую он помнил.

Он так явно помнил свою одежду, своих детей… Они не могли быть фикцией. Он внезапно остановился, желая собрать воедино остатки памяти. Возможно, дети были искаженными версиями реальных людей в этой кажущейся такой нереальной жизни.

Люди проходили мимо него, и до него доносилось их невнятное бормотание. Он пошел дальше. Вдруг его поразила мысль о том, что он голоден, и о том, что у него нет денег.

Он огляделся. Ничего, что напоминало бы ресторан, не было видно. Да, но как он узнает, он же не может читать.

Он вглядывался в каждый магазин, мимо которого проходил… А потом он увидел такой, внутри которого стояли маленькие, отделенные друг

от друга столики, каждый на два человека. За одним из них сидели двое, за другим — один. И люди ели.

По крайней мере, это не изменилось.

Он сделал шаг, но тут же остановился и задумался. Не было ни стойки, ни приспособлений для приготовления пищи, ни других признаков кухни. Его мысль состояла в том, чтобы предложить свои услуги для мытья посуды, — но кому он их мог предложить?

Решившись, он подошел к двум обедающим. Он указал на блюда на их столике и жалобно сказал:

— Еда? Где? Пожалуйста.

Они посмотрели на него с удивлением. Один быстро и весьма непонятно заговорил, похлопав по небольшому сооружению у другого конца столика, который примыкал к стене. Второй нетерпеливо присоединился к нему.

Шварц опустил глаза. Он повернулся, намереваясь уйти, и тут же ощутил на себе прикосновение чьей-то руки.

Гранц увидел Шварца, когда последний еще только вглядывался вовнутрь зала сквозь стекло.

Он сказал:

— Чего он хочет?

Месстер, сидевший за маленьким столиком спиной к улице, оглянулся, пожал плечами и ничего не ответил.

Гранц сказал:

— Он входит.

Месстер ответил:

— Ну и что?

— Ничего. Просто сказал.

Через несколько мгновений вошедший, беспомощно оглядевшись, приблизился и, показав на вареную говядину, сказал со странным акцентом:

— Еда? Где? Пожалуйста.

Гранц поднял голову.

— Еда вот здесь, приятель. Только сядь за любой стол, какой тебе по нраву, да используй едомат… Едомат! Неужели ты не знаешь, что такое едомат?.. Ты только посмотри на этого несчастного сопляка, Месстер. Он смотрит на меня так, будто не понимает ни слова из того, что я сказал. Эй, парень, вот, смотри. Опусти сюда монету и дай мне поесть, идет?

— Оставь его, — проворчал Месстер. — Обычный попрошайка, подачки ждет.

— Эй, подожди-ка. — Гранц схватил Шварца за рукав и, несмотря на протесты Месстера, сказал:

— Космос, да пусть парень поест. Возможно, он скоро достигнет Шестидесяти. Может, это последнее, чем я могу помочь ему… Эй, парень, у тебя деньги есть? Да будь я проклят, он все еще меня не понимает. Деньги, приятель, деньги! Это… — И он вытащил сверкающую монету в полкредита из кармана и подбросил ее в воздух.

— Есть у тебя такая? — спросил он.

Шварц покачал головой.

— Ну, тогда держи это от меня! — он убрал полкредита и достал другую монету, значительно более мелкую.

Шварц уверенно взял ее.

— Отлично. Только не стой ты здесь так. Сунь ее в автомат. Вон в ту штуковину.

Внезапно Шварц обнаружил, что понимает. Едомат имел ряд отверстий для монет разных размеров и ряд кнопок, расположенных напротив маленьких молочного цвета многоугольников. Шварц указал на еду на столе и пробежал указательным пальцем вверх и вниз по рядам кнопок, вопросительно поднимая брови.

Месстер в раздражении сказал:

— Сэндвич для него нехорош. Попрошайки в наши дни просто обнаглели. И нечего с ним церемониться, Гранц.

— Ладно. Так или иначе, завтра день выплаты… Сюда, — сказал он Шварцу.

Он поместил собственные монеты в едомат и из ниши в стене извлек большой металлический поднос.

— Забирай его на другой стол… Ну-ка, держи еще десятку. Купишь себе чашечку кофе на нее.

Шварц осторожно пошел с подносом к следующему столу. Чаша, стоящая на подносе, имела сбоку кнопку. Когда он нажал на нее, крышка отъехала в сторону.

Еда, непохожая на ту, что, как он видел, ели остальные, была холодной. Но то была лишь деталь. Через минуту-другую после того, как только он начал есть, он обнаружил, что еда теплеет, а сама чаша нагрелась до такой степени, что к ней невозможно было прикоснуться. Встревоженный, он перестал есть и ждал.

Поднялась струйка пара. Затем еда снова охладилась, и Шварц закончил обед.

Гранц и Месстер еще сидели за своим столиком, когда он уходил, был там и третий человек, на которого, впрочем, Шварц не обратил никакого внимания. Точно так же не заметил Шварц и того, как худой маленький человек появился поблизости от него, когда он выходил из Института.

И этот человек все время был неподалеку.

Бел Алварден, помывшись и переодевшись, решительно последовал своему первоначальному намерению понаблюдать людей и животных земного образца в их естественной среде обитания. Погода была прохладной, сам город был светлым, спокойным и чистым.

Не так плохо.

«Чика — первая остановка, — подумал он. — Самая большая коллекция землян на планете. Потом идет Вашин, местная столица».

Он осмотрит весь западный континент (где проживала большая часть скудного земного населения) и, потратив на это дня два-три, вернется в Чику как раз в то время, когда должна прибыть экспедиция.

Очень поучительная поездка.

Когда день начал клониться к вечеру, он вошел в едомат и, ужиная, увидел маленькую драму, разыгравшуюся между двумя столиками. Наблюдение было отрывочным и рассеянным. Он отметил это просто как противодействие неприятному инциденту, пережитому им в реактивном транспорте. Двое за столом, очевидно, водители воздушных кэбов и небогатые люди, умели быть великодушными.

Попрошайка покинул едомат, и две минуты спустя вышел Алварден.

Улица становилась более людной по мере того, как рабочий день близился к концу.

Он поспешно отскочил в сторону, чтобы не столкнуться с молодой девушкой.

— Извините, — сказал он.

На ней была белая одежда, подчеркивающая строгость формы.

Ее взгляд был беспокойным, она то и дело вертела головой по сторонам, хотя и старалась делать это как можно более незаметнее. Ситуация была ясной.

Он слегка коснулся ее плеча.

— Не могу ли я помочь вам чем-нибудь? У вас неприятности?

Она остановилась и, обернувшись, посмотрела на него. Алварден определил ее возраст между 19 и 21 годами и, внимательно вглядываясь в ее каштановые волосы и темные глаза, высокие скулы и тонкий подбородок, изящную талию и грациозную осанку, внезапно обнаружил, что имя землянки придает ей некую долю пикантности.

Она продолжала смотреть на него и, когда заговорила, решимость, казалось, покинула ее.

— О, ничего страшного. Не беспокойтесь обо мне, прошу вас. Просто смешно надеяться на то, что можешь найти кого-то, когда не имеешь ни малейшего понятия о том, куда он пропал. — Тут она, казалось, совсем потеряла присутствие духа, и слезы навернулись ей на глаза. — Вы не видели полного человека, лет пятидесяти, одетого в зеленое и белое, без шляпы, лысоватого?

Алварден удивленно взглянул не нее.

— Что? В зеленое и белое?.. О, мне просто не верится… А послушайте, этот человек, которого вы ищете, он говорит с трудом?

— Да, да. Так вы его видели?

— Меньше чем пять минут назад он был здесь и ел вон с теми двумя людьми… Вон там… Послушайте! — Он помахал рукой.

Гранц первым обернулся к нему.

— Кэб, сэр?

— Нет, но если вы скажете молодой леди, что случилось с человеком, с которым вы ели, то вы все равно можете получить плату.

Гранц помолчал. Вид у него был печальный.

— Что ж, я с радостью бы вам помог, но раньше мне ни разу не приходилось его видеть.

Алварден обернулся к девушке.

— Послушайте, мисс, он не мог пойти в том

направлении, откуда вы пришли, иначе бы вы его встретили. И он не мог уйти далеко. Что если вам пройти дальше к северу? Я бы узнал его, если бы увидел.

Он предложил ей свою помощь, повинуясь невольному импульсу симпатии, однако по натуре Алварден не был импульсивным человеком. Он почувствовал, что улыбается ей.

Внезапно Гранц прервал его.

— А что он сделал, леди? Он ведь не нарушил какой-нибудь обычай, не так ли?

— Нет-нет, — поспешно ответила она. — Просто он немного болен, вот и все.

— Немного болен? — Он сдвинул на затылок форменную кепку и поскреб подбородок. — Как тебе это нравится, Гранц? Немного болен…

Он выжидающе посмотрел на своего спутника.

— Да что в тебя-то вселилось? — тревожно отозвался Гранц.

— Нечто, что делает меня немного больным. Этот парень, должно быть, прямо из больницы. Его ищет сестра и, я бы сказал, сестра довольно взволнованная. Почему бы ей так беспокоиться, если он немного болен? Он не мог как следует говорить, ты ведь заметил, не так ли?

В глазах Гранца вдруг зажегся огонек паниче-

ского страха.

— Ты не думаешь, что это лихорадка?

— Конечно же, я думаю, что это именно радиационная лихорадка… и он далеко ушел. Он был примерно в футе от нас, вот что. Это никогда не приносит ничего хорошего.

Рядом с ними оказался маленький человечек.

— В чем дело, дженты? У кого это радиационная лихорадка?

Его оглядели с явным неудовольствием.

— Кто вы?

— Вы хотите знать, кто я, не так ли? Я — посланник Братства, если уж быть точным. — Он сверкнул маленьким блестящим значком. — А теперь, именем Общества Древних, прошу ответить мне, что означают все эти ваши разговоры о радиационной лихорадке.

Угрюмо, голосом, полным страха, Месстер проговорил:

— Я ничего не знаю. Тут была сестра. Она искала какого-то больного, и я подумал, не радиационная ли это лихорадка. Это ведь не против обычаев, не так ли?

— Ха! Это вы мне говорите насчет обычаев, да? Вам лучше заниматься своим делом, а уж об обычаях предоставьте позаботиться мне.

Маленький человечек потер руки, бросил на них быстрый взгляд и поспешил к северу.

— Вот он! — Пола вцепилась в руку своего спутника.

Все произошло быстро, легко и случайно. Только что не было ничего, кроме отчаяния, и вдруг он материализовался и оказался стоящим у входа в магазин самообслуживания.

— Я его вижу, — прошептал Алварден. — Вам лучше отойти в сторону и позволить мне подойти к нему. Если он увидит вас и нырнет в толпу, вам его никогда не найти.

Они осторожно начали погоню. Внутри магазина человеческий поток, сдерживаемый барьерами, тек то быстро, то медленно.

Алварден осторожно огибал прилавки, преследуя Шварца так, будто тот был рыбой, попавшейся на крючок его удочки. Настигнув, наконец, Шварца, он крепко взял его за плечо.

На мгновение Шварц застыл с непонимающим выражением лица, потом рванулся вперед. Однако сильная рука Алвардена могла бы удержать и человека более сильного, чем Шварц. Не желая привлекать внимания толпы, Алварден проговорил, дружески улыбаясь:

— Хэлло, приятель, давненько я тебя не видел.

Как поживаешь?

«Обман слишком явен» — подумал он, глядя на недоумевающие лица в толпе. Но тут подоспела Пола.

— Шварц, — прошептала она, — пойдемте с нами.

На мгновение лицо Шварца исказило протестующее выражение, но потом он сдался.

Он с трудом проговорил:

— Я… идти… вместе… вы, — но его слова потонули в громких звуках внезапно ожившего громкоговорителя.

— Внимание! Внимание! Внимание! — раздался требовательный призыв, который все хозяева магазинов воспринимали совершенно однозначно. — Все обязаны предъявить свои регистрационные карточки охранникам возле двери. И необходимо, чтобы весь процесс проходил как можно быстрее.

Объявление было повторено трижды, и последний раз под звуки ритмичного шарканья ног, поскольку толпа начала выстраиваться в очередь у входа. Повсюду на разные голоса выкрикивался вопрос:

— Что случилось? Что происходит?

Алварден пожал плечами и сказал:

— Давайте встанем в очередь, мисс. Нам все равно нужно уходить.

Но Пола пожала плечами.

— Мы не можем…

— Почему же? — Археолог нахмурился.

Девушка отвернулась от него. Как могла она сказать, что у Шварца нет регистрационной карты? Кто он такой? Почему он ей помогает? Рой подозрительных и отчаянных предположений закружился у нее в голове.

Она поспешно проговорила:

— Вам лучше уйти, иначе вы попадете в беду.

Им пришлось войти в лифт, так как верхние этажи освободились. Алварден, Пола и Шварц являли собой маленький островок солидарности среди людской неразберихи.

Позже, вспоминая возникшую ситуацию, Алварден понял, что в этот момент он мог бы оставить девушку. Оставить ее! Никогда не увидеть ее снова! Не иметь ничего такого, в чем бы он мог себя упрекнуть!.. И все было бы по-другому. Огромная Галактическая Империя пошла бы навстречу хаосу и разрушению.

Он не оставил девушку. Ее едва ли можно было назвать хорошенькой в страхе и отчаянии. Никто не назвал бы ее таковой. Но Алварден был тронут

ее несчастьем.

Он сделал было шаг в сторону, но напоследок обернулся к ней.

— Вы намерены здесь остаться?

Она кивнула.

— Но почему? — спросил он настойчиво.

— Потому что… — И слезы хлынули рекой. — Я просто не знаю, что делать.

Она была маленькой испуганной девочкой, даже если и землянкой. Алварден тихо сказал:

— Если вы объясните мне, что случилось, я попытаюсь помочь.

Ответа не последовало.

Они остались втроем. Шварц опустился на пол. Он почувствовал такую слабость, что даже не пытался принять участие в разговоре или полюбопытствовать, почему магазин опустел. Он только опустил голову на руки, как в последнем приливе отчаяния. Пола рыдала — она никогда еще не была так напугана, как сейчас, и, возможно, никогда больше не будет.

Алварден, озадаченный, неуклюже и безрезультатно пытался успокоить Полу, гладя ее по плечу и сознавая, что впервые в жизни касается землянки.

И тут к ним подошел маленький человечек.

Глава 9
Конфликт в Чике

Лейтенант Мак Клауди из чикагского гарнизона лениво зевнул и с унылым и скучающим видом уставился в никуда. Заканчивался второй год его службы на Земле, и он страстно жаждал, чтобы его, наконец, заменили.

Нигде в Галактике проблема поддержания гарнизона не стояла так остро, как в этом ужасном мире. На других планетах существовали определенные товарищеские взаимоотношения между солдатом и гражданином, особенно гражданином женского пола. Имело место чувство свободы и откровения.

Но здесь гарнизон был тюрьмой. Здесь стояли противорадиационные бараки с фильтрами, очищающими воздух от радиоактивной пыли. Здесь нужно было носить пропитанную свинцом одежду, холодную и тяжелую, которую нельзя было снять, не подвергая себя при этом риску. Венец же всему — общение с населением (а отчаяние одиночества вполне могло бы привести солдата к общению с земной девушкой) было абсолютно

невозможным.

Что же оставалось тогда, кроме безделия и медленного отупения?

Лейтенант Клауди покачал головой, напрасно пытаясь прояснить ее таким способом, снова зевнул, сел и принялся чистить туфли. Посмотрев на часы, он решил, что время вечерней закуски еще не пришло.

А потом он вскочил на ноги, совершенно забыв о всклокоченных волосах, и отдал честь.

Полковник недовольно оглядел его, но ничего не сказал. Вместо этого он приказал официальным тоном:

— Лейтенант, имеются рапорта о буйствах в деловом квартале. Отправляйтесь со своими людьми к универмагу Лунками и возьмите его под охрану. Проследите за тем, чтобы все наши люди как следует защитили себя от возможной инфекции радиоактивной лихорадки.

— Радиоактивной лихорадки!? — воскликнул лейтенант. — Извините меня, сэр, но…

— Через пятнадцать минут вы должны быть на выходе, — холодно отрубил полковник.

Вначале Алварден увидел маленького человечка и застыл. В то время как тот приветственно махнул рукой.

— Привет, дружок. Скажи маленькой леди, что ей вовсе не следует пить воду.

Пола качнулась, дыхание ее пресеклось. Машинально она подалась к Алвардену, под защиту его высокой крепкой фигуры. Так же автоматически, он, защищая, обнял ее за плечи. И ему уже не пришло в голову, что он во второй раз обнимает землянку.

Он резко спросил:

— Что вы хотите?

Маленький человечек с острым взглядом решительно вышел из-за прилавка, усеянного пакетами. Речь его была развязной, но вместе с тем учтивой.

— У выхода охрана, — сказал он, — но вас она не будет беспокоить, мисс. Я отвезу вашего человека в Институт вместо вас.

— В какой Институт? — испуганно спросила Пола.

— А, да перестаньте вы, — сказал маленький человечек. — Я — Паттер, парень, который стоит у фруктового ларька как раз напротив Института Атомных Исследований. Я видел вас много раз.

— Послушайте, — вмешался Алварден, — в чем, собственно, дело?

Маленькое личико Паттера лукаво сморщи-

лось.

— Они думают, что у этого парня радиационная лихорадка…

— Радиационная лихорадка? — одновременно проговорили Пола и Алварден.

Паттер кивнул.

— Верно. С ним были два кэба, и они это сказали. Такие вещи быстро распространяются, знаете ли?

— Так эти охранники снаружи просто ищут кого-то с лихорадкой? — спросила Пола.

— Верно.

— А почему вы не боитесь лихорадки? — быстро спросил Алварден. — Насколько я понимаю, именно страх заражения заставил людей так быстро покинуть магазин.

— Конечно. Стража ждет на улице, они тоже боятся войти. Они ждут, пока Внешние не приведут сюда войска.

— А вы лихорадки не боитесь, не так ли?

— А чего мне ее бояться? У этого парня никакой лихорадки нет. Посмотрите на него. Где болячки на губах? И жара у него нет. Глаза у него нормальные. Я знаю, как выглядит эта самая лихорадка. Идемте, мисс, выйдем отсюда.

Но Пола опять испугалась.

— Нет-нет, мы не можем… Он… он…

Продолжать она не могла.

Паттер настойчиво сказал:

— Я могу вывести и его. Никаких вопросов не зададут. Регистрационные карточки спрашивать не будут.

Пола не смогла подавить легкий вскрик, и Алварден, с видом отвращения, спросил:

— А что вас делает таким важным?

Паттер хрипло засмеялся. Он отвернул лацкан.

— Посланник Общества Древних. Мне никто не задает вопросов.

— А вам-то что до всего этого?

— Деньги! Вы в затруднении, и я могу вам помочь. Не так дорого. Скажем, это стоит вам сотню кредитов. Пятьдесят кредитов сейчас, пятьдесят после.

Пола в ужасе прошептала:

— Вы отведете его к Древним?

— Зачем? Он им не нужен, а мне он стоит сотню кредитов. Если хотите дождаться Внешних, то они с радостью убьют парня раньше, чем обнаружат, что никакой лихорадки у него нет. Вы же знаете Внешних — им наплевать, убили ли они землянина или нет. Точнее, они предпочитают убить его.

Алварден сказал:

— Возьмите с собой молодую леди.

Но маленькие глазки Паттера были очень острыми и лукавыми.

— О, нет. Это — нет, дружище. Я иду на то, что называется «вычисленным риском». С одним я могу на это пойти, с двумя — нет. А если уж я беру одного, то того, кто стоит больше. Ну, теперь вам понятно?

— А что, — сказал Алварден, — если я схвачу вас за шиворот да переломаю вам ноги?

Паттер съежился, но тем не менее овладел собой и рассмеялся.

— Ну, тогда вы попались. Вас все равно хватятся, и будет еще одно убийство… Ладно, приятель, держите свои руки при себе.

— Прошу вас. — Пола тянула Алвардена за руку. — Пусть он делает, как говорит… Вы ведь будете с нами честными, не так ли, мистер Паттер?

Губы Паттера изогнулись.

— Наш большой друг мне руку чуть не сломал. Не надо было ему это делать. Я не люблю, когда меня тащат. За это я возьму еще сто кредитов. Всего двести.

— Мой отец вам заплатит…

— Сотню вперед, — угрюмо повторил тот.

— Но у меня нет с собой ста кредитов, — жалобно проговорила Пола.

— Все в порядке, мисс, — каменным голосом сказал Алварден. — Я позабочусь об этом.

Он открыл бумажник и вытащил несколько банкнот. Он швырнул их Паттеру.

— Убирайтесь!

— Идите с ним, Шварц, — прошептала Пола.

Ничего не сказав и не раздумывая, Шварц повиновался. В этот момент он столь же безропотно отправился бы и в ад.

Они остались одни, молча глядя друг на друга. Пола впервые по-настоящему разглядела Алвардена, и ее удивили его высокий рост, привлекательность, спокойствие и уверенность в себе. До сих пор она воспринимала его как некоего близкого и немотивирующего свои поступки помощника, но теперь… Внезапно она ощутила робость, и все события последних двух часов превратились в ее голове в сплошную путаницу, и сердце ее учащенно забилось.

Они даже не знали имен друг друга.

Она, улыбнувшись, сказала:

— Я — Пола Шент.

Алварден не видел еще ее улыбки и поймал себя на том, что она захватила его. Улыбка была,

как сияние, освежившее ее лицо. Она заставила его почувствовать… Но он силой заставил себя думать о другом. Земная девушка!

Поэтому он сказал с меньшей сердечностью, чем намеревался:

— Мое имя — Бел Алварден. — Он протянул ей руку, и на мгновение ее маленькая рука утонула в его крупной ладони.

Она сказала:

— Я должна поблагодарить вас за помощь.

Алварден только отмахнулся.

— Можем ли мы уйти? Я хочу сказать, что теперь, когда наш друг ушел и находится, как я полагаю, в безопасности…

— Я думаю, мы услышали бы страшный шум, если бы его схватили. А вы так не думаете? — Ее глаза умоляюще смотрели на него, ища поддержки, но он не поддался искушению проявить мягкость.

— Мы уходим?

Лицо ее стало более строгим.

— Да, конечно, — холодно сказала она.

В это время до них донесся резкий стон — глаза девушки округлились, а рука ее снова потянулась к руке спутника.

— Что такое? — спросил Алварден.

— Это имперцы.

— Вы их тоже боитесь? — спросил он с чувством превосходства не землянина, а Алвардена, сирианского археолога. Предубеждение ли это было или логически оправданный вопрос, но для него приближение имперских солдат могло во всяком случае означать только проявление здравого смысла и человечности. В нем, однако, оставалось и чувство снисхождения, и он подобрел.

— Не беспокойтесь насчет Внешних, — снизошел он до термина землян для обозначения инопланетян. — Я с ними справлюсь, мисс Шент.

Внезапно она встревожилась.

— О, не пытайтесь делать ничего подобного. Просто совсем с ними не разговаривайте. Делайте, как они скажут, и лучше на них не смотрите.

Алварден снисходительно улыбнулся.

Охранники увидели их, когда они подходили к главному выходу, и отступили. Они оказались в маленьком пустом пространстве, ограниченном обилием военных машин.

Потом появились бронированные машины, и солдаты со стеклянными шарами на головах стали спрыгивать с платформ. Толпа в панике расступалась перед ними, и это ее замешательство еще больше усиливалось свистом невротических

хлыстов.

Лейтенант Клауди подошел к охраннику-землянину у главного входа и сказал:

— Эй, так где тут лихорадка?

Голос его был слегка искажен защитным стеклом и казался металлическим.

Охранник в знак глубокого уважения наклонил голову.

— Если это понравится вашей чести, мы изолировали больного внутри магазина. Те двое перед вами.

— Вот эти? Хорошо! Пусть там и стоят. А теперь… в первую очередь мне нужно, чтобы отсюда убралась толпа. Сержант! Очистить площадь!

Солдаты принялись за дело. Сумрак все больше сгущался над Чикой, и толпа таяла в темнеющем воздухе. На улицах замерцал мягкий искусственный свет.

Лейтенант Клауди тронул тяжелым ботинком кончик невротического хлыста.

— Вы уверены в том, что больной землянин внутри?

— Он не выходил, ваша честь. Он должен быть там.

— Ладно, допустим, что он там, и не будем терять времени. Сержант! Обыскать здание!

Часть солдат, герметически изолированных от всех возможных контактов с Чикой, устремилась к зданию. Прошли медленные четверть часа, Алварден наблюдал за происходящим, как если бы смотрел за всем этим со стороны или присутствовал при эксперименте, который был ему интересен с профессиональной точки зрения.

Последний из солдат выбежал на улицу, магазин опустел и погрузился во тьму.

— Запечатать двери!

Прошло пять минут, и баки с дезинфекторами; помещенные в различных точках каждого этажа, пришли в действие. Струи вырвавшейся из них жидкости поливали стены, не оставляя сухим ни кусочка, наполняя воздух почти непереносимым зловонием. В такой атмосфере протоплазма выжить попросту не могла.

Лейтенант направился к Алвардену и Поле.

— Как его имя? — В голосе его не было жестокости, скорее звучало крайнее безразличие. «Был убит землянин, думал он. Что ж, в этот день он убил еще и муху. Итого — двое».

Он не получил ответа. Пола робко наклонила голову, а Алварден наблюдал за ним с любопытством. Имперский офицер не сводил с них взгляда. Он коротко бросил:

— Проверьте их на предмет инфекции.

Офицер со знаками отличия имперских медицинских войск подошел к ним, и его затянутая в перчатку рука ощупала их подмышки и разгладила уголки ртов, исследуя внутреннюю поверхность щек.

— Инфекции нет, лейтенант. Если бы они заразились днем, инфекция уже ясно бы виднелась.

— Гм… — Лейтенант Клауди снял с головы свой шар и с удовольствием глотнул «живой» земной воздух, потом хрипло сказал:

— Твое имя, землянин-женщина?

Термин сам по себе достаточно оскорбительный, а тон, каким он был произнесен, выказывал крайнее недовольство.

— Пола Шент, сэр, — шепотом ответила она.

— Твои бумаги!

Она сунула руку в маленький карман белого халата и вытащила розовый бумажник.

Он взял его, открыл при свете карманного фонарика и внимательно изучил содержимое. Потом швырнул его ей назад. Бумажник упал на пол, Пола быстро наклонилась, чтобы подобрать его.

— Стоять, — нетерпеливо приказал офицер и отшвырнул ногой бумажник с такой силой, что тот оказался вне пределов ее досягаемости. Пола,

побелев, едва успела отдернуть пальцы.

Алварден нахмурился и решил, что настало время вмешаться. Он сказал:

— Ну-ка, послушайте.

Лейтенант мгновенно повернулся к нему, сжав губы.

— Ты что-то сказал, землянин?

Пола тут же очутилась между ними.

— Прошу вас, сэр, этот человек не имеет отношения к тому, что случилось сегодня. Я никогда его раньше не видела…

Лейтенант оттолкнул ее.

— Я спросил: ты что-то сказал, землянин?

Алварден окинул его долгим холодным взглядом.

— Я сказал: ну-ка, послушайте. Я говорю, что мне не нравится, как вы обращаетесь с женщиной, и я собираюсь улучшить ваши манеры.

Он был настолько рассержен, что даже не подумал внести ясность, касающуюся места его проживания.

Лейтенант Клауди улыбнулся, но его улыбка отнюдь не являлась признаком хорошего настроения.

— А где воспитывался ты, землянин? Ты разве не знаешь, что, обращаясь к человеку, надо добав-

лять слово «сэр»? Ты не знаешь, где твое место? Что ж, прошло уже достаточно времени с тех пор, как представилась возможность научить одного здорового землянина. Как это там…

И в мгновение ока, подобно вспышке молнии, его раскрытая ладонь оказалась у лица Алвардена. Раз-два, раз-два… Алварден в изумлении отступил, потом ощутил настоящий рев в ушах. Он перехватил руку противника и увидел, как лицо его перекосилось в крайнем недоумении…

Легко сработали мускулы его плеч…

Лейтенант с грохотом растянулся на мостовой. Стеклянный шар выпал из его рук и разлетелся на множество осколков. Он все еще лежал, когда Алварден, ужасающе улыбаясь, проговорил:

— Ну, что, еще какой-нибудь подонок собирается поиграть на моем лице?

Сержант поднял невротический хлыст, контакт замкнулся, и тускло-фиолетовая вспышка опоясала тело Алвардена.

Каждый его мускул окаменел от непереносимой боли, и он мгновенно опустился на колени. Потом все его тело парализовалось, и он потерял сознание.

Когда Алварден выплыл из окатывающей его дымки, первое, что он ощутил, было холодное

прикосновение ко лбу. Он попытался открыть глаза и обнаружил, что веки его открываются с большим трудом. Он позволил им оставаться закрытыми и серией медленных коротких движений поднес ладонь к лицу.

Мягкое сырое полотенце, придерживаемое на его лбу маленькой рукой…

Борясь с надвигающимся туманом, он все же заставил себя открыть один глаз.

— Пола, — сказал он.

Послышался легкий радостный вскрик.

— Да. Как вы себя чувствуете?

— Так, как будто я был мертвым, — хрипло ответил он, — но при этом не потерял способности чувствовать боль… Что случилось?

— Нас привезли на военную базу. Здесь был полковник. Вас обыскали… и я не знаю, что они собирались делать, но… мистер Алварден, вам не нужно было бить лейтенанта. Я думаю, что вы сломали ему руку.

Слабая улыбка исказила лицо Алвардена.

— Хорошо. Жаль, что не шею.

— Но нападение на имперского офицера… это же самая большая провинность. — Голос ее перешел на полный ужаса шепот.

— Действительно? Ладно, посмотрим.

— Ш-ш-ш… Они идут опять.

Алварден закрыл глаза и расслабился. Крик Полы отдался в его ушах лишь слабой и отдаленной тенью, и когда он почувствовал укол гипотермического шприца, то не мог заставить свои мускулы шевельнуться.

А потом его сосуды и нервы погрузились в благословенную волну спокойствия. Никакой боли. Судороги покинули его руку, напряжение — спину, и он смог сесть. Он быстро разлепил веки и окончательно выпрямился.

Полковник задумчиво изучал его. Пола тоже внимательно смотрела на него.

Полковник сказал:

— Итак, доктор Алварден, вы пережили в этот вечер неприятное недоразумение.

Доктор Алварден… Пола поняла, как мало она о нем знала, не знала даже, чем он занимается… Она никогда не ощущала ничего подобного.

Алварден издал короткий смешок.

— Неприятное, говорите. Я думаю, что весьма неприятное.

— Вы сломали руку имперскому офицеру при исполнении им служебных обязанностей.

— Офицер первым меня ударил. В его обязанности не может входить нанесение оскорблений,

как моральных, так и физических. Поступая так, он посягнул на честь офицера и джентльмена. Как свободный гражданин Империи я имею право подвергать подобного, с позволения сказать, кавалера соответствующему лечению.

Полковник хмыкнул и не знал, казалось, что ответить. Пола смотрела на них обоих огромными непонимающими глазами.

Наконец, полковник мягко проговорил:

— Мне не следует объяснять, что сам я считаю случившееся самым досадным недоразумением. Нанесение телесных повреждений явно имело место с обеих сторон. Лучше всего забыть об этом.

— Забыть? Я так не считаю. Я был гостем во дворце Прокуратора, и его может заинтересовать то, как гарнизон исполняет приказы на Земле.

— Но, доктор Алварден, я заверяю вас, вы получите публичное извинение…

— К чему это? Что вы намерены делать с мисс Шент?

— Что предложили бы вы?

— Мгновенно освободить ее, вернуть ей бумаги и извиниться перед ней — прямо сейчас.

Полковник покраснел, потом с усилием проговорил:

— Конечно. — Он повернулся к Поле. — Если молодая леди согласна принять мои самые глубокие извинения…

Темные стены гарнизона остались за ними. Спустя десять молчаливых минут, проведенных в такси, они стояли в пустынной темной комнате Института. Было за полночь.

Пола сказала:

— Не думайте, чтобы я все вполне понимала. Вы должно быть очень важная персона. С моей стороны кажется глупым не знать вашего имени. Я даже не представляла себе, чтобы Внешние могли так обращаться с землянином.

Алварден почувствовал странное облегчение при мысли о том, что наступает конец непониманию.

— Я не землянин, Пола, я археолог с сектора Сириуса.

Она быстро повернулась к нему, и лицо ее казалось при свете луны белым. Она заговорила.

— Значит, вы ударили солдата только потому, что знали, что находитесь в безопасности. А я думала… мне следовало знать.

Все ее существо, казалось, излучало горечь.

— Прошу у вас самого нижайшего прощения, сэр, за мое невежество. Я допустила с вами совер-

шенно непозволительную фамильярность…

— Пола, — вскрикнул он сердито, — в чем дело?! Ну и что из того, что я не землянин? Разве это делает наши отношения другими, чем те, какими они были пять минут назад?

— Вы могли бы сразу сказать мне об этом, сэр.

— Я не прошу называть меня «сэром». Не будьте подобной остальным из них, хорошо?

— Остальным из кого, сэр? Остальным из рода отвратительных животных, живущих на Земле? Я должна вам сто кредитов.

— Забудьте об этом, — с отвращением сказал Алварден.

— Не могу последовать вашему приказу. Если вы дадите мне ваш адрес, я вышлю вам деньги завтра же.

Внезапно Алварден сделался грубым.

— Вы должны мне гораздо больше, чем сто кредитов.

Пола прикусила губу и сказала:

— Я могу оплатить вам лишь часть своего долга. Ваш адрес?

— Штат-хауз, — бросил он ей через плечо и исчез в ночи.

Пола плакала.

Шент встретил Полу у дверей своего кабинета.

— Он вернулся, — сказал Шент. — Его привел маленький человек.

— Хорошо! — Она говорила с огромным трудом.

— Он попросил двести кредитов. Я дал их ему.

— Он должен был попросить сто, но это неважно.

Она пронеслась мимо отца. Он жалобно спросил:

— Я ужасно беспокоился. Вся эта возня по соседству… Я не осмеливался спросить, боялся повредить тебе.

— Все в порядке. Ничего не случилось… Позволь мне сегодня переночевать здесь, отец.

Усталость все равно не дала ей возможности заснуть, ибо нечто важное все же случилось. Она встретила мужчину, и он был Внешним.

И у нее был его адрес.

Глава 10
Интерпретация событий

Они являли собой полный контраст, эти два землянина, — один, обладающий огромной властью на Земле, другой — столь же огромной властью и сознанием реальности.

Поскольку Верховный Министр был самым важным землянином, признанным правителем планеты, он подчинялся только декретам императора Галактики — не считая, конечно, того, что являлся подданным имперского Прокуратора. Его секретарь же не казался каким-то особенным, он был рядовым членом Общества Древних, теоретически руководимым Верховным Министром и теоретически же являющимся выразителем его воли.

Верховный Министр был известен на всей Земле и рассматривался как высшая инстанция по делам обычаев. Это именно он представлял исключение из Шестидесяти и именно он судил нарушителей ритуалов.

Секретарь не был известен никому, хотя бы Даже по имени, кроме как Обществу Древних и,

конечно, самому Верховному Министру.

Верховный Министр хорошо владел языком, часто произносил речи перед народом, речи высокого эмоционального накала, обильно сдобренные сентиментальными вставками. У него были белокурые волосы и нежное лицо. Секретарь, курносый, с неправильными чертами лица, предпочитал короткое слово длинному и молчание вздохам — по крайней мере на людях.

Конечно, полной властью обладал Верховный Министр, секретарь же обладал сознанием реальности.

— Чего я не понимаю, — говорил Верховный Министр, — так это связи между всеми событиями, в которых вы мне отчитывались. Отчеты, отчеты!

Он поднял руку и сердито ударил по громадной стопке бумаг.

— У меня нет для них времени.

— Конечно, — холодно отозвался секретарь. — Именно поэтому вы меня и наняли. Я читаю их, перевариваю и передаю.

— Тогда, милый Вялкис, насчет ваших дел. И быстро, ибо эти дела незначительны.

— Незначительны? Ваше Превосходительство однажды может понести значительные потери,

если будет продолжать считать их незначительными. Во-первых, у нас есть оригинальный отчет теперь уже семидневной давности служащего Шента, и именно он первый навел меня на след.

— На какой след?

Улыбка Вялкиса была немного горькой.

— Могу ли я напомнить Вашему Превосходительству о некоторых важных проектах, которые зародились здесь, на Земле, несколько лет назад?

— Ш-ш-ш! — Верховный Министр, потеряв внезапно свое достоинство, испуганно огляделся по сторонам.

— Ваше Превосходительство, вам на руку не нервозность, а доверительность… Вам известно, что успех этого проекта зависит от эффективного использования маленькой игрушки Шента — синапсифера. До сих пор, по крайней мере, насколько мне было известно, он использовался только под нашим руководством и для твердых целей. А теперь, без предупреждения, Шент испробовал синапсифер на неизвестном человеке, полностью выйдя из-под нашей опеки.

— Это, — сказал Верховный Министр, — дело простое. Привести Шента в порядок, наказать его — и конец делу.

— Нет, нет. Вы слишком прямолинейны, вы упускаете суть. Дело не в том, что сделал Шент, а в том, почему он это сделал. Отметьте, что существуют совпадения, одна из самых значительных серий совпадений. Прокуратор Земли посещает Шента в тот же самый день, о чем Шент сообщает нам на самый преданный и доверительный манер, как и о том, что между ними произошло. Энниус желает получить синапсифер для нужд Империи. Он делает предложение, обещая огромную помощь и понимание со стороны самого Императора.

— Гм… — сказал Верховный Министр.

— Вы заинтригованы? Подобный компромисс кажется привлекательным в сравнении с опасным нам во время голода пять лет назад? Помните? Владельцы кораблей отказывались потому, что у нас не было имперских кредитов, а предметы, изготовленные на Земле, не принимались, поскольку считалось, что они радиоактивны. Получили ли мы продукты в свободный дар, как было обещано? Хотя бы один груз? Сотни тысяч умерли от голода. Мы достаточно приучены не доверять Внешним.

Но это не важно. Важно то, по какой причине Шент выказал такую огромную нелояльность.

Мы, конечно же, никогда больше не сможем ему снова доверять. Мы со всей очевидностью не могли подозревать его в предательстве вплоть до сегодняшнего дня. И все же, что произошло?

— Вы имеете в виду этот незапланированный эксперимент, Вялкис?

— Именно так, Ваше Превосходительство. Кем был подопытный? У нас фотография этого субъекта и еще кое-какие данные, переданные техником Шента. Справка в Планетной Регистрации не выявила о нем никаких сведений. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что он не землянин, а Внешний. Более того, Шент должен был знать об этом, поскольку регистрационная карта не может быть забыта или изменена, если сделана обычным образом. Таким образом, серия неоспоримых фактов приводит нас к тому, что Шент намеренно проверял синапсифер на Внешнем. Почему?

Ответ на этот вопрос может быть обескураживающе простым. Шент не является идеальным инструментом для наших целей. В юности он был ассимилиционистом, он даже как-то выбирался в Совет Вашина на платформе соглашательства с Империей. Между прочим, он был побежден.

Верховный Министр прервал его.

— Я этого не знал.

— То, что он был побежден?

— Нет, что он бежал. Почему меня об этом не проинформировали? Шент — очень опасный человек, учитывая положение, которое он сейчас занимает.

Вялкис улыбнулся мягкой и терпеливой улыбкой. Шент изобрел синапсифер и все еще являлся человеком, наиболее осведомленным во всем, что касается его действий. Он был под наблюдением более тщательным, чем когда-либо.

— А теперь давайте вернемся к фактам. Шент испытал синапсифер на Внешнем. Почему? Есть лишь одна причина, по которой синапсифер может быть использован, — улучшение работы мозга. Зачем? Только таким образом разум наших ученых, уже улучшенный синапсифером, может оказаться побежденным. А это означает, что Империя имеет по крайней мере слабое представление насчет того, что происходит на Земле. Вы с этим согласны, Ваше Превосходительство?

На лбу Верховного Министра выступили капельки пота.

— Вы действительно так думаете?

— Факты являются частями картины, которую можно сложить только подобным образом.

Внешний, с которым все это произошло, является человеком обычной, даже презренной внешности. И это тоже примечательно, поскольку лысый и толстый старик все равно может быть умелым шпионом. О, да. Да, кому же еще доверили бы подобную миссию? Его фамилия Шварц, насколько нам известно. Давайте возьмем вторую папку отчетов.

Верховный Министр покосился на него.

— Тех, что касаются Бела Алвардена?

— Доктора Бела Алвардена, — подчеркнул Вялкис, — выдающегося археолога галактического сектора Сириуса, этого мира храбрых и благородных фанатиков. Ладно, неважно. Во всяком случае мы имеем здесь странное зеркальное отображение Шварца, почти поэтический контраст. Он не неизвестен, но, наоборот, является важной фигурой. Он не тайный вторженец, не тот, кто вплывает в мир на волне неизвестности. Вас предупреждает о нем не неизвестный техник, а сам Прокуратор Земли.

— Вы думаете, здесь есть связь, Вялкис?

— Ваше Превосходительство может предположить, что, возможно, один был создан для того, чтобы отвлекать внимание от другого. Или же еще, поскольку правящие классы Империи доста-

точно поднаторели в интригах, мы имеем здесь образец двух методов камуфляжа. В случае Шварца свет притушен, в случае Алвардена — бьет нам в глаза. Но в любом случае можем ли мы что-нибудь разглядеть?.. Кстати, о чем предупреждал вас Энниус в связи с появлением Алвардена?

Верховный Министр задумчиво потер нос.

— Алварден, — сказал он, — является одним из членов археологического отряда на имперском корабле. Он желает с научными целями войти в Запрещенные Земли. Ни о каком святотатстве, говорит он, речь не идет, а если бы мы смогли остановить его каким-нибудь образом, он опротестовал бы наши действия перед Советом Империи. Нечто в этом роде.

— Так что мы будем внимательно наблюдать за Алварденом, но с какой целью? Ну как же, для того, чтобы знать, не совершит ли он неразумного вторжения в Запрещенные Земли. Здесь глава археологической экспедиции без людей, корабля и оборудования. Здесь Внешний, который не остается на Эвересте, как ему надлежит, но бродит по Земле по какой-то неизвестной причине — и в первую очередь попадает в Чику. И каким образом наше внимание отвлекается от всех этих в высшей степени любопытных и подозрительных

обстоятельств? Да побуждением нас наблюдать за тем, что на самом деле не важно.

Но отметьте, Ваше Превосходительство, что Шварца держали взаперти в Институте Атомных Исследований в течение шести дней. А потом он бежал. Не странно ли это? Дверь неожиданно оказалась незапертой, коридор неохраняемым — какая странная цепь небрежностей. И в какой же день он сбежал? Да в тот самый, когда в Чику прибыл Алварден. Еще одно странное совпадение.

— Вы думаете, что… — сказал Верховный Министр.

— Я думаю, что Шварц — агент Внешних на Земле, он находится в контакте с живущими среди нас предателями-ассимиляционистами, а Алварден находится в контакте с Империей. Отметьте умение, с каким была организована встреча Алвардена и Шварца. Шварцу дается возможность бежать, а после разумного интервала сестра — дочь Шента, между прочим, — еще одно странное стечение обстоятельств! — отправляется за ним. Если бы в их расписании что-нибудь не связывалось, то очевидно, что если бы она его нашла, то он стал бы несчастным и больным пациентом ради удовлетворения любопытства окружающих и был бы в безопасности доставлен

назад для следующей попытки. И, действительно, двум подвернувшимся на его пути кэбменам было сказано, что он больной человек, но это, по иронии судьбы, как раз и повергло их в панику. Теперь следите внимательно. Шварц и Алварден впервые встречаются в едомате. Они явно не знают о существовании друг друга. Это предварительная встреча, подстроенная просто для того, чтобы убедиться, что все идет хорошо и можно приступить ко второму шагу… По крайней мере нельзя сказать, что они нас недооценивают — и на том спасибо. Потом Шварц уходит, а несколькими минутами позже выходит и Алварден. Ему встречается дочь Шента. Это ключевой агент. Вместе разыграв небольшую комедию для возможных зрителей, они направляются к универмагу Дункана, и вот уже они втроем. Где еще можно так организовать встречу, как не в универмаге? Идеальное место для встреч. Такую секретность не может предоставить ни одно убежище в горах. Слишком открытое, чтобы вызвать какие-то подозрения. Слишком людное, чтобы быть на виду. Удивительно… я готов поздравить своих противников.

Верховный Министр заерзал в кресле.

— Если ваш противник заслуживает слишком

больших поздравлений, то он и победит.

— Невозможно. Он уже побежден. И в этом отношении мы должны поздравить Паттера.

— А кто такой Паттер?

— Мелкий агент, чьи способности после случившегося должны быть использованы в полную силу. Его вчерашние действия просто не могли быть лучше. Его постоянным заданием было следить за Шентом. С этой целью он должен был держать ларек с фруктами, находящийся через дорогу от Института. Неделю назад он получил специальные инструкции наблюдать, как развивается дело Шварца. Он находился на месте, когда человек, известный ему по фотографиям и по краткому впечатлению от того раза, когда тот был привезен в Институт, бежал. Он наблюдал за каждым его действием, сам находясь вне его внимания, и именно его отчет пролил свет на вчерашние события. Невероятная интуиция помогла прийти ему к выводу о том, что истинной целью «побега» является организация встречи бежавшего с Алварденом. В том положении, в котором он оказался, — один, без всякой поддержки — он не мог следить за встречей и тогда решил ей помешать. Кэбмены, которым дочь Шента описала Шварца как больного, заподозрили ра-

диационную лихорадку. Паттер поддержал эту версию с быстротой гения. Как только он стал свидетелем встречи в универмаге, он сразу же уведомил о лихорадке местные власти Чики, а те, хвала Земле, действовали оперативно и быстро. Магазин опустел, и камуфляж, под прикрытием которого должен состояться разговор между ними, был для них потерян. Они остались в магазине одни и оказались на самом виду. Паттер пошел дальше. Он подошел к ним и заговорил, предложив отправить Шварца назад, в Институт. Они согласились. Что еще они могли сделать?.. И, таким образом, день прошел, а Алварден и Шварц не смогли обменяться и словом. Не совершил он и глупости, попытавшись арестовать Шварца. Оба по-прежнему находятся в неведении о том, что за ними следят, и смогут вывести нас на большую игру. Но Паттер пошел еще дальше. Он уведомил имперский гарнизон, и это уже выше всяких похвал. Такой оборот дела поставил Алвардена перед ситуацией, на которую тот, возможно, не мог рассчитывать. Он должен был или же обнаружить себя как Внешний и, таким образом перечеркнуть свою полезность, которая, очевидно, базировалась на том, будто он землянин, или же скрыть свою тайну и рассчитывать на любые

неприятные последствия. Он выбрал наиболее героическую альтернативу и даже сломал руку имперскому офицеру, настолько сильна в нем страсть к реализму. Это, по крайней мере, должно быть записано в его положительный актив. Но это, тем не менее, доказывает, что он — тот, кто он есть. Зачем нужно было Внешнему пробовать на себе действие невротического хлыста ради земной девушки? Если только причины не были чрезвычайно важны.

Руки Верховного Министра лежали на столе, сжатые в кулаки. Из его груди вырвался полный ярости стон, а продолговатое гладкое лицо сморщилось в гримасе отчаяния.

— Очень умно с вашей стороны, Вялкис, по таким ничтожным деталям воссоздать всю картину, выстроить цепь всей этой паутины. Это сделано очень умно, и я чувствую именно то, что говорю. Логика не оставляет нам других альтернатив… Но это означает, что они подобрались совсем близко, Вялкис. Слишком близко… На этот раз они будут немилосердны.

Вялкис пожал плечами.

— Они не могут быть слишком близко. Судя по свойственной всей Империи страсти к разрушению, они бы уже ударили… А время для них

бежит быстро… Алварден еще должен встретиться со Шварцем, чтобы все обговорить, так что я могу предсказать вам будущее.

— Пожалуйста.

— Шварц должен быть отослан так, чтобы он никоим образом не был на виду.

— Но куда он должен быть отослан?

— Нам и это известно. Шварц был привезен в Институт человеком, очевидно, фермером. Мы получили его описание как от техника, так и от Паттера. Мы просмотрели регистрационные данные каждого фермера, находящегося в радиусе шестидесяти миль от Чики, и Паттер опознал в неизвестном человеке Арбена Марена. Техник с уверенностью поддержал его. Мы потихоньку провели расследование и обнаружили, что этот человек прячет тестя, бесполезного калеку, перешедшего рубеж Шестидесяти.

Верховный Министр стукнул кулаком по столу.

— Подобные явления действительно сделались слишком частыми, Вялкис. Нужно усовершенствовать законы…

— Теперь речь не об этом, Ваше Превосходительство. Суть в том, что поскольку фермер нарушил закон, он может подвергнуться шан-

тажу.

— О…

— Шенту и его союзникам Внешним нужен инструмент для подобного случая — нужно убежище, в котором Шварц мог бы оставаться в безопасности в течение длительного времени, более долгого, чем ему может предоставить Институт. Этот фермер, возможно, беспомощный и невинный, является великолепным объектом. Итак, за ним будут наблюдать. Шварцу не удастся оказаться вне наблюдения… Теперь, конечно, будет сделана попытка устроить другую встречу между ним и Алварденом, но на этот раз мы будем во всеоружии. Теперь вам все понятно?

— Да.

— Хорошо, хвала Земле. Тогда я оставлю вас. — И, с сардонической усмешкой, он добавил: — С вашего позволения, конечно.

И Верховный Министр, совершенно нечувствительный к сарказму, махнул рукой.

Секретарь, находясь на пути к собственному маленькому кабинету, был один, а когда он бывал один, его мысли иногда убегали из-под собственного контроля и блуждали в укромных уголках разума.

Они, эти мысли, имели мало общего с доктором

Шентом, Шварцем и Алварденом, и особенно с Верховным Министром.

Вместо них они рисовали в сознании картину планеты — Трантора — откуда осуществлялось правление всей Галактикой. И еще они рисовали картину дворца, чьи шпили и изогнутые своды он никогда не видел наяву, как никогда не видел их и любой другой землянин.

Он думал о невидимых лучах силы и славы, что протянулись от солнца к солнцу, оплетая их невидимой паутиной с центром, находился во дворце, возле человека, который был Императором, просто человека, в конце концов.

Он внимательно исследовал эту мысль — мысль о той единственной власти, которая могла даровать божественность при жизни. И она концентрировалась в том, кто был просто человеком.

Просто человеком! Как и он!

Он мог бы быть…

Глава 11
Разум, который изменяется

Начало изменений в понимании им окружающего мира не было ясным для разума Иосифа Шварца. Много раз, в абсолютном спокойствии ночи — насколько спокойными стали ночи, да и были ли они вообще когда-нибудь в этой новой тишине, — он пытался восстановить это начало.

Прежде всего был тот давний, лежащий в осколках день страха, когда он оказался один в странном мире, — день, казавшийся ему сейчас таким же нереальным, как само воспоминание о Чикаго.

Что-то, касающееся машины, пилюли, которые он принял. Дни выздоровления, потом — побег, блуждания, неожиданные события последнего часа в универмаге. Эту часть жизни он, возможно, не мог припомнить как следует. Однако по прошествии двух месяцев ясность не наступила.

Даже тогда все уже начало казаться странным. Он был чувствительным к атмосфере. Старый доктор и его дочь встревожились, даже испугались. Знал ли он это тогда? Или же это было всего

лишь беглое впечатление, усиленное впоследствии ходом его мыслей?

Но тогда, в универмаге, как раз перед этим — он осознал приближение опасности. Предостережение не было достаточным для того, чтобы его спасти, однако он получил точные указания на изменение.

И, начиная с тех пор, головные боли преследовали его. Нет, не совсем головные боли. Скорее какое-то гудение, как будто голова была динамомашиной, и вибрация от ее работы пронизывала каждый участок черепа. Ничего подобного не происходило с ним в Чикаго — если предположить, что его фантастическое Чикаго имело смысл, — и даже в первые несколько дней реальности здесь.

Сделали ли с ним что-то в тот день, в Чике? Пилюли — это были анестезиаторы. Операция? Но, в сотый раз добираясь до нее, его мысли тут же останавливались.

Он оставил Чику через день после неудачного побега, и теперь дни пробегали легко.

Был Грю в своем кресле на колесиках, повторяющий слова и указывающий, что делать, как та девушка, Пола, делала это раньше. И в один прекрасный день Грю перестал говорить чепуху и начал говорить по-английски. О, нет, это он,

Иосиф Шварц, перестал говорить по-английски и начал говорить чепуху. Если не считать того, что больше она уже не казалась ему чепухой.

Это было так легко. За четыре дня он научился читать. Когда-то, в Чикаго, он обладал феноменальной памятью, или ему казалось, что обладал. Но такие победы ему все же были неведомы. Однако Грю это вовсе не казалось удивительным.

И Шварц тоже перестал удивляться.

Потом, когда осень действительно стала золотой, все снова стало ясным, и он начал работать в поле. И удивительно было, с какой легкостью пошла у него работа. После первого же объяснения он мог управлять сложными механизмами.

Он ждал наступления холодов, но по-настоящему они так и не пришли. Зима прошла в очистке земли, удобрении ее, в подготовке к весеннему севу.

Он расспрашивал Грю, пытаясь объяснить, что такое снег, но последний лишь непонимающе смотрел на него и говорил:

— О! Это слово — снег! Я знаю, что он есть на других планетах, но только не на Земле.

Тогда Шварц начал наблюдать за температурой и обнаружил, что она едва изменяется день ото дня — и все дни укоротились, как и следовало

ожидать в северных районах, скажем, настолько северных, как Чикаго. Он стал сомневаться, действительно ли он находится на Земле.

Он попытался читать некоторые из фильмокниг Грю, но сдался. Люди по-прежнему оставались людьми, но события древней жизни не значили для него ровным счетом ничего, и это очень мешало.

Время приносило все новую пищу для удивления. Например — на удивление теплые дожди. Бывали вечера, когда его просто в высшей степени заинтриговывало сияние горизонта, голубое свечение на юге…

Он выскользнул из дома после ужина, но не успел пройти и мили, как за его спиной послышался едва различимый шум мотора, и сердитый голос Арбена нарушил вечернюю тишину. Он остановился.

Расхаживая по комнате, Арбен втолковывал:

— Ты должен держаться подальше от всего, что сверкает ночью.

Шварц только спросил:

— Почему?

Ответ был обыкновенно категоричным:

— Потому что это запрещено. — Арбен помолчал и спросил. — Ты действительно не знаешь,

что там такое, Шварц?

Шварц развел руками.

Арбен сказал:

— Откуда ты пришел? Ты… Внешний?

— Что такое Внешний?

Арбен пожал плечами. Но эта ночь имела огромное значение для Шварца, потому что именно во время этой короткой мили навстречу сиянию странность его разума перешла в Прикосновение Разума. Именно так называл он это явление, и чем ближе он подходил к нему, и тогда, и потом, тем сложнее ему было подробно описать его.

Он был один в темном пурпуре. Звук его собственных шагов по пружинной мостовой был приглушенным. Он ничего не видел. Он никого не слышал. Он ничего не трогал.

Не совсем… Это было нечто вроде прикосновения, даже не прикосновения, а присутствия — очень похожее на едва ощутимое щекотание.

И их было два — два прикосновения, различные порознь. И второе — как он мог говорить о нем в отдельности? — росло быстрее, становилось более отчетливым.

А потом он понял, что вторым был Арбен. Он знал это по крайней мере за пять минут до того, как уловил звук движущегося бьюхила, и за де-

сять минут до того, как увидел самого Арбена.

А потом это стало повторяться снова и снова со все возрастающей частотой.

Он уже всегда знал, когда Арбен, Лоа или Грю оказывались в футах ста от него, даже когда у него не было причины это знать, даже когда у него было несколько причин предположить противоположное. В это трудно было поверить, однако такое положение дел скоро стало казаться ему естественным.

Он стал экспериментировать и обнаружил, что точно знает, где и в какое время бывает каждый из них. Он мог ощущать различия между ними, ибо Прикосновение Разума отличает одно существо от другого. Но ни разу у него не хватило присутствия духа рассказать об этом другим.

Но иногда он начинал размышлять над тем, чем же было первое Прикосновение Разума, тогда, на дороге Сияния. Оно не было связано ни с Арбеном, ни с Лоа, ни с Грю. И что же? Имело ли оно какое-нибудь отличие?

Оно повторилось тоже. Он снова ощутил прикосновение, то же самое, когда однажды пригонял домой скот. Он подошел к Арбену и спросил:

— А что это за скопление деревьев за Южными Холмами?

— Да ничего, — последовал недовольный ответ. — Это Министерская земля.

— А что это такое?

У Арбена был раздраженный вид.

— Тебе-то какое до этого дело? Она называется Министерской землей, потому что это собственность Верховного Министра.

— Почему она не возделывается?

— Она для этого не предназначена. — Арбен казался шокированным. — Это был большой центр. В древности. Сейчас это священное место, и его нельзя трогать. Послушай, Шварц, если ты хочешь остаться здесь в безопасности, спрячь подальше свое любопытство и занимайся своей работой.

— Она настолько священна, что там никто не живет?

— Конечно. Тут ты прав.

— Ты уверен?

— Я уверен… И не вздумай туда ходить. Это был бы конец для тебя.

— Я не буду.

Шварц отошел, задумчивый и немного встревоженный. Именно с этой самой территории пришло ощущение Прикосновения Разума, и весьма сильное, и теперь к этому ощущению

добавилось что-нибудь еще. Это было недружелюбное и угрюмое прикосновение.

Почему? Почему?

Но он по-прежнему не осмеливался говорить. Ему бы не поверили, а впоследствии с ним из-за этого произошло бы что-то неприятное. Он и это тоже знал. И знал очень хорошо.

В те дни он был моложе. Собственно, это сказалось, в первую очередь, не физически. У него был меньше живот и шире плечи. Его мускулы были тверды и сильны, а пищеварение — лучше. То был результат работы на свежем воздухе. Но изменился образ его мыслей.

Старые люди тяготеют к тому, чтобы забывать стиль мышления своей юности: быстроту, с которой делается заключение, смелость юношеской интуиции, свежесть восприятия. Старые люди считают себя более мудрыми, чем молодые.

Но опыт Шварца сохранился в неприкосновении, и когда он понял, что может понимать вещь с налету, что он не только понимает объяснения Арбена, но способен интерпретировать их и развить дальше, это доставило ему острое ощущение восторга. В результате он чувствовал себя намного моложе, чем это могло бы ему дать лишь великолепное физическое состояние.

Прошло два месяца, и все это кончилось за игрой в шахматы с Грю под деревом.

Шахматы не изменились, если не считать названий фигур. Сама игра была такой, какой она была в Чикаго, так что это явилось ему большим утешением. По крайней мере его бедный разум не подвел его.

Грю рассказывал ему о вариантах шахматной игры. Существовали четырехмерные шахматы, существовали трехмерные. Были даже популярные разновидности, в которых положение игроков разрешалось путем жребия, или такие, в которых нахождение на определенных клетках давало игроку некоторое преимущество или, наоборот, лишало его, или такие, в которых были изобретены новые фигуры со странными функциями.

Но сами по себе шахматы, по самой своей сути, были теми же — и матч между Шварцем и Грю проходил так же, как и раньше.

Шварц имел весьма пространное представление о ходах, когда они начинали, так что он постоянно проигрывал. Но потом положение изменилось, и он стал проигрывать реже. И Грю тоже стал играть медленно и осторожно, делая большие интервалы между ходами, раздумывая,

попыхивая трубкой, а потом вдруг делая самые рискованные ходы, приводящие к фатальным последствиям.

Грю играл белыми, и его пешка уже была на H-4.

— Давай сначала, — кисло сказал он.

Шварц вздохнул. Игры становились поистине интересными с тех пор, как ему становилось известно о природе ходов Грю раньше, чем они сделаны.

Они играли на «научной» доске, такой, что светилась в темноте, так что клетки были голубыми и оранжевыми. Фигуры при солнечном свете — обычно неуклюжие фигурки из красной глины — ночью преобразовывались. Половина из них купалась в кремово-молочном свете, что делало их похожими на нежные фарфоровые фигурки, остальные переливались красными искрами.

Первые ходы были быстрыми, королевская пешка Шварца встретила продвинувшегося вперед врага. Грю двинул коня к слону, Шварц устремился конем к слону 3. Когда белый слон напал на коня 5, а пешка королевской ладьи Шварца скользнула вперед, чтобы вернуть его к ладье 4, он двинул вперед другого коня и слона 3.

Сияющие фигурки скользили по доске, а паль-

цы их владельца тоже казались сверхъестественными в свете вечерней тьмы.

Шварц был испуган. Может быть, он погружается в безумие, но он должен знать. Он резко спросил:

— Где я?

Грю недовольно отвел взгляд от фигур и сказал:

— Что?

Шварц не знал нужного слова для понятия «страна» или «нация». Он сказал:

— Какой это мир? — и сделал очередной ход слоном к королю 2.

— Земля, — последовал краткий ответ.

Шварца этот ответ совершенно не удовлетворил. Слово, которое использовал Грю, Шварц мысленно перевел как «Земля». Но что это была за Земля?

Любая планета является Землей для того, кто на ней живет. Он сделал ход королевской пешкой, и вновь слону Грю пришлось отступить. Потом Шварц и Грю, каждый в свою очередь, продвинули королевские пешки, каждый с намерением ввести в бой слонов, так как в центре поля вот-вот должна начаться битва.

Спокойно и небрежно, как только мог, Шварц

обронил:

— Какой сейчас год? — Он сделал ход ладьей.

Грю промолчал. Может быть, он насторожился.

— Да что с тобой сегодня? Ты что, играть не хочешь? Если ты чувствуешь себя от этого счастливее, то 827.— Нахмурившись, он смотрел на доску, потом сделал ход конем, закрывая ферзя.

Шварц ловко увернулся от последствий этого хода и двинул своего коня в контратаку. После этого последовало несколько напряженных ходов, в результате чего обстановка на доске разрядилась.

В наступившей паузе Шварц холодно спросил:

— Что такое Г. Э.?

— Что? — сердито переспросил Грю. — О… ты хочешь сказать, что все еще беспокоишься насчет того, какой сейчас год? Каким же дураком… О, я забыл, что ты научился говорить только около месяца назад. Но ты умный. Неужели ты действительно не знаешь? Ну, так вот. Сейчас 827 год Галактической Эры. Галактическая Эра: Г. Э., понятно? То есть 828 год с года основания Галактической Империи, 827 лет с года коронации Франкеина Первого. Ну, а теперь твой ход.

Но Шварц сидел, зажав в кулаке коня, как будто

окаменев. Потом сказал:

— Минутку. — И сделал ход конем. — Тебе знакомы какие-нибудь из этих названий: Америка, Азия, Соединенные Штаты, Россия, Европа… — Он ждал ответа.

В темноте край трубки Грю мрачно светился красным, а темная его тень шевелилась на светящейся доске, как будто существовала отдельно, сама по себе. Возможно, Грю тихонько покачал головой, но Шварц не мог этого видеть. Он почувствовал отрицание собеседника так же ясно, как если бы тот высказал его.

Шварц попытался снова:

— Ты не знаешь, где бы я смог достать карту?

— Нет никакой карты, — проворчал Грю. — Если только ты не собираешься рисковать своей шеей в Чике. Я не географ. Я никогда не слышал названий, которые ты упомянул. Что это? Люди?

Рисковать своей шеей? Почему это? Шварц почувствовал, что холодеет. Он совершил преступление? Грю известно об этом?

Он неуверенно спросил:

— У солнца ведь девять планет, не так ли?

— Десять, — последовал немедленный ответ.

Шварц колебался. Что ж, могли же ведь обнаружить еще одну и не сообщить об этом. Но почему

тогда Грю знает? Он посчитал пальцами, потом сказал:

— Как насчет шестой планеты? У нее есть кольца?

Грю неторопливо сделал ход, и Шварц сделал ответный.

Грю сказал:

— Ты имеешь в виду Сатурн? Конечно, у него есть кольца. — Теперь он рассчитывал. Он мог взять одну из двух фигур на выбор, но этот выбор был ему пока не совсем ясен.

— А еще должно быть кольцо астероидов — маленьких планет — между Марсом и Юпитером. То есть между четвертой и пятой планетами.

— Угу, — пробормотал Грю. Он вновь раскурил свою трубку. Шварц уловил неуверенность и страх Грю, и это раздосадовало его. Когда он уверился в том, что Земля — это Земля, игра потеряла всякий интерес. Вопросы вихрем закружились в его голове, образуя спутанный клубок.

— Значит, в твоих фильмокнигах говорится правда? Есть и другие миры? С людьми?

Теперь Грю поднял глаза от шахматной доски, безрезультатно стараясь разглядеть в темноте лицо своего противника.

— Ты что, серьезно?

— Так есть?

— Клянусь Галактикой! Да ты действительно не знаешь?

— Прошу тебя…

— Конечно, есть другие миры. Миллионы миров! Каждая звезда, которую ты видишь, имеет миры, а также большинство тех, которых ты не видишь. Все это части Империи.

Шварц ощущал внутри слабое эхо настойчиво произносимых слов Грю, ощущал, как они передаются от разума к разуму. Шварц чувствовал, как с каждым днем крепнут контакты разумов. Может быть, вскоре он мог бы услышать эти крошечные слова своим разумом даже в том случае, если бы его собеседник не произносил их.

И теперь, впервые, у него возникла мысль о том, что кроме возможности психического нездоровья есть и другой вариант. Не пропутешествовал ли он каким-либо образом во времени? Летаргия, может быть?

Он хрипло проговорил:

— Сколько времени прошло с тех пор, как все это случилось, Грю? С тех пор, как была только одна планета?

— Что ты имеешь в виду? — Грю внезапно стал осторожным. — Ты что, принадлежишь к

Древним?

— К кому? Ни к чему я не принадлежу, но разве Земля никогда не была одной планетой… не была?

— Древние говорят, что была, — мрачно ответил Грю. — Но кто знает? Кто действительно знает? Насколько мне известно, все эти миры существовали в течение всей истории.

— Но как долго?

— Тысячи лет, думаю. Пятьдесят, что ли, тысяч… Не могу сказать.

Тысячи лет! Шварц ощутил горячее дыхание, рвущийся из горла смешок и силой подавил его. И все это между двумя шагами? Вздох — и он перемахнул через тысячи лет? Он ощутил в себе желание вернуться к мысли об анабиозе. Его идентификация Солнечной системы могла бы быть результатом отчетливых воспоминаний, пронизавших сознание.

Но сейчас Грю делал следующий ход, и Шварц почти механически увидел, что его выбор неверен. Последовало еще несколько ходов.

Прежде чем начать решающую атаку, Шварц помедлил. Он сказал:

— Земля главная, не так ли?

— Над кем главная?

— Над Им…

Но тут Грю окинул его бешеным взглядом.

— Слушай, ты, я устал от твоих вопросов. Ты что, полный дурак? Неужели Земля похожа на главную в чем-либо? — Последовал свистящий звук — Грю подкатил в своем кресле к противоположному краю стола. Шварц ощутил хватку его пальцев на своей руке.

— Послушай! Послушай! — Голос Грю перешел в шипение. — Ты видишь горизонт? Ты видишь, как он сверкает?

— Да.

— Это Земля — вся Земля. Кроме этого и того места, где существует несколько таких островков, как этот.

— Не понимаю.

— Земля заражена радиацией. Почва светится, воздух светится, всегда светится, вечно будет светиться. Ничто не растет, никто не может жить — ты действительно ничего этого не знаешь? Почему, ты думаешь, у нас есть Шестьдесят?

Паралитик съежился. Он вновь объехал на своем кресле вокруг стола.

Шестьдесят! Снова Прикосновение Разума с едва различимым привкусом угрозы. Фигуры Шварца передвигались как бы сами собой, и он

размышлял об услышанном. Тем временем ходы следовали один за другим, пока создавшееся на шахматной доске положение не заставило Грю задуматься.

Он помедлил, переводя дыхание. Обстановка на доске как будто складывалась в его пользу.

— Твой ход, — с удовлетворением в голосе произнес он.

Шварц наконец проговорил:

— Что такое «Шестьдесят»?

В голосе Грю звучало явное недружелюбие.

— Почему ты об этом спрашиваешь? К чему ты клонишь?

— Пожалуйста, — жалобно пробормотал Шварц. Присутствие духа почти покинуло его. — Я не знаю, кто я такой, что случилось со мной. Может быть, это амнезия.

— Очень правдоподобно, — последовал полный презрения ответ. — Ты бежишь от Шестидесяти? Отвечай правду?

— Но я же тебе говорю, что не знаю, что такое шестьдесят.

Он проговорил это с такой искренностью, что трудно было ему не поверить. Последовало долгое молчание. Прикосновение Разума Грю было для Шварца ясно различимым, но выделить от-

дельные слова он не мог.

Грю медленно проговорил:

— Шестьдесят — это твой шестидесятый год. Земля выносит присутствие лишь двадцати миллионов человек, не более. Чтобы жить, ты должен производить. Если ты производить не можешь, ты не можешь жить. После шестидесяти — ты не можешь производить.

— И, значит… — Рот Шварца так и остался открытым.

— Ты уходишь. Это безболезненно.

— Тебя убивают?

— Это не убийство, — последовал ответ. — Так должно быть. Другие миры не принимают нас, и мы должны каким-то образом освобождать место для детей. Старшее поколение должно освобождать место для молодого.

— А что, если я не скажу, что мне шестьдесят?

— Но почему? Жизнь после шестидесяти не шутка… И есть Цензусы, которые проводятся каждые десять лет для того, чтобы ловить тех, кто оказался настолько глупым, что захотел жить. Кроме того, есть записи с указанием возраста.

— Только не моего. — Эти слова вырвались у него сами собой. Шварц не мог их остановить. — Кроме того, мне будет только пятьдесят.

— Это неважно. Твой возраст могут определить по костной структуре. Ты сам этого не знаешь? Невозможно его скрыть. В следующий раз меня сцапают. Давай, твой ход.

Шварц не обратил внимания на этот призыв.

— Ты хочешь сказать…

— Конечно, мне только 55, но посмотри на мои ноги. От нашей семьи зарегистрированы трое, и наша доля рассчитывается исходя из трех работников. Когда у меня был удар, об этом не сообщили. Если бы сообщили, то доля была бы уменьшена. Но тогда бы я получил Шестьдесят раньше времени. Арбен и Лоа не захотели этого. Они дураки, потому что для них это означает тяжелую работу — до отупления. А в следующем году они все равно меня потеряют… Твой ход.

— В следующем году Цензус?

— Верно… Твой ход.

— Подожди! — Окрик получился резким. — Каждый ли уходит после Шестидесяти? Нет никаких исключений?

— Только не для тебя и не для меня. Верховный Министр проживает всю жизнь целиком, члены Общества Древних, некоторые ученые или те, кто представляет собой большую ценность. Немногие. Может быть, дюжина в год… Твой ход…

— А кто решает, важный человек или нет?

— Верховный Министр, конечно. Ты будешь ходить?

Но Шварц встал.

— Неважно. Через пять ходов все равно мат. Мой ферзь угрожает твоему королю. Ты вынужден ходить конем, мой ферзь блокирует коня, ты вынужден ходить ладьей. И тогда мой ферзь ставит тебе мат.

— Хорошая игра, — автоматически добавил он.

Грю долгим взглядом посмотрел на доску, потом с криком смел ее со стола. Сверкающие фигурки раскатились по лужайке.

— Это все ты и твоя отвлекающая болтовня! — закричал он.

Но Шварц ничего этого не заметил. Ничего, кроме ошеломляющей необходимости избежать Шестидесяти. Ибо Браунинг сказал:

«Так останься же со мной! Быть может, лучшее еще впереди…»

Это было высказано на Земле неограниченных миллионов и неограниченной еды. Сейчас самое лучшее превратилось в Шестьдесят — и смерть.

Шварцу было шестьдесят два.

Шестьдесят два…

Глава 12
Разум, который убит

Решение возникло исподволь. Поскольку умирать Шварц не хотел, ему было необходимо покинуть ферму. Если он останется на ней, то вскоре умрет.

Итак, покинуть ферму. Но куда он пойдет?

Был… были… больница? Раньше там о нем заботились. Почему? Потому что он представлял собой медицинский феномен. Но оставался ли он по-прежнему этим феноменом? Теперь он мог говорить, мог назвать и охарактеризовать симптомы своей болезни, что раньше было ему не под силу. Он мог даже рассказать о Прикосновении Разума к нему.

Или же прикосновение доступно всем? Как, собственно, он мог рассказать об этом? Если никто не знал, что это такое… Нет, никто не испытал Прикосновения Разума. Ни Арбен, ни Лоа, ни Грю. Иначе бы он знал об этом. Они не могли даже догадаться, где он находится, если только непосредственно не видели и не слышали его. Да и Грю не мог бы он так легко обыграть в шахматы,

если бы тот испытал Прикосновение Разума…

Стоп. Шахматы — популярная игра. И люди не могли бы играть в них, если бы испытали прикосновение Разума. Не могли бы. По-настоящему.

Итак, он обладает такими свойствами, которые — с точки зрения психологии — делают его интересной человеческой особью. Возможно, быть особью не так уж и приятно, но это хоть даст ему возможность сохранить жизнь.

Предположим, он вовсе не жертва амнезии, а человек, шагнувший сквозь время. Тогда, в добавление к Прикосновению Разума, он еще и человек из Прошлого. Особь, интересная с исторической, археологической точки зрения, — его просто не могут убить.

Если только ему поверят.

Доктор должен поверить. В то утро, когда Арбен привез его в Чику, ему захотелось побриться. Он хорошо это помнил. Потом волосы на его лице перестали расти, — с ними, вероятно, что-то сделали. А это означало, что доктор знал, что у Шварца на лице волосы. Будет ли это иметь значение? Грю и Арбен никогда не брились. Однажды Грю сказал ему, что волосы на лице бывают только у животных.

Итак, ему нужно идти к врачу.

Как его звали? Шент?.. Шент, именно так.

Но он знал об этом ужасном мире так мало. Ночное путешествие могло бы привести его в таинственные места, в такие, где царствовала опасная радиация, о которой он не имел никакого представления. Итак, с твердой решимостью ничего не теряющего человека он вышел однажды днем на шоссе.

В первые полчаса он испытывал чувство подъема — впервые с тех пор, как все началось. Наконец-то он может что-то сделать, попытаться вступить в борьбу с окружающим. Перед ним появилась цель.

Что касается старости, это мы еще посмотрим, он им покажет.

Он остановился. Остановился на середине шоссе, потому что его беспокоило чувство реального, отдельного, присутствие того, о чем он забыл.

Странное Прикосновение Разума, незнакомое прикосновение, то самое, какое он ощутил впервые, когда пытался достичь сияющего горизонта и был остановлен Арбеном, то самое, которое наблюдалось с Министерской земли.

Он внимательно прислушался или, по крайней мере, сделал то, что было равносильно вслушиванию с точки зрения Прикосновения Разума.

Оно не приближалось, но и не отставало. Оно наблюдало и было враждебно, но не безрассудно.

Стали ясны и другие вещи. Преследователь не терял его из виду, и этот преследователь был вооружен.

Осторожно, почти автоматически, Шварц обернулся и внимательно огляделся вокруг.

И Прикосновение Разума моментально изменилось.

Оно сделалось полным сомнения и осторожным, заботящимся о собственной безопасности. Тот факт, что у преследователя было оружие, — казалось, он размышлял: не применять ли его в случае, если беглец обнаружится, — стал еще более очевидным.

Шварц понимал, что сам он невооружен и беспомощен. Он понимал: преследователь скорее убьет его, чем позволит себе потерять его из виду, убьет при первом же неверном движении…

Итак, Шварц продолжал идти, чувствуя, что преследователь держится от него на достаточном для возможного убийства расстоянии. Спину его сводило от напряженного ожидания удара… Интересно, как дает о себе знать смерть?.. Эта мысль, зародившись в подсознании, проникала все его существо, пока не увеличилась до непере-

носимых размеров.

Он цеплялся за Прикосновение Разума как за единственное спасение. Он обязан был почувствовать мгновенное изменение в собственном напряжении, означающее, что оружие поднято, палец на спуске, контакт замыкается. И в это мгновение он должен будет уклониться, побежать…

Почему, однако, хотят его прикончить? Если из-за Шестидесяти, то почему бы его не убить открыто?

Теория перехода из одного времени в другое отступила на задний план, а мысль об амнезии сделалась более отчетливой. Он, возможно, преступник и опасный человек, за которым следует наблюдать. Может быть, он был раньше высокопоставленным чиновником, и его нельзя просто так убить. А, может быть, амнезия была защитой, к какой невольно прибегало его подсознание, чтобы заглушить в нем чувства вины…

Итак, он продолжал идти по пустому шоссе навстречу сомнительной судьбе, а смерть тащилась за ним по пятам.

Как обычно, не все сходилось. Судя по расчетам Шварца, сейчас должен быть декабрь, а солнце должно садиться в половине пятого вечера, но,

вопреки его расчетам, холод с наступлением темноты не усиливался и был слабым для зимнего времени.

Шварц давно уже пришел к выводу: причина умеренного климата на Земле скрывается в независимости планеты от Солнца. Сама радиоактивная почва отдает тепло, небольшое на квадратном футе, но значительное на миллионе квадратных миль.

А в темноте Прикосновение Разума становилось все более близким. Игра продолжалась с настойчивостью. Таким же было и преследование в ту первую ночь, когда он направился к сиянию. Может быть, он снова боялся риска?

— Эй! Эй, парень.

Голос носовой, довольно высокий.

Шварц окаменел.

Он медленно обернулся. Маленькая фигурка приближалась к нему, махая рукой. Из-за усиливающейся темноты разглядеть человека подробнее было невозможно. Тот неторопливо приближался. Шварц ждал.

— Эй, послушай. Рад тебя видеть. Не слишкомто приятно тащиться одному по этой дороге. Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

— Привет, — тусклым голосом проговорил

Шварц. Прикосновение Разума было правильным. Это преследователь. И лицо знакомое. Оно принадлежало тому смутному времени в Чике.

А потом преследователь сам дал след к опознанию.

— Слушай, а я тебя знаю. Ну, конечно! А ты меня помнишь?

Невозможно сказать, мог или нет поверить Шварц в искренность говорящего при обычных обстоятельствах и в другое время. Но что он мог теперь противопоставить тому, о чем говорило ему Прикосновение Разума — вся эта история с узнаванием была вымышленной и человек знал его с самого начала? Знал и имел при себе смертоносное оружие, готовое выстрелить в любое время.

Шварц покачал головой.

— Конечно, — настаивал маленький человек. — Это было в универсальном магазине. Я увел тебя прочь от толпы. — Он подтвердил свои слова деланным смешком. — Про тебя думали, что ты болен радиационной лихорадкой. Ты должен помнить.

Шварц помнил, но смутно.

— Да, — сказал он. — Рад вас видеть. — Разговор получился не очень умным, но Шварц не мог при-

думать ничего лучшего, а маленькому человеку, казалось, было все равно.

— Меня зовут Паттер, — сказал он, протягивая влажную руку. — Прошлый раз мне не представилось особого случая с тобой познакомиться и поговорить — слишком уж мы спешили, но я рад, что представилась вторая возможность… Давай знакомиться.

— Я — Шварц. — Он коснулся ладони собеседника.

— Ты чего так спешишь? — спросил Паттер. — Куда-нибудь направляешься?

Шварц пожал плечами.

— Просто иду.

— Пешеход, а? Для меня это тоже годится. Я тоже круглый год провожу на дороге.

— Что?

— Ну, знаешь, нужно чувствовать жизнь острее. Вдыхай воздух и накачивай им тело, верно?.. На этот раз я слишком далеко зашел. В темноте одному идти не хотелось. Всегда рад компании. Ты куда идешь?

Паттер задал вопрос во второй раз, и Прикосновение Разума отметило этот факт особенно остро. Шварц не знал, сколько времени он сможет продержаться. Разум незнакомца был прони-

зан беспокойством. И никакая ложь не спасала. Шварц слишком плохо знал этот мир, чтобы с уверенностью лгать.

Он сказал:

— Я иду в больницу.

— В больницу? Какую больницу?

— Я был там, когда был в Чике.

— А, ты про институт? Это туда я отвел тебя тогда, после магазина? — Он почувствовал беспокойство и нарастающее напряжение.

— К доктору Шенту, — сказал Шварц. — Ты его знаешь?

— Слышал о нем. Большая шишка. Ты болен?

— Нет. Но время от времени мне нужно ему показываться. — Кажется ли такое объяснение достаточно разумным?

— Пешком? — сказал Паттер. — Неужели он не присылает за тобой машину? — Очевидно, сказанное достаточно разумным не было.

Шварц ничего не ответил — просто промолчал, и все.

Паттер тем не менее не унимался.

— Послушай, приятель, тут недалеко общественная Коммуна. Я закажу такси из города. Оно нас подберет по дороге.

— Коммуна?

— Конечно. Они вдоль всего шоссе раскиданы. Смотри, вот как раз одна.

Он сделал шаг в сторону от Шварца, и последний почувствовал, что кричит:

— Стоп. Не двигаться!

Паттер остановился. Голос его звучал холодно, когда он сказал, обернувшись:

— Что это с тобой, приятель?

Шварц обнаружил, что новый язык едва ли соответствует той быстроте произношения, с какой он выстрелил обойму слов:

— Я устал от этой игры. Я тебя знаю. Я знаю, что ты собираешься делать. Ты собираешься позвонить кому-то и сказать, что я иду к доктору Шенту. Меня будут ждать в городе, и когда я появлюсь, пошлют за мной машину. А ты попытаешься меня убить, если я решу бежать.

Лицо Паттера сделалось хмурым:

— Насчет последнего — тут ты не ошибаешься. — Слова эти не предназначались для ушей Шварца, но он услышал их не внешним слухом, а внутренним.

Вслух же Паттер сказал:

— Мистер, вы меня просто в краску вгоняете. Да вы сами меня одной рукой положите.

Но его рука явно двигалась к бедру.

И Шварц потерял над собой контроль. Он взмахнул руками в дикой ярости.

— Оставьте меня в покое, слышите?! Что я вам сделал?!. Убирайтесь!

Голос его поднялся до самых высоких нот, лоб прорезали морщины ненависти и страха перед этим существом — живым воплощением враждебности. Он собрал воедино все свои силы, стараясь избежать Прикосновения Разума, избавиться даже от дыхания его…

И это случилось. Внезапно и полностью оно ушло. Моментальное ощущение ошеломляющей боли — не его, а того, другого, — и потом пустота. Никакого Прикосновения Разума. Оно ослабло, подобно разжавшимся пальцам, и умерло.

Скорченное тело Паттера лежало на темной дороге. Шварц склонился над ним. Паттер был маленьким человеком, и перевернуть его не составляло труда. Должно быть, мучения были очень сильными, потому что даже сейчас морщины на его лице не разгладились. Шварц попытался послушать сердце, но не нашел его следов.

Он выпрямился вне себя от ужаса.

Он убил человека!

А потом его накрыла такая же волна удивле-

ния…

Не прикоснувшись к нему! Он убил этого человека одной лишь ненавистью, воздействовав каким-то образом на Прикосновение Разума.

Какими же еще силами он обладает?

Он обыскал карманы убитого и нашел деньги. Деньги! Они пригодятся ему. Потом оттащил тело к окраине поля и оставил его в густой траве.

Он шел пешком около двух часов. Другие Прикосновения Разума не беспокоили его.

Этой ночью он спал в поле, а следующим утром, прошагав еще два часа, достиг Чики.

Чика для Шварца была всего лишь деревней по сравнению с Чикаго, городом, который он помнил, а движение здесь казалось вялым и механическим. Но все равно Прикосновения Разумов были здесь многочисленными. Они ошеломили и взволновали его.

Какое обилие умов! Вялых и безразличных, острых и интенсивных. Разумы одних людей походили на крошечные взрывы, у других в мозгу не было ничего, кроме, быть может, приятного воспоминания о недавно закончившемся завтраке.

Сначала Шварц отворачивался или отказывался от каждого мимолетного прикосновения, но примерно через час он перестал обращать на них

внимание.

Теперь он слышал слова, даже если они и не были произнесены вслух. Он чувствовал в себе нечто новое и поймал себя на том, что невольно вслушивается в мысли встречных людей. То были шелестящие, как будто сверхъестественные, фразы.

Он обнаружил в себе способность проникать в здания, не заходя в них, и вбирать в себя мелькающие за стенами мысли.

У большого, с каменным фасадом дома он внезапно остановился и задумался. Они (кем бы «они» ни были) охотились за ним. Он убил преследователя, но ведь должен кто-то остаться, кому этот преследователь хотел позвонить. Лучше всего для него было бы не появляться в городе в течение нескольких дней, но как это сделать?

Он проник в здание, перед которым стоял. Внутри ощущалось смутное Прикосновение Разума, которое могло бы означать для него работу. Там искали рабочих-текстильщиков, а он когда-то был портным.

Он вошел внутрь. Никто не обратил на него внимания. Он тронул кого-то за плечо.

— С кем мне можно поговорить насчет работы?

— Вон в ту дверь! — Прикосновение Разума, достигшее его, было полно раздражения и презрения.

Он прошел в указанную дверь; и худой, с острым подбородком парень засыпал его градом вопросов, указав пальцем на классификационную машину, которой нужно было говорить ответы.

Шварц принялся отвечать, с равной неуверенностью перемешивая ложь с правдой.

Зато уверенность служащего была все искупающей. Быстро посыпались вопросы:

— Возраст? 52. Гм… Состояние здоровья?.. Женат?.. Квалификация? Работа с текстилем? Зластоморин? Что вы имеете в виду — любого рода?.. У кого вы в последний раз работали?.. Четко повторите имя… Вы не из Чики, не так ли? Где ваши бумаги? Вам придется принести их сюда, если вы хотите, чтобы были предприняты какие-то меры… Каков ваш регистрационный номер?..

Шварц был ошеломлен. Начиная, он не предвидел такого конца. И Прикосновение Разума сидящего перед ним человека изменилось. Тот сделался подозрительным до предела и при этом очень осторожным. Доброта и дружелюбие в нем сменились такой враждебностью, которая

становилась очень опасной.

— Я думаю, — нервно сказал Шварц, — что не подхожу для работы этого рода.

— Нет-нет, вернитесь. — Человек устремился за ним. — У меня есть кое-что для вас. Позвольте мне только проглядеть бумаги. — Он улыбался, но его Прикосновение Разума было теперь ясным и даже еще более недружелюбным.

Он нажал на кнопку звонка на столе.

Шварц, во внезапном приступе паники, бросился к двери.

— Держите его! — мгновенно крикнул тот, выскакивая из-за стола.

Шварц ударил по Прикосновению Разума, с яростью оттолкнул его своим разумом, и услышал за своей спиной стон. Он бросил быстрый взгляд через плечо. Служащий опустился на пол. Другой человек склонился над ним, резко выпрямился и устремился за Шварцем.

Шварц выскочил на улицу в полном сознании того, что должна быть уже поднята тревога. Служащий, по крайней мере, запомнил его.

Он наудачу петлял по улицам. Он привлекал к себе все большее внимание, ибо улица заполнялась людьми — подозрение, повсюду подозрение — а его одежда была измятой и плохо на нем

сидела…

В путанице Прикосновений Разумов и собственного страха и отчаяния он не мог различить настоящего врага, и потому не получил ни малейшего предупреждения перед ударом невротического хлыста.

Была лишь ужасная боль, все увеличивающаяся и расширяющаяся. Несколько секунд он стоял, корчась в агонии, потом упал на спину.

Глава 13
Паутина в Вашине

Территория Колледжа Древних в Вашине отличается удивительной простотой. К ней даже скорее подходит слово «аскетизм». Есть что-то торжественно-суровое в том, как послушники прогуливаются группами под деревьями Квадранге, куда не разрешается вход никому, кроме Древних. Иногда можно различить фигуру облаченного в зеленое одеяние Старшего Древнего, изящно отвечающего на приветствия.

И, очень редко, здесь может появиться сам Верховный Министр.

Но не подобным образом, а почти бегом, почти задыхаясь, не обращая внимания на поднимающиеся в приветствии руки, безразличный к осторожным взглядам, преследующим его, и едва заметным обменам взглядами и недоуменно поднимающимся бровям.

Он ворвался в Легислатив-холл через личный вход и бегом кинулся по пустой, гулкой от шагов лестнице. Дверь, в которую он заколотил, отворилась, и он вошел внутрь.

Его секретарь едва взглянул на него поверх маленького бедного стола, за которым сидел, склонившись над телевизором в защитном поле.

Он внимательно смотрел и слушал, не обращая внимания на громоздящуюся перед ним гору бумаг, деловых, судя по их внешнему виду.

Верховный Министр сердито постучал пальцем по столу.

— Что это? Что тут?

Секретарь отстранился от телевизора, бросил на него холодный взгляд и сказал:

— Приветствия, Ваше Превосходительство!

— Мне не надо никаких приветствий! — нетерпеливо отозвался Министр. — Я хочу знать, что происходит.

— Говоря коротко, ваш человек бежал.

— Вы имеете в виду того человека, которого Шент лечил с помощью синапсифера… Внешний… шпион… тот, с фермы близ Чики…

Неизвестно, в какие бы еще уточнения углубился Верховный Министр в своем беспокойстве, если бы секретарь не прервал его коротким:

— Именно.

— Почему меня не проинформировали?

— Необходимы были немедленные действия, а вы были заняты. Тем не менее я сам сделал все,

что в моих силах.

— Да, вы удивительно внимательны к моей занятости, когда хотите действовать без моего ведома. Но теперь я положу этому конец. Я не позволю, чтобы меня держали где-то на задворках. Я не…

— Мы будем ждать ваших указаний, — скромно сказал секретарь, и гнев Верховного Министра сразу утих. Он кашлянул, поколебался и уже другим тоном сказал:

— Каковы дела, Вялкис?

— Их очень мало. После двух месяцев терпеливого ожидания, в течение которых он совершенно ничем не проявлял себя, этот человек, Шварц, уходит… его преследуют… но он теряется.

— Как это — теряется?

— Мы не уверены, но нами получено сообщение. Наш агент, Паттер, пропустил вчера три отчетных периода. Его помощники отправились тогда по его следам к Чике и на заре нашли его. Он лежал мертвым на окраине поля, недалеко от шоссе.

Верховный Министр побледнел.

— Внешний его убил?

— Возможно, хотя наверняка мы сказать не можем. Если не считать следов агонии на лице

мертвого, никаких признаков насилия не видно. Конечно, будет сделано вскрытие. Он мог умереть от удара в самый неожиданный момент.

— Это было бы удивительным совпадением.

— И я так думаю, — последовал холодный ответ. — Но если Шварц его убил, это становится чревато страшными последующими событиями. Видите ли, Ваше Превосходительство, кажется вполне очевидным из нашего предыдущего анализа, что Шварц должен был направляться в Чику для того, чтобы увидеться там с Шентом, а Паттер был найден мертвым между фермой Марина и Чикой. Мы направили сообщения в этот город три часа назад, и человек был пойман.

— Шварц? — это было сказано с недоверием в голосе.

— Конечно.

— Почему же вы не сказали об этом сразу?

Вялкис пожал плечами.

— Ваше Превосходительство, есть дела более важные и более срочные. Я сказал, что Шварц — в наших руках. Итак, он был пойман очень быстро и легко, и мне кажется, что этот факт не слишком вяжется со смертью Паттера. Как он мог бы быть одновременно таким умным, чтобы убить Паттера — самого способного человека, — и таким

глупым, чтобы уже на следующий же день после этого открыто явиться на фабрику и требовать себе там работу?

— А он поступил именно так?

— Именно так… Тем не менее это дает толчок двум возможным мыслям. Он мог, передав сообщение Шенту или Алвардену, нарочно позволить нам схватить его, чтобы отвлечь наше внимание, или же существуют другие агенты, выследить которых нам еще не удалось. В любом случае мы не должны быть слишком самоуверенными.

— Я не знаю, — сказал Верховный Министр полным безнадежности голосом, и его красивое лицо прорезали беспокойные морщины. — Для меня все это становится слишком запутанным.

Вялкис улыбнулся, и в этой улыбке отразилась тень презрения.

— Через четыре часа у вас встреча с профессором Алварденом.

— У меня? Но почему? Что я ему скажу? Не хочу я его видеть.

— Успокойтесь. Вы должны с ним увидеться, Ваше Превосходительство. Мне кажется очевидным, что, поскольку близится время начала действия экспедиции, он должен вступить в игру, прося вашего разрешения на исследование Запре-

щенных Земель. Энниус предупредил нас о том, что он будет это делать, а Энниусу должны быть известны причины и точные данные этой кампании. Я полагаю, вы вполне могли бы ответить ему вопросом на вопрос и просьбой на просьбу.

Верховный Министр кивнул.

— Что ж, попытаюсь.

Бел Алварден прибыл точно в указанное время и успел оглядеть окрестности. Для человека, прекрасно знакомого с архитектурными шедеврами всей Галактики, Колледж Древних едва ли казался более примечательным, чем гранитное строение в древнем стиле. Для человека же, который, вдобавок, был еще и археологом, его аскетизм мог означать истинный лик мрачного, почти дикого образа жизни. Сама его примитивность несла в себе печать обращения к древнему прошлому.

И вновь Алварден погрузился в раздумья. Его двухмесячное путешествие по западному земному континенту оказалось не вполне… забавным. Первый же день разрушил все. Он поймал себя на том, что вернулся мыслями к событиям в Чике.

И тут он рассердился на себя за то, что думает об этом. Грубая, неблагодарная обычная земная девушка. Почему он должен чувствовать себя

виноватым? И все же…

Должен ли он был делать скидку на шок, вызванный тем, что она узнала, что он Внешний, как и оскорбивший ее офицер, поплатившийся сломанной рукой за свою вызывающую глупость? В конце концов, может ли он знать, сколько страданий она уже приняла из-за Внешних? И после этого она получает такой, ничем не смягченный удар, узнает, что он — один из них.

Если бы он был более терпеливым. Почему он так грубо все разрушил? Он даже имени ее не помнил. Странно! В обычных условиях его память работала лучше. Не сознательное ли состояние вынудило его забыть?

Что ж, если это имело смысл. Забыть! А что, собственно, нужно было помнить? Земную девушку.

Она была сестрой в больнице.

Предположим, он попытается связаться с больницей. Но у него весьма смутное представление об этом месте, иг которого ушел ночью, оно, должно быть, находится неподалеку от едомата.

Добравшись до этой мысли, он фыркнул и рассердился. Он что, сошел с ума? Чего он может добиться? Она — землянка. Хорошенькая, милая, весьма сообразительная.

Земная девушка!

Вошел Верховный Министр, и Алварден обрадовался. Это означало передышку в воспоминаниях о том дне в Чике. Но в глубине его сознания гнездилась уверенность в том, что они вернутся, эти мысли, как возвращались всегда.

Что же касается Верховного Министра, его одеяние было новым и сверкало свежестью. Лоб не носил в себе следов сомнений и раздумий.

И разговор был самым дружеским. Алварден всячески подчеркивал искренность доброго отношения великих людей Империи к людям Земли. Верховный Министр столь же пылко стремился вызвать ту благодарность, какую абсолютно все жители Земли питали к имперскому правительству.

Алварден сказал о важности археологии для имперской философии, подчеркнув, что ею сделано великое заключение: «все люди любого мира являются братьями». А Верховный Министр покорно согласился с этим и указал, что Земля долго ждала подобного заключения и что можно лишь надеяться на то, что скоро придет время, когда Галактика претворит свою теорию в практику.

На это Алварден, коротко улыбнувшись, сказал:

— Именно из-за этого, Ваше Превосходительство, я к вам и пришел. Различия между Землей и некоторыми имперскими доминионами коренятся, вероятно, во многом на различиях в образе мышления. И все же добрая толика этих различий может быть устранена, если доказать, что земляне, как раса, не отличаются от других граждан Галактики.

— А как вы предлагаете это делать, сэр?

— Это не так трудно объяснить двумя словами. Как известно Вашему Превосходительству, два основных течения археологического мышления обычно называют теорией Моргера и теорией радиации.

— Я знаком с точками зрения обоих течений.

— Хорошо. Итак, теория Моргера сводится к выводу о том, что различные группы гуманоидов, включая и независимые, перемешались с помощью браков в ранние, почти не оставившие о себе документов, времена примитивных космических путешествий. Подобная концепция объясняет тот факт, что сейчас гуманоиды так похожи друг на друга.

— Да, — сухо вставил Верховный Министр. — И эта концепция также говорит о наличии нескольких сотен или тысяч образцов отдельно

развивавшихся существ более или менее гуманоидного типа и столь же близких друг к другу с точки зрения химии и биологии, чтобы перекрестные браки стали возможными.

— Правильно, — с удовлетворением в голосе согласился Алварден. — Вы попали как раз в самое уязвимое ее место. Однако большинство археологов игнорируют и уверенно поддерживаю теорию Моргера, что, конечно, не исключает возможности существования изолированных частей Галактики с образцами гуманоидов, которые, оставаясь иными, не могли пойти на смешение путем браков…

— Вы имеете в виду Землю, — заметил Верховный Министр.

— Земля — возможный образец. Теория радиации, с другой стороны…

— … рассматривает всех нас как потомков одной планетной группы гуманоидов.

— Совершенно верно.

— Мои люди, — сказал Верховный Министр, — следуя некоторым свидетельствам, оставленным нам историей, и некоторым записям, которые являются священными для нас и не могут быть представлены в распоряжение Внешних, верят в то, что сама Земля является первичным домом

человечества.

— В это же верю и я и прошу вашей помощи, чтобы доказать это всей Галактике.

— Вы оптимист. На чем же вы основываетесь?

— На своем убеждении. Я считаю, Ваше Превосходительство, что большое количество остатков произведений архитектуры и искусства может быть найдено в тех землях, которые, по несчастью, отмечены высокой степенью радиации. Возраст этих останков может быть аккуратно подсчитан, с учетом радиоактивного распада, и сравнен…

Верховный Министр отрицательно покачал головой.

— Это абсолютно невозможно.

— Почему? — нахмурился удивленный Алварден.

— По одной причине, — прохладным — но не слишком — тоном ответил Верховный Министр. — Чего вы, собственно, надеетесь добиться? Если вы докажете нашему миру свою точку зрения, даже во имя удовлетворения всех миров, то какое значение может иметь то, что миллион лет назад все мы были землянами? В конце концов, миллионы лет назад все мы были обезьянами, однако сегодня вы же не предлагаете

им дружбу.

— Ну что вы, Ваше Превосходительство, подобная аналогия неразумна.

— Вовсе нет, сэр. Разве не разумно было бы предположить, что земляне в долгой своей изоляции так изменились в сравнении со своими эмигрировавшими родственниками, что теперь их можно считать совершенно другой расой?

Алварден слегка покусал нижнюю губу и неохотно ответил:

— Вы приводите хорошие аргументы в поддержку своих врагов.

— Потому что я спрашиваю себя: а что скажут мои враги? Так что вы ничего не добьетесь, сэр, кроме, возможно, большего увеличения направленных против нас злобных выпадов.

— Но, — сказал Алварден, — существует еще вопрос интересов чистой науки, преимущественно знания…

Верховный Министр важно кивнул головой.

— Ставить заслоны на этом пути мне искренне жаль. Сейчас, сэр, я говорю с вами, как один джентльмен Империи с другим. Сам я с радостью помог бы вам, но мои люди — раса упрямая и неразговорчивая, столетия тому назад целиком ушедшая в себя из-за… э… неблагоприятного к

ней отношения в различных частях Галактики. У них есть определенные табу, определенные обычаи, которые не осмелюсь нарушить даже я.

— И радиоактивные волны…

— Это — одно из самых важных табу. Даже если бы я дал вам разрешение — а это мне страшно хочется сделать — мой шаг спровоцировал бы восстания и выступления, которые не только бы отобрали вашу жизнь и жизни членов вашей экспедиции, но и, в конце концов, навлекли бы на Землю грозные меры со стороны Империи. Я лишился бы своего положения и доверия своего народа, если бы согласился на вашу просьбу.

— Но я готов принять все нужные меры предосторожности. Если вы хотите послать со мной наблюдателей… И, конечно же, я готов посоветоваться с вами, как дублировать полученные результаты…

Верховный Министр сказал:

— Вы искушаете меня, сэр. Это интересный проект. Но вы преувеличиваете мою власть, даже если мы оставим в стороне самих людей. Собственно, мои возможности строго ограничены — все дела должны передаваться на рассмотрение Обществу Древних перед тем, как будет вынесено окончательное решение.

Алварден покачал головой.

— Это ужасно. Прокуратор предупреждал меня о том, что возникнут трудности, но я все же надеялся… Когда вы сможете посоветоваться с вашими правоведами, Ваше Превосходительство?

— Президиум Общества Древних соберется через три дня. Изменять повестку дня — не в моей компетенции, так что может пройти несколько дней, пока начнет обсуждаться вопрос. Скажем, неделя.

Алварден рассеянно кивнул.

— Что ж, придется… Между прочим, Ваше Превосходительство…

— Да?

— На вашей планете есть ученые, с которыми я бы хотел встретиться. Доктор Шент из Чики. Я был в Чике, но уехал прежде, чем смог сделать то, что хотел. Поскольку он, я уверен, человек занятой, не мог бы я просить вас о рекомендательном письме?

Верховный Министр просто окаменел и в течение нескольких минут ничего не говорил.

— Могу ли я спросить, по какому вопросу вы хотите его видеть?

— Конечно. Я прочитал об изобретенном им приборе. Он называет его «Синапсифер». Он имеет

отношение к нейрохирургии мозга и может быть мне полезным в связи с другим моим проектом. Я проделал кое-какую работу по классификации человечества по энцефалографическим группам — по типу мозга, понимаете ли.

— Гм… я что-то слышал об этом изобретении. Сообщалось, что оно как будто потерпело неудачу.

— Ну, может быть, и так, но он — большой специалист в этой области и мог бы оказать мне эту услугу.

— Понимаю. В таком случае рекомендательное письмо будет немедленно приготовлено для вас. Конечно, не должно быть упоминаний о ваших намерениях относительно Запрещенных Земель.

— Это понятно, Ваше Превосходительство.

Он встал.

— Благодарю вас за вашу любезность и доброе отношение. Я могу только надеяться, что Совет Древних будет либеральным по отношению к моему проекту.

Секретарь вошел после ухода Алвардена. На его губах играла столь характерная для него холодная улыбка.

— Отлично, — сказал он. — Вы вели себя совершенно верно.

Верховный Министр мрачно посмотрел на него

и спросил:

— Что это было насчет Шента?

— Вы озадачены? Напрасно. Все идет как нужно. Вы заметили, как он прореагировал на то, что вы не поддерживаете его проект? Было ли дальнейшее ответом ученого или же это ответ того, кто играет определенную роль, от которой не прочь избавиться? И снова мы имеем странное совпадение. Шварц бежит и направляется в Чику. На следующий день Алварден появляется здесь, и после не особенно ревностной болтовни о своей экспедиции случайно упоминает о том, что намерен отправиться в Чику и повидаться с Шентом.

— Но почему он об этом упомянул? Это кажется почти глупым.

— Потому что вы прямолинейны. Поставьте себя на его место. Он воображает, что нам ничего не известно. В таком случае побеждает смелость. Он направляется на встречу с Шентом. Хорошо! Он честно упоминает об этом. Он даже просит рекомендательное письмо. Какие же лучшие гарантии он может представить? И это приводит нас к следующему пункту. Шварц мог обнаружить, что за ним наблюдают. Он мог убить Паттера. Но у него не было времени на то, чтобы передать информацию и предупредить

остальных, иначе подобная комедия не была бы разыграна.

Глаза секретаря были полуоткрыты, пока он плел свою паутину.

— Невозможно сказать, сколько пройдет времени, прежде чем отсутствие Шварца сделается для них подозрительным. Но его должно хватить до встречи Алвардена с Шентом. Мы поймаем их на месте, тогда они меньше смогут отрицать.

— Но, все-таки, сколько у нас времени? — настойчиво спросил Верховный Министр.

Вялкис задумчиво посмотрел на него.

— Расписание не совсем точно, а с тех пор, как мы обнаружили предательство Шента, эта неточность увеличилась. Но теперь нам нужно только дождаться математических расчетов необходимых орбит. Нас задерживает неадекватность наших компьютеров. И все же теперь речь идет уже о днях.

Дни! Слово это было произнесено тоном, в котором смешались триумф и ужас.

— Дни! — эхом отозвался Верховный Министр. — Но, помните, одной бомбы, выпущенной хотя бы на две секунды раньше времени, вероятно, будет достаточно, чтобы предотвратить нашу операцию и остановить нас. И даже после этого

останется период от одного до шести месяцев, когда можно предпринять репрессии. Так что мы не находимся в полной безопасности.

Дни! А потом — самая невероятная битва в истории Галактики, когда одна Земля нападает на всю Галактику.

Руки Верховного Министра слегка дрожали.

Алварден снова сидел в стратоплане. Мысли его были полны ярости. Казалось, не было причин надеяться, что Верховный Министр и его психопаты-подданные разрешат официальное вторжение на радиоактивные земли. Он был подготовлен к этому. И почему-то не испытывал сожаления из-за отказа.

Но ведь существовала возможность и нелегального вторжения. Он мог вооружить свой корабль, драться, в случае необходимости. И он предпочел бы именно такой вариант.

Кровавые дураки!

Да, да, он знал. Они считают именно себя настоящими людьми, обитателями планеты…

И самым худшим было то, что, как он знал, они были правы.

Что ж… Корабль двинулся в путь. Откинувшись на мягкую подушку сиденья, он знал, что примерно через час будет в Чике.

Этот синапсифер мог оказаться важной штукой, и вовсе нет смысла в том, чтобы быть на Земле и не воспользоваться таким преимуществом. Он, конечно, никогда уже не сможет сюда вернуться.

Крысиная дыра!

Энниус был прав.

Он нащупал рекомендательное письмо, набитое официальными фразами.

А потом он вдруг выпрямился — или попытался сделать это, преодолевая силу инерции, которая вдавливала его в кресло по мере того, как Земля ускользала прочь, а голубое небо заливалось пурпуром.

Он вспомнил имя девушки. Пола Шент.

Но как он мог его забыть? Он чувствовал себя обманутым, и это сердило. Его память сыграла над ним шутку, пряча фамилию в своих недрах до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Но где-то в глубине сознания он радовался этому обстоятельству.

Глава 14
Вторая встреча

За те два месяца, что прошли со дня испытания синапсифера на Иосифе Шварце, физик полностью изменился. Не столько физически, сколько изменилось его поведение. Он сделался рассеянным и боязливым, почти ни с кем не общался, избегал даже ближайших коллег, и упорство, с которым он их избегал, было видно даже слепому.

Лишь с Полой он делился своими сомнениями, поэтому, возможно, и она оказалась в странной изоляции.

— За мной следят, — повторял он. — Я почему-то это чувствую. Ты знаешь, что это такое? Я никому теперь не доверяю… Меня ни на минуту не оставляют одного. Всегда кто-нибудь рядом. Мне даже не позволяют писать отчеты.

А Пола и симпатизировала ему и посмеивалась над ним, повторяя снова и снова:

— Ну что у них может быть против тебя такого, чтобы они все это делали? Даже если ты и экспериментировал на Шварце, не такое уж это ужасное преступление. Ну, вызвали бы и прочи-

тали нотацию.

Но лицо его было желтым и несчастным, когда он бормотал:

— Меня не оставят в живых. Близятся мои Шестьдесят, и меня не оставят в живых.

— После всего, что ты сделал? Чепуха!

— Я слишком много знаю, Пола, и мне не доверяют.

— О чем ты слишком много знаешь?

Тем вечером он чувствовал себя особенно усталым, и ему хотелось снять с себя давивший на него груз. И он рассказал ей. Вначале она не поверила ему, а потом, когда недоверие прошло, она могла лишь сидеть неподвижно, объятая холодным ужасом.

На следующий день из общественного коммуникационного пункта, находящегося на другом конце города, Пола позвонила в Штат-хауз. Накрыв мембрану носовым платком, она попросила позвать доктора Бела Алвардена.

Его не было на месте. Считали, что он может быть в Конере, в шести тысячах миль от Чики, однако он не слишком точно придерживается своего расписания. Да, он непременно должен вернуться в Чику, но когда, они не знают. Не назовет ли она свое имя? Тогда ему обязательно

передадут.

На этом она прервала разговор и приложила пылающую щеку к стеклу будки, благодаря его за прохладу. Глаза ее были полны непролитых слез.

Дура. Дура!

Он так помог ей, а она, к своей горечи, прогнала его. Он рисковал своим здоровьем, и даже большим, чтобы спасти достоинство маленькой землянки перед Внешним, а она его прогнала.

Сто кредитов, посланных ею в Штат-хауз на следующее утро после происшествия, вернулись без какой-либо сопроводительной записки. Тогда она хотела связаться с ним и извиниться, но побоялась. Штат-хауз предназначался только для Внешних, как же она могла туда проникнуть! Она даже не видела его никогда, кроме как издалека.

А теперь… Она позвонила бы даже во дворец Прокуратора, чтобы только… только…

Только он и мог теперь ей помочь. Он, Внешний, способный говорить с землянами с позиции равенства. Она ни за что не догадалась бы, что он Внешний, если бы он сам ей не сказал. Он такой сильный и уверенный в себе. Он должен знать, что нужно делать.

Ведь должен же кто-то знать, потому что незнание означает уничтожение всей Галактики.

Конечно, многие Внешние заслуживают такой судьбы — но разве все? А женщины, дети, больные, старики? Добрые и хорошие люди? Алварден? Те, кто никогда и не слышал о Земле? А ведь, в конце концов, все они — люди. Подобная ужасная месть на все времена перечеркнула бы любую справедливость, на которую может — нет, могла бы претендовать Земля во имя морей пролитой крови.

А потом, как из ниоткуда, раздался звонок от Алвардена. Доктор Шент покачал головой.

— Я не могу с ним говорить.

— Ты должен, — с яростью бросила Пола.

— Здесь? Это невозможно… это означало бы конец для нас обоих.

— Тогда не надо. Я позабочусь обо всем.

Сердце ее громко пело в груди. Конечно, это только потому, что ей представляется возможность спасти мириады человеческих жизней. Она вспомнила его широкую открытую улыбку и то, как спокойно он одержал верх над полковником, как тот склонил голову, извиняясь перед земной девушкой, которая получила право прощать его.

Бел Алварден мог все!

Алварден мог, конечно, ничего об этом не знать. Отношение Шента — такое, каким оно ему

казалось, а именно странно-грубое — он присовокупил ко всем странностям, уже встреченным им на Земле.

Здесь, в приемной старательно лишенного жизни офиса, он чувствовал себя нежелательным вторжением.

Он постарался подобрать нужные слова.

— Я ни за что бы не осмелился отвлекать вас визитом, доктор, если бы не профессиональный интерес к вашему синапсиферу. Я получил сведения о том, что в отличие от многих землян, вы не настроены недружелюбно к людям Галактики.

Это вступление явно оказалось неудачным, ибо доктор Шент поспешно вскочил.

— Не знаю, кто дал вам эту информацию, но он ошибся, навязав мне симпатию к чужеземцам. Я не испытываю к ним ни симпатии, ни антипатии. Я землянин…

Губы Алвардена сжались, и он повернулся к выходу.

— Понимаете, доктор Алварден, — остановил его торопливый шепот, — мне очень жаль, но я действительно не могу…

— Я понимаю, — холодно сказал археолог, хотя абсолютно ничего не понимал. — Всего хорошего.

Доктор Шент слабо улыбнулся.

— Давление, оказываемое моей работой…

— Я тоже очень занят, доктор Шент.

Он повернулся к двери, внутренне проклиная все земное племя и чувствуя, как в груди у него закопошились те слова, которые почти не задевали его чувство дома. Например, поговорки «Вежливости на Земле столько же, сколько сухости в океане» или «Землянин даст вам все, пока оно ничего не стоит, а ценится еще меньше».

Рука его уже разрушила фотоэлектрический луч, с помощью которого открывалась входная дверь, когда он услышал за собой звук торопливых шагов и легкий свист. В руке у него оказался клочок бумаги, а когда он обернулся, то успел лишь заметить, как мелькнуло что-то красное.

Он сел в казенную машину, и только после этого развернул бумагу. На ней были торопливо нацарапаны следующие слова:

«Спросите, как пройти в Большой игорный дом, и будьте там сегодня в восемь часов. Убедитесь, что за вами не следят».

Он сердито нахмурился и перечитал записку пять раз, потом начал снова, как будто надеясь разглядеть следы невидимых чернил. Независимо от своей воли он огляделся. Улица была пуста.

Он приподнял руку, чтобы выбросить клочок бумаги в окно, но заколебался и убрал его в карман пиджака.

Вне всякого сомнения, если бы оказалось, что на вечер у него запланированы другие дела, данный момент можно было бы считать концом повествования, а также началом конца, возможно, нескольких триллионов людей. Но случилось так, что других дел у него не было.

И, разворачивая машину, он гадал про себя, не была ли эта записка…

В 8 часов он медленно ехал вдоль шеренги наземных машин, разместившихся сбоку извилистой дороги, ведущей, очевидно, к Большому игорному дому. Он спросил лишь один раз, и спрошенный прохожий подозрительно посмотрел на него и коротко бросил:

— Вам нужно только следовать за всеми остальными машинами.

Оказалось, все другие машины действительно направлялись к игорному дому, ибо, добравшись туда, он обнаружил, что все они, одна за другой, исчезают в дверях подземного паркинга. Он вырулил из общей шеренги и медленно поехал за игорный дом, ожидая сам не зная чего.

Стройная фигурка отделилась от ограды и при-

близилась к окну его машины. Он насторожился, вздрогнул, но дверца отворилась, и человек оказался в его машине.

— Прошу прощения, — сказал он, — но…

— Ш-ш-ш! — человек опустился на сиденье. — За вами следили?

— А разве должны были?

— Не нужно шутить. Поезжайте вперед. Поверните, когда я скажу… Боже, чего же вы ждете?

Он узнал голос. Капюшон скользнул на плечи, показались светло-каштановые волосы. Темные глаза внимательно изучали его.

— Вам лучше ехать, — мягко проговорила она.

Он так и сделал, и в течение пятнадцати минут, если не считать указаний, даваемых насчет дороги, она ничего не сказала. Он украдкой поглядывал на нее и думал со странным удовольствием о том, что она гораздо красивее, чем он запомнил ее в первый раз… Странно, что теперь он не чувствовал никакой обиды.

Они остановились — вернее, это сделал Алварден, следуя указаниям девушки, — на углу пустынного делового квартала. Осторожно оглядевшись, девушка знаком велела ему проехать вперед по дороге, в конце которой находился частный гараж.

Двери за ними закрылись. Теперь единственным освещением были светильники машины.

И тогда Пола серьезно посмотрела на него и сказала:

— Доктор Алварден, мне жаль, что я была вынуждена сделать все это, чтобы поговорить с вами с глазу на глаз. Я знаю, что не могу рассчитывать на ваше доброе мнение после того…

— Не нужно думать об этом, — робко сказал он.

— Я должна была об этом думать. Я хочу, чтобы вы верили мне, — я поняла, насколько глупо и жалко вела себя той ночью. У меня просто нет нужных слов, чтобы выразить свое сожаление…

— Прошу вас, не надо. — Он отвел взгляд. — Мне нужно было вести себя немного дипломатичнее..

— Но… — Пола помолчала несколько минут, собираясь с духом. — Я привезла вас сюда не для этого. Вы — единственный из всех встреченных мною Внешних, которые могут быть честными и благородными… и мне нужна ваша помощь.

Холодный страх закрался в душу Алвардена. Что это, и что вообще все это значит? Он перевел свой страх в сдержанное:

— О?

А она воскликнула:

— Нет-нет, дело не во мне, доктор Алварден!

Речь идет обо всей Галактике!. Моего здесь нет ничего. Ничего!

— Что же это такое?

— Во-первых… я не думаю, чтобы за нами следили, но если вы услышите какой-нибудь шум, то вы… то вы… — Она опустила глаза. — Обнимите меня… знаете…

Он кивнул и сухо сказал:

— Я уверен, что смогу без труда это сделать. Но обязательно ли ждать шума?

Пола покраснела.

— Прошу вас, не нужно шутить, иначе я подумаю, что обманулась в своих ожиданиях. Просто это единственный путь отвести подозрения.

Алварден мягко спросил:

— Неужели дела обстоят так плохо?

И он с любопытством посмотрел на нее. Она казалась такой юной и такой нежной. Никогда в своей жизни он не действовал неблагоразумно. Он гордился этим. Он был человеком сильных эмоций, но умел бороться с ними и побеждать их. А здесь, только потому, что девушка оказалась слабой, он ощутил неразумный порыв защитить ее.

Она сказала:

— Дела обстоят очень серьезно. Я расскажу

вам. Я знаю, что вначале вы мне не поверите. Но я хочу, чтобы вы попытались поверить в это. Я искренна. Но больше всего я хочу, чтобы вы решили присоединиться к нам после того, как я вам все объясню. Вы попытаетесь? Я даю вам пятнадцать минут, и если вы решите, что я не стою вашего внимания и доверия, я уйду, и на этом все кончится.

— Пятнадцать минут? — Губы его дрогнули в непроизвольной улыбке. Сняв с руки часы, он положил их перед собой. — Хорошо.

Она стиснула руки на коленях и твердо посмотрела вперед.

Он задумчиво наблюдал за ней — гладкая мягкая линия подбородка, отрицающая ту твердость, которую она старалась ему придать, тонкий, нерешительных очертаний нос, странно-насыщенная окраска кожи, столь характерная для землян.

Уголком глаза она взглянула на него, и он уловил это движение. Она мгновенно опустила глаза.

— В чем дело? — спросил он.

Она повернулась к нему.

— Я наблюдала за вами.

— Да, я это понял. Может, у меня испачкан

нос?

— Нет. — На ее губах возникла слабая улыбка. Он бессознательно отмечал мельчайшие детали ее внешности. — Просто меня удивляет то, о чем я подумала еще в первую ночь… почему вы не носите свинцовую одежду, если вы Внешний. Это меня обмануло. Внешние обычно походят на мешки с картошкой.

— А я — нет?

— О, нет… — Интонация ее сделалась более оживленной. — Вы похожи… вы похожи на древнюю мраморную статую, только вы теплый и живой… Простите мне мою дерзость.

— Вы хотите сказать, что считаете, будто я того мнения, что вы — земная девушка, не знающая своего места. Вы должны перестать думать обо мне подобным образом, иначе мы не сможем быть друзьями… Я не верю в эту суеверную болтовню насчет радиоактивности Земли. Я пробыл здесь два месяца и пока еще не чувствую себя больным. Волосы мои не выпадают, язвы в желудке нет. И я сомневаюсь, что мои детородные способности находятся под угрозой, хотя, признаюсь, в этом отношении я принял кое-какие предосторожности… Но в свинцовом костюме, поверьте мне, нужды нет.

Он сказал это серьезно, и она снова улыбнулась.

— Я думаю, что вы немного безумец, — сказала она.

— Правда? Вы бы удивились, узнав, как много умных и известных археологов говорили мне подобное — и даже посвящали этому длинные речи.

Внезапно она сказала:

— Вы выслушаете меня теперь? Пятнадцать минут истекли.

— А как вы думаете?

— Я думаю, что могли бы. Если бы вы не захотели, то не просидели бы здесь столько времени. И это после того, что я сделала.

Он мягко проговорил:

— Неужели вы считаете, что мне пришлось применить над собой насилие, чтобы заставить себя оставаться рядом с вами? Если вы так думаете, то ошибаетесь… Знаете, Пола, я никогда не видел, я искренне верю, я никогда не видел такой красивой девушки, как вы.

Она быстро взглянула на него испуганными глазами.

— Прошу вас, не надо. Я не к этому клонила. Неужели вы мне не верите?

— Верю, Пола. Расскажите мне, если хотите этого. Я поверю вам и помогу. — И он был совершенно искренен. Если бы было нужно, он не посчитался бы сейчас и с самим Императором. Раньше он никогда не был так влюблен, и когда это слово пришло ему на ум, он вздрогнул. Он никогда не прибегал к нему раньше.

Любовь? К земной девушке?

— Вы видели моего отца, доктор Алварден?

— Доктор Шент — ваш отец?.. Прошу вас, называйте меня Бел. Я же зову вас Полой.

— Если вы этого хотите, я попытаюсь. Мне кажется, вы очень на него рассердились.

— Он был не слишком вежлив.

— Он не мог вести себя иначе. За ним следили. Собственно, мы еще раньше договорились между собой, что он постарается избавиться от вас, а я повидаюсь с вами позже. В этом доме, понимаете… Видите ли, — тут она перешла на шепот, — на Земле должна произойти революция.

Алварден не мог скрыть своего изумления.

— Нет! — сказал он, широко раскрыв глаза. — На всей?

Лицо Полы вспыхнуло сердитым румянцем.

— Не смейтесь надо мной. Вы сказали, что выслушаете меня и поверите мне. На Земле должна

произойти революция, и это серьезно, потому что Земля может уничтожить всю Империю.

— Земля может это сделать? — Алварден с силой подавил рвущийся наружу приступ смеха. Он мягко проговорил: — Пола, как у вас обстоят дела с галактографией?

— Не хуже, чем у остальных. Учитель, во всяком случае, так утверждает. Но какое отношение это имеет к происходящему?

— Имеет. Галактика занимает пространство объемом в несколько миллионов кубических световых лет. В состав ее входит двести миллионов населенных планет, и численность ее населения равняется приблизительно пятистам квадрильонам человек. Верно?

— Наверное так, если вы это говорите.

— Да-да, так, поверьте мне. Теперь дальше. Земля является единственной планетой с населением двадцать миллионов человек, без каких бы то ни было других ресурсов. Иными словами, на одного-единственного землянина приходится двадцать пять миллионов граждан Галактики. А теперь скажите: какой вред может причинить Земля из расчета двадцать пять миллионов к одному.

На мгновение души девушки, казалось, косну-

лось сомнение, но она тут же очнулась.

— Бел, — твердо сказала она, — я не могу на это ответить, но мой отец может. Он не сообщил мне подробности, потому что считает, что они могли бы стоить мне жизни. Но он сделает это теперь, если вы поедете со мной. Он сказал мне, что Земля знает способ, который может ей помочь уничтожить всю жизнь, кроме земной. И он, должно быть, прав. Он всегда раньше оказывался прав.

Щеки ее порозовели, и Алварден с трудом удержался от желания коснуться их (касался ли он их когда-нибудь раньше и чувствовал ли ужас при этом?) Что с ним происходит?

— Сейчас больше десяти, — сказала она.

— Да, — ответил он.

— Тогда он должен быть наверху… если только его не схватили. — Она огляделась и непроизвольно вздрогнула. — Мы не можем войти в дом прямо из гаража, и если вы пойдете со мной…

Она положила ладонь на дверную ручку и вдруг замерла. Голос ее перешел в хриплый шепот:

— Там кто-то идет… О, скорее.

Все остальное напоминало единый долгий вздох. Потом Алварден не мог расчленить его на детали. В одно мгновение он протянул к ней обе руки, и она оказалась совсем рядом, теплая и

нежная. Губы ее задрожали подле его губ, а потом — бесконечное море нежности.

Секунд через пятнадцать он попытался скосить глаза, чтобы увидеть источник тревоги. Но это ему не удалось. Он был ослеплен светом звезд, оглушен ударами собственного сердца.

Ее губы отдалились, но он продолжал ощущать их, а потом потянулся, ища их, и нашел. Руки его отвердели, и она растворилась в них.

Прошло немало времени, прежде чем они оторвались друг от друга, но все равно они еще сидели некоторое время, прижавшись щекой к щеке.

Раньше Алварден никогда не был влюблен и сейчас просто не мог подобрать нужных слов.

«В чем, собственно, дело? Земная девушка или нет, я все же человек».

Как будто погруженный в мечту, он сказал:

— Должно быть, это был шум какого-то движения.

Она сидела теперь на расстоянии вытянутой руки от него, но ее глаза не могли лгать.

— Вы настоящий дьяволенок. Вы серьезно?

В глазах ее мелькнули искры.

— Я хотела, чтобы вы меня поцеловали. И не жалею.

— А вы думаете, я жалею? Поцелуйте меня тогда снова, и только потому, что на этот раз мне этого хочется.

И снова долгое-долгое мгновение, а потом она вдруг отпрянула от него, уверенным жестом поправила волосы и привела в порядок ворот платья.

— Я думаю, что теперь нам лучше пройти в дом. Погасите свет в машине. У меня есть карандаш-фонарь.

Он вышел за ней из машины, и в темноте она превратилась в неясную тень.

Она сказала:

— Вам лучше взять меня под руку. Нам придется подниматься по ступенькам.

Он шепнул ей:

— Я люблю вас, Пола. — Это получилось так легко… и прозвучало с такой уверенностью… И он повторил снова: — Я люблю вас, Пола.

Она нежно проговорила:

— Вы ведь меня почти не знаете.

— Неправда! Я знаю вас всю свою жизнь, клянусь вам! Два месяца я думал и мечтал о вас, клянусь вам.

— Я ведь землянка, сэр.

— Тогда я забуду о своей планете и стану земля-

нином. Испытай меня.

Он остановил ее, взял ее за руку, и фонарик высветил ее мокрое от слез лицо.

— Почему ты плачешь?

— Когда мой отец расскажет вам о том, что знает, вы поймете, что не можете любить земную девушку.

— Испытай меня и в этом.

Глава 15
Исчезнувшие шансы

Алварден и Шент встретились в задней комнате на втором этаже дома. Окна были тщательно задернуты занавесками. Пола осталась внизу. Встревоженная, она сидела в кресле и наблюдала за темнотой.

Сутуловатая фигура Шента казалась совершенно отличной от той, какую видел Алварден часов десять тому назад. Лицо физика по-прежнему было измученным и бесконечно усталым, но если раньше оно казалось неуверенным и робким, то теперь несло в себе выражение почти неограниченной уверенности.

— Доктор Алварден, — сказал он, и голос его был тверд, — я должен извиниться за то, как обошелся с вами сегодня утром. Я надеюсь, вы поймете…

— Должен допустить, сэр, что раньше я не мог этого понять, но сейчас, кажется, понимаю…

Шент опустился в кресло и потянулся к бутылке с вином. Алварден отрицательно махнул рукой.

— Если вы не возражаете, я бы поел сначала

фруктов… Что это? Мне кажется, что ничего подобного я раньше не встречал.

— Это сорт апельсинов, — сказал Шент. — Думаю, такое встречается только на Земле. Кожура снимается очень легко.

Алварден попробовал, и у него вырвалось восторженное восклицание.

— Да ведь это просто превосходно, доктор Шент! Земля никогда не пыталась их экспортировать?

— Древние, — мрачно проговорил физик, — не хотят и слышать о торговле с Внешними. Да и наши соседи по космосу не хотят торговать с нами. Это один из аспектов наших здешних трудностей.

Алварден почувствовал резкое раздражение.

— Но это же такая глупость. Говорю вам, я мог бы разочароваться в человеческом разуме, видя, что может ему сопутствовать.

Шент пожал плечами, выказывал терпение, которому научила его жизнь.

— Боюсь, что это — часть почти неразрешимой проблемы.

— Но что особенно возмутительно, разрешение ее кажется никому не нужным! — воскликнул археолог. — Сколько землян идут на поводу у ситуации, смертельно ненавидя всех без разбора

граждан Галактики? Это почти всеобщая болезнь — ненависть за ненависть. Действительно ли ваши люди хотят равенства, взаимной терпимости? Нет! Большинство из них может жаждать лишь такого положения, при котором они были бы наверху.

— Возможно, ваши слова несут в себе большую правду, — печально отозвался Шент. — Я не могу этого отрицать. Но они объясняют не все. Дайте нам шанс, и новое поколение землян вырастет зрелым, лишенным предвзятости и верящим в единство человечества. Ассимиляционисты, с их терпимостью и верой в возможность всеобщего компромисса, не раз становились силой на Земле. Я — один из них, или, по крайней мере, был когда-то. Но теперь на Земле правят энлоты. Они крайние националисты со своими мечтами о прошлом величии и величии будущем. И именно от них должна быть защищена Империя.

Алварден нахмурился.

— Вы отрицаете революцию, о которой говорила Пола?

— Доктор Алварден, — мрачно сказал Шент, — убедить кого-либо в смехотворной возможности того, что Земля может одержать победу над Галактикой, задача нелегкая, но это правда. Физически

я не храбрец, и мне очень хочется жить. Можете же представить себе, какой огромный кризис должен был вынудить меня пойти на риск выказать себя предателем в глазах местной администрации, и так уже ополчившейся против меня.

— Что ж, — сказал Алварден, — если это так серьезно, мне лучше сразу сообщить вам об одной вещи. Я помогу вам всем, чем только смогу, но лишь полагаясь на свои возможности, как гражданина Галактики. У меня здесь нет официального положения, как нет особого влияния в Суде или даже во дворце Прокуратора. Я — именно тот, кем и должен казаться: археолог, член научной экспедиции, преследующей лишь свои собственные интересы. Поскольку вы готовы пойти на риск предательства, не лучше ли вам повидаться по этому поводу с Прокуратором? Он действительно способен что-то сделать.

— Вот именно этого я и не могу сделать, доктор Алварден. Именно на этот случай и охраняют меня Древние. Когда сегодня утром вы приехали ко мне, я даже подумал, что вы можете оказаться посредником. Я думал, что Энниус что-то подозревает.

— Он может подозревать — я за это не отвечаю. Но я посредником не являюсь. Сожалею. Если вы

настаиваете на том, чтобы сделать меня своим доверенным лицом, я могу обещать вам, что повидаюсь с ним.

— Благодарю вас. Это все, что я прошу. Этого… и того, чтобы вы использовали именно наиболее благожелательных и влиятельных лиц и не допустили слишком сильных репрессий.

— Конечно. — Алварден встревожился. В этот момент он был убежден, что имеет дело с немолодым и эксцентричным параноиком, безобидным, возможно, но совершенно погруженным в безумие. Однако ему не оставалось ничего другого, кроме как слушать и пытаться сгладить проявление безумия мягкостью — ради Полы.

Шент сказал:

— Доктор Алварден, вы слышали о синапсифере? Сегодня утром вы говорили, что это так.

— Да. Я читал вашу статью в «Физическом журнале». Я беседовал относительно этого прибора с Прокуратором и Верховным Министром.

— С Верховным Министром?

— Ну конечно же. Когда просил дать мне рекомендательное письмо, которое вы… э… отказались посмотреть.

— Мне очень жаль. Но мне бы хотелось, чтобы вы… Что же конкретно вам известно о синап-

сифере?

— Что это очень интересное начинание. Что назначение его — улучшать способности к обучению. Он с успехом был использован на животных, но испытания на людях оказались безуспешными.

Шент казался глубоко опечаленным.

— Да, статья не могла вам дать никаких других сведений. Она была опубликована как признание в поражении, а успешные результаты были намеренно скрыты.

— Гм… Несколько необычное отношение к этике ученого, доктор Шент.

— Допускаю. Но мне пятьдесят шесть лет, сэр, и если вам что-нибудь известно об обычаях Земли, то вам известно и то, что жить мне осталось недолго.

— Да, собственно, я об этом слышал гораздо больше, чем мне бы этого хотелось. — И он с неприязнью подумал о первом путешествии в земном стратоплане. — Я слышал о том, что среди прочих исключения делаются для некоторых из известных ученых.

— Конечно. Но это решает Верховный Министр и Совет Древних. И изменить их решение не волен даже сам Император. Мне было сказано,

что цена моей жизни — держать в тайне все, что касается синапсифера, и упорно работать над его улучшением. — Он беспокойно развел руками. — Мог ли я тогда знать о последствиях, о том, каким образом станет использоваться прибор?

— И каким же? — Алварден извлек из портсигара сигарету и предложил Шенту, но тот отказался.

— Сейчас, сейчас... По мере того, как мой эксперимент достиг такого этапа, на котором, как я чувствовал, прибор можно с безопасностью использовать на людях, некоторые из биологов-землян были подвергнуты его действию. В каждом случае это были люди, которые, как мне было известно, симпатизировали энлотам, то есть — экстремистам. Все они выжили, хотя побочное действие проявилось лишь через некоторое время. Один из них был позднее доставлен для дальнейшего лечения. Я не мог его спасти: он находился в предсмертной горячке, когда я об этом узнал. — Было уже около полуночи, время оказалось долгим и насыщенным событиями. Но Алварден ощущал все предельно ясно. Он сказал:

— Я бы хотел, чтобы вы перешли к сути дела.

Шент ответил:

— Я испытываю ваше терпение. Но для того, чтобы вы поверили мне, я должен объяснить все подробно. Вы, конечно, знаете об окружении Земли… об ее радиоактивности…

— Да. Мои знания по этому вопросу превосходны.

— И вам известно также о влиянии этой радиоактивности на экономику Земли?

— Да.

— Тогда я не стану подробно останавливаться на этом вопросе. Мне следует только сказать, что процесс мутаций оказался на Земле несравненно более сильным, чем на остальной части Галактики. Утверждение наших врагов о том, что земляне отличаются от прочих, имеют под собой действительную почву, научную основу. Собственно, речь идет здесь даже не столько о мутации, так как большая часть ее процессов не получила развития. Если имеется некое изменение, которому земляне подвержены постоянно, то оно объясняется их внутренним строением, делающим их способными к большой сопротивляемости окружающему. Так, они выказали большую сопротивляемость действию радиации, обладают более быстрой способностью к заживлению обгоревшей ткани…

— Доктор Шент, я знаком со всем, о чем вы говорите.

— Тогда приходила ли вам когда-нибудь в голову мысль о том, что эти мутационные процессы присущи различным существам, живущим на Земле, в гораздо большей степени, чем людям?

Последовало недолгое молчание, потом Алварден сказал:

— Нет, я как-то не думал об этом, хотя теперь, когда вы об этом сказали, я понимаю, что это неизбежно.

— Так оно и есть. Так случилось. Наши домашние животные существуют в неизмеримо большем разнообразии, чем в любом другом из миров. Апельсин, который вы съели, является плодом разнообразной мутации, которой не было больше нигде. И это, наряду с прочими обстоятельствами, делает бесполезными усилия достичь подобного эффекта, как делает бесполезным экспорт таких вот плодов. Внешние стали бы относиться к нему с таким же подозрением, с каким относятся к нам, а сами мы охраняем его как нечто такое, что может принадлежать только нам. И, конечно, то, что касается животной и растительной жизни, касается также и микроорганизмов.

И именно тут Алварден почувствовал, как в его

душу закрадывается страх.

Он сказал:

— Вы имеете в виду… бактерии?

— Я имею в виду всю обширность примитивной жизни. Протозов, бактерии и самопроизводящие протеины, которые некоторые люди называют вирусами.

— И к чему вы клоните?

— Думаю, вы сами начали уже понимать, доктор Алварден. Наконец-то вы заинтересовались. Видите ли, среди ваших людей существует вера в то, что земляне являются носителями смерти, что общение с землянами означает смерть, что земляне — носители несчастья, что они могут сглазить…

— Все это мне известно. Это лишь суеверия.

— Не совсем так. И это — самое ужасное. Подобно остальным верованиям, суеверия, какими бы искаженными и извращенными они ни были, несут в своей изначальности долю истины. Видите ли, когда землянин несет в своем теле некую мутировавшую форму микроскопического паразита, которую невозможно больше встретить где бы то ни было и к которой Внешние почти не имеют сопротивляемости, то за этим следует уже биология, доктор Алварден.

Алварден молчал.

Шент продолжал:

— Мы тоже, конечно, оказывались иногда пойманными. Новые образцы микробов непременно вынырнут из радиоактивной мглы, и эпидемия захлестнет планету, но большая часть землян благополучно выкарабкается. Для каждого разнообразия микробов и вирусов мы поколениями выстраиваем защиту, и мы выживем. У Внешних такой возможности нет.

— Вы хотите сказать, — ощущая странную пустоту в груди, сказал Алварден, — что настоящий контакт… — Он непроизвольно отодвинул стул, думая о вечерних поцелуях…

Шент покачал головой.

— Конечно, нет. Мы не создаем болезни, мы их только переносим. И даже подобные переносы — случаи очень редкие. Живи я в вашем мире, я стал бы переносчиком микробов не в большей степени, чем вы. У меня нет для этого специальных свойств. И даже здесь лишь один из каждого квадрильона является опасным. Шанс на то, что вы прямо сейчас получите инфекцию, является меньшим, чем тот, что метеорит пробьет крышу дома и поразит вас. Если только микроб не будет специально изыскан для этой цели, изолирован

и концентрирован.

И вновь, после молчания, длившегося на этот раз дольше, Алварден сказал странно звучащим голосом:

— И земляне делают это?

О паранойе он думать перестал. Он готов был поверить.

— Да. Но вначале по невинным причинам. Наши биологи, конечно, проявляют странный интерес к особенностям земной жизни, и в последнее время они изолировали вирус лихорадки обыкновенной.

— Что такое «лихорадка обыкновенная»?

— Земная болезнь средней сложности. Собственно, она всегда с нами. Большая часть землян испытывает ее с детства, и симптомы ее не слишком суровые. Умеренный озноб, быстро проходящая сыпь, воспаление суставов и слизистой оболочки губ, соединенные с раздражающим жаром в теле. Она проходит в течение четырех-шести дней, и переболевший ею получает иммунитет. Я болел ею. Пола болела. Иногда встречаются более сложные формы. Они, вероятно, зависят от слегка измененного вируса — и тогда это называется радиационной лихорадкой.

— Радиационная лихорадка? Я о ней слышал, —

сказал Алварден.

— О, вот как? Она называется радиационной лихорадкой из-за ошибочного суждения о том, что ею можно заболеть после пребывания на радиоактивной территории… И действительно, она часто следует за пребыванием на зараженных территориях, потому что на них вирус претерпел особенно сильную мутацию, переродившись в опасную форму. Дело в самом вирусе, а не в радиации. В случае радиационной лихорадки симптомы развиваются в течение двух часов. Губы так сильно распухают, что заболевший едва способен говорить, а через несколько дней он может умереть. А теперь, доктор Алварден, я подхожу к основному пункту. Сами земляне адаптировались к обыкновенной лихорадке, а Внешние — нет. Случалось, что член имперского гарнизона подхватывал ее. Он реагировал на нее так же, как землянин, но через двенадцать часов он по обыкновению умирал. Потом труп сжигался — землянами, потому что другие солдаты, находившиеся в контакте, тоже могут умереть. Вирус, как я уже сказал, был изолирован десять лет назад. Как и большая часть фильтрующих вирусов, он представляет собой нуклеопротеин, который, тем не менее, обладает замечательным

свойством — содержит необычайно высокий процент радиоактивных угля, серы и фосфора. Когда я говорю «необычайно высокое», я имею в виду, что пятьдесят процентов его угля, серы и фосфора радиоактивны. Это ведет к тому, что реакция организмов на подобного гостя является более сильной, чем на обычную радиацию или токсин. Естественно, кажется, вполне логичным, что земляне, адаптировавшиеся к гамма-радиации, поражаются лишь незначительно. Исследования вируса сосредотачивались сначала на методе, следствием которого была концентрация радиоактивных изотопов. Как вам известно, в химии нет способа выделения изотопов, если только речь не идет о серии долгих и кропотливых процедур. Не известен и другой организм, кроме этого вируса, который может это сделать. Но потом направление исследований изменилось. Я буду краток. Думаю, остальное вы и сами понимаете. Эксперименты могли проводиться на животных, родившихся на Земле, но не на самих Внешних. Число Внешних на Земле слишком незначительно, чтобы можно было позволять некоторым из них бесследно исчезать. Нельзя было выдать свои планы раньше времени. Итак, была выделена и послана на испытания синап-

сифером группа бактериологов. Вернулись они с полностью измененными способностями. Это именно они развернули новое, с позиции математики, нападение на протеиновую химию и иммунологию, что позволило им, в конце концов, создать искусственную разновидность вируса, способного поражать только людей Галактики — Внешних. В настоящее время существуют тонны кристаллизованных вирусов.

Алварден был измучен до последних пределов. Он ощущал, как капли пота скользят по его вискам и щекам.

— Так вы говорите мне, — выдохнул он, — что Земля намерена направить вирусы на Галактику, что это будет началом огромной бактериологической войны…

— … Которую мы не можем проиграть. А вы — не можете выиграть. Конечно, как только начнутся эпидемии, каждая будет уносить миллионы, и никто не остановит этого. Испуганные беженцы ринутся в космос и понесут с собой вирусы, а если вы попытаетесь взорвать целую планету, то эпидемия разразится вновь в новом центре. Причин связывать это с Землей не будет. К тому времени, когда ваши выжившие начнут подозревать в чем-либо землян, разрушение

зайдет уже настолько далеко, отчаяние Внешних будет настолько глубоким, что ничего уже нельзя будет сделать.

— И все погибнет? Нельзя поддаваться этому страху… нельзя.

— Возможно, нет. Наша новая бактериологическая наука работает в двух направлениях. У нас есть и антитоксин, налажено его производство. Он может быть использован в случае ранней капитуляции. И могут существовать обычные побочные потоки Галактики, которым удастся бежать, могут быть даже какие-то случаи искусственного или естественного иммунитета. В последующей за этим ужасной пустоте… — У Алвардена ни на секунду не возникало сомнения в том, что все услышанное — правда, уничтожающая всякие шансы. Голос Шента казался ему тусклым и усталым.

— Это делает не Земля. Горсточка лидеров, чьи умы извращены гигантским давлением со стороны Галактики, ненавидящих все, что приходит извне, желающих любой ценой нанести ответный удар.

— Как только они начнут, остальная часть Земли должна последовать за ними. Что же будет потом? Это — огромная вина, и она же побудит

закончить начатое. Можно ли позволить части Галактики выжить при риске последующего наказания? Но все же, хотя я и землянин, я прежде всего человек. Должны ли триллионы умирать ради миллионов? Должны ли граждане всей Галактики страдать ради возмездия, пусть даже справедливого, одной-единственной планеты? И будет ли это лучшим выходом для нас? Сила Галактики по-прежнему покоится на мирах, обладающих необходимыми ресурсами, — а мы их не имеем. Земляне могут даже править на Транторе в течение поколения, но дети их станут трантор-ианами и в свою очередь начнут смотреть сверху вниз на оставшихся на Земле. И, кроме того, какое преимущество приобретет Человечество, если тирания Галактики будет заменена земной тиранией? Нет… нет… Должен быть путь, общий для всех людей, путь справедливости и свободы.

Склонив голову, он закрыл лицо руками. Алварден слышал все это как бы сквозь дымку. Он пробормотал:

— В том, что вы сделали, доктор Шент, нет предательства. Я немедленно отправлюсь на Эверест. Прокуратор поверит мне. Он должен мне поверить.

Раздался звук торопливых шагов, и в комнату

ворвалась Пола. Лицо ее было испугано. Дверь за ней так и осталась открытой.

— Отец… там идут люди.

Доктор Шент посерел.

— Быстро. Доктор Алварден — через гараж. — Он настойчиво подтолкнул его. — Возьмите Полу. Я их задержу.

Но когда они хотели действовать, их уже ждал человек в зеленом одеянии. Он слегка улыбался и небрежно поигрывал невротическим хлыстом. В главную дверь барабанили, послышался треск, потом топот ног.

— Кто вы? — требовательно спросил Алварден, стараясь сохранить свое достоинство перед существом в зеленой одежде. Он шагнул вперед и заслонил собой Полу.

— Я? — хрипло переспросил человек в зеленом. — Я всего лишь личный секретарь Его Превосходительства Верховного Министра. — Он также шагнул вперед. — Я ждал долго. Но не слишком. Гм… и девушка тоже. Как не своевременно…

Алварден сказал неизбежное:

— Я гражданин Галактики и оспариваю ваше право задерживать меня… а также входить в этот дом без какого-либо законного разрешения.

— Я, — и секретарь осторожно постучал по груди свободной рукой, — обладаю всеми правами и властью на этой планете. Пройдет еще немного времени — и я стану обладать такими же правами и властью на всей Галактике. Вы все в наших руках, как вы понимаете. Даже Шварц.

— Шварц! — почти одновременно воскликнули Шент и Пола.

— Удивлены? Идемте, я отведу вас к нему.

Последнее, что сознавал Алварден, была эта улыбка, становившаяся все более широкой, и свист хлыста. И он рванулся через алую завесу боли навстречу бесчувственности.

Глава 16
Выбирайте, с кем вы?

Некоторое время Шварц неподвижно сидел на твердой скамье в одной из маленьких подземных комнат Чикского исправительного дома и тревожно прислушивался.

Дом, как его обычно называли, был выражением полной власти Верховного Министра и тех, кто его окружал. Его мрачные стены тянулись высоко вверх, так что закрывали своими тенями имперские бараки, и эти же тени плотно смыкались вокруг земных преступников, становясь для них куда более грозными, чем власть Империи.

За последние столетия множество людей дожидались за этими стенами суда — предатели, пережившие свое время, подозреваемые еще в каком-нибудь преступлении или обвиненные в попытке ниспровержения местных властей. Иногда приговор мог быть отклонен Прокуратором, но это означало волну недовольства, а временами и диких выступлений.

Обычно в тех случаях, когда Совет требовал смерти, Прокуратор сдавался. В конце концов,

пострадать должен был лишь землянин…

Обо всем этом Иосиф Шварц, естественно, ничего не знал. Для него все настоящее сосредоточилось на маленькой комнатке, стены которой светились тусклым светом, на ее мебели из двух твердых скамей, стола и еще маленького углубления в стене, служившего одновременно умывальником и унитазом. Не было окошка, сквозь которое можно было бы увидеть небо, и движение воздуха от вентиляторов было слабым.

Он пригладил волосы вокруг лысины на темени и сел. Его попытка бежать в никуда (ибо где же на Земле он мог быть в безопасности?) была короткой, трудной и закончилась здесь.

По крайней мере, для забав оставалось Прикосновение Разума.

Но плохо это было или хорошо?

На ферме это было странным, беспокоящим даром природы, которого он не знал, о возможностях которого не думал. Теперь оно стало даром, возможным для исследования.

Когда сутками нет другого занятия, кроме как размышления о своем заключении, можно просто сойти с ума. Куда лучше испытать Прикосновение Разума на проходящих тюремщиках,

достичь им стражников в соседних коридорах, дотянуться дальними фибрами Разума до капитана, сидящего в далеком от камеры кабинете.

Он осторожно проникал в Разумы и опробывал их. Они поддавались, как грецкие орехи, — сухая шелуха, из которой дождем сыпались эмоции и понятия.

Во время этих своих умственных путешествий он многое узнал о Земле и Империи — больше, чем узнал за два месяца пребывания на ферме.

Конечно, одно из сведений, которое он почерпнул, — причем повторяющееся снова и снова, так что ошибки быть не могло, — было следующим:

ОН ПРИГОВОРЕН К СМЕРТИ!

Ни отступления, ни сомнения, ни оговорки.

Это могло случиться сегодня, завтра. Но он должен был умереть.

И почему-то он принял это известие почти с благодарностью.

Дверь отворилась, и он вскочил на ноги, объятый страхом. Можно относиться к смерти философски, даже ожидать ее, но тело — дикое животное, которое ничего не хочет знать. Так вот оно!

Нет, не оно. Вновь появившееся Прикосновение

Разума не несло в себе ничего смертельного. То был охранник с металлическим прутом, который он держал наготове. Шварц знал, что это такое.

— Идем со мной, — резко бросил он.

Шварц последовал за ним, размышляя об этой своей странной силе. Задолго до того, как охранник смог бы применить свое оружие, задолго до того, как он даже догадается, что это следует сделать, он мог бы сам поразить его без звука и промедления. Его Разум был в руках Разума Шварца. Легкое дуновение — и все было бы кончено.

Но почему? Интересно, со сколькими он сможет справиться одновременно? Сколько пар рук имел его мозг?

И он послушно следовал за охранником.

Комната, в которую его привели, была большой. В ней находились двое мужчин и девушка, тела которых были распростерты на носилках, установленных на высоких скамьях. Нет, не тела — ибо их Разумы были активны.

Знакомы?.. Знакомы ли они ему?

Он остановился, чтобы посмотреть, но на его плечо легла рука охранника.

— Проходи.

Четвертая скамья была пустая. В Разуме охранника не было смерти, и Шварц забрался на нее.

Он знал, что последует.

Стальной прут охранника коснулся каждой из его конечностей. Они вздрогнули и покинули его, и не осталось ничего, кроме головы, плавающей в пустоте.

Он повернул ее.

— Пола! — крикнул он. — Вы Пола, правда? Девушка, которая…

Она кивнула. Он угадал ее прикосновение. Два месяца назад он об этом просто не знал. В то время его мыслительные способности находились еще на стадии чувствования «атмосферы». Ясность утреннего зрения позволила хорошо ему об этом помнить.

Содержимое ее ума позволило узнать многое. Тот, кто находился за девушкой, был доктор Шент, другой, дальше, — доктор Бел Алварден. Он мог подслушать их имена, ощутить их отчаяние, почувствовать следы ужаса и страха в сознании молодой девушки. Какое-то мгновение он жалел их, потом вспомнил, кто они и что они. И сердце его ожесточилось. Пусть умирают.

Остальные трое были здесь больше часа. Комната, в которой их оставили, представляла собой, очевидно, зал для собраний нескольких сот человек. Пленники чувствовали себя одинокими и

потерянными в ее глубинах. И говорить было не о чем. Горло Алвардена саднило от сухости, и он то и дело поворачивал голову в тщетной попытке найти облегчение. То была единственная часть тела, которой он был способен двигать.

Глаза Шента были закрыты, а губы бескровны и искусаны.

Алварден прошептал:

— Шент! Шент, я вам говорю!

— Что?.. Что?.. — раздался слабый шепот в ответ.

— Что вы делаете? Собираетесь уснуть? Думайте же, думайте!

— Зачем? О чем нужно думать?

— Что этот Иосиф Шварц?

Послышался шепот Полы, тонкий и измученный.

— Вы не помните, Бел? Тогда в магазине, когда я впервые с вами встретилась… так давно?

Алварден сделал над собой усилие — бешеное усилие — и обнаружил, что может поднять голову на два саднящих болью дюйма. Так он мог видеть часть лица Полы.

— Пола! Пола! — Если бы он мог приблизиться к ней… а ведь были два месяца, в течение которых он мог это сделать, но не сделал. Она смотрела

на него, улыбаясь такой призрачной улыбкой, что ее можно было бы считать улыбкой статуи. И он сказал:

— Мы еще победим. Вот увидите.

Но она покачала головой — и его шея судорожно дернулась от приступа боли.

— Шент, — вновь сказал он. — Послушайте меня. Как вы встретились с этим Шварцем? Почему он стал вашим пациентом?

— Синапсифер… Он пришел как доброволец.

— И был подвергнут лечению.

— Да.

Алварден отметил это обстоятельство.

— Что вынудило его прийти к вам?

— Не знаю.

— Но тогда… Может быть, он — имперский агент?

Шент шевельнул головой.

— Имперский агент? Вы думаете так потому, что Высший секретарь Древних сказал, что это так. Но какая разница? Он беспомощен, как и мы… Послушайте, Алварден, может быть, если вы не придумаете для них какую-нибудь историю, они подождут. В случае необходимости вы могли бы…

Археолог засмеялся, и горло ответило ему взры-

вом боли.

— Вы думаете, что это помогло бы нам выжить? При мертвой Галактике и цивилизации в развалинах? Жить? Я предпочел бы умереть.

— Я подумал о Поле, — пробормотал Шент.

— Я — тоже, — сказал другой. — Спросите ее… Пола, будем сдаваться? Попытаемся выжить?

Голос Полы был тверд.

— Я уже выбрала, на чьей я стороне. Я не хочу умирать, но если умрет моя сторона, я уйду вместе с ней.

Алварден почувствовал нечто вроде триумфа. Если бы он привез ее на Сириус, ее могли бы называть землянкой, но она была бы равной им, и он с радостью вцепился бы зубами в глотку каждому, кто осмелился бы…

И он вспомнил, что вряд ли сможет привезти ее на Сириус — вообще привезти кого-либо. Потому что вряд ли он сам будет когда-нибудь на Сириусе.

Потом, как будто для того, чтобы убежать от этой мысли, убежать от всего, он крикнул:

— Вы! Как вас там! Шварц!

Шварц на мгновение приподнял голову и посмотрел на него. Он по-прежнему ничего не говорил.

— Кто вы? — настойчиво продолжал Алварден. — Как вы ухитрились вмешаться в это дело? Какова ваша роль в нем?

И от этого вопроса все всколыхнулось в душе Шварца. И он в ярости бросил:

— Я? Как я ухитрился вмешаться в это дело? Слушайте. Когда-то я был никем. Честный человек, работяга-портной. Я никому не причинил зла. Я никого не тронул. Я заботился о своей семье. А потом, безо всякой причины… я оказался здесь.

— В Чике? — спросил Алварден, не совсем понимая его.

— Нет не в Чике! — еще яростнее прокричал Шварц. — Я оказался в этом безумном мире… Ох, да какое мне дело, поверите ли вы мне или нет? Мой мир в прошлом. Мой мир имел землю и еду, и два миллиарда человек, и это был единственный мир.

Некоторое время Алварден напряженно молчал. Потом он повернулся к Шенту.

— Вы способны его понять?

— Вообразите, — тоном слабого удивления сказал Шент, — что у него был червеобразный аппендикс. В три с половиной дюйма длиной. Ты помнишь, Пола? И зубы мудрости. И волосы на лице.

— Да, да! — также яростно кричал Шварц. — И мне жаль, что у меня не было хвоста, который я смог бы показывать. Я — из прошлого. Я пропутешествовал сквозь время. А теперь оставьте меня в покое! — И внезапно добавил: — Скоро они придут за нами. Это ожидание нас только ослабляет.

Так же внезапно Алварден спросил:

— Вам это известно? Кто вам сказал?

Шварц не ответил.

— Это был секретарь. С носом, как у попугая?

Шварц не мог описать внешность того, с чьим разумом он общался путем прикосновения, но… секретарь? То было лишь мгновение, ощущение прикосновения, впечатление властного ума сильного человека, и он, оказалось, был секретарем.

— Вялкис? — спросил он с любопытством.

— Что? — сказал Алварден, но его прервал Шент:

— Так зовут секретаря.

— О… Что он сказал?

— Он ничего не сказал, — ответил Шварц. — Я знаю, это — смерть для всех нас, и выхода нет.

Алварден понизил голос.

— Он безумец, вы не считаете этого?

— Не знаю… Строение его черепа… Оно было примитивным.

Алварден удивился.

— Вы хотите сказать… О, но это невозможно…

— Я тоже всегда так думал. — Некоторое время голос Шента казался слабым подобием его голоса, как будто присутствие научной проблемы перестроило его разум настолько, что личные дела стали не важны.

— Рассчитано, какая энергия требуется для распределения материи вдоль оси времени, и считалось, что в это должны быть вовлечены величины большие, нежели бесконечность, поэтому на проект всегда смотрели как на невозможный. Но другие говорили о возможности «ошибок времени». И прежде всего потому, что исчезали космические корабли. В прошлом произошел случай с Хором Даналлоу, который вошел однажды в дом, но никогда оттуда не вышел… И потом есть планета, которую можно найти в галактографических книгах прошлого столетия. Три экспедиции посетили ее и дали полное ее описание, а потом ее больше никто не видел. Имеются и некоторые отрасли ядерной химии, отрицающие как будто закон консервации массы-энергии. Атомы с бериумом в мгновенных, но твердых пропорциях, под влиянием излучения гамма-лучей, помещенные в резонирующую

систему…

— Отец, — сказала Пола, — хватит. Совершенно бесполезно…

Но Алварден прервал их более решительно.

— Подождите-ка. Дайте подумать. Именно я могу разрешить вопрос. Кто же еще? Позвольте мне задать ему несколько вопросов. Послушайте, Шварц.

Шварц вновь бросил на него взгляд.

— Ваш мир был единственный в Галактике?

Шварц кивнул, потом мрачно сказал:

— Да.

— Но вы только думали так. Я хочу сказать, что вы не совершали космические путешествия, так что не могли проверить свою гипотезу. Могло существовать множество других населенных миров.

— Этого я сказать не могу.

— Да, конечно. Жаль. Как насчет атомной энергии?

— У нас была атомная бомба. Уран… и плутоний… Думаю, что это и сделало радиоактивным теперешний мир. Должно быть, была другая война после того… после моего ухода… Атомная война. — Каким-то образом Шварц вернулся в Чикаго, вернулся в свой старый мир еще до бомб.

И ощутил жалость. Не к себе, но к тому прекрасному миру…

Но Алварден что-то бормотал себе под нос. Потом сказал:

— Хорошо. У вас, конечно, был язык?

— На Земле? Множество.

— А как насчет вас?

— Английский… после того, как я стал взрослым.

— Скажите что-нибудь на нем.

Два месяца или даже больше Шварц не говорил по-английски. Но теперь с огромным удовольствием он медленно произнес:

— Я хотел бы вернуться домой и быть с моим народом.

Алварден обратился к Шенту.

— Это тот язык, который он использовал, когда подвергался действиям синапсифера?

— Не могу сказать, — задумчиво произнес Шент. — Странные звуки тогда и странные звуки теперь. Как я могу их сравнить?

— Ладно, неважно… Как звучало слово «мать» на вашем языке, Шварц?

Шварц сказал:

— Мать.

Расспросы продолжались долго, и когда Ал-

варден их закончил, чтобы перевести дух, на его лице царило выражение благоговейного замешательства.

— Шент, — сказал он, — или этот человек гений или я оказался жертвой странного кошмара, который просто невозможно себе вообразить. Он говорит на языке, практически эквивалентном тому, записи на котором были найдены в строках пятидесятитысячелетней давности на Сириусе, Арктуре, Альфа Центавре и двадцати других планетах. Он на нем говорит. Язык этот был открыт лишь при нашем поколении, и, кроме меня, в Галактике наберется не более дюжины человек, способных понимать его.

— Вы уверены в этом?

— Уверен ли я? Конечно, уверен, я же археолог. Ведь подобные люди — моя профессия.

На мгновение Шварцу показалось, что броня его отчужденности дала трещину. Впервые он ощутил, как возвращается к нему потерянная индивидуальность. Тайна была открыта, он был человеком из прошлого, и они допускали такую возможность. Это подтверждало его душевное здоровье, и он ощутил благодарность. И все же он оставался в броне.

— Я должен с ним договориться, — снова за-

говорил Алварден, забывший обо всем, кроме профессионального интереса. — Шент, вы понятия не имеете о том, что это означает для археологии. Шент… это же человек из прошлого. О, Великая Галактика! Послушайте, мы можем совершить сделку. Это же доказательство, которое ищет Земля. Они могут его получить. Они могут…

Шварц сардонически прервал его:

— Я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, Земля сама докажет, что является источником цивилизации посредством моей особы и что мне за это будут благодарны. Я говорю вам: нет! Я думал об этом, и попробовал бы рискнуть ради спасения собственной жизни. Но мне не поверят — и вам тоже.

— Имеется абсолютное доказательство.

— Они не станут слушать. И знаете, почему? Потому что у них есть определенные сложившиеся представления относительно прошлого. Любое отклонение от канона — для них богохульство, будь оно хоть самой чистой правдой. Они не желают правды, им важны только традиции.

— Бел, — сказала Пола, — думаю, что это верно.

Алварден стиснул зубы.

— Мы могли бы попытаться.

— Мы непременно проиграем, — настаивал Шварц.

— Откуда вы знаете?

— Знаю! — Слово вырвалось у него с такой настойчивостью, что Алварден замолчал.

Но теперь уже Шент смотрел на него со странным блеском в усталых глазах.

Он мягко проговорил:

— Вы ощутили какие-нибудь нежелательные эффекты после синапсифера?

Слово это было незнакомо Шварцу, но он понял, что оно означает. Они совершили операцию, операцию его мозга. Сколько он узнал!

Он сказал:

— Никаких нежелательных эффектов.

— Но я вижу, как быстро вы выучили язык. Вы прекрасно говорите. Вас и впрямь можно было принять за аборигена. Неужели это вас не удивляет?

— Человек всегда славился прекрасной памятью, — последовал холодный ответ.

— Значит, вы не чувствуете в себе никаких изменений по сравнению с долечебным периодом?

— Совершенно верно.

Теперь взгляд доктора Шента был жестоким. Он сказал:

— Чего вы боитесь? Я уверен, вы знаете, что я имею в виду.

Шварц издал короткий смешок.

— Что я умею читать мысли. Ну, и что с этого?

Но Шент уже оставил его. Он повернулся к Алвардену.

— Он может чувствовать мысли, Алварден. Сколько бы я мог с ним достичь! И быть здесь… быть беспомощным…

— Что… что… — как заведенный повторял Алварден.

Даже на лице Полы возникло какое-то подобие заинтересованности.

— Это правда? — спросила она Шварца.

Он кивнул ей. Она заботилась о нем, а теперь ее должны убить. И все же она была предательницей.

Шент проговорил:

— Алварден, вы помните, я говорил вам о бактериологе, умершем в результате воздействия синапсифера? Одним из первых симптомов его психического срыва было заявление о том, что он способен читать мысли, и он мог. Я обнаружил это прежде, чем он умер. И это было моей тайной. Я никому не сказал, но это возможно. Видите ли, при появлении сопротивляемости мозговой

клетки мозг может приобрести способность к образованию магнитных полей, стимулируемых микротоками чужих мыслей к преобразованию в подобные вибрации в самом себе. Принцип тот же, что и у обычного звукозаписывающего устройства. Это можно считать телепатией, и в любом смысле этого слова…

Шварц все это время хранил угрюмое и враждебное молчание. Алварден медленно повернулся в его направлении.

— Если это так, Шент, то мы могли бы его использовать. — Мысли с бешеной скоростью крутились в голове археолога. Он перебирал всевозможные варианты. — Теперь должен быть какой-нибудь выход. Должен быть. И для нас и для всей Галактики.

Толчок был легким, но Алварден вскрикнул от внезапной резкой боли.

— Это сделал я, — сказал Шварц. — Хотите еще?

Алварден перевел дыхание.

— Вы можете сделать это с охранником? С секретарем? Почему вы позволяете им издеваться над собой? Великая Галактика, Шварц, никаких неприятностей не будет. Послушайте, Шварц…

— Нет, — сказал Шварц, — это вы послушайте.

Зачем мне выходить отсюда? Где я окажусь? По-прежнему в этом мертвом доме. Я хочу домой, но я не могу пойти домой. Я хочу к моим людям, в мой мир, но не могу пойти к ним. И я хочу умереть.

— Но речь еще идет и о Галактике, Шварц. Мы не можем думать только о себе.

— Не могу? Почему же? Почему я должен заботиться о вашей Галактике? Я надеюсь, что ваша Галактика умрет. Я знаю, что планирует совершить Земля, и я доволен. Эта молодая леди раньше сказала, что выбрала свою сторону. Что ж, я тоже выбрал свою сторону, и моей стороной является Земля.

— Что?

— Почему бы и нет? Ведь я же землянин!

Глава 17
Измените вашу сторону!

Прошел час с тех пор, как Алварден впервые очнулся от бессознательного состояния и обнаружил себя распростертым наподобие куска говядины в ожидании ножа. И ничего не произошло. Ничего, кроме лихорадочного беспокойного разговора, невыносимо убивающего, невыносимо тянущего время.

И никаких результатов. Он сознавал это. Врать, заведомо беспомощно, абсолютно отказавшись от своего достоинства, хотя бы даже перед лицом опасности, означало выказать столь же ошеломляющую слабость. Не нужно об этом думать, иначе, когда действительно сюда придут, он не сможет собраться с силами, чтобы бросить им вызов.

Нужно было нарушить молчание. И Алварден сказал:

— Я думаю, это место может кишеть подслушивающими устройствами. Мы должны меньше говорить.

— Нет. — Голос Шварца звучал безжизненно. —

Никто не подслушивает.

Археолог едва не сказал машинально:

— Откуда вам известно? — но промолчал.

Надо же, чтобы могла существовать такая сила! И не для него, а для человека из прошлого, который называет себя землянином и хочет умереть!

Когда он смотрел вверх, ему была видна только часть потолка. Повернувшись, он мог даже видеть острый профиль Шента, с другой стороны — гладкую стену. Если ему удавалось на мгновение приподнять голову, перед ним возникало бледное измученное лицо Полы.

Иногда в его мозгу возникала мысль о том, что он — гражданин Империи, Империи звезд, существует особо острая несправедливость в том, что именно его подвергли заключению, особенно острая нечистоплотность в том факте, что он дозволил землянам сделать это с собой.

Но и это ушло.

Его можно было бы положить рядом с Полой… Нет, так лучше. Сейчас на него лучше не смотреть.

— Бел? — Это дрожащее слово распалось на звуки, странно сладострастные для уха Алвардена, чужие в водовороте грядущей смерти.

— Да, Пола?

— Вы думаете, они уже скоро придут?

— Может быть, и нет, дорогая… Как плохо. Мы потеряли два месяца, ведь правда?

— Это моя вина, — прошептала она. — Моя вина. Но мы могли бы выкроить хотя бы несколько последних минут. Это так… необходимо.

Алварден не смог ответить. Разум его походил на водоворот, крутящийся и беспомощный. Было ли это воображение, или он действительно ощутил твердость пластика, на котором лежал? Как долго длится состояние парализованности? Шварц должен прийти на помощь. Он попытался проследить его мысли, но знал, что это бесполезно.

Он сказал:

— Шварц…

Шварц лежал столь же беспомощный, как и остальные, но в добавление к этому имелось и великолепное усовершенствование к его страданиям. Вместо одного у него было четыре Разума.

Будь он один, он мог бы одержать верх над собственными сомнениями и добиться покоя и примирения со смертью, но эти трое возбуждали в нем остатки той любви к жизни, которая совсем недавно — два или три дня назад — заставила его броситься прочь от фермы. Но как он мог сделать

это теперь? С несчастным жалким ужасом перед смертью, что как завеса затемняла сознание Шента, с сильной болью и бунтарством острого живого Разума Алвардена, с глубоким разочарованием молодой девушки.

Ему следовало бы упразднить собственный Разум. Почему он должен знать о страданиях других? У него была собственная, прожитая им жизнь, и собственная смерть, которой он умрет.

Но они не оставляли его, заявляли о себе мягко, но настойчиво, проникая через все каналы мозга.

И Алварден сказал:

— Шварц. — И Шварц знал, что они хотят от него. Они хотят, чтобы он их спас. Почему он должен? Почему?

— Шварц, — повторил Алварден настойчиво, — вы можете стать героем. Вам не за что умирать — не за тех же людей, там, наверху.

Но Шварц напрягал память, беспомощно цепляясь за нее.

Но заговорил он медленно и сдержанно.

— Да, я мог бы стать героем — и предателем. Меня хотят убить те люди, наверху. Называйте их людьми, но это касается только вашего языка, Разум ваш называет их как-то по-другому, и я не

могу точно сказать, но это низко. И не потому, что они низки, а потому, что они земляне.

— Это ложь, — последовал горячий ответ.

— Это не ложь, — послышалось столь же горячее возражение, — и это известно каждому. Меня хотят убить — да, но это потому, что они думают, будто я — один из ваших людей, способных приговорить целую планету к презрению, медленно душить ее вашим непереносимым превосходством. Так защищайтесь же сами от тех червей, которые каким-то образом смогли превратиться в угрозу для богоподобных сверхправителей. И не просите помощи одного из них.

— Вы говорите, как энлот, — сказал Алварден с изумлением. — Почему? Разве вы пострадали? Вы ведь были членом большой независимой планеты, как вы сказали. Вы были землянином, когда Земля была единственной планетой, единственной носительницей разума. Вы — один из нас, человек, один из правящих. Почему вы уподобляете себя жалким потомкам? Это — не та планета, какой вы ее помните. Моя планета гораздо больше походит на старую Землю, чем этот больной мир.

Шварц засмеялся.

— Я — один из правителей, говорите? Нет, так

продолжать нельзя. Давайте лучше поговорим о вас. Вы прекрасный образец продукта Галактики. Вы терпимы и удивительно великодушны, и вы восхищаетесь собой, потому что держитесь с Шентом, как с равным. Но под всем этим и даже не так глубоко, потому что я ясно читаю это в вашем разуме, с ним вам не по себе. Вам не нравится, как он говорит, как он смотрит, он сам, несмотря даже на то, что он предлагает предать Землю… Да, вы недавно целовали земную девушку, а потом смотрели на этот поступок как на проявление слабости. Вы стыдитесь его…

— Клянусь звездами, я не… Пола, — с отчаянием сказал он, — не верьте ему, не слушайте его.

Пола спокойно проговорила:

— Не нужно отрицать очевидное, не нужно чувствовать себя несчастным, Бел. Он смотрел глубоко вниз, опускаясь к самому вашему детству. То же самое он мог бы увидеть, если бы заглянул в меня. И то же самое он увидел бы, если бы мог заглянуть в себя столь же неделикатным образом, каким разглядывает нас.

Шварц почувствовал, что покраснел.

Голос Полы не возвысился, не стал более резким, когда она обратилась непосредственно к нему:

— Шварц, если вы можете исследовать Разумы, займитесь моим. Скажите мне, замышляла ли я предательство. Посмотрите на моего отца. Проверьте, правда ли то, что он смог бы избежать Шестидесяти, если бы согласился сотрудничать с безумцами, которые хотят уничтожить целую Галактику, чего бы он добился своим предательством? А потом проверьте, желает ли кто-нибудь из нас вреда Земле или землянам.

— Вы сказали, что имели мимолетное впечатление о Разуме Вялкиса. Не знаю, какая у вас была возможность рыться в его отбросах. Но когда он вернется, хотя и будет уже слишком поздно, проникните в его мысли, и вы обнаружите, что он безумен… А потом умрите!

Шварц молчал.

Поспешно вмешался Алварден:

— Хорошо, Шварц, исследуйте мой Разум. Проникните в него так глубоко, как вам этого хочется. Я был рожден на Барон не в секторе Сириуса. В период становления моего мировоззрения я жил в атмосфере антиземных настроений, так что я не мог избежать влияния глупой лжи на мое подсознание. Но посмотрите повыше и скажите мне, разве в свои зрелые годы я не боролся с предрассудками? Не в других — это-то было бы

легко — а в самом себе, и так упорно, как только мог. Шварц, вы не знаете нашей истории! Вам ничего неведомо о тысячах и десятках тысяч лет, в течение которых человек шел по Галактике, годах войн и несчастий. Вы не знаете о первых столетиях Империи, когда почти не было выбора между деспотизмом и хаосом. И лишь в последние две сотни лет наше галактическое правительство стало представительным. Под его наблюдением различным мирам позволено было развивать свою культурную автономию — позволено самоуправление — позволено направлять своих представителей в правительство. И не было еще такого времени в истории, чтобы человечество было бы так свободно от войн и бедности, как сейчас, и никогда еще галактическая экономика не управлялась столь мудро, и никогда еще перспективы на будущее не были такими радужными. И вы бы разрушили все это и начали все заново? Деспотической тиранией, единственными составляющими которых являются подозрительность и ненависть. Почему? Несчастье Земли — не постоянно, со временем этот вопрос будет разрешен, если только будет жить Галактика, но то, что делают они, не имеет ничего общего с решением проблемы. Вам из-

вестно, что они намерены сделать?

Обладай Алварден способностями Шварца, он обнаружил бы борьбу в Разуме последнего. Тем не менее инстинктивно он понял, что настало время передышки…

Шварц не шевелился… Позволить умереть всем этим мирам… раствориться в ужасной болезни… а был ли он землянином, в конце концов? Просто землянином? В юности он покинул Европу и уехал в Америку, но разве, несмотря на это, он не остался тем же человеком? И если после него люди осваивали, в свою очередь, изорванную и израненную землю ради миров, лежащих за небесами, то разве не принадлежит ему вся Галактика? Разве все они, все… не являются его потомками и его братьями?

Медленно он проговорил:

— Хорошо, я с вами. Но как я могу помочь?

— Насколько глубоко вы можете проникать в Разумы? — поспешно спросил Алварден.

— Не знаю. Снаружи есть разумы. Охрана, я полагаю. Думаю, я могу достичь даже улицы, но чем дальше я иду, тем слабее становится чувство.

— Естественно, — сказал Алварден. — Но как насчет секретаря? Вы смогли бы найти его Разум?

— Не знаю, — пробормотал Шварц.

Пауза… Течение минут казалось непереносимым.

Шварц сказал:

— Ваши Разумы у меня на пути. Не следите за мной. Думайте о чем-нибудь еще.

Они попытались. Еще одна пауза… Потом:

— Нет… не могу… не могу.

Алварден проговорил с внезапной настойчивостью:

— Я могу немного двигаться… Великая Галактика… Я могу шевельнуть ногой… Ох! — Каждое движение требовало напряжения.

Он сказал:

— Насколько сильно вы можете кого-нибудь поразить, Шварц? Можете ли вы сделать это сильнее, чем сделали это со мной некоторое время тому назад?

— Я убил человека.

— Что? Как вам это удалось?

— Не знаю. Просто так получилось… Это… Это… — Шварц выглядел почти комически-беспомощным в своем усилии перевести на язык слов то, что их не имело.

— Ну, а больше чем с одним, вы можете справиться?

— Я никогда не пытался, но думаю, что могу. Я могу одновременно читать два Разума.

Пола перебила его:

— Вы не можете его заставить убить секретаря, Бел. Это ничего не даст.

— Почему же?

— Как мы выйдем отсюда? Даже если мы захватим секретаря и убьем его, снаружи нас будут ожидать сотни других. Неужели вы этого не понимаете?

Но Шварц торопливо вмешался:

— Я держу его.

— Кого? — этот вопрос задали все трое одновременно.

— Секретаря. Думаю, это его Прикосновение Разума.

— Не позволяйте ему уйти. — В своих попытках вырваться из неподвижности Алварден почти скатился с возвышения и, скребя по полу полупарализованной ногой, делал бесплодные попытки подняться.

Пола крикнула:

— Вы ушиблись! — и внезапно обнаружила, что путы на ее ноге скрипнули, когда она попыталась приподняться на локте.

— Нет, нет, все в порядке. Держите его крепче,

Шварц. Вытащите из него всю информацию, какую только сможете.

Шварц подался вперед с такой силой, что у него заболела голова. Он посылал вперед щупальца своего мозга слепо, неуклюже, подобно тому, как ребенок упорно тянется за игрушкой, которую ему не достать. До сих пор он брал то, что находил, но теперь он искал…

С трудом нащупал он какие-то обрывки.

Триумф! Он уверен в результате… Что-то насчет космических пуль… Он начал… Нет, не начал. Собирается начинать.

Шент застонал.

— У них есть автоматически управляемые орудия для передачи вируса, Алварден. Нацелены на различные планеты.

— Но где они находятся, Шварц, — настаивал Алварден. — Ищите, дружище, ищите…

— Есть здание, которое я… не… ясно вижу… пять ответвлений… звезда… название Слу, может быть…

Вновь вмешался Шент.

— Это оно. Клянусь всеми звездами Галактики, это оно — храм Секлу. Он со всех сторон окружен радиоактивными рвами. Кроме Древних, туда никто никогда не входил. Это неподалеку от того

места, где встречаются две реки, Шварц?

— Я не вижу… да… да… да…

— Когда, Шварц, когда? Когда они будут запущены?

— Я не могу различить день… очень скоро… скоро… Его разум просто разрывается от насыщенности этим… Это будет очень скоро. — Его собственная голова едва не раскалывалась от усилий.

Алварден горел, как в огне, когда ему удалось, наконец, приподняться на руках и коленях, хотя они подламывались под ним.

— Он идет?

— Да, он у двери.

Голос его осел и замер, когда двери отворились.

Голос Вялкиса был полон холодной насмешки, в нем звучала вера в успех и триумф.

— Доктор Алварден, не лучше ли вам вернуться на ваше место?

Алварден посмотрел на него снизу вверх, сознавая жестокую унизительность своего положения, но отвечать было нечего. Медленно позволил он своим сочащимся болью конечностям опустить его тело на пол. Он ждал, тяжело дыша. Если бы подвижность его конечностей была чуть боль-

шей, если бы он мог совершить рывок, если бы выхватить у него оружие…

С пояса, придерживающего одеяние секретаря, свисал полновесный бластер, способный расчленить человека на атомы в неописуемо короткий промежуток времени.

Секретарь наблюдал за четырьмя распростертыми перед ним людьми с чувством кровожадного удовлетворения. Девушку он был склонен игнорировать, но остальные представляли собой огромную удачу. Землянин-предатель, имперский агент и таинственное существо, за которым они следили два месяца. Были ли другие?

Собственно, были еще Энниус и Империя. Их руки, воплощенные в этих шпионах и предателях, были связаны, но где-то оставался активно действующий мозг — возможно, чтобы посылать другие руки.

Секретарь стоял в свободной позе, небрежно держа руки так, чтобы в случае надобности быстро вернуть их к оружию. Он заговорил спокойно и мягко:

— Настало время все поставить окончательно на свои места. Между Землей и Галактикой идет война — еще необъявленная, и с вами будут обращаться так, как полагается в подобных обсто-

ятельствах. Естественно, разумным наказанием для шпионов и предателей является смерть.

— Только в случае легально объявленной и ведущейся войны, — резко бросил Алварден.

— Легально ведущейся? — переспросил секретарь, и доза насмешки в его голосе значительно увеличилась. — Что это значит — легально ведущейся? Земля всегда была в состоянии войны с Галактикой, независимо от того, позволяла ли нам наша вежливость объявлять об этом или нет.

— Не обращайте на него внимания, — вежливо сказала Пола Алвардену. — Пусть себе высказывается, и покончим с этим.

Алварден послал улыбку в его направлении.

Вялкис мягко рассмеялся. Несколькими неторопливыми шагами он сократил расстояние между собой и сирианским археологом до минимума. Столь, же неторопливым жестом он поднял мягкую руку, положил ее на широкую грудь археолога и толкнул его.

Пытаясь воспользоваться не желающими ему подчиниться руками, пытаясь напрячь не желающие действовать мускулы, Алварден упал.

Пола вскрикнула. Борясь с собственной плотью и костями, она стала медленно спускаться со

своего возвышения.

Вялкис позволил ей подползти к Алвардену.

— Ваш любовник, — сказал он. — Ваш сильный любовник! Чего же ты ждешь? Обними покрепче своего героя и забудь в его объятиях потоки крови и пота биллионов землян. Вон он лежит бесстрашный и храбрый, поверженный на землю рукою землянина.

Теперь Пола была на коленях возле Алвардена, и пальцы ее мягко скользили по его волосам, ища следы крови и переломов. Глаза Алвардена медленно раскрылись, губы беззвучно произнесли:

— Ничего!

— Он трус, — сказала Пола, — кто еще станет драться с парализованным человеком и радоваться победе? Поверь мне, дорогой, немногие земляне таковы.

— Я знаю, иначе ты не была бы землянкой.

Секретарь выпрямился.

— Как я уже сказал, ваши жизни в наших руках, но все равно кое-что еще можно изменить. Вас интересует цена?

Пола гордо сказала:

— Вы бы на нашем месте этим интересовались. Я знаю.

— Ш-ш, Пола, — дыхание еще не совсем верну-

лось к Алвардену. — Что вы предлагаете?

— О, — сказал Вялкис, — вы хотите себя предать? Как сделал бы я, например? Я, низкий землянин?

— Вам лучше знать, кто вы такой, — отпарировал Алварден. — Что же касается остального, то я себя не продаю, я покупаю ее.

— Я отказываюсь от перспективы быть купленной, — сказала Пола.

— Трогательно, — усмехнулся секретарь. — Унижать наших женщин-землянок — и все еще играть в жертвоприношения.

— Что вы предлагаете? — повторил Алварден.

— Очевидно, о ваших планах было сообщено. Как об этом узнал доктор Шент, понять трудно, но как это достигло ушей Империи — озадачивает. Я бы хотел узнать именно то, что известно Империи. То, что узнали вы, Алварден.

— Я археолог, а не шпион, — взорвался Алварден. — Мне ничего неизвестно о том, что знает Империя... Но, надеюсь, им известно чертовски много.

— Так я себе и представлял. Что ж, вы можете еще изменить свое мнение. Подумайте хорошенько.

За все это время Шварц не произнес ни слова.

Секретарь ждал, потом сказал, возможно, со слишком заметной кровожадностью в голосе:

— Тогда я назову вам цену несогласия сотрудничать. Это не будет просто смерть, потому что я вполне уверен в том, что все вы готовы к неприятному и неизбежному будущему. Доктор Шент и девушка, его дочь, которая, к несчастью для себя, оказалась замешанной в это дело, являются гражданами Земли: при сложившихся обстоятельствах самым желательным будет предоставление их синапсиферу. Вы понимаете, доктор Шент?

Глаза физика были наполнены безграничным ужасом.

— Да, вижу, вы понимаете, — сказал Вялкис. — Можно, конечно, позволить синапсиферу разрушить вашу мозговую ткань настолько, чтобы превратить вас в полных идиотов. Самое отвратительное состояние: вас нужно кормить, иначе вы будете голодать, вас нужно мыть, иначе вы провоняете от грязи, вас можно запереть, а можно выставить на обозрение к ужасу окружающих. В великий день, который грядет, это может послужить уроком для остальных. Что касается вас, — секретарь повернулся к Алвардену, — и вашего друга Шварца, то вы граждане

Империи, и тем более подходите для интересного эксперимента. Нам никогда не представлялось случая опробовать вирус лихорадки на галактических людях. Ранее опыты проводились на ваших собаках. Было бы интересно подтвердить правильность наших вычислений. Доза маленькая, видите ли, так что смерть не будет быстрой. Болезнь может вести организм к неизбежному исходу, скажем, неделю. Это будет очень болезненно.

Теперь он замолчал и наблюдал за ними сузившимися глазами.

— Все это, — продолжал он, — альтернатива нескольким тщательно подобранным словам в настоящий момент. Как много известно Империи? Есть ли другие агенты, действующие в настоящее время? Каковы их планы, если они есть?

Доктор Шент пробормотал:

— Как мы можем знать, может, вы убьете нас все равно, как только получите то, что хотите?

— Вы можете взять за основу мое утверждение о том, что умрете ужасной смертью в случае отказа. Придется рискнуть другим вариантом. Что скажете?

— Неужели нельзя дать нам время?

— А разве я не даю вам его? С того момента, как я вошел, прошло десять минут, а я все еще слушаю… Ну, так вы собираетесь что-нибудь сказать? Что, ничего? Время не длится вечно, вы должны это понять, Алварден. Вы все еще пытаетесь играть своими мускулами? Наверное, думаете, что сможете добраться до меня раньше, чем я доберусь до своего бластера. А что с того, если даже сможете? Там, за дверью, сотни, и мои планы будут реализованы и без меня. Или, может быть, вы, Шварц. Вы убили нашего агента. Вы или нет? Может, вы думаете, что способны убить и меня?

В первый раз Шварц посмотрел на Вялкиса. Он холодно сказал:

— Могу, но не стану.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Вовсе нет. Это жестоко с моей стороны. Вы сами сказали, что есть вещи гораздо более худшие, чем смерть.

Алварден вдруг поймал себя на том, что смотрел на Шварца, как на последнюю надежду.

Глава 18
Дуэль!

Мысли Шварца кружились в стремительном хороводе. Некая часть его существа сохраняла, казалось, полный контроль над положением дел, другая же часть не могла в это поверить. Его парализовало позже, чем остальных. Даже доктор Шент уже сидел, сам же он мог едва шевельнуть рукой.

И, неотрывно глядя в злобные усмехающиеся глаза секретаря, в его бесконечно дьявольский Разум, он начал дуэль.

Он сказал:

— Еще недавно я был на вашей стороне, хотя вы и намеревались убить меня. Мне казалось, что я понимаю ваши чувства и чаяния… Но Разумы тех, кто присутствует здесь, являются достаточно чистыми и невинными, в то время как ваш просто не поддается описанию. Вы боретесь даже не ради землян, а ради вашей собственной власти. Я вижу в вашем сознании образ не свободной Земли, а Земли полупорабощенной, я вижу в нем не желание ниспровергнуть власть Империи, а

желание заменить ее личным диктаторством.

— Вы видите все это, вот как? — спросил Вялкис. — Что ж, можете видеть все, что вам нравится. В конце концов, мне вовсе не нужна ваша информация — во всяком случае, она не так важна для меня, как это могло показаться из моих слов. Похоже, мы подошли к часу начала. Вы этого добивались? Забавно, кто утверждал, что большая скорость невозможна. Вы и это видите?

Шварц ответил:

— Нет. Я не искал этих сведений, поэтому они прошли мимо меня… Но я могу поискать их сейчас. Два дня… меньше… подождите… Четверг… шесть часов утра… по чикскому времени.

Бластер оказался в руках секретаря. Он сделал несколько поспешных шагов и склонился над распростертой фигурой Шварца.

— Откуда вам это известно?

Шварц окаменел: протянулись и сжались его мозговые щупальца. Они пленили Прикосновение Разума противника и находились глубоко в тайниках мозга.

Алвардену в течение нескольких ценных и бесцельно уходящих секунд сцена эта казалась бессмысленной; секретарь же впал во внезапную бездеятельность.

Задыхаясь, Шварц пробормотал:

— Я его поймал… Заберите оружие. Я не могу продолжать… — Звук замер у него в груди.

И тогда Алварден понял. Пошатываясь, он поднялся на четвереньки. Потом медленно и неуверенно выпрямился и постоял, шатаясь. Пола попыталась подняться вместе с ним, но ей это не удалось. Шент сполз со своей скамьи и встал на колени. Только Шварц продолжал лежать, и на лице его отображались делаемые им усилия.

У секретаря был такой вид, будто он увидел голову Медузы Горгоны. На гладкой поверхности его лба медленно проступали капельки пота, но бесстрастное лицо не выказало никаких эмоций. Лишь его рука, сжимавшая бластер, проявляла признаки жизни.

— Держите его крепче, — выдохнул Алварден дрожащим от радости голосом. Он привалился к спинке стула и пытался вернуть себе нормальное дыхание. — Дайте мне добраться до него.

Он снова заставил свои ноги двигаться. Он был как в кошмаре, бредя сквозь невидимые заросли, путаясь в невидимой тине, воюя со своими израненными мускулами, так медленно… так медленно…

Он не знал… не мог знать об ужасной дуэли,

происходящей у него на глазах.

У секретаря была только одна рука, и ей нужно было всего лишь вложить ничтожную силу в большой палец — три унции, если быть точным, необходимые для того, чтобы привести бластер в действие. Для того, чтобы сделать это, Разуму его было нужно проинструктировать неуверенно балансирующее сухожилие, чтобы…

У Шварца была только одна рука: она должна была помешать давлению. Но захлестнутый хаотической массой ощущений, исходящих от Прикосновения Разума противника, он не мог определить, какая именно часть их управляет большим пальцем. Поэтому все свои усилия он устремил на то, чтобы создать полный стасис…

Прикосновение Разума секретаря напряглось и содрогнулось от напряжения. То был быстрый, пугающе-острый Разум, и он противостоял усилиям Шварца. Несколько секунд он оставался неподвижным, как бы выжидающим, потом в ужасающе-отчаянной попытке яростно потянулся к другому мускулами…

Для Шварца происходящее было аналогичным тому, как если бы он мертвой хваткой вцепился в чьи-то вырывающиеся руки и любой ценой удерживал их.

Но внешне ничего этого видно не было. Лишь мускул все подергивался и подергивался в углу рта Шварца, да дрожание губ, искусанных в кровь, да еще периодически вялые движения большого пальца секретаря, попытки…

Алварден остановился передохнуть. Он не хотел этого. Он просто был вынужден это сделать. Его вытянутые пальцы готовы были уже коснуться одеяния секретаря, но он чувствовал, что не способен даже пошевелиться. Его агонизирующие легкие отказывались работать. Глаза его были налиты слезами нечеловеческих усилий, сознание заволокло дымкой.

Он кивнул:

— Еще несколько минут, Шварц. Держите его…

Медленно-медленно Шварц покачал головой:

— Я не могу…

И действительно, весь мир для Шварца превратился в бессмысленный хаос, где не на чем было сосредоточиться. Щупальца его мозга отвердели и сделались неэластичными.

Большой палец секретаря вновь и вновь давил на контакт. Он не расслаблялся. Давление увеличивалось по крошечным дозам.

Шварц ощущал напряжение собственных глаз, чувствовал, как вздулись вены на его лбу. Он мог

ощутить, как собирается и нарастает в Разуме противника ужасающий триумф…

Потом Алварден качнулся. Его окаменевшее, возмущающееся каждому движению тело двинулось вперед, распростертые руки сжались.

Секретарь, чей Разум был в плену, не смог ничего сделать. Бластер выскользнул из его рук и упал на пол.

Почти сразу же Разум секретаря высвободился, и Шварц упал на спину — его Разум напоминал клубок бессвязных мыслей.

Вялкис пытался высвободиться из мертвой хватки Алвардена. Он с яростью бил ногами противника по коленям, ударил сжатой в кулак рукой по скуле Алвардена. И, обессиленный, Алварден наконец отлетел в сторону.

Секретарь, задыхающийся и измученный, поднялся на ноги и хотел сделать шаг.

Перед ним был Шент, полулежащий на полу. Правая его рука, поддерживаемая дрожащей левой, вцепилась в бластер, но, несмотря на дрожь руки, смертоносный конец оружия смотрел прямо на Вялкиса.

— Вы, банда дураков, — тонко крикнул ошеломленный секретарь, — чего вы собираетесь добиться? Мне стоит только повысить голос…

— И вы, по крайней мере, — слабо отозвался Шент, — умрете.

— Вы ничего не достигнете, убив меня, — с горечью сказал секретарь. — Вы это знаете. Вы не спасете Империю, вы даже себя не спасете. Отдайте мне оружие, и вы свободны.

Он протянул руку, но Шент насмешливо скривил губы.

— Я не настолько безумен, чтобы в это поверить.

— Возможно, но вы наполовину парализованы. — И секретарь быстро рванулся вправо, гораздо быстрее, чем слабая рука физика сумела изменить положение бластера.

Но теперь Вялкис, сосредоточенный для финального рывка, был всецело сконцентрирован на бластере. Шварц снова устремил к нему свой Разум, чтобы закончить работу, и секретарь покачнулся и рухнул, как подкошенный.

Алварден с трудом поднялся на ноги. Щека его была воспаленной. Он сказал:

— Вы можете двигаться, Шварц?

— Немного, — последовал усталый ответ. Шварц сполз со своей скамьи.

— Может быть, кто-нибудь еще идет сюда?

— Я пока никого не различаю.

Алварден грустно улыбнулся Поле. Его рука опустилась на ее каштановые волосы, и она смотрела на него сияющим взглядом. Несколько раз за последние два часа он считал, что никогда уже не сможет коснуться ее волос, заглянуть ей в глаза.

— Может быть, еще будет будущее, Пола!

И она могла только покачать головой.

— У нас мало времени. Только до шести часов четверга.

— Мало времени? Ладно, посмотрим. — Алварден наклонился над Древним и не слишком деликатно приподнял его голову.

— Он жив? — Все еще негнущимися пальцами Алварден поискал пульс. Он сказал: — Сердце, по крайней мере, бьется… Вы обладаете опасной силой, Шварц. Почему вы не применили ее сразу?

— Потому что я хотел его использовать. — Шварц явно носил на себе следы пережитого испытания. — Я думал, что если смогу удержать его, вы используете его как приманку.

С внезапным волнением Шент сказал:

— Вы могли бы… В полумиле отсюда, в форте Дибурри, стоит имперский гарнизон. Оказавшись там, мы смогли бы связаться с Энниусом.

— Оказавшись там! Снаружи должно быть не менее сотни охранников. И что мы можем

сделать с этим неподвижным в зеленом плаще? Потащить? Или покатить на колесиках? — Алварден невесело рассмеялся.

— Кроме того, — мрачно сказал Шварц, — я не могу держать его слишком долго. Вы видите — я слабею.

Шент уверенно сказал:

— Потому что вы к нему не привыкли. Послушайте-ка, Шварц, мне кажется, я понял, что происходит с вашим Разумом. Он являет собой приемную станцию для электромагнитных полей мозга. Я думаю, вы можете также и передавать. Понимаете?

У Шварца был болезненно-неуверенный вид.

— Вы должны понять, — настаивал Шент, — вам можно только сконцентрироваться на том, что вы от него хотите, — и прежде всего мы должны вернуть ему бластер.

— Что?! — это восклицание вырвалось у всех одновременно.

Шент повысил голос:

— Он должен вывести нас отсюда. Иначе ведь мы не сможем выбраться, не так ли? А как он может выглядеть наименее подозрительным, как не полностью вооруженный?

— Но я не смог бы его держать все время. Гово-

рю вам, не смог бы. — Шварц шевелил руками, стараясь вернуть им хотя бы подобие нормального состояния. — Мне нет никакого дела до ваших теорий, доктор Шент. Вы не знаете, что происходит. Это дело болезненное и очень нелегкое.

— Я знаю, но у нас есть только один шанс. Попытайтесь же. Заставьте его шевельнуть рукой, когда он придет в себя. — Голос Шента звучал умоляюще.

Секретарь продолжал лежать, потом застонал, и Шварц ощутил возвращение Прикосновения Разума. Молча, почти со страхом, он позволил ему набрать силу, затем заговорил с ним. То была речь молчаливая, без слов, из природы тех, что вы обращаете к своей руке, когда хотите, чтобы она двинулась, речь настолько молчаливая, что вы сами себе не отдаете в ней отчета.

Но двинулась не рука Шварца — это была рука секретаря. Землянин из прошлого посмотрел на присутствующих с безумной улыбкой, но внимание тех было приковано к Вялкису, который полулежал с поднятой головой и рука которого двигалась под сильным углом.

Шварц приступил к заданию.

Секретарь неуклюже поднялся, неуверенно покачался и выпрямился. А потом, удивленно и

неохотно, затанцевал.

Танец его был лишен ритма и красоты, но все, в том числе и Шварц, который следил за его телом и Разумом, глядели на него с благоговением. Ибо в это мгновение тело секретаря находилось под полным контролем чужого Разума, с которым он сам не имел ничего общего.

Медленно и осторожно Шент приблизился к роботоподобному секретарю и не без страха протянул ему руку. На раскрытой ладони лежал бластер.

— Пусть он возьмет его, Шварц, — сказал Шент.

Рука Вялкиса потянулась и неуклюже взяла бластер. На мгновение в его глазах зажегся яркий плотоядный огонь, но он тут же потух. Медленно-медленно бластер был помещен на прежнее место у пояса, и рука упала.

Раздался смех Шварца.

— Он едва не ушел, — сказал Шварц. Лицо его при этом было белым.

— Ну, как? Вы можете его держать?

— Он боролся, как дьявол. Но это не так страшно, как раньше.

— Потому, что вы знаете, что делать, — сказал Шент с уверенностью, которой не испытывал. —

Теперь передавайте ему приказы. Не пытайтесь его держать. Просто делайте вид, что вы его держите.

Вмешался Алварден:

— Вы можете заставить его говорить?

Последовала пауза, после которой раздался тихий стон секретаря. Еще одна пауза, потом стон.

— Это все, — пожаловался Шварц.

— Но почему не получается? — спросила Пола. Вид у нее был обеспокоенный.

Шварц пожал плечами.

— Здесь дело в некоем очень важном и очень сложном мускуле. Это не то, что действие ног. Ничего, Шварц, мы можем поправить дело.

Воспоминание о последующих двух часах было различным у тех, кто переживал эту странную одиссею. Для доктора Шента, например, главным стала та удивительная быстрота, с какой исчезли все его страхи, оставив место лишь бесконечной и беспомощной симпатии к внутренней борьбе Шварца.

Охранники, стоявшие у двери, немедленно отсалютовали при появлении секретаря — его зеленое одеяние являлось для них символом абсолютной власти. Секретарь ответил на приветствие небрежным равнодушным жестом.

Они прошли мимо охраны.

Лишь когда они оставили позади большой холл, Алварден начал сознавать безумие происходящего. Огромная, невообразимая опасность, грозящая Галактике, и слабый призрак спасения, возможно, всего лишь выдумка. Но даже тогда Алварден чувствовал, что тонет в глазах Полы. Несмотря на ускользавшую от него жизнь, рушившееся на его глазах будущее, вечную недоступность идеально прекрасного, никто и никогда еще не казался ему таким безгранично и вечно желанным.

Она была венцом его воспоминаний о том времени. Всего лишь девушка…

А для Полы солнечная ясность утра вернулась вместе с обращенным к ней лицом Алвардена. Она улыбнулась и ощутила присутствие его сильной руки, опершись на которую было так легко отдыхать. И это стало главным ее воспоминанием.

Шварц был весь мокрый от усилий. Извилистая дорога, через которую они прошли, была позади.

Шварц один знал истинную цену этому. В контролируемом им Разуме врага он мог ощутить невыносимое унижение, задыхающуюся ненависть, ужасные планы мщения. Ему нужно было обыскивать этот Разум в поисках информации,

которая должна была им помочь: и обшаривая его, он получил верные сведения о том решительном мщении, что должно было обрушиться на них, ослабь он хоть на мгновение свой контроль.

И не раз впоследствии в бледные предрассветные часы он снова и снова направлял ноги безумца по охраняемой врагами дороге.

Когда они достигли наземной машины, Шварц выдохнул несколько слов. Он не осмелился расслабляться до такой степени, чтобы у него получилось связное предложение. Фразы были отрывистыми и короткими:

— Не могу… управлять машиной… но могу заставить его управлять… сложно… нельзя…

Шент успокоил его понимающей улыбкой. Он не осмелился коснуться его или заговорить с ним обычным путем, не осмелился даже на секунду отвлечь Разум Шварца.

Он прошептал:

— Усадите его на заднее сиденье. Я поведу машину. Я умею. Только заставьте его сидеть спокойно, а я возьму бластер.

У секретаря была наземная машина специальной конструкции. Она привлекала внимание. Ее зеленые фары поворачивались то налево, то направо, и свет то тускнел, то вспыхивал

изумрудным огнем. Люди останавливались и смотрели на нее. Все машины с удивительной торопливостью освобождали ей дорогу.

Будь машина менее заметной, не привлекай она к себе такого внимания, случайный прохожий мог бы заметить бледного неподвижного Древнего на заднем сиденье… мог бы удивиться… мог бы даже заподозрить неладное.

Но они замечали только машину, а время шло…

У сияющих хромом ворот, поражающих своим великолепием, им загородил дорогу солдат. Его силовой автомат был направлен горизонтально в предупредительном жесте. И машина остановилась.

Алварден высунулся из окна.

— Я гражданин Империи, солдат. Мне нужно видеть командира.

— Прошу ваше удостоверение, сэр.

— Его у меня отобрали. Я Бел Алварден из Баронна, Сириус. Я выполняю поручение Прокуратора и очень тороплюсь.

Солдат поднес руку ко рту и тихо заговорил в передатчик. Некоторое время он ждал ответа, потом опустил автомат и отступил в сторону. Ворота медленно отворились.

Глава 19
Почти у края

Последующие часы были наполнены суматохой как в форте Дибурри, так и за его пределами. Более того, возможно, и в самой Чике.

Был полдень, когда Верховный Министр запросил через соединительную волну секретаря, и поиски последнего не дали результатов. Верховный Министр был недоволен. Чиновники из исправительного дома взволновались.

Последовали расспросы, и стража, стоящая у двери комнаты собраний, заявила, что секретарь ушел с пленниками утром в десять тридцать… Нет, никаких инструкций он не оставил. Куда он направился, они сказать не могут, спрашивать об этом было, конечно, не их дело.

Другой отряд стражников также не был информирован. Беспокойство становилось все более ощутимым и общим.

В два часа дня поступил первый рапорт о том, что утром видели машину секретаря… кому-то показалось, что он вел ее сам, но показавший не успел разглядеть наверное, потому что она

проехала быстро…

К двум тридцати было выяснено: машина вошла в форт Дибурри.

Около трех было решено позвонить в форт командующему. Ответил лейтенант.

В то время, они это знали, было невозможно раскрывать информацию по данному вопросу. Тем не менее офицеры его Императорского Величества предложили придерживаться пока настоящего положения дел. Потом было предложено, чтобы новости об отсутствии члена Общества Древних не обсуждались подробно вплоть до дальнейшего распоряжения.

Но этого было достаточно, чтобы достичь противоположной имперским намерениям цели.

Люди, вовлеченные в предательство, не могут воспользоваться шансами, когда один из членов подпольной организации, ее верхушки, находится в руках врага, и это происходит за сорок восемь часов до того, как следует нажать кнопку. Такое положение дел может означать или ответное предательство или раскрытие карт, а обе эти возможности — лишь две стороны одной медали. Любая из этих альтернатив означает смерть.

Так что весть была пущена…

И население Чики зашевелилось…

Профессиональные демагоги появились на углах улиц. Были раскрыты секретные арсеналы, руки потянулись за оружием. Со всех сторон стекались к крепости люди, и в шесть часов вечера коменданту было послано новое сообщение, на сей раз из самого гарнизона.

Тем временем значение этого сообщения свелось на нет из-за событий, происшедших в самой крепости. Началось все драматическим образом, когда молодой офицер, вышедший навстречу наземной машине, протянул руку за бластером секретаря.

— Я возьму его, — коротко сказал он.

Рука секретаря подняла бластер и протянула его офицеру, бластер был унесен, и Шварц, едва не зарыдав от облегчения, отпустил Разум секретаря.

Алварден был наготове, когда секретарь рванулся бежать, словно сошедший с ума, как пружина, вылетевшая из компрессора. Археолог прыгнул на него с поднятыми кулаками.

Офицеры засуетились. Сбежались солдаты. Когда грубые руки схватили Алвардена за ворот рубашки и потащили его наверх, секретарь мешком упал на сиденье. Из его рта струилась тонкая струйка крови. Рана на расцарапанной

щеке Алвардена открылась и кровоточила.

Он выпрямился и, шатаясь, поправил волосы. Потом, указывая плохо гнущимся пальцем на скрюченную фигуру, твердо сказал:

— Я обвиняю этого человека в заговоре против Империи. Я должен немедленно говорить с командующим.

— Мы позаботимся об этом, сэр, — поспешно ответил офицер. — Если вы не возражаете, вам придется пойти со мной, всем вам.

И там они оставались в течение долгих часов. Комнаты были комфортабельные и достаточно чистые. Впервые за двенадцать часов они смогли поесть, что и сделали, хотя и весьма поспешно. Им даже посчастливилось получить более высокий дар цивилизации — ванну.

Однако комната охранялась, и после того, как прошли часы, Алварден потерял терпение и закричал:

— Да мы всего лишь поменяли одну тюрьму на другую!

Скучная бессмысленная рутина военного лагеря шла своим чередом, игнорируя их. Шварц спал. Алварден перевел взгляд на него. Шент покачал головой.

— Он не может, — сказал Шент. — Это бесчело-

вечно. Он измучен. Пусть поспит.

— Но ведь осталось только тридцать девять часов.

— Я знаю, но нужно ждать.

Послышался холодный и слегка сардонический голос:

— Кто из вас называет себя гражданином Империи?

Алварден бросился вперед:

— Я, я!..

И голос его упал, ибо он узнал говорившего. Последний жестко улыбнулся. Левая его рука была несколько застывшей, как и в последний момент предыдущей встречи.

За спиной археолога слабо прозвучал голос Полы:

— Бел, этот офицер… это тот, из магазина.

— Тот, которому вы сломали руку, — последовало подтверждение. — Меня зовут лейтенант Клауди. Значит, вы — член Сирианских миров, не так ли? И в то же время братаетесь с этими. Галактика, до какой низости может опуститься человек! И эта девушка по-прежнему с вами. — Он молчал, потом намеренно подчеркнуто проговорил: — Женщина, землянка!

Алварден мрачно сказал:

— Бел Алварден с Сириуса просит аудиенции у дежурного лейтенанта.

Лейтенант Клауди ответил:

— Это зависит от обстоятельств. — Он сделал шаг к Алвардену и быстро и яростно ударил его по лицу, отчего повязка упала со щеки Алвардена.

Археолог охнул и едва сдержал крик.

Лейтенант сказал:

— Когда-то вы сопротивлялись. Не желаете ли сейчас?

Алварден ничего не ответил.

Лейтенант сказал:

— Аудиенция разрешена.

Четыре солдата встали перед Алварденом и за ним. Лейтенант Клауди повел их.

Шент и Пола остались одни со спящим Шварцем, и Шент сказал:

— Я не слышу его больше, а ты?

Пола покачала головой.

— Я тоже уже некоторое время. Но, отец, как ты думаешь, он что-нибудь сделает Белу?

— Разве он может? — мягко проговорил Шент. — Ты забываешь о том, что он — не один из нас. Он — гражданин Империи, и ему нельзя досаждать… Ты, как я понимаю, влюблена в него?

— О, это ужасно, отец. Это смешно, я знаю.

— Конечно, смешно. — Шент горько улыбнулся. — Он честен. Я не говорю, что это не так. Но что он может сделать? Сможет ли он жить вместе с нами в этом мире? Сможет ли он взять тебя к себе домой? Представить друзьям земную девушку? Своей семье?

Она заплакала:

— Я знаю. Но, может быть, ничего этого вообще не будет.

А Шент снова был на ногах, потому что последняя фраза девушки послужила ему напоминанием. Он снова сказал:

— Я его не слышу.

Он не слышал секретаря. Вялкис был помещен в соседней комнате, откуда постоянно и внятно доносился звук его шагов — шагов льва, мечущегося в клетке. Но сейчас они смолкли.

Хотя в этом не было особого смысла, но Разум и тело секретаря сделались для них символом ужасной болезни и разрушения, гигантская сеть которых должна была начать плестись вокруг звезд. Шент осторожно похлопал Шварца по плечу.

— Проснитесь, — сказал он.

Шварц потянулся.

— В чем дело? — Он почти не чувствовал себя

отдохнувшим. Усталость ощущалась им все с новой и новой силой, как будто в тело его продолжали поступать все новые и новые ее порции.

— Где Вялкис? — быстро спросил Шент.

— О… о, да. — Шварц дико огляделся, потом вспомнил, что наиболее ясное и отчетливое зрение ему дают не глаза. Он послал щупальца своего мозга, и они закружились, ища Разум, бывший так хорошо ему знакомым.

Он нашел его, но трогать не стал. Долгое общение с ним не сделалось от этого менее болезненным.

Шварц пробормотал:

— Он на другом этаже, разговаривает с кем-то.

— С кем?

— С кем-то, чье прикосновение мне незнакомо. Подождите… дайте послушать. Может быть, секретарь… да, он называет его полковником.

Шент и Пола обменялись быстрыми взглядами.

— Это не может быть Предательством, не так ли? — прошептала Пола. — Я хочу сказать, ведь офицер Империи не захочет пойти на сделку с Землей против Императора, правда?

— Не знаю, — грустно сказал Шент, — я готов уже поверить во что угодно.

Лейтенант Клауди улыбался. Он сидел за письменным столом с бластером у локтя, а рядом с ним стояли четверо солдат. Он говорил с той официальностью, которой требовала ситуация.

— Я землян не люблю, — говорил он. — Я никогда их не любил. Они — отбросы Галактики. Они болезненны, суеверны и ленивы. Они дегенеративны и глупы. Но, клянусь звездами, большинство из них знает свое место. В некотором отношении я могу их понять. Такими они рождены, и ничего тут не поделаешь. Конечно, терпеть то, что терпит Император, — я имею в виду их проклятые обычаи — я бы не стал, будь я Императором. Но тут уже ничего не поделаешь. Со временем мы научим…

Алварден прорвался:

— Но послушайте. Я ведь не для того приехал сюда, чтобы выслушивать…

— Послушайте, вы, я еще не все сказал. Я как раз собирался сказать, что не могу понять, как все укладывается в сознании столь любящего землян. Когда человек — настоящий человек, я имею в виду, — может опуститься до того, что станет ползать среди них и бегать за их женщинами, я не могу испытывать уважения к нему. Он хуже, чем они…

— Космос бы побрал вас и ваши глупости! — яростно бросил Алварден. — Вам известно, что замышляется ужасное предательство против Империи? Вам известно, насколько опасно создавшееся положение? Каждая минута промедления может стоить уничтожения миллионов миров…

— О, этого я не знаю, доктор Алварден. Вы ведь доктор, не так ли? Я не должен забывать ваших титулов. Видите ли, у меня есть своя теория. Вы — один из них. Может, вы и были рождены на Сириусе, но у вас черное земное сердце, и вы используете галактическое гражданство, чтобы работать на них. Вы похитили их официальное лицо, этого Древнего (сама по себе вещь неплохая, но я не хотел бы, чтобы из-за него мне наступали на горло). Но земляне его ищут. Они послали запрос в форт.

— Послали? Уже? Тогда что же мы здесь разговариваем? Я должен увидеться с полковником…

— Вы ожидаете восстания и тому подобных беспокойств? Может быть, вы даже запланировали одно из них, как первый шаг к организации революции, а?

— Вы что, с ума сошли? Зачем мне это нужно?

— Ну, значит, тогда вы не станете возражать

против того, что мы освободим Древнего?

— Вы не можете. — Алварден вскочил на ноги, и несколько мгновений вид у него был такой, как будто он собирается броситься на сидящего за столом офицера.

Но бластер был уже в руках лейтенанта Клауди.

— О, не можем? Послушайте-ка. Я снял часть груза со своей души. Я ударил вас и заставил пресмыкаться передо мной перед вашей подружкой-землянкой. Я усадил вас сюда и сказал вам прямо в лицо, какой вы низкий человек. И теперь я с радостью воспользовался бы удачным предлогом, чтобы разнести вам руку в ответ на то, что вы сделали со мной. Так что лучше не двигайтесь.

Алварден окаменел.

Лейтенант Клауди рассмеялся и отложил бластер.

— Очень плохо, что мне нужно спасти вас для полковника. Он будет говорить с вами в пять пятнадцать.

— И вы знали об этом… знали об этом все это время. — Отчаяние рвало его горло на части, превращая звуки в хриплый шелест.

— Конечно.

— Если время, которое мы потеряли, лейтенант

Клауди, означает, что мы потеряли все, то всем нам осталось жить совсем недолго. — Он говорил с ледяным спокойствием, и это делало его голос нечеловечески жутким. — Но вы умрете первым, потому что я проведу свою последнюю минуту, превращая ваше лицо в кашу из раздробленных костей и мозгов.

— Буду ждать вас, любовник землянки. В любое время!

Командующий фортом Дибурри закалился на службе Империи. При стойком и неизменном мире последних поколений оставалось мало путей к «славе», которую мог бы заработать армейский офицер. И полковник, равно как и остальные, не заработал ее. Но в течение долгих лет восхождения по служебной лестнице он повидал многие части Галактики — так много, что даже гарнизон в невротическом земном мире был для него всего лишь обычной поденной работой. Он хотел лишь мирной рутины обычной оккупации. Сверх этого он ни о чем не просил, и чтобы достичь подобного состояния, шел на все — даже, в случае необходимости, на извинение перед земной девушкой.

Когда Алварден вошел, он казался усталым. Ворот его рубашки был расстегнут, а китель с пылающим желтым «Космический корабль и

солнце» Империи висел на спинке стула. Мрачно глядя на Алвардена, он рассеянно похрустывал суставами на правой руке.

— Очень неприятная история все это, — сказал он. — Очень. Я прекрасно вас понимаю, молодой человек. Вы — Бел Алварден из Баронна — причина уже имевшего места замешательства. Неужели вы не можете держаться в стороне от беспокойства?

— В беду попал не я, полковник, а вся остальная часть Галактики…

— Я знаю, — это прозвучало несколько нетерпеливо. — Или, по крайней мере, мне известно, что вы так заявляете. Мне сказали, что при вас больше нет официальных бумаг.

— У меня их отобрали, но меня знают на Эвересте. Сам Прокуратор может идентифицировать меня. Надеюсь, прежде, чем наступит вечер.

— Мы подумаем насчет этого. — Полковник скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула. — Что, если вы изложите мне свою версию случившегося?

— Мне удалось узнать о существовании строго засекреченной маленькой группы землян, силой желающих захватить правление Империей. Она вполне способна уничтожить не только Прави-

тельство, но и Империю.

— Вы заходите слишком далеко в своем поспешном и горячечном утверждении. Я вполне готов допустить, что люди Земли способны поднять волну досадных восстаний, осадить вот этот форт, нанести значительные разрушения, но я ни на мгновение не допущу, что они способны серьезно угрожать нам, имперским силам, даже на Земле, не говоря уже об уничтожении имперского правительства. И все же я согласен выслушать детали этой… э… истории.

— К несчастью, дело настолько серьезно, что я чувствую жизненно важным, чтобы детали были изложены самому Прокуратору лично. И я предлагаю немедленно связаться с ним по коммуникатору, если вы не возражаете.

— Гм… Не будем действовать слишком поспешно. Вам известно о том, что человек, которого вы привезли с собой, является секретарем Верховного Министра Земли, одним из Древних и очень важным для них человеком?

— Конечно.

— И все же вы утверждаете, что он является главным лицом упоминаемого вами заговора?

— Да.

— Ваши доказательства?

— Вы поймете меня, я уверен. Когда я говорю, что не могу обсудить это без Прокуратора…

Полковник нахмурился, рассматривая свои ногти.

— Вы сомневаетесь в моей компетентности?

— Совсем нет, сэр. Просто дело в том, что только Прокуратор имеет необходимую власть для принятия решения особой важности.

— Какое именно решение вы имеете в виду?

— Некое здание на Земле должно быть разбомблено и полностью уничтожено в течение тридцати часов, иначе жизни большинства, а может быть, и всех обитателей Империи окажутся перед смертельной угрозой.

— Какое здание? — устало спросил полковник.

Алварден подался вперед.

— Могу я связаться с Прокуратором?

Последовала пауза. Потом полковник холодно сказал:

— Вы отдаете себе отчет в том, что силой увезли землянина? Вы поставили себя в положение, при котором обязаны предстать перед земным судом и понести соответствующее наказание? В обычных условиях правительство защищает своих граждан и категорически настаивает на галактическом суде. Тем не менее ведение дел на

Земле требует особой осторожности, и я предвижу возможные осложнения. Поэтому в случае, если вы откажетесь обстоятельно ответить на мои вопросы, я буду вынужден передать вас и ваших спутников в руки местной полиции.

— Но это же равносильно смертному приговору! Для вас — тоже… Полковник, я — гражданин Империи, и я требую аудиенции с Про…

Его прервало гудение зуммера на столе полковника. Полковник повернулся в ответ:

— Да?

— Сэр, — раздался ясный голос. — Форт окружен отрядом местных. Они, кажется, вооружены.

— Имело место какое-нибудь насилие?

— Нет, сэр.

Лицо полковника не отразило никаких чувств. В этом, по крайней мере, он был натренирован.

— Подготовьте артиллерию и воздушные суда… всех людей по местам. Никакой стрельбы, только в случае самозащиты. Понятно?

— Да, сэр. Землянин с белым флагом просит аудиенции.

— Приведите его сюда. И приведите сюда секретаря Верховного Министра.

Потом полковник холодно посмотрел на Алвардена.

— Я надеюсь, вы понимаете, какими осложнениями мы вам обязаны?

— Я требую присутствия на интервью, — крикнул Алварден, почти не помня себя от ярости. — Я требую ответа: почему вы позволили мне сидеть здесь под арестом, а сами в это время вели переговоры с предателем? Утверждаю, что мне известно о том, что вы беседовали с ним раньше, чем приняли меня.

— Вы бросаете обвинения, сэр? — спросил полковник, и в голосе его зазвучала стальная нотка. — Если так, то высказывайте их более определенно.

— Никаких обвинений я не делаю. Но я напоминаю, что вы будете ответственны за свои действия, и что в будущем, если только оно будет, это будущее, вы поймете, что своим упрямством погубили своих же людей!

— Молчать! Во всяком случае я перед вами не отчитываюсь. Мы собираемся вести дела таким образом, каким считаем нужным. Это вам понятно?

Глава 20
У самого края

Секретарь прошел в дверь, придерживаемую солдатом. На его ярких воспаленных губах играла холодная улыбка. Он поклонился полковнику и, судя по его лицу, никак не прореагировал на присутствие Алвардена.

— Сэр, — сказал полковник землянину, — я связался с Верховным Министром и сообщил ему, что вы присутствуете здесь, и о том, каким образом это произошло. Ваше прибытие сюда является… э… необычным, и моя обязанность освободить вас так быстро, как я только смогу. Тем не менее у меня здесь находится джентльмен, который, как и вы ему, предъявляет вам очень серьезные обвинения, и при сложившихся обстоятельствах мы должны расследовать…

— Я понимаю, полковник, — спокойно сказал секретарь. — Тем не менее, как я вам уже объяснил, этот человек, насколько мне известно, находился на Земле только два месяца или что-то в этом роде, так что его знание нашей внутренней политики минимально, если оно вообще

существует. А это — плохое основание для каких бы то ни было обвинений.

Гнев вновь овладел Алварденом.

— Я — археолог по профессии, причем моей специальностью является Земля и ее обычаи. Так что мои знания об этой планете никак нельзя считать минимальными. В любом случае я не единственный, кто обвиняет.

Секретарь не смотрел на археолога ни теперь, ни позднее. Он обращался исключительно к полковнику. Он сказал:

— В это дело вовлечен один из наших местных ученых, человек, достигший конца нормальных Шестидесяти лет, страдающий манией преследования. В добавление, имеется еще один человек, чье прошлое не ясно и поведение странно. Все трое не могут выставить полновесное обвинение.

Алварден вскочил на ноги.

— Я требую, чтобы меня выслушали…

— Сядьте, — холодно и без малейшей симпатии в голосе сказал полковник. — Вы отказались обсуждать вопрос со мной. Пусть отказ остается в силе. Приведите сюда человека с белым флагом.

Это был еще один член Общества Древних. Даже движением век он не выдал волнения,

охватившего его при виде секретаря. Полковник поднялся со своего стула и сказал:

— Вы говорили с теми людьми?

— Да, сэр.

— Я полагаю, что эти волнения и недозволенные сборища базируются на требовании вернуть вашего гражданина?

— Да, сэр. Он должен быть немедленно освобожден.

— Конечно! Тем не менее интересы закона и порядка и уважение к представителям Его Величества в этом мире требуют того, чтобы вопрос был решен не раньше, чем вооруженные люди разойдутся. Вы должны заставить их сделать это.

Полным любезности голосом секретарь проговорил:

— Полковник совершенно прав. Брат Кори, прошу вас, удалите всех. Я здесь в полной безопасности, и угрозы нет вообще — ни для кого. Вы понимаете? Ни для кого. Это — слово Древнего.

— Хорошо, брат. Я благодарен судьбе за то, что вы в безопасности.

Его вывели.

Полковник холодно бросил:

— Вы увидите, что сможете спокойно выйти отсюда, как только город вернется к нормальной

жизни. Благодарю вас за сотрудничество.

И вновь Алварден вскочил на ноги.

— Я запрещаю вам. Вы хотите освободить потенциального убийцу целой человеческой расы, а мне запрещаете встречу с Прокуратором, когда это — просто мой долг, как гражданина Империи. — Потом, не помня себя от отчаяния, он вдруг бросил: — Неужели вы больше доверяете собаке-землянину, чем мне?

Голос секретаря звенел от едва сдерживаемого гнева.

— Полковник, я буду рад напомнить, что пришло мое время просить вас о встрече с Прокуратором. Обвинение в предательстве — дело серьезное, и подозрение по такому поводу — каким бы голословным оно ни было — может быть достаточным, чтобы перечеркнуть доверие ко мне моих людей. Я бы очень оценил предоставленную мне возможность доказать Прокуратору, что никто не может быть более лоялен по отношению к Империи, чем я.

Официальным голосом полковник сказал:

— Я разделяю ваши чувства, сэр, и готов признаться, что будь я на вашем месте, мои желания были бы теми же. Вы делаете честь моей расе, сэр. Я попытаюсь связаться с Прокуратором.

Алварден не сказал больше ничего, пока его не отвели обратно в камеру.

Он избегал взглядов остальных. Долгое время он сидел молча, зажав зубами костяшку указательного пальца.

Наконец, Шент сказал:

— Ну, что?

Алварден покачал головой.

— Я только все испортил.

— Что вы сделали?

— Вышел из себя, обвинил полковника, ничего не доказал… Я не дипломат, Шент.

Внезапно он ощутил потребность в защите.

— Ну что я мог сделать?! — воскликнул он. — Вялкис уже побывал у полковника, так что я не мог ему доверять. Что, если ему предложили жить? Что, если он уже в курсе всего? Я знаю, это дикая мысль, но я не мог рисковать. Я был слишком подозрителен. Я хотел сам повидаться с Энниусом.

Физик вскочил на ноги, заложил руки за спину.

— Ну и что… Энниус приехал?

— Думаю, он должен приехать. Но только по просьбе Вялкиса, но вот этого-то я не понимаю.

— По собственной просьбе Вялкиса? Тогда

Шварц был прав.

— Да? А что говорит Шварц?

Пухлый землянин сидел в своем углу. Когда глаза присутствующих обратились к нему, он пожал плечами и беспомощно развел руками.

— Я поймал Прикосновение Разума секретаря, когда его проводили мимо нашей комнаты. Он действительно имел с полковником долгий разговор, как вы и говорили.

— Я знаю.

— В Разуме офицера нет предательства.

— Да? — В голосе археолога было сожаление. — Значит, мои догадки были неверны. Когда Энниус приедет, я извинюсь. А что Вялкис?

— В его Разуме нет ни беспокойства, ни страха. Только ненависть. И больше всего он ненавидит вас — за то, что вы взяли его в плен и притащили его сюда. Вы страшно ранили его достоинство, и он настроен посчитаться с вами за это. Я видел его обрывки мечтаний. О себе, единственном, правящем Галактикой, о том, как мы, со всеми нашими знаниями, не сможем его остановить. Он одержит над нами верх, а потом сметет нас со своего пути и посмеется над нами.

— Вы хотите сказать, что он готов рискнуть своими планами, своей мечтой об Империи ради

того, чтобы досадить нам? Но это безумие!

— Я знаю, — твердо сказал Шварц. — Он и есть безумец.

— И он считает, что преуспеет?

— Да.

— Тогда вы должны помочь, Шварц. Нам нужен ваш Разум. Слушайте меня…

Но Шент покачал головой.

— Нет, Алварден, мы не можем действовать таким образом. Когда вы ушли, я разбудил Шварца, и мы обсудили с ним дела. Его внутренняя сила, которую он может описать очень смутно, не находится под наилучшим контролем. Он может остановить человека, парализовать его или даже убить… Более того, он способен контролировать крупные мускулы даже против воли его обладателя, но не более того. В случае с секретарем он не мог заставить говорить его. Мелкие мускулы, управляющие голосовыми связками, оказались выше его власти. Он не смог скоординировать движения секретаря настолько, чтобы заставить его вести машину, даже его равновесие во время ходьбы он поддерживал с трудом. Становится очевидным, что мы не можем контролировать, например, его до такой степени, чтобы заставить издать приказ или написать его. Я думаю над

этим. Видите ли… — Шент покачал головой, и голос его упал.

Алварден почувствовал, что его охватывает сознание безнадежности. Потом его вдруг охватило беспокойство.

— Где Пола?

— Она спит в нише.

Ему было так необходимо разбудить ее, так хотелось… О, он так хотел множество вещей.

Алварден бросил взгляд на часы. Была почти полночь, оставалось только шесть часов.

Он обвел присутствующих беспомощным взглядом. Теперь они все были здесь — даже Прокуратор, наконец-то. Пола была рядом с ним, он мог ощутить тепло ее маленьких пальцев на своей кисти, смотреть на ее полные страха и усталости глаза. И это еще больше озлобляло его против всей Галактики.

Может быть, они все заслуживают смерти? Глупо, глупо, глупо…

Он едва видел Шварца и Шента. Они сидели справа от него. И был еще Вялкис, проклятый Вялкис, со все еще воспаленными губами и огромным синяком на щеке, которая должна была отвечать адской болью на каждое слово. И при этой мысли губы Алвардена сложились в злую

усмешку. Его собственная забинтованная щека меньше болела от этой мысли.

И на всех на них смотрел Энниус, хмурый, неуверенный, почти смешной, одетый в тяжелые бесформенные, пропитанные свинцом одеяния.

И он тоже был глуп. Алварден чувствовал, как волна ненависти заливает его при мысли об этих галактических победителях, которые хотят только мира и любой ценой. Где же победители ушедших столетий? Где?

Оставалось шесть часов.

Энниус получил вызов из гарнизона пятнадцатью часами раньше и успел уже поговорить с половиной планеты. Мотивы, которые заставили его это сделать, были неясными, но от этого не менее сильными. В конце концов он сказал себе, что здесь явно имело место достойное сожаления похищение одной из зеленоподобных достопримечательностей суеверной, мучаемой кошмарами Земли. Это и послужило основанием для документально не подтвержденных обвинений. Собственно, ничего такого, с чем бы не мог управиться умудренный опытом полковник.

Но был еще Шент… И не как обвиняемый, а как обвинитель. И это было странным.

Сейчас он сидел, глядя на них, размышляя, от-

давая себе отчет в том, что его решение по этому поводу может ускорить восстание, возможно, ослабить его положение при дворе, даже перечеркнуть его надежды на будущее… Что касается длинной речи Алвардена относительно производства вирусов и распространения эпидемии, то насколько серьезно к этому можно относиться? В конце концов, если он станет строить свои планы на подобном базисе, насколько разумными они покажутся вышестоящим?

Однако Алварден — известный археолог.

Так что он отложил окончательное решение, сказав секретарю:

— Вы, конечно, имеете что сказать по этому поводу?

— На удивление мало, — доверительным тоном ответил секретарь. — Я бы хотел спросить, какие существуют улики для подтверждения подобного обвинения?

— Ваше Превосходительство, — вынужденно-терпеливо проговорил Алварден. — Я уже говорил вам, что этот человек допускал подобную возможность во всех деталях позавчера, во время нашего заключения.

— Возможно, — сказал секретарь, — вы находите для себя лучшими эти слова, но они столь же

необоснованны, как и все предыдущие. Собственно, единственными фактами, которые Внешние могут призвать в свидетели, являются следующие: я, а не они, был захвачен в плен самым насильственным образом, моя жизнь, а не их была под угрозой. А теперь я хотел бы, чтобы мой обвинитель объяснил, каким образом он смог обнаружить заговор за девять недель пребывания на нашей планете, в то время, как вы, Прокуратор, за годы службы здесь не обнаружили ничего предосудительного?

— В том, что говорит брат, есть смысл, — неохотно подтвердил Энниус. — Так откуда вы узнали?

Алварден твердо сказал:

— Я был информирован о существовании тайной организации доктором Шентом.

— Это так, доктор Шент? — взгляд Прокуратора устремился на физика.

— Так, Ваше Превосходительство.

— А как вы узнали об этом?

Шент сказал.

— Доктор Алварден последователен и точен в своем описании того, какую роль сыграл синапсифер, и в замечаниях, касающихся предсмертных слов умирающего бактериолога Смитко. Этот Смитко был членом подпольной группы. Его

слова были записаны, и запись годна к прослушиванию.

— Но, доктор Шент, слова умирающего, который мог находиться в горячке, — если то, что говорил доктор Алварден, правда — не могут служить решающим доказательством. Больше у вас ничего нет?

Алварден прервал его, ударив кулаком по ручке кресла, и прорычал:

— Это что, суд? Кого-нибудь обвиняют в нарушении правил уличного движения? У нас времени нет на то, чтобы взвешивать улики на аналитических весах или измерять их микрометром. Говорю вам, у нас есть время до шести часов утра, то есть пять с половиной часов, чтобы перечеркнуть угрозу врагов. Вы встречались с доктором Шентом, Ваше Превосходительство. Неужели вы считаете его лжецом?

Секретарь тут же вмешался.

— Никто не обвиняет доктора Шента в намеренной лжи, речь идет лишь о том, что наш добрый доктор страдает в последнее время от приближения Шестидесяти. Боюсь, что комбинация страх плюс возраст повлекла за собой несколько параноидальных тенденций, весьма обычных здесь, на Земле… Посмотрите на него. Неужели

он кажется вам нормальным?..

Он, конечно, таковым не казался. Он был измучен и напряжен, выбит из колеи всем, что произошло, и всем, что должно было произойти.

И все же Шенту удалось заставить свой голос звучать нормально, почти спокойно. Он сказал:

— Я могу сказать, что за последние два месяца я подвергался постоянному наблюдению Древних: письма ко мне вскрывались, а ответы проверялись. Но очевидно, что подобные жалобы тоже будут рассматриваться как болтовня параноика, тем не менее, у нас есть Иосиф Шварц — человек, который добровольно стал подопытным для синапсифера в тот день, когда вы посетили наш институт.

— Я помню. — Энниус был явно доволен, что разговор менял направление. — Это тот человек?

— Да.

— У него недостаточно хороший вид для эксперимента.

— На самом деле все обстоит куда лучше. Воздействие синапсифера было неожиданно успешным, поскольку у подопытного с самого начала была фотографическая память, факт, о котором мне было в то время неизвестно. Во всяком случае сейчас он обладает Разумом, чувствитель-

ным к мыслям других.

Энниус подался вперед в своем кресле и в изумлении воскликнул:

— Что?! Вы хотите сказать, что он умеет читать мысли?

— Это можно продемонстрировать, Ваше Превосходительство. Я думаю, брат подтвердит это заявление.

Секретарь бросил на Шварца быстрый и полный ненависти взгляд. Как будто молния метнулась между ними. Голосом, из которого он не мог прогнать дрожь, он сказал:

— Это правда, Ваше Превосходительство. Этот их человек обладает некоторыми гипнотическими способностями, хотя обязан он этим синапсиферу или нет, сказать не могу. Могу добавить, что этот человек подвергался воздействию синапсифера втайне, данные занесены не были, так что эксперимент — вы, я думаю, со мной согласитесь — очень подозрителен.

— Да, записи не велись, — спокойно подтвердил Шент, — в согласии с указаниями, полученными мной от Верховного Министра.

Но секретарь на это только пожал плечами.

Энниус решительно вмешался:

— Давайте придерживаться сути дела и из-

бегать мелких колкостей… Как насчет этого Шварца? Что, его способность читать мысли, или гипнотический талант, или как там еще это можно назвать, имеет общего с делом?

— Шент намеревался сказать, — секретарь встал, — что Шварц прочитал мои мысли.

— Вот как? И он так читает? — спросил Прокуратор, в первый раз глядя на Шварца.

— Сейчас он думает, — сказал Шварц, — что у нас нет возможности убедить вас в нашей правдивости относительно того, что вы называете делом.

— Совершенно верно, — фыркнул секретарь, — хотя подобное заключение едва ли требует особых умственных способностей.

— А еще, — продолжал Шварц, — что вы несчастный дурак, боящийся решительных действий, желающий только мира, надеющийся своей праведностью и беспристрастием одержать победу над людьми Земли, и потому, что вы надеетесь на это, — вы еще больший дурак.

Секретарь покраснел:

— Я все это отрицаю. Явная попытка вызвать у вас неприязнь ко мне, Ваше Превосходительство.

Но Энниус сказал:

— Во мне не так-то легко вызвать неприязнь. — Потом он обратился к Шварцу: — О чем думаю я?

Шварц ответил:

— Что если бы я даже и мог видеть чужие мысли, то мне необязательно говорить правду о том, что я читаю.

Брови Прокуратора поднялись в удивлении.

— Вы правы, совершенно правы. Вы поддерживаете обвинение, выдвинутое доктором Алварденом и доктором Шентом?

— Каждое его слово.

— Вот как? Однако если не найдется второй такой человек, как вы, ваше свидетельство не может стать полноправным перед лицом закона, даже если мы сможем поверить в вас как в телепата.

— Но речь идет не о законе, — воскликнул Алварден, — а о спасении Галактики!

— Ваше Превосходительство, — секретарь встал, — у меня к вам просьба. Я бы хотел, чтобы этот Иосиф Шварц был удален из комнаты.

— Почему же?

— Этот человек в добавление к способности читать мысли обладает еще определенной силой. Я был захвачен в плен, благодаря состоянию паралича, в которое вверг меня Шварц. И только страх

перед тем, что он может повторить свою попытку и снова подействовать на меня, а может быть, и на вас, Ваше Превосходительство, вынуждает меня обратиться с подобной просьбой.

Алварден встал, но секретарь опередил его, сказав:

— Какой же разговор может казаться искренним, если присутствует человек, способный влиять на Разумы присутствующих с помощью своего удивительного дара.

Энниус принял решение быстро. Был отдан приказ, и Иосиф Шварц, который не оказал никакого сопротивления и на луноподобном лице которого не отразилось и следа волнения, был уведен.

Для Алвардена это был последний удар.

Что же касается секретаря, то теперь он встал и несколько мгновений продолжал стоять — приземистая мрачная фигура в зеленом — сильный в своей самоуверенности.

Он начал официальным тоном:

— Ваше Превосходительство, все верования и утверждения доктора Алвардена покоятся на свидетельстве доктора Шента. В свою очередь, верования доктора Шента покоятся на бредовых речах умирающего человека. И все это, Ваше

Превосходительство, никогда не выплыло бы на поверхность, не будь Иосиф Шварц подвергнут влиянию синапсифера. Так кто же он, Иосиф Шварц? До того, как Иосиф Шварц появился на сцене, доктор Шент был нормальным спокойным человеком. Вы сами провели с ним несколько часов в тот день, когда Шварц был доставлен для лечения. Был ли он тогда нормален? Уведомил ли он вас о предательстве против Империи? О какой-то там болтовне умирающего биохимика? Казался ли он хотя бы встревоженным? Или что-то подозревающим? Сейчас он говорит, что получил инструкции от Верховного Министра фальсифицировать результаты испытаний синапсифера, не объявлять имена тех, кто подвергался испытаниям. Говорил ли он тогда об этом? Или только теперь, после того, как появился Иосиф Шварц? В то время, как был привезен Иосиф Шварц, он говорил на никому не известном языке. Кто он такой, этот Иосиф Шварц? Насчет его языка мы узнали позже, когда начали подозревать доктора Шента в нестабильности его Разума. Его привез фермер, которому ничего не было известно ни о его личности, ни вообще что бы то ни было. И с тех пор так ничего и не изменилось в этом отношении. Однако человек

этот обладает странной умственной силой. Он может проникать на сто ярдов вперед одной лишь мыслью — может даже убивать на близком расстоянии. Говорят, что я захватил его в плен, что я угрожал ему смертью. Однако позвольте мне задать им вопрос, Ваше Превосходительство? Не были ли они подвергнуты влиянию Шварца, то есть человека, способного контролировать их Разумы?

Может быть, Шварц и есть предатель? Если нет, то кто же Шварц?

Секретарь сел спокойный, почти сияющий.

Алварден чувствовал себя, как будто его мозг был помещен в циклотрон и теперь крутился со все большей и большей скоростью.

Какой следует дать ответ? Что Шварц перенесся сюда из прошлого? Чем же это подтверждается? Тем, что этот человек говорил на языке далекого прошлого? Только сам Алварден мог засвидетельствовать это. И он же, Алварден, мог находиться под воздействием другого человека. В конце концов, как он мог доказать, что его Разум не находился в чужих руках? Кто такой Шварц? Почему он не мог мечтать о завоевании Галактики?

Он подумал еще. Откуда выплыла его убежденность в существовании такой организации? Он

же археолог, он умеет сомневаться, но теперь… Сыграло ли решающую роль слово физика? Или поцелуй девушки? Или Иосиф Шварц?

Он не способен был думать? Он не способен думать!

— Итак? — в голосе Энниуса слышалось нетерпение. — Вы имеете что сказать, доктор Шент? Или вы, доктор Алварден?

Но молчание внезапно нарушил голос Полы:

— Почему вы спрашиваете их? Неужели вы не видите, что все это ложь? Неужели вы не понимаете, что он всех нас связывает своими фальшивыми словами?

О, мы все должны умереть, и мне теперь все равно… Но теперь мы могли бы остановить их… А вместо этого мы сидим здесь и… беседуем…

Секретарь сказал:

— Теперь будем слушать вопли истеричной девушки… Ваше Превосходительство, я хочу сказать, сделать предложение. Мои обвинители утверждают, что все это измененный вирус или что там у них на уме — предназначено на определенное время? Шесть часов утра, как я полагаю. Я предлагаю отложить ваше решение на неделю. Если то, что они говорят, — правда, то через неделю или несколько дней на Земле ста-

нет известно об эпидемии в Галактике. В таком случае имперские силы все еще будут держать Землю под контролем…

— Вождя в обмен на Галактику — это хорошая сделка, — пробормотал доктор Шент с совершенно белым лицом.

— Я ставлю на карту собственную жизнь и жизнь моего народа. Мы — заложники собственной невиновности, и я готов хоть сейчас проинформировать Общество Древних о том, что останусь здесь на неделю по собственной воле, чтобы предотвратить волну возмущения, которая могла бы подняться в противном случае.

Он сложил руки на коленях.

Энниус поднял взгляд. Лицо его было озабочено.

— Я не вижу в этом человеке ничего дурного…

Больше Алварден выдержать не мог. В спокойной и смертельной решимости он поднялся и быстро подошел к Прокуратору. Каковы были его намерения — осталось неизвестным. Потом он сам не мог вспомнить. Во всяком случае это не имело значения — у Энниуса был невротический хлыст, и он воспользовался им.

В третий раз за время его пребывания на Земле все, находящееся вокруг Алвардена, обратилось в

боль, закружилось и понеслось прочь.

В те часы, в течение которых Алварден лежал без движения, смертоносный край был достигнут…

Глава 21
За краем

И пройдено!

Свет…

Пятнистый свет и неясные тени… тающие и исчезающие, а потом вновь возникающие в фокусе.

Лицо… На нем глаза…

— Пола! — И сразу все сделалось ясным и понятным. — Сколько времени?

Он так резко схватил ее запястье, что она несколько поморщилась от неожиданности.

— Больше семи, — прошептала она. — Мы уже за краем.

Он дико огляделся. Он лежал в постели. Все части тела отдавались в нем дикой болью. Шент, чья худая фигура скорчилась в кресле, поднял голову и мрачно кивнул.

— Все пропало, Алварден.

— Но тогда Энниус…

— Энниус, — сказал Шент, — не захотел воспользоваться случаем. Не странно ли это? Мы, трое, сами обнаружили огромное преступление

против человечества, сами поймали главаря и привлекли его к ответу. Как в сказке, правда? Великие всепобеждающие герои достигают победы в самое последнее мгновение. И следует счастливый конец, все заканчивается прекрасно… Так? Смешно… — Слова вырвались у него сухим рыданием.

Алварден, чувствуя себя совершенно разбитым, отвел взгляд. Глаза Полы были как темные вселенные, влажные, затянутые дымкой слез. Каким-то образом, на мгновение, она растворилась в нем — они были вселенными, заполненными звездами. И в эти звезды устремились маленькие сверкающие металлические ящики, пожирающие световые годы на своем тщательно вычисленном смертоносном пути. Скоро… возможно, уже — они достигнут атмосферы, разделятся на невидимые убийственные капли дождя — вирусного дождя…

Да, все кончено.

Больше этого не остановить.

— Где Шварц? — спросил он слабым голосом.

Но Пола покачала головой.

— Больше его сюда не приведут.

Дверь отворилась, и Алварден посмотрел в ее сторону с тенью надежды на лице — по-видимо-

му, он еще не смирился со смертью полностью.

Но это был Энниус, и лицо Алвардена потемнело и отвернулось прочь.

Энниус подошел и бросил быстрый взгляд на отца и дочь. Но даже теперь Шент и Пола были первобытными землянами и ничего не могли сказать Прокуратору, хотя они и знали, что каким бы коротким и жестоким ни был остаток их жизней, та жизнь, что оставалась еще Прокуратору, была еще более короткой и еще более жестокой.

Энниус похлопал Алвардена по плечу.

— Доктор Алварден?

— Что, Ваше Превосходительство? — сказал Алварден, подражая интонации Прокуратора. Только горечь нарушала это сходство.

— Уже больше шести часов. — Эту ночь Энниус не спал. Официально освободив Вялкиса от подозрений, в глубине души он не мог поверить в то, что обвинители совершенно безумны или находятся под мысленным контролем. Он наблюдал за тем, как бесстрастные стрелки хронометра отсчитывают секунды жизни Галактики.

— Да, — сказал Алварден. — Уже больше шести часов, а звезды еще сияют.

— Но вы по-прежнему думаете, что были правы?

— Ваше Превосходительство, — сказал Алварден, — пройдут часы, и появятся первые жертвы. Этого не заметят: люди умирают каждый день. Через неделю умрут сотни и тысячи. Процент выздоравливающих приблизится к нулю. Понадобятся неизвестные медикаменты. Некоторые из планет бросят клич о помощи. Через несколько недель число таких планет достигнет огромной величины, и срочной помощи потребует весь сектор. Через два месяца едва ли двадцать процентов планет останутся нетронутыми. Через шесть месяцев Галактика будет мертва… А что сделаете вы, когда начнут поступать рапорты? Позвольте предсказать и это. Вы сообщите о том, что эпидемия могла начаться на Земле. Это не спасет жизней. Вы сотрете землян с лица планеты. Или же вы можете действовать как посредник между вашим другом Вялкисом и Галактическим Советом — или выжившими. Тогда на вашу долю может выпасть честь вручить искалеченные остатки бывшей Империи в руки Вялкису в обмен на антитоксин, который может достичь, а может и не достичь в такое время, чтобы можно было спасти хотя бы одно человеческое существо.

Энниус недоверчиво улыбнулся.

— Вы не считаете, что говорите до смехотвор-

ного мелодраматически?

— О, да. Я — мертвец, а вы — безжизненное тело. Но давайте же сохранять холодность и имперское достоинство, не так ли?

— Если на вас так подействовало действие невротического хлыста…

— Вовсе нет, — иронически сказал он. — Я к нему привык. Теперь я уже его едва чувствую.

— Тогда я объясню вам все так логично, как только смогу. Все это ужасная неразбериха. Трудно будет составить удобоваримый ответ, но столь же трудно и предотвратить огласку. Итак, остальные обвинители — земляне. Ваш голос — единственный, который может иметь вес. Предположим, вы подписываете заявление, в котором говорится, что обвинение было сделано в то время, когда вы находились не в себе… Ну, мы придумаем какую-нибудь фразу, которая объяснит состояние, без упоминания об умственном контроле.

— Это будет нетрудно. Скажем, я спятил, напился, был под гипнозом, наелся наркотиков. Все подойдет.

— Вы будете благоразумны? Послушайте, я объясню вам, под каким давлением вы оказались. — Он понизил голос до шепота: — Вы

— человек с Сириуса. Почему вы влюбились в земную девушку?

— Что?!

— Не кричите так. Я говорю… будь вы в нормальном состоянии, разве вы когда-нибудь увлеклись бы аборигеном? Подумайте сами. — Он слегка повел, головой в сторону Полы.

Несколько мгновений Алварден взирал на него с изумлением. Потом он быстро протянул руку и ухватил высокую имперскую власть на Земле за горло. Энниус бесполезно отбивался, стараясь высвободиться из железных пальцев противника.

Алварден сказал:

— Ах, вот какой оборот дела, да? Вы мисс Шент имеете в виду? Если так, то прошу говорить о ней с должным уважением, понятно? Ладно, убирайтесь. Вы все равно уже мертвец.

Задыхаясь, Энниус проговорил:

— Доктор Алварден, вы ставите себя…

Дверь снова отворилась, и в комнату вошел полковник.

— Что? Разве этот Вялкис не говорил с официальным лицом? Он должен был оговорить свое недельное пребывание здесь.

— Он говорил, и он еще здесь. Но только есть и толпа. Мы готовы в нее стрелять: и, как воинский

командир, именно это я и советую делать. У вас есть какие-нибудь предложения, Ваше Превосходительство?

— Подождите открывать огонь, пока я не повидаюсь с Вялкисом. Приведите его сюда. — Он повернулся: — Доктор Алварден, я с вами закончу позже.

Вялкис, улыбаясь, вошел. Он отвесил Энниусу самый любезный поклон, на который тот лишь слегка кивнул.

— Сядьте здесь, — недовольно сказал Прокуратор. — Меня проинформировали о том, что ваши люди собираются в окрестностях форта Дибурри. Это не было предусмотрено нашим соглашением… И мы вовсе не желаем кровопролития. Но и наше терпение не беспредельно. Вы можете заставить их спокойно разойтись?

— Если я решусь на это, Ваше Превосходительство.

— Если вы решитесь… Вам лучше решиться, и поскорее.

— Вовсе нет, Ваше Превосходительство! — И теперь улыбка секретаря застыла, а рука протянулась вперед. — Глупец! Вы слишком долго ждали и за это можете умереть! Или жить рабом, если предпочтете это… но помните, это будет

нелегкая жизнь…

Уверенность и ярость этого утверждения не произвели на Энниуса нужного эффекта. Даже здесь, принимая на себя самый сильный удар за всю свою карьеру, Энниус не растерялся. Лишь мрак и усталость еще больше сгустились в его глубоко посаженных глазах.

— Значит, я со своей осторожностью потерял слишком много времени? История с вирусами была правдой? — Удивление в его голосе было почти абстрактным и безразличным. — Но сама Земля… вы же мои заложники.

— Вовсе нет! — мгновенно последовал радостный крик. — Это вы и ваши люди — мои заложники. Вирус, который сейчас распространяется по Вселенной, не оставил Землю невосприимчивой к нему. Он уже достиг атмосферы. Мы имеем иммунитет, но как насчет вас, Прокуратор? Не чувствуется ли у вас слабость? Сухость во рту? Не болит ли у вас голова? Это, знаете ли, не продлится долго. А антибиотики вы можете получить только от нас.

В течение долгого времени Энниус ничего не говорил. Лицо его вдруг сделалось на удивление надменным.

Потом он повернулся к Алвардену и холодным,

лишенным красок тоном произнес:

— Доктор Алварден, я должен просить у вас прощения за то, что сомневался в ваших словах. Доктор Шент, мисс Шент — прошу вас простить меня.

Алварден пробормотал сквозь зубы:

— Благодарю вас за ваши извинения. Теперь они всем очень помогут.

— Ваш сарказм справедлив, — сказал Прокуратор. — Если вы позволите мне, то я предпочел бы вернуться на Эверест и умереть вместе со своей семьей. Возможность какого бы то ни было компромисса с этим… человеком, конечно, совершенно отпадает. Мои солдаты из службы Имперского Прокуратора, я уверен, как следует проявят себя перед смертью, и немало землян успеет осветить для нас темные туннели смерти… Прощайте.

— Подождите, подождите, не уходите. — Энниус медлительно оглянулся на этот новый голос.

Иосиф Шварц, хмурый, еле стоящий на ногах от усталости, с трудом преодолел порог комнаты.

Секретарь напрягся и отшатнулся. Внезапно в нем зародилось подозрение, и он в упор посмотрел на человека из прошлого.

— Нет, — взвизгнул он, — вы не сможете вы-

рвать у меня секрет антибиотика. Он есть только у немногих людей, и только немногие знают, как правильно им пользоваться. Все это находится в безопасности, вне вашей досягаемости, пока не наступит нужный момент.

— Но нужное время настанет совсем не тогда, когда вы рассчитываете. Видите ли, никакого токсина нет, а вирус никуда не распространяется.

Это заявление не сразу стало понятно присутствующим. Алварден ощутил, как удивительная мысль закопошилась в его мозгу. Может быть, он действительно подвергся внушению? Может, все это — гигантская мистификация, в которой замешан не только секретарь, но и он сам? Но если так, то почему?

Но заговорил Энниус:

— Интересно, что вы имеете в виду?

— Это несложно, — сказал Шварц. — Когда мы сидели здесь вчера вечером, я понял, что не смогу сделать ничего другого, как только сидеть и слушать. И тогда я начал воздействовать на мозг секретаря... Я не хотел там оставаться. И, в конце концов, он попросил, чтобы меня удалили из комнаты. Этого-то я и добивался, а остальное было делом нетрудным. Я заставил охрану бездействовать и направился к воздушному судну.

Форт находился в состоянии боевой готовности, и машина была снабжена горючим, вооружена и готова к полету. Пилоты ждали. Я выбрал одного из них, и мы полетели в Сен-Лу.

Секретарь, должно быть, хотел что-то сказать, но его рот открывался и закрывался совершенно беззвучно.

Заговорил Шент.

— Но вы не могли никого заставить вести самолет, Шварц. Все, что вы могли, это заставить идти.

— Да, когда человек действует против своей воли. Но из Разума доктора Алвардена я узнал, как сильно ненавидят землян сириане, поэтому я нашел пилота, который был рожден в секторе Сириуса — это лейтенант Клауди.

— Лейтенант Клауди? — воскликнул Алварден.

— Да… Вы его знаете. Да, я ясно читаю в вашем Разуме.

— Держу пари… Продолжайте же, Шварц.

— Этот офицер ненавидел землян с такой силой, что это даже трудно себе вообразить. Он даже меня ненавидел, а я ведь был внутри его мозга. Он желал их уничтожить. Лишь дисциплина сковывала его и мешала ему привести в жизнь свои планы. Этот Разум относится к группе совершен-

но отличных. Лишь небольшое предложение, маленький толчок — и никакая дисциплина его уже не удержит. Я не уверен, что он осознал мое присутствие в самолете.

— Как вы нашли Сен-Лу? — прошептал Шент.

— В мое время, — сказал Шварц, — был такой город, он назывался Сент-Луис. Он находился у слияния двух больших рек… Была ночь, в море светились радиоактивные полосы… а доктор Шент говорил, что храм стоит на изолированном оазисе нормальной почвы. Мы пошарили прожектором — по крайней мере, так мне показалось — и увидели внизу пятиугольное здание. Оно совпадало с тем изображением, которое я уловил в мозгу секретаря… Теперь на том месте, где оно стояло, остались впадины в сто футов глубиной. Это произошло в три часа утра. Вирусы не были посланы, и Вселенная свободна.

С губ секретаря сорвался животный крик — вопль смертельно раненного демона. Казалось, он сейчас прыгнет вперед — но, не успев начать рывок, он рухнул на пол.

Тонкая струя слюны медленно потекла из-под его верхней губы.

— Я его не трогал, — тихо проговорил Шварц. Потом, задумчиво глядя на поверженную фигуру,

продолжал: — Я вернулся еще до шести, но знал, что мне следует подождать, пока смертельный рубеж не будет перейден. Вялкис должен был заявить о своем величии. Я знал это из его Разума, но обвинение себе вынести мог лишь он… Вот он теперь здесь и лежит.

Глава 22
Быть может, лучшее еще впереди

Тридцать дней прошло с тех пор, как Иосиф Шварц поднялся в воздух с дорожки аэродрома и устремился в ночь, несущую разрушение Галактике, слыша за собой бешеный рев сирен и приказы вернуться.

Он не вернулся, по крайней мере, раньше, чем разрушил храм Сен-Лу.

Героизм его, наконец-то, был оценен официальными лицами. В его кармане лежала лента Ордена Космического Корабля и Солнца первого класса. Лишь двое других из всего населения Галактики когда-либо удостаивались такой чести.

Для ушедшего на покой портного это было кое-что.

Конечно, никто, кроме самых высокопоставленных из всей официальной верхушки лиц, не знал в точности, что произошло, но это не играло роли. Когда-нибудь в исторических книгах события эти станут частью яркого, навсегда запечатлевающегося в памяти рассказа.

Теперь, спокойным вечером, он шел к дому

доктора Шента. Весь город был спокоен, спокойно было и звездное сияние над головой. В отдаленных уголках Земли банды Древних были истреблены или взяты в плен, а об остальных могли позаботиться сами умеренно настроенные земляне.

Первые грузовые суда с нормальной почвой были уже в пути. Энниус вновь предложил, чтобы земное население было перевезено на другие планеты, но это оказалось ненужным. Земляне не хотели благотворительности. Однако им была предоставлена возможность переделать собственную планету. Пусть снова стоят дома отцов, изначальный мир людей. Пусть работают руками, изымая больную землю и заменяя ее здоровой, видя зеленую поросль там, где жила смерть, и делая пустыню цветущей и прекрасной, как когда-то.

То была огромная работа, она могла занять столетия — но что с того? Пусть Галактика поставляет машины, пусть галактические корабли привозят пищу, пусть Галактика дает почву — при ее неисчислимых ресурсах это лишь капля в море, и потом ей все будет возвращено.

И однажды земляне опять смогут стать людьми среди людей, населенной планетой среди других

планет, смогут иметь человеческое достоинство, смогут смотреть на других как на равных.

Когда Шварц поднимался по ступенькам к входной двери, сердце его сильно билось от волнения. На следующей неделе он вместе с Алварденом отправлялся в центральные миры Галактики. Кому еще из его поколения было дано оставить Землю?

И на мгновение пришла мысль о старой Земле, так давно умершей. Так давно…

И прошло только три с половиной месяца…

Подняв руку к звонку, он замер, и слова, идущие изнутри, всплыли в его памяти. Как ясно он их слышал…

Это, конечно, был Алварден, и сознание его было так плотно и полно, что его невозможно было охарактеризовать словами.

— Пола, я ждал и думал, думал и ждал. Я не могу больше. Ты едешь со мной.

И Пола, говорившая с неохотой, Пола, чье сознание было столь же переполненным, как и его, ответила:

— Я не могу, Бел. Это невозможно. Мои провинциальные манеры и привычки… Я бы чувствовала себя смешной в этих больших мирах. И, кроме того, это только на Земле я…

— Не говори так. Ты моя жена, вот, и если кто-нибудь спросит, кто ты и что ты, — ты — уроженка Земли и гражданка Империи. Если захотят узнать дальнейшие детали — то ты — моя жена.

— Хорошо, а что будет после того, как ты сделаешь подобное заявление в Археологическом обществе на Транторе?

— Что будет? Что ж. Во-первых, мы возьмем годичный отпуск и осмотрим все главные галактические миры. Мы ни одного не пропустим, пусть даже нам нужно будет ради этого лететь на почтовом корабле, и это будет самый лучший медовый месяц, который только можно купить на правительственные деньги.

— А потом…

— А потом мы вернемся на Землю, вступим добровольцами в рабочий батальон и проведем следующие сорок лет нашей жизни, удаляя грязь с зараженной территории.

— Но почему ты собираешься это сделать?

— Потому что, — и в этом ответе Разум Шварца уловил следы глубокого вздоха в Прикосновении Разума Алвардена, — я люблю тебя, а ты этого хочешь, и потому, что я — патриот-землянин, что могу документально подтвердить с помощью бумаг.

— Хорошо…

И в этом месте разговор прервался.

Но, конечно, Прикосновение Разума не прервалось, и Шварц, довольный, но находящийся в некотором замешательстве, отступил. Он мог подождать. Можно не беспокоить их сейчас. Все в порядке. Время есть.

Он ждал на улице, под светом холодных звезд всей Галактики, видимой и невидимой.

И для себя, и для новой Земли, и для миллионов далеких планет он еще раз тихо повторил слова той древней поэмы, которые он из многих квадрильонов людей знал теперь только один:

«Так останься же со мной!

Быть может, лучшее еще впереди.

Ты — последняя эпоха жизни,

Ради которой была прожита первая…»

ЗВЕЗДЫ КАК ПЫЛЬ

Глава 1
Спальня бормотала

Спальня негромко бормотала. Звук был почти за пределами слышимости, прерывистый и слабый звук, но довольно явственный и угрожающий.

Но не он разбудил Байрона Фаррила, вырвал его из тяжелого, неосвежающего сна.

Байрон беспокойно повернулся, прикрыл голову подушкой, тщетно пытаясь приглушить это сверлящее «дз-з-з» на конце стола.

Не открывая глаз, он поднял отяжелевшую руку и нажал кнопку.

— Алло, — пробормотал он.

Из аппарата полились звуки. Они звучали резко и громко, но у Байрона не хватало решимости уменьшить звук.

Он услышал:

— Я могу поговорить с Байроном Фаррилом?

Байрон сонно сказал:

— Говорите. Что вам нужно?

— Могу я поговорить с Байроном Фаррилом?

В голосе звучало беспокойство.

Байрон открыл глаза в полной темноте. Он ощутил неприятную сухость во рту и слабый незнакомый запах, державшийся в комнате.

Он сказал:

— Говорите. Кто это?

Громкий голос продолжал звучать все беспокойней. Говоривший явно не слышал Байрона.

— Есть здесь кто-нибудь? Мне нужно говорить с Байроном Фаррилом.

Байрон нажал другую кнопку. Загорелся маленький экран визиофона. Байрон приподнялся на локте и посмотрел на него.

— Я здесь, — сказал Байрон.

Он узнал на экране гладкое, слегка асимметричное лицо Сандера Джонти.

— Позвоните утром, Джонти.

Он хотел уже было выключить прибор, когда Джонти произнес:

— Алло! Есть здесь кто-нибудь? Это университетский пансионат, комната номер 526?

Тут Байрон увидел, что маленькая красная лампочка, означающая, что связь включена, не горит. Он негромко выругался и нажал клавишу. Лампочка не загорелась.

Джонти, видимо, сдался, и экран опустел, остался маленьким светлым прямоугольником.

Байрон выключил его. Скорчившись, он поправил постель и попробовал снова закопаться в подушку. Он был раздражен: какого черта его будят среди ночи! Он бросил быстрый взгляд на светящиеся цифры настенных часов. Было три пятнадцать. Еще четыре часа в доме будет темно.

Ему совсем не хотелось просыпаться в полной темноте. За четыре года он так и не смирился с земным обычаем строить здания из усиленного бетона, с толстыми стенами и без окон.

Это была тысячелетняя традиция, восходящая к временам, когда примитивной ядерной бомбе еще не противостояла защита из силовых полей.

Все это в прошлом. Атомная война сделала на Земле свое дело. Большая часть ее безнадежно радиоактивна и непригодна для жизни.

Терять больше нечего, а вся эта архитектура отражает старые страхи. Поэтому и такой мрак кругом.

Странно. Байрон ждал. Не только зловещее бормотание привлекло его внимание, но и что-то другое, может, еще менее заметное, и не такое угрожающее.

Отсутствовало даже слабое движение воздуха, в спальне было душно.

И тут он понял, что вентиляционная система перестала работать, и теперь у него действительно есть повод для недовольства. Он не может даже использовать визиофон, чтобы сообщить об этом. Он попробовал еще раз.

Вновь загорелся молочный квадрат, бросив на постель слабый жемчужный отблеск. Принимает, но не передает. Что ж, до наступления дня ничего сделать не удастся.

Байрон зевнул и нащупал одной рукой шлепанцы, протирая другой глаза.

Нет вентиляции. Так вот почему этот странный запах. Байрон нахмурился и резко два-три раза втянул воздух. Бесполезно, он его так и не узнал.

Байрон направился в ванную и машинально потянулся к выключателю, хотя свет ему был не нужен. Стакан воды он сможет набрать и в темноте. Выключатель щелкнул, но свет не загорелся.

Неужели ничего не работает? Пожав плечами, он напился в темноте и на обратном пути попробовал главный выключатель — не работает.

Байрон сел на постель, положил большие руки на мускулистые ноги и задумался.

Такое происшествие обычно вызвало бы ужасный скандал с обслуживающим персоналом. Конечно, никто не ожидает в университетском

пансионе таких условий, как в отеле, но, во имя космоса, минимум удобств все же можно требовать.

Впрочем, это уже неважно. Обучение кончилось. Через три дня он попрощается с этой комнатой и с университетом Земли, и вообще с Землей.

Все же нужно сообщить о случившемся.

Он может воспользоваться коридорным фоном, приказать занести лампу, а может быть, даже вентилятор, чтобы можно было спать, не задыхаясь. Если же это невозможно, к Космосу всю эту обслугу!

Еще две ночи осталось провести здесь.

Под свист бесполезного визиофона он отыскал шорты, потом натянул джемпер, надел мягкие шлепанцы. Впрочем, даже если бы он вышел в коридор в подкованных сапогах, он никого бы не разбудил. Слишком уж тут толстые стены.

Байрон потянул дверь за ручку. Послышался щелчок. Но дверь не открылась — замок не сработал. Мышцы Байрона напряглись, он пытался открыть дверь силой — бесполезно.

Он отступил. Отвратительно! Неужели вообще в доме нет энергии? Не может быть. Часы идут. Визиофон принимает сигналы.

Погоди! Должно быть, это парни, благослови их заблудшие души. Иногда они так делают. Ребячество, конечно, но он и сам принимал участие в таких шутках. Одному из его приятелей не трудно было проскользнуть в комнату днем и организовать это безобразие. Но нет — когда он засыпал, вентиляция работала и свет был.

Значит, действовали ночью. Пансионат стар. Не нужно быть гением, чтобы вывести из строя систему вентиляции и освещения. Или заклинить замок двери. А теперь они ждут, как будет метать икру старина Байрон, когда не сможет выйти отсюда. Должно быть, выпустят его не раньше полудня и будут покатываться со смеху.

— Ха, ха, — угрюмо сказал Байрон. — Очень смешно, но что-то действительно нужно сделать.

Он повернулся и задел какой-то предмет, который с металлическим звоном покатился по полу. Байрон с трудом разглядел в свете визиофона движущуюся тень. Он полез под кровать, щупая пол. Вытащил предмет, поднес его к экрану. Да, не так уж они хитры. Для пущего эффекта им надо было полностью выключить визиофон, а не только передающее устройство.

Байрон обнаружил, что держит в руках небольшой цилиндр с маленьким отверстием в утолще-

нии на вершине. Объяснилась причина запаха в комнате. Это гиптайн. Конечно, парни должны были использовать его, чтобы он не проснулся, пока они работают.

Теперь Байрон шаг за шагом начал восстанавливать происходившее. Дверь открыли бесшумно. Это был единственный опасный пункт, так как он мог проснуться от шума. Должно быть, днем хорошо подготовились, так что дверь по-настоящему и не закрывалась. Он ведь ее не проверял. Во всяком случае, открыв дверь, они просунули в комнату цилиндр с гиптайном и снова закрыли. Снотворное медленно просачивалось, пока не создалась подходящая концентрация. Тогда они могли войти — в масках, конечно. Космос! Влажный носовой платок предохранит от действия гиптайна в течение пятнадцати минут, а это все, что нужно.

Объясняется и ситуация с вентиляцией. Ее нужно было вывести из строя, чтобы гиптайн не рассеялся слишком быстро. Вентиляцию отключили прежде всего. А потом визиофон, чтобы Байрон не мог позвать на помощь. Испорченный замок не даст ему выйти, а темнота усилит панику. Отлично придумано!

Байрон фыркнул. Не следует раздражаться. Это

всего лишь шутка. Тем не менее ему хотелось вышибить дверь. Мускулы тренированного тела напряглись при этой мысли. Но бесполезно. Эту дверь конструировали, имея в виду атомные удары. Будь проклята традиция!

Должен же существовать выход! Нельзя допустить, чтобы над ним смеялись, как над мальчиком. Прежде всего нужен свет, настоящий свет, а не призрачное свечение экрана. Но это не проблема. В платяном шкафу у него есть фонарик.

Нащупывая замок шкафа, он подумал, а не закрыли ли и его. Но дверца открылась. Байрон кивнул. Конечно, у них не было причины наглухо закрывать шкаф. Да и времени на это не было.

И в тот момент, когда он поворачивался с фонариком в руке, вся его стройная теория рухнула. Он застыл, затаил дыхание, прислушиваясь.

Впервые с момента пробуждения он услышал негромкое бормотание спальни, услышал щелканье, и ему стало все ясно. Сомнений не оставалось — это звучала «земная смерть», изобретенная еще тысячу лет назад. Точнее, это было щелканье счетчика радиации, регистрировавшего пролет заряженных частиц или жестких гамма-лучей. Негромкое щелканье слилось в бормотание. Это был звук счетчика, считавшего только одно

— смерть!

Байрон попятился на цыпочках. С расстояния в шесть футов он осветил внутренности шкафа. Счетчик находился здесь в дальнем углу, но его внешний вид ни о чем не говорил.

Он лежал здесь с первого курса. Большинство первокурсников из Внешних Миров покупают такие счетчики в первую неделю пребывания на Земле. Они остро ощущают радиоактивность и испытывают необходимость в защите.

Обычно на втором курсе счетчики продают, но Байрон со своим не расстался.

Теперь он был рад этому.

Он повернулся к столу, куда клал на ночь часы. Они лежали на месте. Слегка дрожащей рукой он поднес их к фонарику. Контрольная полоска, вплетенная в гибкий пластик, обычно была белой. Она и оставалась такой теперь, когда Байрон рассматривал ее под разными углами.

Полоска — другое приобретение первокурсников. Жесткая радиация делала ее синей, а синий цвет на Земле означал смерть. Легко можно оказаться в радиоактивной местности, если ты будешь неосторожен или беззаботен. Правительство огородило наиболее опасные участки, и, конечно, никто не приближался к обширным

участкам смерти, которые начинались в нескольких милях за городом, но все же полоска давала дополнительную уверенность. Если она станет чуть голубоватой, нужно ложиться в больницу и лечиться. Спорить с этим невозможно. Полоска сделана из вещества, столь же чувствительного к радиации, как человек, и с помощью соответствующих фотоэлектрических инструментов можно было по цвету определить полученную дозу и степень опасности.

Ярко-синий цвет означал конец. От таких доз не было лечения. Больница могла только подготовить к кремации.

Но полоска Байрона оставалась белой, и сумятица в его голове чуть улеглась.

Во всяком случае, доза радиации невелика; так, может, все же это шутка? Поразмыслив, Байрон отказался от этого предположения. Никто не станет так шутить. По крайней мере на Земле, где незаконное хранение радиоактивных материалов считалось тягчайшим преступлением. И без важных причин никто не решится на подобные «шутки».

Такой причиной, например, может быть желание убить. Но почему? Зачем его убивать? За свои 23 года он не приобрел ни одного серьезного

врага.

Байрон сжал ладонями свою подстриженную голову.

Ужасно, но сомнения не оставалось: кому-то нужна его смерть.

Он осторожно приблизился к шкафу.

Где-то здесь должен быть источник радиоактивности, которого не было 4 часа назад. И он почти сразу увидел этот источник.

Это был маленький ящичек — не более шести дюймов в длину, ширину и высоту. Байрон узнал его, хотя раньше знал о нем только по описаниям. Это была радиоактивная бомба. Байрон взял счетчик и отнес его подальше от шкафа. Щелчки прекратились. Но когда Байрон повернул слюдяное окошко счетчика в сторону шкафа, щелканье возобновилось. У Байрона задрожала нижняя губа: да, это была бомба.

Но нынешняя ее радиация, видимо, не смертельна. Это всего лишь запал. Где-то внутри находится маленький реактор. Коротко живущие искусственные изотопы медленно разогревают его, снабжая соответствующими частицами. Когда будет достигнут критический уровень, начнется реакция. Обычно не взрыв, а вспышка излучения, которая превратит ящичек в метал-

лический слиток.

Но излучение убьет все живое в радиусе от шести футов до шести миль, в зависимости от размеров бомбы.

Невозможно сказать, когда будет достигнут критический уровень. Возможно, через много часов, а может, уже в следующее мгновенье. Байрон беспомощно стоял, сжимая в руке фонарик. Полчаса назад, когда его разбудил визиофон, все было мирно. Теперь он знал, что должен умереть.

Байрон не хотел умирать, но он был в ловушке, а выхода не было видно.

Его комната находилась в конце коридора, по соседству была лишь одна комната, обращенная к его комнате ванной, там его вряд ли услышат. Можно было попробовать достучаться до нижних соседей.

У него было несколько складных стульев, принесенных для возможных гостей. Байрон взял один из них. При ударе об пол раздался глухой, хлопающий звук.

Байрон повернул стул: звук стал резче и громче.

После каждого удара он ждал ответа. Сможет ли он разбудить жильца снизу и рассердить его настолько, чтобы тот стал выяснять причину

беспокойства?

Неожиданно он услышал слабый звук и замер, подняв над головой разбитый стул.

Звук повторился. Похоже это был слабый крик.

Он доносился от двери.

Байрон уронил стул и закричал в ответ.

Он прижался ухом к щели между дверью и стеной, но зазор был ничтожным, и через него звук доносился слабо.

Но все же он разобрал собственное имя.

— Фаррил! Фаррил! — и еще какие-то слова.

Может быть: «Вы здесь?» Или: «Вы живы?»

Он закричал:

— Откройте дверь!

Он прокричал это три или четыре раза. Его охватила лихорадка нетерпения. Бомба может взорваться в любое мгновенье.

Он решил, что его услышали. Донесся приглушенный крик:

— Осторожнее! Бластер!

Он знал, что это значит, и торопливо попятился от двери.

Послышался резкий треск. Байрон почувствовал, как вздрогнула комната. Дверь распахнулась.

Из коридора хлынул свет.

Байрон выбежал, широко разведя руки.

— Не входите, — закричал он. — Во имя любви к Земле, не входите! Там радиационная бомба!

Перед ним стояли два человека. Один из них был Джонти, другой Эсбак, управляющий. Он был полуодет.

— Радиационная бомба, — запинаясь, повторил Байрон.

Джонти спросил:

— Какого размера?

В руке он все еще держал бластер, который резко дисгармонировал с его элегантным костюмом, удивительным в это время ночи.

Байрон смог лишь показать руками.

— Ясно, — кивнул Джонти.

Поворачиваясь к управляющему, он казался совсем спокойным.

— Вам лучше эвакуировать жильцов прилегающих комнат и перекрыть коридор свинцовыми щитами. И никого не впускайте сюда до утра.

Затем повернулся к Байрону.

— Радиус действия, вероятно, от 12-ти до 18-ти футов. Как она к вам попала?

— Не знаю, — ответил Байрон.

Он вытер пот со лба.

— Я бы хотел сесть.

Он бросил взгляд на часы и обнаружил, что они все еще на столе в комнате. Ему захотелось вернуться за ними.

Поднялась суматоха. Студентов торопливо выпроваживали из их комнат.

— Идемте со мной, — сказал Джонти. — Я думаю, вам лучше посидеть.

Байрон спросил:

— Что привело вас ко мне? Я вам так благодарен…

— Я вам позвонил, ответа не было, и я пришел.

— Зачем?

Байрон старался говорить спокойно и унять внутреннюю дрожь.

— Чтобы предупредить, что ваша жизнь в опасности.

Байрон хмуро улыбнулся.

— Это я и сам понял.

— Пока только первая попытка. Будут и другие.

— Но кто это?

— Не здесь об этом, Фаррил, — сказал Джонти.

— Для такого разговора нужно уединение. Вы отмеченный человек, и я тоже подвергаюсь опасности с вами.

Глава 2
Сеть в космосе

Студенческая гостиная оказалась пустой и темной. Трудно было ожидать иного в 4.30 утра. Но Джонти все же, открыв дверь, внимательно прислушался.

— Не нужно, — негромко сказал он, — не включайте свет. Для разговора он нам не нужен.

— С меня хватит темноты на одну ночь, — пробормотал Байрон.

— Оставим дверь открытой.

У Байрона не было сил спорить. Он опустился в ближайшее кресло. Теперь, когда все кончилось, Байрона по-настоящему трясло.

Джонти указал тросточкой на полоску света, падающего через приоткрытую дверь.

— Следите. Если кто-нибудь пройдет мимо или дверь двинется, будет заметно.

Байрон ответил:

— Я не настроен для конспирации. И, пожалуйста, говорите побыстрей, что вы хотите мне сказать. Вы спасли мне жизнь, и я завтра буду благодарен, но сейчас больше всего мне нужно

выпить и поспать.

— Могу представить себе ваше состояние, — ответил Джонти. — Но ваш отдых может оказаться вечным. Вы знаете, что я знаком с вашим отцом?

Вопрос был задан внезапно, и Байрон удивленно вскинул брови.

— Отец никогда не упоминал о вас.

— Я удивился бы, если бы он упоминал. Он не знает моего нынешнего имени. Кстати, давно вы получали сведения об отце?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что он в большой опасности.

— Что?

Джонти в темноте нашел его руку, сжал ее.

— Пожалуйста, говорите тише. Выскажусь более определенно. Ваш отец арестован. Вы понимаете, что это значит?

— Нет, не понимаю. Кто мог его арестовать, и к чему вы ведете?

В висках у Байрона стучало от волнения.

Гиптайн и близость смерти сделали невозможным спокойный разговор с этим холодным денди.

— Вы, конечно, знаете, чем занимался ваш отец? — прошептал Джонти.

— Если вы знали моего отца, то знали, что он

Ранчер Вайдемоса. Вот чем он занимался.

Джонти сказал:

— Конечно, у вас нет причин верить мне. Разве быть благодарным за то, что я спас вам жизнь. Но все, что вы можете мне сказать, я уже знаю. Например, я знаю, что ваш отец тайно боролся против тиранитов.

— Это неправда, — напряженно сказал Байрон.

— Даже ваша услуга мне этой ночью не дает вам права так говорить.

— Вы глупо уклончивы, молодой человек, и зря тратите мое время. Разве вы не видите, что ситуация вышла за пределы пустых разговоров? Скажу прямо. Ваш отец в тюрьме тиранитов. Может быть, сейчас в живых его нет.

— Я вам не верю.

Байрон поднялся.

— У меня есть возможность узнать точно.

— Давайте кончим на этом, Джонти. Мне не до загадок, и я отношу эту вашу попытку к…

— К чему?

Голос Джонти несколько смягчился.

— Что я выигрываю, говоря вам это? Я могу напомнить, что эти сведения, которым вы не верите, делают объяснимой попытку убить вас. Подумайте о случившемся, Фаррил.

Байрон сказал:

— Начинайте снова и говорите прямо. Я слушаю.

— Хорошо. Вероятно, Фаррил, вы догадались, что я ваш сосед из королевства Туманности, хотя я и выдал себя за неганина.

— Я предполагал это по вашему акценту. Но это не казалось мне важным.

— Это важно, мой друг. Я здесь потому, что подобно вашему отцу, попавшему сейчас в руки врагов, ненавижу тиранитов. Они угнетают наши народы 50 лет.

— Я не политик.

Снова в голосе Джонти прозвучало раздражение.

— Я не из числа их агентов, пытающихся навлечь на вас неприятности. Говорю вам правду. Меня схватили год назад, как и вашего отца. Но мне удалось уйти, и я явился на Землю, чтобы в относительной безопасности подготовиться к возвращению. И это все, что я могу вам сказать о себе.

— И больше, чем я прошу, сэр. — Байрон не смог сдержать недружелюбия в голосе.

Джонти раздражал его своими лощеными манерами.

— Я знаю, но мне пришлось вам сказать это, чтобы вы поняли, как я мог встретиться с вашим отцом. Он работал со мной, а вернее, я с ним. Он знал меня, будучи не в своем официальном положении, а как благородный дворянин на планете Нефелос. Вы меня понимаете?

Байрон кивнул во тьме и сказал:

— Да.

— Нет необходимости дальше углубляться в это. Я и здесь сохранил свои источники информации и знаю, что ваш отец арестован. Это точно. Но даже если бы это было простым подозрением, попытка убийства вас подтверждала бы его.

— Каким образом?

— Если тираниты схватили отца, неужели они оставят в покое сына?

— Вы пытаетесь сказать, что тираниты подложили мне в комнату радиационную бомбу? Это невозможно.

— Почему? Разве вы не знаете их целей? Тираниты правят пятьюдесятью мирами. Мы во сто раз превосходим их по численности. В таком положении простая сила неэффективна. Хитрость, интрига, убийство — вот их методы. Они развернули в космосе сеть, широкую, с тесными ячейками. Нетрудно представить себе, что она

дотягивается и до Земли.

Байрон все еще чувствовал себя скованным цепями кошмара. В отдалении слышался шум перетаскиваемых тяжелых свинцовых щитов.

Должно быть, счетчик в комнате все еще щелкает.

Он сказал:

— Это не имеет смысла. На этой неделе я возвращаюсь в Нефелос. Они должны знать об этом. Зачем им убивать меня здесь? Подождав, они схватили бы меня.

Он сам был готов поверить своей логике.

Джонти наклонился ближе, и от его дыхания зашевелились волосы на виске Байрона.

— Ваш отец популярен. Его смерть, — поскольку он в заключении у тиранитов, вы должны считаться с такой возможностью, — вызовет негодование даже в трусливой расе рабов, которую стараются вырастить тираниты. Вы можете возглавить их восстание, как новый Ранчер Вайдемоса, а ваша казнь, вслед за этим, означала бы двойную опасность для них. В их планы не входит создавать мучеников. Но если вы погибнете в далеком мире, для них это очень удобно.

— Я вам не верю, — повторил Байрон.

Джонти встал, разглаживая свои тонкие пер-

чатки, сказал:

— Вы слишком далеко зашли, Фаррил. Ваша роль была бы убедительной, если бы вы не разыгрывали такое полное незнание. Возможно, отец оберегал вас от реальности ради вашей безопасности, но я не верю, чтобы его убеждения совершенно не затронули вас самого. Ваша ненависть к тиранитам должна быть отражением его ненависти. Вы должны хотеть бороться с ними.

Байрон пожал плечами.

Джонти сказал:

— Он мог даже, воспользовавшись тем, что вы уже взрослый, посвятить вас в свое дело. Весьма вероятно, что вы совмещаете обучение на Земле с выполнением специального задания. Из-за одного этого тираниты готовы убить вас.

— Глупая мелодрама.

— Неужели? Допустим. Если правда не убеждает вас сейчас, события убедят позже. Будут и другие покушения, и одно из них окажется удачным. С этого момента, Фаррил, вы мертвы.

Байрон поднял голову.

— Подождите! А какой вам от всего этого интерес?

— Я патриот. Я хочу увидеть королевства снова свободными, с добровольно избранными прави-

тельствами.

— Нет. У вас есть личный интерес. Не могу принять такого объяснения, потому что не верю в ваш идеализм. Простите, если это вас оскорбляет, — упрямо проговорил Байрон.

Джонти снова сел. Он сказал:

— Хорошо, я объясню. Мои земли конфискованы. До своего изгнания я не выносил приказов этих гномов. Я хотел быть человеком, каким был мой дед до прихода тиранитов. Довольно с вас этих причин для моего сочувствия революции? Ваш отец был вождем этой революции. А вы его предаете?

— Я? Мне 23 года, и я ничего этого не знаю. Вы могли бы найти более подходящего человека.

— Несомненно, мог бы, но он не был бы сыном вашего отца. Если ваш отец убит, вы становитесь Ранчером Вайдемоса, и в этом качестве были бы ценны для меня, даже если бы вы были круглым двадцатилетним идиотом. Вы нужны мне по той же причине, по которой тираниты пытаются от вас избавиться. И если мои доводы вас не убеждают, то их доводы должны вас убедить. В вашей комнате была радиационная бомба. Единственная ее цель — убить вас. А кому еще нужно вас убивать?

Джонти терпеливо ждал, пока не услышал ответный шепот:

— Никому… Значит, это правда о моем отце?

— Правда. Считайте это военной потерей.

— Вы думаете, мне от этого легче?

— Может, когда-нибудь ему поставят памятник со светящейся надписью, видимой из космоса?

— Вы думаете, это сделает меня счастливым?

В голосе Байрона звучала горечь.

Джонти ждал, но Байрон ничего не добавил.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Джонти.

— Отправлюсь домой.

— Значит, вы еще не понимаете своего положения.

— А чего вы от меня хотите? Если отец жив, я постараюсь его освободить, а если он мертв, я…

— Спокойно.

В голосе старшего звучало холодное раздражение.

— Вы бушуете, как ребенок. В Нефелос вам нельзя. Разве непонятно? Я говорю с младенцем или со взрослым человеком?

Байрон пробормотал:

— Что же вы предлагаете?

— Вы знаете Директора Родии?

— Друга тиранитов? Знаю. И знаю, кто он такой. Все в королевстве знают всё. Хинрик V, Директор Родии.

— Вы с ним встречались?

— Нет.

— Значит, вы его не знаете. Он слабоумный, Фаррил. Буквально. Но когда ранчо Вайдемоса будет конфисковано, как конфискованы мои земли, — его получит в награду Хинрик. У него тираниты чувствуют себя в безопасности, и именно туда вы должны направиться.

— Почему?

— Потому, что у Хинрика есть влияние на тиранитов, такое влияние, какое может иметь лебезящий щенок. Он может добиться восстановления вас в правах.

— Не вижу — почему. Скорее, он выдаст им меня.

— Конечно. Но вы будете настороже и сможете избежать этого. Помните, ваш титул важен и значителен, но не всемогущ. В конспиративных целях прежде всего нужно быть практичным. Люди будут сходиться к вам из уважения к вашему имени, но чтобы удержать их, вам понадобятся деньги.

Байрон задумался.

— Мне нужно время, чтобы принять решение.

— У вас нет времени. Ваше время кончилось, когда вам в комнату подложили радиационную бомбу. Нужно действовать. Я могу вам дать рекомендательное письмо к Хинрику Родийскому.

— Значит, вы его хорошо знаете?

— Никогда не перестанете меня подозревать, а? Я однажды возглавлял миссию Автарха Лигейна при дворе Хинрика. По слабоумию он, вероятно, не запомнил меня, но не посмеет показать вид, что забыл. Письмо представит вас, а дальше будете действовать по обстоятельствам. Письмо будет готово к утру. А в полдень на Родию улетает корабль. Билет для вас взят. Я тоже улетаю, но другим рейсом. Не медлите. Вы ведь здесь все дела закончили.

Нужно получить диплом.

— Клочок пергамента. Он вам так нужен?

— Не сейчас, но понадобится.

— Деньги есть?

— Достаточно.

— Хорошо. Много иметь при себе денег тоже подозрительно.

Затем он резко произнес:

— Фаррил!

Байрон с трудом выбрался из оцепенения:

— Что?

— Идите к остальным. Никому не говорите, что вы улетаете. Вместо слов пусть говорят действия.

Байрон кивнул. Где-то в глубине сознания возникла мысль, что он не выполнил своего главного долга и тем предал своего погибающего отца. Горечь переполняла его. Ему должны были сказать больше. Он мог бы разделить опасность с отцом. Но он не должен был действовать слепо, ему нужно было сначала узнать правду. Теперь, когда он знал ее, во всяком случае, часть правды об отце, тем важнее отыскать документ. Но на это уже нет времени. Нет времени и для спасения отца. Может быть, нет времени и для жизни.

Тем не менее он сказал:

— Я сделаю, как вы говорите, Джонти.

Сандер Джонти, задержавшись на ступенях, бросил прощальный взгляд на университетский лагерь. В этом взгляде не было восхищения.

Кирпичная дорожка пересекала псевдодеревенскую лужайку, характерную для всех университетских поселений со времен античности: Впереди мерцали огни единственной большой улицы города. За ними, приглушенная дневным светом, расстилалась вечная радиоактивная голубизна.

Джонти несколько мгновений смотрел на небо. Свыше пятидесяти лет назад в его глубинах появились тираниты и положили конец двум дюжинам свободных государств, расположенных за туманностью. Теперь там царит мрак удушения.

Буря обрушилась на эти государства, как громовой удар, от которого они так и не оправились. Лишь время от времени в одном из побежденных миров начиналось слабое брожение.

Организовать сопротивление, объединить недовольных — задача трудная и долгая. Он достаточно пробыл на Земле, завершил свои дела, пора и возвращаться.

Вероятно, сейчас с ним пытаются связаться его соотечественники. Он слегка ускорил шаг. Войдя в комнату, он поймал луч. Луч был личный, можно было не сомневаться, что его не подслушают. Не нужно никакого приемника, никакого прибора из металла и проводов, чтобы уловить слабый поток электронов с импульсами, несущимися через пространство из мира в тысяче световых лет от Земли.

Само пространство в его комнате поляризовано и приспособлено к приему. Его структура изменена по закону случайности, и нет никакой возможности угадать это изменение структуры.

И в этом ограниченном объеме пространства только его мозг мог служить приемником, только электрические характеристики его собственной нервной системы могут резонировать в ответ на вибрации луча, несущего информацию.

Послание было таким же личным, как уникальная характеристика его мозговых волн, и вероятность того, что во вселенной с ее квадратильонами человеческих существ кто-то мог уловить предназначенную для него информацию, равнялась отношению единицы к десяти в степени с двадцатью нулями.

Мозг Джонти уловил призыв, несущийся в бесконечной пустоте пространства.

— Вызываю! Вызываю!

Передавать было гораздо сложнее, чем принимать. Необходимо было сложное механическое устройство для создания особого типа волн, несущих информацию за пределы туманности. Это устройство находилось в большой красивой пуговице на правом плече Джонти. Когда он вступил в поляризованное пространство, устройство автоматически включилось, и после этого ему оставалось только думать, сосредоточенно и целеустремленно.

— Я здесь!

Более точные указания были не нужны.

Монотонное повторение вызова сменилось словами, которые обретали в мозгу Джонти форму.

— Приветствую вас, сэр. Вайдемос казнен. Новость, конечно, не объявлена.

— Это меня не удивляет.

— Ранчер ничего не сказал. Он храбрый и верный человек.

— Да. Но простой храбрости и верности мало, иначе его бы не схватили. Иногда полезна маленькая трусость. Неважно! Я говорил с его сыном, новым Ранчером, который тоже едва не погиб. Он будет нам полезен.

— Каким образом, сэр?

— Лучше пусть события ответят на ваш вопрос. Я не могу предсказывать. Завтра он вылетает к Хинрику Родийскому.

— К Хинрику? Молодой человек подвергает себя ужасному риску. Знает ли он, что…

— Я сказал ему столько, сколько мог, — резко ответил Джонти. — Мы не можем слишком доверяться ему, пока он не проявил себя. В нынешних обстоятельствах он для нас такой же человек, как все остальные, и должен подвергаться риску. Больше не вызывайте меня здесь. Я оставляю Землю.

Джонти резко прервал мысленный контакт.

Спокойно и внимательно обдумывая события ночи и дня, взвешивая каждое из них, он слегка улыбнулся. Все сделано аккуратно, и теперь комедия будет разыгрываться сама.

Ничего не оставлено на волю случая.

Глава 3
Случай и наручные часы

Первый час подъема космического корабля, когда он вырывается из планетарного рабства, весьма прозаичен. Суматоха отъезда в принципе такая же, как и та, которая сопровождала отталкивание челна от берега на какой-нибудь первобытной реке.

Нужно разместиться, позаботиться о багаже. Повсюду — бессмысленная, напряженная торопливость. Последние выкрики, вопросы, глухой звон закрываемых люков сопровождаются глухим шумом нагнетаемого воздуха.

Затем зловещая тишина и вспыхивающие в каждом помещении красные надписи: «Займите противоперегрузочные устройства».

Стюарды снуют по коридорам, стучат во все двери и распахивают их:

— Прошу прощения. Наденьте костюм.

Вы сражаетесь с костюмом, холодным, жестким, неудобным, но помещенным в гидравлическую систему, которая поглощает опасное ускорение при взлете.

Далекий грохот атомных моторов, низкое гудение атмосферного маневрирования.

Костюм оседает в колыбели с густым маслом, а потом медленно подается вперед. Если в этот период вам удастся справиться с тошнотой, можете считать себя застрахованным от космической болезни.

В первые три часа полета смотровая комната закрыта для пассажиров. Образовалась длинная очередь ждущих, пока останется позади атмосфера и откроются двойные двери. Тут не только обычная публика, никогда не бывавшая раньше в космосе, но и более опытные путешественники.

Вид Земли из космоса никому не хотелось пропустить.

Смотровое помещение представляло собой пузырь в обшивке корабля, выполненный из прозрачнейшего, в два фута толщиной пластика. Подвижная крышка, защищающая пузырь от действия атмосферы и частиц пыли, скользнула назад. Свет погасили, и галерея заполнилась пассажирами. Их лица четко вырисовываются в сиянии Земли. Она висит снизу, гигантский сверкающий оранжево-сине-белый шар. Видимое полушарие залито солнечным светом, и континенты в разрывах облаков, оранжевые пустыни с

тонкими полосками зелени, голубые моря резко выделяются на фоне черных пятен. А все черное небо усеяно звездами.

Все терпеливо ждут.

Полярная шапка, ослепительно белая, перемещается ближе к центру, по мере того, как корабль набирает скорость, поднимаясь к оси эклиптики. Медленно по шару двигается тень ночи, и вот на сцене появляется величественный евроафрикаазиатский материк.

Его мертвая поверхность таит свои ужасы под жемчужным ночным узором. Радиоактивная почва превратилась в море радужно-голубого блеска, разливаясь обширными полями на местах, где когда-то падали атомные бомбы за поколение до того, как была создана защита из силовых полей.

После создания этой защиты ядерное самоубийство стало уже невозможным.

Много часов зрители не отрывают взглядов от Земли, пока она наконец не превратится в яркую половину маленькой монеты на бесконечно черном фоне.

Среди зрителей был и Байрон Фаррил. Он сидел в переднем ряду, сжимая руками поручни. Взгляд его был печален и задумчив.

Не так он собирался покинуть Землю. Не таким способом, не на таком корабле, не в том направлении.

Загорелой рукой потер он щетину на подбородке, нехорошо, не успел утром побриться. Скоро он пойдет в свою каюту и исправит ошибку. Но пока уходить не хотелось. Тут люди. А в каюте он будет один.

Но поэтому ли он не хотел уходить?

Ему не нравилось новое чувство, которое он испытал, — чувство преследуемого, одинокого.

Дружба, которой он был окружен раньше, отхлынула от него в тот момент, когда он проснулся от телефонного звонка сутки назад.

Даже в общежитии он стал помехой.

Старый Эсбак набросился на него, когда он вернулся после разговора с Джонти. Эсбак был встревожен, голос его звучал резко.

— Мистер Фаррил, я искал вас. Какое неприятное происшествие! Я не понимаю, как это случилось. У вас есть какие-либо объяснения?

— Нет! — почти выкрикнул Байрон. — Когда я смогу войти в свою комнату и забрать свои вещи?

— Утром, я думаю. Мы только что доставили оборудование для проверки комнаты. И больше в

ней нет радиоактивности, кроме обычного уровня. Для вас все кончилось очень хорошо. Должно быть, не хватило нескольких минут.

— Да, но если вы не возражаете, я хотел бы отдохнуть.

— Пожалуйста. До утра пользуйтесь моей комнатой, а потом мы переместим вас на оставшиеся несколько дней. Кстати, мистер Фаррил, еще одно… — он был чрезвычайно вежлив.

— Что еще? — устало спросил Байрон.

— Кто бы мог так подшутить над вами?

— Так подшутить? Конечно, никто.

— Каковы же тогда ваши планы? Администрация была бы, конечно, крайне огорчена, если бы этот инцидент был предан гласности.

Он называет случившееся «инцидентом». Байрон сухо сказал:

— Я понимаю вас. Не беспокойтесь, я не хочу, чтобы это дело расследовала полиция. Я скоро покидаю Землю, и пока мои планы не нарушены. Никого не собираюсь обвинять. В конце концов, я жив.

Эсбак явно испытывал облегчение. От Байрона больше ничего не хотели. Всем хотелось представить ночное происшествие как случайный инцидент, который должен быть забыт.

В семь утра он снова был в своей старой комнате. Все было тихо, не слышалось щелканья в шкафу. Бомбы здесь больше не было, не было и счетчика. Должно быть, Эсбак унес его и бросил в озеро. Бомбу должны были где-нибудь обезвредить, но это уже забота администрации.

Байрон сложил вещи в чемодан и попросил другую комнату. Он заметил, что свет снова горит, визиофон тоже, конечно, действует. О ночном происшествии напоминала только согнутая дверь с расплавленным замком.

Ему дали другую комнату. Здесь труднее будет подслушивать. По фону в вестибюле он вызвал воздушное такси. Он не думал, что кто-нибудь увидит его. Пусть гадают о его таинственном исчезновении, сколько хотят.

В космопорте он на мгновение увидел Джонти. Они встретились взглядами. Джонти ничего не сказал, не подал вида, что они знакомы, но когда они разошлись, в руке у Байрона оказался маленький черный шарик — личная капсула и билет до Родии.

Первым делом Байрон занялся капсулой. Она не была закрыта, позже он прочел в своей комнате послание. Простая инструкция с минимумом слов.

Некоторое время Байрон думал о Сандере Джонти, глядя, как уменьшается в смотровом иллюминаторе Земля. Он знал Джонти очень поверхностно, пока тот не ворвался в его жизнь, сначала спас его, а потом послал в неизвестное. Байрон знал его по имени, кивал, встречая где-нибудь, обменивался незначительными вежливыми словами и фразами, когда им случалось разговаривать. Но это все. Ему не нравился этот человек, не нравилась его холодность, его манерность и щегольство.

Но все это не имело отношения к случившемуся.

Байрон пригладил свои коротко подстриженные волосы и вздохнул. Теперь ему даже не хватало присутствия Джонти. Тот был по крайней мере хозяином событий. Он знал, что нужно делать, знал, что делать Байрону, и заставил его это делать.

И вот Байрон один теперь и чувствует себя очень юным, лишенным друзей, беспомощным и почти испуганным.

И все это время он упорно избегал мыслей об отце. Мысли не помогут.

— Мистер Мелейн.

Имя повторили два-три раза, затем Байрон

вздрогнул от вежливого соприкосновения к плечу и поднял голову.

Робот-посланник повторил:

— Мистер Мелейн.

Несколько минут Байрон тупо смотрел на него, пока не вспомнил, что таково его новое имя. Оно было написано карандашом на билете, который дал ему Джонти. На это имя ему была оставлена каюта.

— Да? Я Мелейн.

Голос посланца слегка свистел, пока катушка пленки сматывалась, излагая послание.

— Я должен сообщить вам, что ваша каюта изменена и ваш багаж уже перемещен. Если хотите видеть эконома, он даст вам ключ. Мы надеемся, что вам там будет удобно.

— Что?

Байрон повернулся в кресле, и несколько его соседей, следивших за Землей, оглянулись на него.

— Почему это?

Конечно, бесполезно спорить с машиной, которая лишь исполняет свои функции. Посланец вежливо склонил металлическую голову, не меняя выражения, отдаленно напоминавшее человеческое заикание, и ушел.

Байрон отвернулся от иллюминатора и, на-

правляясь к корабельному офицеру, сердито хлопнул дверью.

— Послушайте, я хочу видеть капитана.

Офицер не удивился.

— Это важно, сэр?

— Важно, как космос. Я узнал, что без моего разрешения мне сменили каюту, и хотел бы выяснить, что это значит.

Байрон понимал, что его гнев не разумен, но уж слишком много у него накопилось эмоций. Его чуть не убили, он вынужден был покинуть Землю, как скрывающийся преступник. Сейчас он движется неизвестно куда и неизвестно зачем. А теперь его еще гоняют по кораблю.

В то же время у него было неприятное чувство, что Джонти на его месте действовал бы иначе, может быть, более мудро. Ну что ж, он не Джонти.

Офицер сказал:

— Я вызову распорядителя.

— Мне нужен капитан, — настаивал Байрон.

— Как вам угодно.

После коротких переговоров через корабельный коммутатор он сказал:

— Вас вызовут. Пожалуйста, подождите.

Капитан Хирм Корделл, низенький плотный человек, вежливо встал и, наклонившись через

стол, пожал руку вошедшему Байрону.

— Мистер Мелейн, — сказал он, — мне жаль, что мы вас побеспокоили.

У него было прямоугольное лицо, серые волосы, короткие ухоженные усы чуть более темного цвета и кривая улыбка.

— Мне тоже жаль, — подхватил Байрон. — Для меня заказана каюта, и я считаю, сэр, что даже вы не можете сменить ее без моего разрешения.

— Разумеется, мистер Мелейн. Но, понимаете, случай очень срочный. В последнюю минуту прибыл очень важный пассажир, и он настаивал, чтобы ему предоставили каюту ближе к центру тяжести корабля. У него сердечный приступ, и важно было, чтобы у него был как можно меньший уровень гравитации. У нас не было выбора.

— Хорошо. Но почему переместили именно меня?

— Кто-то должен быть перемещен. Вы путешествуете один, вы молоды. Нам казалось, что вы без труда перенесете несколько большее тяготение.

Его взгляд автоматически скользил по шестифутовой мускулистой фигуре Байрона.

— К тому же, ваша новая каюта гораздо удобнее. Вы ничего не потеряли при обмене. Совсем ничего.

Капитан вышел из-за стола.

— Позвольте я вам лично покажу ваше новое помещение.

Дальше сопротивляться было трудно.

Все казалось таким разумным. И все же Байрон чувствовал, что здесь что-то не так.

Выходя из каюты, капитан спросил:

— Не окажете ли честь пообедать за моим столом завтра вечером? На это время назначен наш первый прыжок.

Байрон услышал свой ответ:

— Спасибо. Обязательно.

Приглашение показалось ему странным. Конечно, капитан старается успокоить его, но он явно выбрал слишком сильное средство.

Капитанский стол занимал всю внешнюю стену салона. Байрона посадили близко к середине. Слишком почетное место. И все же именно здесь лежала карточка с его именем. Стюард был прав: никакой ошибки.

Байрон никогда не был слишком застенчивым.

Для сына Ранчера с Вайдемоса в этом не было необходимости. Но как Байрон Мелейн он был обыкновенным человеком, а обычным людям застенчивость более присуща.

В одном капитан оказался прав: его новая

каюта оказалась гораздо удобнее. Прежняя, соответствующая билету, была однокомнатной, второго класса. Новая, двухкомнатная, первого класса. В ней оказалась ванная с душем и прибор для сушки горячим воздухом.

Каюта находилась рядом с помещениями офицеров, и Байрон постоянно видел людей в мундирах. Ленч принесли ему в каюту на серебряном подносе. Конечно, этого всего можно ожидать, когда путешествуешь в каюте первого класса роскошного космического лайнера, но для Байрона Мелейна это слишком.

К тому времени, когда появился парикмахер, Байрон едва успел вернуться с прогулки. Он двигался сознательно запутанным маршрутом, и всюду ему встречались члены экипажа, вежливые, слегка навязчивые. Он с трудом добрался до своей прежней каюты 140 Д.

Байрон остановился, чтобы зажечь сигарету. Единственный пассажир свернул в коридор. Байрон слегка коснулся сигнального огня: ответа не было.

Что ж, ключ от каюты у него еще не отобрали. Недосмотр, конечно. Он вложил тонкий продолговатый пруток в скважину, структура поверхности ключа привела в действие фотореле.

Дверь открылась, и он сделал шаг внутрь.

Больше не понадобилось. Байрон вышел, дверь автоматически закрылась за ним.

Кое-что он узнал. Его прежняя каюта не была занята ни важным пассажиром с больным сердцем, ни кем-нибудь иным: слишком аккуратно заправлена постель, никаких чемоданов, туалетных принадлежностей, никаких признаков обитаемости.

Итак, окружающая его роскошь преследовала только одну цель: предотвратить дальнейшие его действия, направленные на возвращение каюты. Кто-то хочет, чтобы он спокойно сидел в своей новой роскошной каюте. Почему? Хочется знать, заинтересован ли этот кто-то в каюте или в нем самом.

И вот он сидит за капитанским столом, а ни на один вопрос еще нет ответа. Байрон вместе со всеми вежливо встал, когда появился капитан, поднялся на помост, где стоял стол, занял свое место.

Почему же его переселили? — этот вопрос не оставлял Байрона.

На корабле звучала музыка; переборка, которая отделяла салон от смотрового помещения, была убрана. Горел неяркий оранжево-красный свет.

Последствия космической болезни, возникающие при переходе от ускорения к низкой гравитации, миновали. Салон был полон.

Капитан слегка наклонился и сказал, обращаясь к Байрону:

— Добрый вечер, мистер Мелейн, как вам понравилась ваша новая каюта?

— Слишком хороша, сэр. Немного роскошно для моего образа жизни.

Он ответил равнодушно, и ему показалось, что на лице капитана промелькнуло выражение испуга.

Во время десерта непрозрачный покров смотрового колпака соскользнул, свет почти погас. На большом темном экране не было видно ни солнца, ни Земли, ни других планет. Они смотрели на Млечный Путь, который образовывал яркий диагональный след среди ярких звезд.

Гул разговоров тут же стих. Сидевшие за столом задвигали стулья, все хотели получше увидеть звезды.

Обедающие превратились в зрителей, музыка звучала приглушенно.

Голос в усилителе звучал четко и спокойно:

— Леди и джентльмены! Мы готовы к нашему первому прыжку. Я думаю, большинство из вас

знает, хотя бы теоретически, что такое прыжок. Но многие, вероятно, больше половины, никогда не испытывали его. К этим последним я обращаюсь в особенности. Прыжок есть именно то, что значит это слово. В структуре пространства-времени невозможно двигаться быстрее скорости света. Это закон природы, впервые открытый древним ученым, возможно, Эйнштейном. Но, впрочем, ему приписывают слишком много открытий. Но и при полете со скоростью света потребуются многие годы, чтобы достичь даже ближайших звезд. Поэтому приходится покидать структуру пространства-времени и вторгаться в мало известное царство гиперпространства, где время и расстояние не имеют смысла. Все равно, что перебраться по узкому перешейку из одного океана в другой.

Оставаясь в море, приходится обогнуть весь континент, чтобы вторгнуться в «пространство внутри пространства», как его называют некоторые, требуется огромное количество энергии. Необходимо также проделать сложные вычисления, чтобы выйти в обычное пространство в нужном месте.

В результате применения этой энергии и разума невообразимые расстояния преодолеваются

в нулевое время. Только «прыжок» сделал возможными межзвездные путешествия. Прыжок, который нам предстоит, произойдет через 10 минут. Вас предупредят. Вас ожидает мгновенное легкое неудобство. Я надеюсь поэтому, что вы сохраните спокойствие.

Свет погас, остались только звезды.

Казалось, прошла вечность, прежде чем послышалось резкое объявление:

— Прыжок через минуту.

Тот же голос продолжал отсчет секунд:

— пятьдесят… сорок… тридцать… двадцать… десять… пять… три, два, один.

Как будто мгновенно прервалось существование, все ощутили толчок, пронзивший тело до мозга костей.

В неизмеримо малую долю секунды пролетело сто световых лет, и корабль, находившийся на окраине Солнечной системы, оказался в глубине межзвездного пространства.

Кто-то рядом с Байроном потрясенно сказал:

— Посмотрите на звезды!

Вся комната наполнилась шепотом:

— Звезды! Смотрите!

В ту же ничтожную долю секунды картина звездного неба совершенно изменилась.

Центр огромной Галактики протяженностью свыше тридцати световых лет от одного края до другого был теперь ближе, количество звезд увеличилось. Они раскинулись блестящим порошком по черному бархату пустоты. На этом фоне выделялись отдельные яркие звезды.

Байрон невольно вспомнил начало стихотворения, написанного им самим в сентиментальном девятнадцатилетнем возрасте по случаю своего первого космического перелета.

Он тогда впервые улетел на Землю, которую теперь покидал. Его губы молча шевелились, повторяя полузабытые строки.

Звезды, как пыль, окружили меня,
Зыбким туманным светом;
В пространстве, полном огня,
Плавно кружат планеты.

Зажегся свет, и мысли Байрона вернулись из космоса так же внезапно, как и ушли в него. Он снова в салоне космического лайнера, обед приближается к концу, гул разговоров снова достиг обычного уровня.

Он взглянул на свои часы, отвел взгляд, потом очень медленно снова посмотрел на циферблат. Долгую минуту смотрел он на него. Часы он

оставил прошлой ночью в спальне. Они выдержали убийственную радиацию бомбы, а утром он забрал их вместе с другими своими вещами. Сколько раз он смотрел на них с тех пор, сколько раз мысленно отмечал время, не обращая внимания на другую информацию, которую давал прибор.

Пластиковая полоска оставалась белой, а не синей. Она была белой!

События той ночи и последовавшие за ними события заняли место в его сознании. Удивительно, как один факт может все поставить на место.

Байрон резко встал, пробормотав:

— Простите.

Конечно, уходя раньше капитана, он нарушал приличия, но теперь для него это не имело значения.

Он торопился в свою каюту, сбегая по лестнице и не дожидаясь медлительного лифта. Закрывшись, он быстро осмотрел ванную и встроенные шкафы. Найти что-нибудь он не надеялся. То, что здесь сделали, было завершено много часов назад.

Осторожно и внимательно Байрон просмотрел свой багаж. Те, кто в нем копался, работали тщательно. Все было на месте — документы, пачки

отцовских писем и рекомендация Хинрику.

Вот почему они переселили его. Ни старая каюта, ни новая не интересовали их. Только сам процесс переселения. Около часа у них была возможность заниматься его багажом. В этом и заключалась их цель.

Байрон сел на кровать и задумался. Ловушка захлопнулась. Все было рассчитано.

Если бы он не оставил часы в спальне, то теперь и не подозревал бы, что сеть тиранитов захватила его в космосе.

Негромко прозвучал дверной сигнал.

— Войдите.

Стюард вежливо сказал:

— Капитан спрашивает, не нужно ли вам чего. Вы как будто заболели, уходя от стола.

— Я здоров!

Как за ним следят! Байрон понял, что спасения нет, что корабль, бережно, но неуклонно несет его к смерти.

Глава 4
Свобода?

Сандер Джонти холодно смотрел на собеседника.

— Вы говорите, он исчез?

Ризетт провел рукой по своему красному лицу.

— Что-то исчезло. Не знаю, что именно. Возможно, документ, который мы разыскиваем. Мы знаем о нем только, что он датируется периодом от 15-го до 21-го столетия первобытного земного календаря и что он опасен.

— Есть основания считать, что исчез именно этот документ?

— Только косвенные. Исчезнувший документ тщательно охранялся земным правительством.

— Это не следует принимать в расчет. Земляне с благоговением хранят любой документ, относящийся к догалактическому прошлому. Таково их отвратительное поклонение традициям.

— Но этот документ украден, а земляне не объявили об этом. Зачем охранять пустой ящик?

— Допускаю, что они предпочтут заняться именно этим, но не решатся сообщить о пропаже

священной реликвии. Не могу, однако, вообразить, что юный Фаррил украл документ. Мне казалось, что вы за ним тщательно следили…

Собеседник улыбнулся.

— У него нет документа.

— Откуда вы знаете?

Агент Джонти выложил свой главный козырь.

— Потому что документ исчез двадцать лет назад.

— Что?

— Его с тех пор не видели.

— Не может быть. Меньше чем шесть месяцев назад Ранчер узнал о его существовании.

— Значит, кто-то опередил его на девятнадцать с половиной лет.

Джонти задумался, потом сказал:

— Теперь это неважно.

— Почему?

— Потому что я на Земле уже много месяцев. До прибытия легче было поверить, что на этой планете скрывается какая-то важная информация. Но теперь подумайте. Когда Земля была единственной населенной планетой в Галактике, она была примитивно вооружена. Единственное оружие, достойное упоминания, — грубая и неэффективная атомная бомба, от которой даже не

была изобретена защита.

Джонти указал рукой на горизонт, синевший смертельной радиацией, затем продолжал:

— Будучи временным резидентом на Земле, я занимался этим. Трудно вообразить, что можно узнать что-либо ценное от общества, стоящего на таком низком технологическом уровне. Конечно, можно ценить, что там существуют забытые искусства и науки. Всегда находятся люди, возводящие примитивизм в культ и делающие всякие вздорные утверждения о доисторическом прошлом Земли.

Ризетт сказал:

— Но Ранчер был мудрым человеком. И он определенно заявил, что это самый опасный из известных ему документов. Вы помните его слова: «Дело касается гибели и для тиранитов, и для нас тоже, одновременно угрожает жизни всей Галактики».

— Ранчер, подобно всем человеческим существам, мог ошибаться.

— Подумайте, сэр, мы ведь не имеем понятия о содержании документа. Возможно, это какие-то никогда не публиковавшиеся лабораторные записи. Может быть, запись об оружии, которое земляне никогда не считали оружием — нечто

внешне не похожее на оружие.

— Ерунда. Вы военный человек и должны знать, что если существует наука, которой люди занимаются с неизменным успехом, то это военная технология. Ни одно потенциальное оружие не может оставаться нереализованным в течение десяти тысяч лет. Я считаю, Ризетт, что нам пора возвращаться в Лигейн.

Ризетт пожал плечами. Он не был удовлетворен.

Но не был удовлетворен и Джонти. Документ украден, значит, он важен. Его стоило красть! Теперь он может быть в любом месте Галактики.

Он подумал, что документ может быть у тиранитов. Ранчер что-то скрывал, даже Джонти он не доверял полностью.

Ранчер лишь сказал, что документ несет смерть. Это обоюдоострое оружие. Услышав это, Джонти плотно сжал губы. Глупец, и намеки его идиотские! И теперь он сам во власти тиранитов.

Что, если человек типа Аратапа сейчас владеет этой тайной? Аратап! Теперь, после устранения Ранчера, Аратап непредсказуем. Это самый опасный из всех тиранитов.

Саймок Аратап был низкорослым, узкоглазым, слегка кривоногим. У него была обычная для

тиранитов приземистая фигура с толстыми руками и ногами. Однако хотя он часто видел перед собой очень больших и мускулистых существ из подчиненных миров, Аратап был абсолютно уверен в своей неотразимости. Он был наследником (во втором поколении) тех, кто оставил свой ветреный неплодородный мир и пронесся через пустоту, чтобы захватить и поработить богатые и густонаселенные планеты в районе Туманности.

Отец Аратапа командовал флотилией маленьких быстрых кораблей, которые нападали и исчезали, потом нападали снова и превращали в металлолом противостоящие им огромные корабли.

Миры Туманности воевали по-старому, а тираниты изобрели новый способ. Когда огромные сверкающие корабли противостоящих флотов пытались начать сражение, они лишь зря тратили энергию, встречая пустоту.

Тираниты, рассчитывая не только на мощь, но также и на скорость и согласованность действий, одно за другим подчиняли королевства, каждое из которых ждало (чуть ли не радуясь неприятностям соседей), считая себя в безопасности за стальными укреплениями, пока не наступала его очередь.

Но эти войны происходили пятьдесят лет назад. Теперь район Туманности превратился в сатрапию, где хозяйничали лишь оккупанты да сборщики налогов.

«Раньше нам предстояло завоевывать целые миры, — устало думал Аратап, — теперь можем помериться силами лишь с единственным человеком».

Он взглянул на стоящего перед ним молодого человека. Высокий, широкоплечий, энергичное лицо, коротко остриженные волосы. Аратап даже несколько жалел его.

Молодой человек был явно испуган.

Байрон не назвал бы свое чувство страхом. Если бы его попросили определить его внутреннее состояние, он сказал бы о нем — «напряжение». С малых лет он знал, что тираниты — господа. Его отец, сильный и властный человек, беспрекословно правивший своим государством, всюду встречаемый с почтением, замолкал и становился чуть ли не униженным в их присутствии.

Тираниты изредка наносили в Вайдемос визиты по вопросам, касающимся взимания ежегодной дани. Ранчер Вайдемоса был ответственен за сбор и распределение налогов на планете Нефелос, и тираниты время от времени проверяли его

конторские книги.

Ранчер всегда сам встречал их маленькие корабли. Посланцы тиранитов сидели во время парадных обедов во главе стола, им подавали в первую очередь. Когда они говорили, все мгновенно замолкали.

Ребенком Байрон удивлялся, почему с такими маленькими уродливыми людьми обращаются так почтительно, но, повзрослев, он узнал, что для его отца они то же самое, что отец для стада коров. Он даже сам научился говорить с ними негромко и обращаться к ним не иначе, как «ваше превосходительство».

Он так хорошо научился этому, что теперь, стоя перед одним из повелителей, перед тиранитом, чувствовал, как дрожат его поджилки.

Корабль, который он считал своей тюрьмой, стал таковой официально в день прибытия на Родию. Позвонили в каюту и вошли два крепких члена экипажа и встали у двери. Капитан, вошедший вслед за ними, сказал ровным голосом:

— Байрон Фаррил, властью, данной мне как капитану этого корабля, я подвергаю вас аресту. Вас будет допрашивать наместник великого короля.

Наместником оказался маленький тиранит, сидевший теперь перед ним с отвлеченно равно-

душным выражением лица. А великий король — это Кхан Тиранитский, который все еще живет в легендарном каменном дворце на родной планете тиранитов.

Байрон украдкой оглянулся. Его никак физически не ограничили, но его окружали четыре охранника в серо-голубых мундирах тиранитской внутренней полиции. Они были вооружены. Пятый, со знаком различия майора, сидел рядом с наместником, за его столом.

Впервые за все время заговорил наместник. Голос его звучал тонко, визгливо:

— Как вы, вероятно, знаете, прежний Ранчер Вайдемоса, ваш отец, казнен за измену.

Его выцветшие глаза были устремлены на Байрона. Выражение их казалось мягким, бесстрастным.

Байрон стоял неподвижно. Его беспокоило, что он ничего не может сделать. Хорошо бы закричать, броситься на них, но от этого отец не воскреснет. Он думал, что тиранит начал с такого утверждения потому, что хотел сразу сломать его, заставить выдать себя. Что ж, посмотрим.

Он ровно сказал:

— Я Байрон Мелейн с Земли. Если вы сомневаетесь в моей личности, я хотел бы связаться с

земным консулом.

— Да, конечно, но у нас сейчас неформальное расследование. Вы говорите, что вы Байрон Мелейн с Земли. Однако вот здесь письма, адресованные Вайдемосом сыну.

Аратап указал на бумаги перед собой.

— Вот квитанция регистрации в колледже, вот входной билет — все на имя Байрона Фаррила. Их обнаружили в вашем багаже.

Байрон чувствовал отчаяние, но не показывал его.

— Мой багаж обыскан незаконно, и я отказываюсь признать ваши доказательства.

— Мы не на суде, мистер Фаррил или Мелейн. Как вы объясните эти документы?

— Если их обнаружили в моем багаже, то значит, их туда и подложили.

Наместник принял это объяснение, и Байрон удивился. Объяснение такое непрочное, наивное. Но наместник не сделал никаких замечаний, лишь указал пальцем на капсулу.

— А эта рекомендация Директору Родии тоже не ваша?

— Как раз моя.

Байрон подготовил ответ.

В рекомендации его имя не упоминалось. Он

сказал:

— Существует заговор против Директора.

Он замолчал. Теперь, когда он высказал заранее подготовленный ответ, он показался ему самому неубедительным. Сейчас наместник цинично улыбнется. Но Аратап не улыбнулся, он слегка вздохнул, привычным быстрым движением извлек контактные линзы из глаз и осторожно положил их в стакан с солевым раствором, который стоял перед ним на столе. Его обнаженные глазные яблоки слегка слезились. Выражение мягкости и незаинтересованности исчезло из них.

— И вы знаете об этом на Земле, в пятистах световых лет отсюда? — спросил он. — Наша полиция здесь, на Родии, ничего такого не слышала.

— Полиция здесь, а заговор задуман на Земле.

— Понятно. Вы их агент? Или вы хотите предупредить Хинрика об опасности?

— Последнее, конечно.

— Да? И почему вы хотите его предупредить?

— Я надеюсь на значительное вознаграждение.

Аратап улыбнулся.

— Это по крайней мере звучит правдиво и

придает определенную ясность вашим прежним утверждениям. Каковы же подробности заговора?

— Их я сообщу только Директору.

Мгновенное колебание, затем пожатие плечами.

— Хорошо. Тираниты не вмешиваются в местную политику. Мы организуем вам встречу с Директором и тем внесем вклад в обеспечение его безопасности. Мои люди задержат вас, пока не будет собран ваш багаж, затем вы будете свободны. Уведите его.

Последние слова были обращены к вооруженным стражникам, которые вывели Байрона. Аратап вставил на место контактные линзы и снова приобрел выражение отвлеченности и незаинтересованности.

Он сказал оставшемуся в комнате майору:

— С юного Фаррила не спускать глаз.

Офицер коротко кивнул.

— Конечно. На мгновение я подумал, что вы поверили ему. На мой взгляд, его рассказ абсолютно неубедителен.

— Да. Но это и делает его пригодным для наших целей. Всеми этими сонными глупцами, насмотревшимися телевизионных историй о

межзвездных интригах, легко управлять. Конечно, он сын экс-Ранчера.

Теперь заколебался майор.

— Вы уверены? У нас против него лишь подозрение.

— Вы хотите сказать, что его личность нельзя установить точно?

— Возможно, он приманка, принесенная в жертву, чтобы отвлечь нас от подлинного Байрона Фаррила.

— Нет. Невероятно театрально. К тому же, у нас есть фотокуб.

— Кого? Этого парня?

— Сына Ранчера. Хотите взглянуть?

— Да.

Аратап поднял со стола пресс-папье. Это был простой стеклянный кубик, по три дюйма каждая сторона, черный и непрозрачный.

Аратап сказал:

— Я думал, может, понадобится предъявить ему. Это хитрая штука, майор. Уж не знаю, знакомы ли вы с ней. Изобретена недавно во внутренних мирах. Кажется, обычным фотокубом, но когда переворачиваешь, то становится совершенно непрозрачным.

Он перевернул кубик. На мгновение непрозрач-

ность замерцала, затем медленно рассеялась, как черный туман. Аратап спокойно смотрел, сложив руки на груди.

И вот кубик прояснился, и из него улыбнулось юное лицо, живое, ясное, запечатленное в момент вздоха.

— Из вещей экс-Ранчера, — заметил Аратап. — Что скажете?

— Несомненно, наш молодой человек.

— Да.

Тиранитский чиновник задумчиво разглядывал фотокуб.

— Знаете, почему бы не поместить в куб шесть фотографий? Снятых с шести точек последовательных фотографий? Они превратили бы статику в динамику, дали бы жизнь изображению. Майор, это новая форма искусства.

В его голосе прозвучал настоящий энтузиазм.

Майор презрительно промолчал, и Аратап, забыв свое артистическое настроение, резко спросил:

— Вы будете следить за Фаррилом?

— Разумеется.

— Следите и за Хинриком.

— За Хинриком?

— Конечно, в этом смысл освобождения маль-

чишки. Я хочу получить ответ на некоторые вопросы. Зачем Фаррилу видеться с Хинриком? Какая связь между ними? Покойный Ранчер не мог действовать в одиночку. За ним должно стоять хорошо организованное тайное сообщество. А мы его еще не обнаружили.

— Но Хинрик не может в нем участвовать. Ему не хватает ума, даже если бы хватило мужества.

— Согласен. Но именно как полуидиот он может послужить для них орудием. В таком случае он является слабым звеном в нашей системе. Мы должны учесть такую возможность.

Он взмахнул рукой. Майор отдал честь, повернулся и вышел.

Аратап вздохнул, задумчиво повернул в руках фотокуб, глядя, как его заполняет, как чернила, чернота.

Во времена отца этого молодого человека было проще. В завоевании планеты есть грубое величие, а теперь в осторожном маневрировании при допросе невежественного юноши требовалась простая жестокость.

И все же, считал наместник, это необходимо.

Глава 5
Слабая голова

Директорат Родии не такой древний, если сравнить его с Землей. По древности он не может сравниться даже с мирами Центавра или Сириуса. Планеты Арктура, например, были заселены свыше двухсот лет назад, когда первые космические корабли, обогнув Туманность Лошадиная Голова, обнаружили за ней несколько сотен кислородно-водяных планет.

Они тесно жались друг к другу, и это было драгоценной находкой, потому что хотя космос и кишит планетами, среди них редко встречаются такие, которые имеют химические компоненты, необходимые человеческому организму.

В Галактике около двухсот миллиардов светящихся звезд. Вокруг них — пятьсот миллиардов планет. Многие из планет имеют тяготение свыше 120 процентов земного или менее 60 процентов, и поэтому непригодны для обитания на них в течение длительного времени.

Одни планеты слишком горячи, другие слишком холодны. У некоторых ядовитая атмосфера.

Существуют атмосферы, состоящие большей частью или исключительно из неона, метана, аммиака, хлора и даже тетрахлорида кремния. У одних планет не хватает воды, а у других всю поверхность занимают океаны из двуокиси серы. На многих отсутствует углерод.

Любое из этих свойств делает планету непригодной для обитания человека. И все же существует примерно четыре миллиона планет, на которых человек может жить.

Точное число заселенных планет неизвестно. Согласно «Галактическому альманаху», основывающемуся на неточных сведениях, Родия — 1098-я планета, заселенная людьми.

Ирония состоит в том, что Тиран, откуда явился будущий завоеватель Родии, был заселен 1099-м.

Общий ход истории в районе за Туманностью удивительно характерен для любого района в период развития и расширения. В быстрой последовательности возникали планетарные республики. С развитием экономики заселялись и соседние планеты и включались в планетарное общество. Основывались маленькие «империи» и неизбежно сталкивались друг с другом.

Одно за другим планетарные сообщества, в зависимости от военных успехов, устанавливали

свою власть над другими обитаемыми районами.

Только Родия оставалась стабильной под управлением династии Хинриадов. Весьма вероятно, что на протяжении еще одного столетия возникла бы мощная Транстуманная империя, если бы не появились тираниты, проделавшие свою разрушительную работу за десять лет.

И вновь есть ирония в том, что проделали это люди с Тирана. Ведь до того, на протяжении 700 лет своего существования, Тиран едва удерживал свою ненадежную автономию из-за бедного ландшафта, который при нехватке воды представлял собой почти сплошную пустыню.

Но даже после прихода тиранитов Директорат Родии сохранился. Он даже несколько расширился.

Хинриады были популярны, поэтому их существование позволяло легче осуществлять контроль. Тиранитов не беспокоило, кто номинально правит народом, пока они аккуратно получали налоги.

Разумеется, Директора не были прежними Хинриадами. Их всегда выбирали внутри семьи, так, чтобы правителем становился самый способный. С той же целью поощрялось усыновление талант-

ливых детей.

Но теперь на выборы влияли тираниты, и, например, двадцать лет назад Хинрик, пятый носитель этого имени, был избран Директором. Для тиранитов это была наилучшая кандидатура.

Во времена своего избрания Хинрик был красив, да и теперь, когда он восседал в Совете Родии, поражала его внешность.

Его волосы слегка поседели, но усы оставались черными, как и глаза его дочери, которая в этот момент стояла перед ним. Она была всего на два дюйма ниже Директора, которому до шести футов не хватало дюйма. Темноглазая и темноволосая, она говорила с обжигающей яростью:

— Я этого не сделаю!

— Но, Арта, это неразумно, — сказал Хинрик. — Пойми, в моем положении нет выбора.

— Если бы мама была жива, она нашла бы выход.

Она топнула ногой. Полное ее имя было Артемизия — королевское имя, которое носила по крайней мере одна представительница каждого поколения.

— Да, несомненно. Будь благословенна ее душа! Какая это была мать! Иногда мне кажется, что ты ее копия, и в тебе нет от меня ничего. Но ты не

вдумывалась в его доводы?

— Которые?

— Один из них…

Он сделал неясный жест, подумал немного и сдался. Он подошел к дочери и хотел положить ей руку на плечо, но она отшатнулась, и ее алое платье зашумело в воздухе.

— Я провела с ним вечер, — горько сказала она.

— Он пытался поцеловать меня. Это отвратительно.

— Но все целуются, дорогая! Не так было во времена твоей бабушки. Поцелуи и ничего, меньше, чем ничего! Молодая кровь, Арта!

— Молодая кровь! К дьяволу! За пятнадцать лет этот ужасный маленький человек имел молодую кровь только однажды — когда ему сделали переливание. Он на четыре дюйма ниже меня, отец. Как мне показываться в обществе с пигмеем?

— Он значительный человек. Очень значительный.

— Это не добавляет ни одного дюйма к его росту. Он кривоногий, как все они, и у него пахнет изо рта.

— Пахнет изо рта?

Артемизия сморщила нос.

— Вот именно, пахнет. Неприятный запах. Он мне не понравился, и я ему об этом сказала.

Хинрик удивленно разинул рот, потом спросил хриплым полушепотом:

— Ты сказала ему об этом? Ты сказала, что высокий представитель королевского двора в Тиране может Иметь такую неприятную личную особенность?

— Конечно, имеет! Ты знаешь, у меня есть нос! Поэтому, когда он приблизился ко мне, я его оттолкнула. Восхитительно! Он упал на спину, задрав ноги!

Она показала пальцами, как задрал ноги неудачливый кавалер, но Хинрику все было не до смеха: он со стоном согнул плечи и закрыл лицо руками.

Меж пальцев жалобно взглянул на дочь.

— Что же теперь будет? Как могла ты так поступить?

— Это не принесло мне ничего хорошего. Знаешь, что он сказал? Это послужило последней каплей. Я поняла, что не вынесла бы этого человека, даже если бы он был десяти футов ростом.

— Но что же он сказал?

— Он сказал: «Ха! — Держись за что-нибудь, отец!

— Горячая девушка! Так она мне еще больше нравится». Двое слуг помогли ему встать на ноги. Больше он не пытался дышать мне в лицо.

Хинрик согнулся в кресле и уставился на Артемизию.

— Ты ведь выйдешь за него? Не нужно принимать это всерьез. Почему бы ради политической выгоды…

— Что значит «не принимать всерьез», отец? Скрестить пальцы левой руки, подписывая брачный контракт?

Хинрик выглядел смущенным.

— Конечно, нет. Что это даст? Скрещенные пальцы не отразятся на законности контракта. Ну, Арта, я удивлен твоей непонятливостью.

Артемизия вздохнула.

— Что ты имеешь в виду?

— Что я имею в виду? Ты меня совсем запутала. Я не могу заниматься делом, когда ты со мной споришь. Что я говорил?

— О моем замужестве.

— О, да. Я говорил, что ты не должна относиться к нему серьезно.

— Значит, я могу завести любовников?

Хинрик фыркнул и нахмурился.

— Арта, я воспитал тебя скромной, сдержанной

девушкой, как и твоя мать. Как ты можешь говорить такие вещи? Стыдно!

— Но разве ты не это имел в виду?

— Я не могу этого так говорить. Я мужчина и взрослый человек. А такая девушка, как ты, и вовсе так говорить не должна.

— Хорошо. Я не имела в виду любовников. Если меня вынуждают выйти замуж по политическим соображениям, я, вероятно, заведу любовников, но всему есть предел.

Она положила руки на бедра, и широкие рукава платья скользнули до загорелых плеч.

— Но что я буду делать между любовными свиданиями? Ведь он же будет моим мужем, а я этого не вынесу.

— Он стар, моя дорогая. Жизнь с ним будет недолгой.

— Недостаточно стар. Пять минут назад у него была молодая кровь. Помнишь?

Хинрик широко развел руки, потом опустил их.

— Арта, он тиранит, и весьма влиятельный. Он пользуется влиянием при дворе Кхана.

— Возможно, для Кхана он хорошо пахнет. Вероятно, Кхан сам воняет.

Рот Хинрика от ужаса принял форму буквы «о».

Он пугливо оглянулся, потом хрипло сказал:

— Никогда не повторяй этого.

— Буду, если почувствую, что он воняет. Этот человек уже имел трех жен…

Тут же Артемизия предупредила слова отца:

— Не Кхана имею в виду, а того, за кого ты хочешь меня выдать замуж.

— Но они мертвы, его жены, — объяснил отец. — Арта, они не живут. Не думай об этом. Неужели ты считаешь, что я могу выдать дочь за многоженца? Мы проверили по документам. Он женился последовательно, а не одновременно, и теперь они мертвы, совершенно мертвы, все три.

— Неудивительно.

— О, боже, что мне делать?

Он сделал последнее усилие.

— Арта, нужно платить за право быть представительницей семьи Хинриадов и дочерью Директора.

— Я не просила никого об этом.

— Такова история Галактики, Арта. Государственный интерес, безопасность планет и их народов требуют…

— Чтобы бедная девушка продавала себя?

— О, какая вульгарность! Когда-нибудь, вот увидишь, ты скажешь такое публично.

— Это на самом деле так, и я скорее умру, чем сделаю это…

Директор вскочил и протянул к ней руки.

Губы его дрожали, он молчал. Она в слезах подбежала к нему и вцепилась отчаянно.

— Я не могу, папа, не заставляй меня.

Он неуклюже похлопал ее по плечу.

— Но если ты не согласишься, что произойдет? Тираниты будут недовольны. Они сместят меня, посадят в тюрьму, может быть, даже каз…

Тут он споткнулся.

— Сейчас очень тяжелые времена, Арта. Ранчер Вайдемоса приговорен на прошлой неделе. Я думаю, он казнен. Ты помнишь его, Арта? Он был при нашем дворе полгода назад. Большой человек с круглой головой и глубоко посаженными глазами. Вначале ты его испугалась.

— Помню.

— Вероятно, он мертв. Кто знает, может, следующая очередь моя! Твой бедный, беззащитный старый отец следующий. Плохие времена. Ранчер был при нашем дворе, а это очень подозрительно.

Она отодвинулась от него.

— Почему подозрительно? Ты ведь не был связан с ним?

— Я? Конечно, нет. Но если мы открыто оскорбим Кхана Тиранитского отказом его фавориту, они могут подумать даже и об этом.

Слова Хинрика были прерваны гудением устройства связи. Он беспокойно заерзал.

— Я поговорю в своей комнате. Отдыхай. Когда поспишь, почувствуешь себя лучше. Ты просто немного устала.

Артемизия посмотрела ему вслед и нахмурилась. Лицо ее стало напряженно-задумчивым.

У входа послышались шаги. Она обернулась.

— Что?

Тон ее звучал резче, чем она хотела бы.

Лицо Хинрика было желтым от страха.

— Вызывал майор Андрос, — сказал он.

— Из внешней полиции?

Хинрик кивнул.

Артемизия воскликнула:

— Он, конечно, не…

Она замолчала, не в силах облечь ужасную мысль в слова, но напрасно ждала разъяснений.

— Какой-то молодой человек просит аудиенции. Я его не знаю. Зачем он появился здесь? Он с Земли.

Отец тяжело дышал и запинался.

Девушка подбежала к нему и схватила за руку.

— Садись, отец. Расскажи, что случилось.

Она затрясла его, и выражение страха отчасти исчезло с его лица.

— Не знаю точно, — прошептал он. — Молодой человек знает подробности заговора на мою жизнь. Они велели мне выслушать его.

Он глуповато улыбнулся.

— Меня любит народ. Никто не захочет убивать меня. Зачем?

Он слегка успокоился, когда она сказала:

— Конечно, никто не захочет убивать тебя, отец.

Он снова задрожал.

— А вдруг это они?

— Кто?

Он перешел на шепот:

— Тираниты. Ранчер Вайдемоса был здесь, и они убили его.

Голос его повысился.

— А теперь они послали кого-нибудь убить меня.

Артемизия сжала его плечо с такой силой, что Хинрик охнул.

Она сказала:

— Отец, сиди спокойно! Ни слова! Слушай меня. Никто не убьет тебя. Ты слышишь — никто.

Ранчер был здесь шесть месяцев назад. Шесть месяцев. Запомни это.

— Так давно, — прошептал Директор. — Да, так оно и есть.

— Оставайся здесь и отдохни. Ты переутомился. Я сама увижусь с молодым человеком и приведу его к тебе, если это безопасно.

— Ты, Арта? Он, надеюсь, не причинит вреда женщине.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Будь осторожна, — пробормотал он и устало закрыл глаза.

Глава 6
Тот, кто носит корону

Байрон Фаррил беспокойно ждал приема в одном из внешних зданий Дворца Земель. Впервые в жизни испытывал он унижающее чувство провинциала.

Мир Вайдемоса, где он вырос, казался ему прекрасным, и теперь память наделяла его варварским блеском. Эти резные линии, филигранная отделка, эти причудливо изогнутые башенки и сложные фальшивые окна.

Но здесь — совсем иное…

Родийский Дворец Земель был не просто глыбой хвастовства, построенной тщеславными лордами королевства. Но и не был он проявлением слабеющего и умирающего мира. Это был каменный апофеоз династий Хинриадов.

Здание возвышалось сильным и спокойным.

Линии уходили прямо и вертикально, устремляясь к центру каждого построения, но в то же время без впечатления изнеженности. В них была мощь, — возведенная до высшей точки, но зрителю не становилось ясно, как это достигает-

ся. Здания были замкнуты, самоуверенны, горды.

Вся совокупность зданий, составлявшая Центральный Дворец, была выстроена по принципу крещендо и постепенно нарастающей мощи. От здания к зданию даже небольшая искусственность мужественного родийского стиля исчезала. Не было даже «фальшивых окон», так ценимых в качестве архитектурных украшений и бесполезных для освещения и вентиляции. Только линии и плоскости, геометрическая абстракция, уводившая глаза к небу.

Тиранитский майор резко остановился.

— Сейчас вас примут, — сказал он.

Байрон кивнул, и вскоре перед ним щелкнул каблуками огромный человек в алом мундире. Байрону вдруг пришла в голову мысль, что те, кто обладает реальной властью, не нуждаются в ее внешних проявлениях и удовлетворяются тускло-голубыми мундирами. Он вспомнил великолепие жизни Ранчеров и прикусил губу при мысли о его тщетности.

— Байрон Мелейн? — спросил родийский стражник.

Байрон встал, чтобы следовать за ним.

Маленький блестящий монорельсовый вагон, подвешенный диамагнитными силами над

красновато-коричневой полоской металла. Байрон никогда не видел таких. Он задержался при входе.

Вагон, рассчитанный на пять-шесть человек, покачивался от ветра — грациозная капля, отражающая блеск великолепного солнца Родии. Единственный рельс, тонкий и больше похожий на кабель, проходил между вагоном, не касаясь его. Байрон наклонился и увидел между вагоном и рельсом полоску голубого неба. В этот момент порыв ветра приподнял вагон на целый дюйм, тот задрожал как бы в нетерпении, потом снова опустился на рельс, все ниже и ниже, но так и не коснулся его.

— Входите, — нетерпеливо сказал стражник.

Байрон по двум ступенькам поднялся в вагон.

Стражник тоже вошел, затем ступеньки беззвучно поднялись и легли на место. Между ними и стеной не осталось даже щели.

Байрон обнаружил, что внешняя непрозрачность вагона была обманчивой. Внутри он оказался как бы в прозрачном пузыре. При нажатии на кнопку вагон поднялся. Он легко скользил, разрезая воздух. На мгновенье Байрон увидел всю панораму Дворца Земель с вершины дуги.

Здания превратились в великолепное целое

(может, их и задумали для обозрения с высоты?), украшенное сверкающими медными нитями, по одной из которых несся движущийся вагон.

Байрон почувствовал, как его прижимает вперед, и вскоре вагон остановился.

Весь перелет занял менее двух минут.

Дверь перед ним открылась и снова закрылась, когда он вошел. В маленькой и пустой комнате никого не было. Наконец-то его никто не подгоняет, но и это его не успокоило. Иллюзий у него не было. С той самой проклятой ночи им двигали посторонние силы.

Джонти поместил его на корабль. Наместник-тиранит направил его сюда. Каждый последующий шаг увеличивал его отчаяние.

Байрону было очевидно, что тиранитов он не обманул. Слишком подозрительно легко ему удалось уйти. Наместник мог связаться с земным консулом, мог по гиперсвязи поговорить с Землей и узнать рисунок его сетчатки. Так что установить его подлинное имя не составляло труда.

Все это было делом обычным в работе любых спецслужб.

Он вспомнил, как Джонти прогнозировал события. Возможно, его анализ сохраняет силу. Тираниты не станут открыто убивать его, чтобы

не создавать мученика. Но Хинрик — их кукла, и он тоже способен отдать приказ о казни. А потом он сам будет убит кем-нибудь из приближенных, а тираниты останутся лишь наблюдателями.

Байрон крепко сжал кулаки. Он высок и силен, но безоружен. У людей, пришедших за ним, будут бластеры и нейронный хлыст.

Он прижался к стене.

Услышав звук прикрывающейся двери слева, Байрон быстро повернулся. Вошел человек в мундире, невооруженный. С ним была девушка.

В другое время Байрон внимательно рассмотрел бы девушку, поскольку она была достойна рассмотрения и одобрения, но в данный момент ему было не до этого.

Они приблизились и остановились в футе от него. Он не сводил взгляда с бластера стражника.

Девушка сказала стражнику:

— Я буду разговаривать с ним первой, лейтенант.

Небольшая вертикальная морщинка появилась у нее меж глаз.

— Вы обладаете сведениями о заговоре против Директора?

Байрон сказал:

— Мне говорили, что я увижусь с самим Ди-

ректором.

— Это невозможно. Если у вас есть что сказать, говорите мне. Если ваша информация правдива и ценна, вас наградят.

— Разрешите спросить, кто вы? Откуда я знаю, что вы все передадите Директору?

Девушка казалась раздраженной.

— Я его дочь, — резко сказала она. — Пожалуйста, отвечайте на мои вопросы. Вы не из Системы?

— Я с Земли.

Помолчав, Байрон добавил:

— Ваша милость.

Добавление понравилось ей.

— Где это? — спросила она.

— Маленькая планета в секторе Сириуса, ваша милость.

— Как вас зовут?

— Байрон Мелейн, ваша милость.

Она задумчиво посмотрела на него.

— С Земли? Вы можете управлять космическим кораблем?

Байрон чуть не улыбнулся. Она испытывала его. Она прекрасно знает, что космическая навигация — запретное искусство в подвластных тиранитам мирах.

Он сказал:

— Да, ваша милость.

Он мог бы доказать это на деле, если только проживет достаточно долго. Космическая навигация на Земле не запретна, а за четыре года можно изучить многое.

Она продолжала:

— Очень хорошо. Так о чем вы хотели рассказать?

Он неожиданно принял решение. Со стражником он на это не решился бы, но это девушка, и если она действительно дочь Директора, то может сослужить ему добрую службу.

— Никакого заговора нет, ваша милость, — сказал он.

Девушка удивленно вскинула брови. Потом нетерпеливо повернулась к своему спутнику.

— Займитесь им, лейтенант. Добейтесь от него правды.

Байрон сделал шаг вперед и наткнулся на холодный ствол бластера стражника. Он настойчиво сказал:

— Подождите, ваша милость. Выслушайте меня! Это был единственный способ увидеться с Директором. Разве вы не понимаете?

Вслед уходившей девушке он еще громче про-

изнес:

— Но вы, по крайней мере, скажите его превосходительству, что я Байрон Фаррил и заявляю свои священные права на убежище.

Он схватился за последнюю соломинку.

Старые феодальные обычаи начали утрачивать свои силы еще за поколение до прихода тиранитов, и теперь они выглядели архаизмом, но у него ничего другого не было, как сообщить о своем высоком происхождении.

Она остановилась и повернулась к нему лицом.

— Вы утверждаете, что принадлежите к аристократии? Только что вас звали Мелейн…

Неожиданно прозвучал новый голос:

— Так и есть, но это второе имя. Вы действительно Байрон Фаррил. Сходство несомненное.

В дверях стоял маленький улыбающийся человек. Глаза его, широко расставленные, яркие, с явным интересом рассматривали Байрона. Он запрокинул голову, разглядывая высокого Байрона, и сказал девушке:

— Разве ты не узнаешь его, Артемизия?

Артемизия торопливо подошла к этому человеку.

— Дядя Джил, что вы здесь делаете?

— Забочусь о своих интересах. Учти, что если произойдет убийство, я буду наиболее вероятным преемником на трон Хинриадов.

Джилберт подмигнул и добавил:

— Убери отсюда этого лейтенанта. Никакой опасности не существует.

Не обращая внимания на его слова, она сказала:

— Ты опять прослушивал коммуникатор?

— Да. Ты хочешь лишить меня этой забавы? Так приятно подслушивать чужие разговоры.

— Но если поймают тебя?

— Опасность составляет часть игры, моя дорогая, самую забавную ее часть. В конце концов, тираниты, не задумываясь, прослушивают Дворец. Мы не сможем ничего сделать, не зная ничего о них. Ты не представишь меня?

— Нет, — коротко ответила она. — Это не твое дело.

— Тогда я сам представлю себя. Услышав его имя, я перестал подслушивать и заторопился сюда.

Он миновал Артемизию и подошел к Байрону, осмотрел его с улыбкой и сказал:

— Это Байрон Фаррил.

— Я и сам сказал это, — ответил Байрон.

Он с опаской посматривал на лейтенанта, который по-прежнему держал бластер наготове.

— Но вы не добавили, что вы сын Ранчера Вайдемоса.

— Я сделал бы это, если бы не ваше вмешательство. Во всяком случае, вот мой рассказ: я должен был уйти от тиранитов, не выдавая им своего настоящего имени.

Байрон ждал. Если последует немедленный арест, у него еще будет шанс.

Артемизия сказала:

— Понятно. Это дело Директора. Вы уверены, что заговора нет?

— Уверен, ваша милость.

— Хорошо. Дядя Джил, побудешь с мистером Фаррилом. Лейтенант, идемте со мной.

Байрон ощутил слабость. Ему хотелось посидеть, но Джилберт, по-прежнему рассматривавший его с почти циничным интересом, не предложил этого.

— Сын Ранчера! Забавно!

Байрон взглянул на него. Он устал подыскивать осторожные и обдуманные фразы.

— Да, я сын Ранчера. Иначе говоря, Ранчер — мой отец. Чем я еще могу вас развлечь?

Джилберт не оскорбился. Улыбка его стала ши-

ре. Он проговорил:

— Вы можете удовлетворить мое любопытство? Вы действительно явились сюда в поисках убежища?

— Этот вопрос я буду обсуждать с Директором, сэр.

— Оставьте, молодой человек. Вы увидите сами, что с Директором мало что можно обсуждать. Почему бы вам не иметь дело с его дочерью? Забавная мысль, обдумайте ее.

— Вам все кажется забавным?

— Почему бы и нет? Жизнь вообще забавна. Это единственное прилагательное, которое ей полностью соответствует. Взгляните на мир, молодой человек, можете перерезать себе горло, если вы не увидите, что все в ней забавно. Слишком мало в ней хорошего, но забавного — уйма. Кстати, я не представился. Я двоюродный брат Директора.

Байрон холодно сказал:

— Примите мои поздравления.

Джилберт пожал плечами:

— Вы правы. Это не производит впечатления. Но я готов оставаться в таком положении бесконечно, так как никакого убийства пока не предвидится.

Видя, что Байрон не улыбается, Джилберт про-

должал в том же тоне:

— Молодой человек, где ваше чувство юмора? Вам нужно привыкнуть к тому, что никто не воспринимает меня всерьез. Мои замечания — лишь проявление цинизма. Вы считаете, что Директор стоит чего-либо в наши дни?

О, конечно, Хинрик не всегда был таким. Он никогда не был очень умен, но с каждым годом становится все невозможнее. Я забыл! Вы же его еще не видели! Посмотрите! Я слышу, он идет. Когда он будет говорить с вами, помните, что это правитель величайшего из Затуманных королевств. Какая забавная мысль!

Хинрик нес свое достоинство с легкостью, приобретенной многолетней практикой. Он снисходительно принял церемонный поклон Байрона, потом сказал:

— У вас дело к нам, сэр?

Артемизия стояла рядом с отцом, и Байрон с некоторым удивлением заметил, что она очень хороша собой. Он сказал:

— Ваше превосходительство, я пришел по делу своего отца, вы должны знать, что его казнь несправедлива.

Хинрик отвел взгляд в сторону.

— Я немного знал вашего отца. Он раз или два

был в Родии.

Он помолчал. Голос его слегка дрожал.

— Вы очень похожи на него. Но его судили. И в соответствии с законом, я так считаю. Но подробности мне неизвестны.

— Я хотел бы узнать эти подробности, ваше превосходительство. Я уверен, что мой отец не был предателем.

Хинрик нетерпеливо прервал его.

— Как сын, вы, конечно, должны защищать отца, но сейчас трудно обсуждать такие вопросы. Почему бы вам не увидеться с Аратапом?

— Я видел его, и он послал меня сюда. Вы понимаете, я не мог сказать тираниту…

Но Хинрик вдруг застыл и поднес руку к губам, как бы унимая дрожь. Слова его зазвучали приглушенно:

— Вы говорите, вас сюда прислал Аратап?

— Я счел необходимым сообщить ему…

— Не повторяйте того, что вы ему сказали. Я знаю. Я ничего не могу сделать для вас лично, Ранчер… мистер Фаррил. Это не только в моей юрисдикции. Исполнительный Совет… Перестань дергать меня, Арта. Как я могу заниматься делами, когда ты отвлекаешь меня? Исполнительный Совет должен быть поставлен в известность.

Да, я посоветуюсь с Исполнительным Советом. Таков закон. Очень важно. Джилберт, не позаботились бы вы о мистере Фарилле? А мне что-то нездоровится…

Он повернулся и пошел, продолжая что-то бормотать.

Артемизия задержалась, коснулась рукава Байрона.

— Минутку. Вы сказали правду, что можете управлять космическим кораблем?

— Совершенную правду.

Байрон улыбнулся. После мгновенного колебания она тоже слегка улыбнулась в ответ.

— Джилберт, — сказала она, — поговорим позже.

Она вышла. Байрон смотрел ей вслед, пока Джилберт не обратился к нему:

— Вы голодны, хотите пить, умыться? Веселей, жизнь продолжается, юноша!

— Спасибо, да, — ответил Байрон.

Он расслабился на мгновение и почувствовал себя удивительно хорошо. Она красива. Очень красива.

Но Хинрик не расслаблялся. Мысли его лихорадочно метались. Он пришел к неизбежному заключению. Это ловушка! Аратап послал его в

ловушку!

Он закрыл лицо руками. Он знал, что нужно делать.

Глава 7
Музыкант мозга

Ночь наступает в свое время на всех обитаемых планетах. Не через одинаковые интервалы, потому что известные периоды обращения колеблются от пятнадцати до пятидесяти двух часов. Это требует серьезного психологического приспособления для тех, кто путешествует от планеты к планете.

Во многих планетах такие приспособления сделаны, и периоды бодрствования и сна соответствуют данной планете. На других планетах повсеместное использование кондиционированных атмосфер и искусственного освещения делают вопрос о смене дня и ночи вторичным. На немногих планетах было принято произвольное деление на сутки, игнорирующее естественную смену света и тьмы.

Но какими бы ни были социальные условия, наступление ночи всюду имеет глубокое и постоянное психологическое значение, восходящее к древесному существованию предка человека. Ночь всегда время страха и опасности.

Внутри Центрального Дворца не наблюдалось признаков наступления ночи, но Байрон ощутил ее приход каким-то инстинктом, запрятанным в неизведанных коридорах человеческого сознания. Он представил, что снаружи чернота ночи, едва уменьшаемая искорками звезд. Он знал, что рваная «дыра в космосе», известная как Туманность Лошадиная Голова, закрывает половину звезд.

Ему не спалось. Он перебирал в голове события прошедшего дня.

После короткого разговора с Директором он не виделся с Артемизией и понял, что сожалеет об этом. Он с нетерпением ждал обеда: может, удастся поговорить с ней.

Но ему пришлось есть в одиночестве, если не считать присутствия двух стражников у дверей.

Даже Джилберт покинул его, по-видимому, чтобы пообедать в более подходящем обществе.

Поэтому, когда Джилберт вернулся и сказал: «Мы с Артемизией говорили о вас», — он увидел, как заинтересованно встрепенулся Байрон.

Это позабавило его, он так об этом и сказал.

— Вначале я хочу показать вам свою лабораторию, — заявил Джилберт.

По его сигналу стражники вышли.

— Что за лаборатория? — спросил Байрон без всякого интереса.

— Я собираю устройства, — был ответ.

Внешне это вовсе не выглядело лабораторией, скорее библиотекой с красивым столом в углу.

Байрон медленно огляделся.

— Вы здесь собираете свои устройства? — спросил Байрон. — И что это за устройства?

— Особые подслушивающие аппараты, позволяющие ловить шпионские лучи тиранитов. Они их обнаружить не могут, с их помощью я узнал и о вас, когда о вас доложили Аратапу. У меня есть и другие забавные штуки. Мой видеосонор, например. Любите музыку?

— Не всякую.

— Хорошо. Я изобрел инструмент, только не знаю, можно ли назвать его звучание музыкой.

Он коснулся полки с калго-фильмами, и она легко скользнула в сторону.

— Тут у меня довольно простенький тайник, но никто не воспринимает меня всерьез, поэтому и не ищут. Забавно, не правда ли? Но я забыл, вас ничего не забавляет.

Открылся неуклюжий прямоугольный ящик с полным отсутствием полировки, что свойственно самодельным предметам.

Одна сторона ящика была усеяна маленькими блестящими кнопочками. Джилберт поставил ящик этой стороной наружу.

— Не очень красив, — заметил Джилберт, — но разве в этом дело? Выключите свет. Нет, не ищите никаких выключателей. Просто пожелайте, чтобы свет погас. Сильнее пожелайте! Скажите мысленно: «Хочу, чтобы погас свет».

Байрон последовал его указаниям, и свет потускнел, осталось только слабое жемчужное сияние потолка. Джилберт негромко засмеялся, услышав удивленное восклицание Байрона.

— Одна из шуток моего видеосонора. Настроен на мозг, как и личные капсулы. Понимаете, что я имею в виду?

— Нет. Объясните, пожалуйста.

— Электрическое поле клеток вашего мозга воздействует на инструмент. Математически это очень просто, но насколько мне известно, никому не удавалось поместить все необходимые цепи в ящик такого размера. Обычно для этого нужно пятиэтажное здание. Инструмент действует и по-другому. Я могу переключить его прямо на ваш мозг, так что вы будете видеть и слышать без участия глаз и ушей. Следите!

Вначале следить было не за чем, потом Байрон

краем глаза уловил какое-то слабое движение. В воздухе повис голубовато-фиолетовый шар. Байрон отодвинулся, но шар тоже передвинулся. Байрон закрыл глаза, шар по-прежнему висел перед ним.

Он рос, расширялся, и Байрон вдруг понял, что он расширяется внутри его черепа.

Это был не цвет, а скорее цветной звук, хотя и без шума. Он был осязаем, но без ощущения.

Шар поворачивался и становился радужным, а сопровождающий музыкальный тон все повышался, пока шар не повис над головой, потом вдруг взорвался, цветные полосы разлетелись во все стороны, обжигая без боли.

Пузыри зелено-розового цвета разлетались с тихим мягким стоном. Байрон в смятении устремился к ним и обнаружил, что не видит и не чувствует своих рук.

Ничего не было, только пузыри, заполнявшие мозг.

Он беззвучно закричал, и фантазия кончилась. Перед ним в освещенной комнате стоял Джилберт и смеялся. У Байрона кружилась голова. Он вытер холодный пот со лба, резко сел.

— Что случилось? — напряженно спросил он.

Джилберт ответил:

— Не знаю. Я оставался вне этого. Не понимаете? Это нечто такое, в чем ваш мозг не имел предшествующего опыта. Мозг ощущал непосредственное и не имел метода интерпретации такого феномена. Он мог лишь тщетно пытаться применить старые, знакомые способы. Пытаться интерпретировать явление в зрительные, слуховые образы. Кстати, вы не ощущали запаха? У собак, я полагаю, почти все превращается в запахи. Мне хочется испытать устройство и на животных. С другой стороны, если вы попытаетесь игнорировать этот феномен, он поблекнет, что я и делаю, когда хочу наблюдать его действия на других. Это нетрудно.

Он положил маленькую, с выпуклыми венами руку на инструмент, бесцельно перебирая кнопки.

— Иногда мне кажется, что на этой штуке можно сочинять симфонии в новой манере и добиваться таких эффектов, какие невозможно постичь с одним зрением или слухом. Боюсь, что мне для этого не хватает способностей.

Байрон неожиданно сказал:

— Я хотел бы задать вам вопрос.

— Пожалуйста.

— Почему вы не обращаете свои способности

на полезное дело, вместо того, чтобы…

— Тратить их на бесполезные игрушки? Не знаю. Может, они совсем не бесполезны. Но, вы знаете, они противозаконны.

— Что именно здесь противозаконно?

— Видеосонор. И все мои подслушивающие устройства. Если бы тираниты узнали, они могли бы вынести мне смертный приговор.

— Вы, конечно, шутите?

— Вовсе нет. Вы выросли на заброшенном ранчо и, видимо, ни о чем подобном не слыхали. Кроме того, я знаю, молодежь не помнит, как строго карали за такие дела в старину.

Неожиданно он склонил голову набок, глаза его превратились в щелки. Он спросил:

— Вы против власти тиранитов? Говорите открыто. А я откровенно скажу вам, кто я и кто ваш отец.

Байрон спокойно ответил:

— Да, против.

— Почему?

— Они чужаки. Какое право они имеют распоряжаться на Нефелосе или Родии?

— Вы всегда так думали?

Байрон не ответил.

Джилберт фыркнул.

— Иными словами, вы решили, что они чужаки, после того, как они казнили вашего отца, что, кстати, было их правом. О, подождите, не вспыхивайте! Думайте! Поверьте, я на вашей стороне. Подумайте! Ваш отец был Ранчером. Какие права имели его подданные? Если один из них брал скот для себя или для продажи другим, как его наказывали? Сажали в тюрьму, как вора. Если он задумывал убить вашего отца по любой причине, может быть, вполне разумной с его точки зрения, что его ожидало? Несомненно, казнь. А какое право имел ваш отец устанавливать законы и наказывать других людей? Он был для них тираном. Ваш отец, в его понятии, да и в моих, патриот. Но что с этого? Для тиранитов он предатель, и они убрали его. Вы ведь не станете игнорировать необходимость самозащиты?

В свое время Хинриады пролили немало крови. Изучайте историю, молодой человек. Для всех правительств убийство — средство их существования. Поэтому отыщите лучшую причину для ненависти к тиранитам. Не думайте, что достаточно сменить одних правителей другими. Такая смена не принесет свободы.

Байрон ударил кулаком по ладони.

— Прекрасная философия! Особенно для чело-

века, стоящего в стороне. Но что если бы именно ваш отец был убит?

— А разве было не так? Мой отец был Директором до Хинрика. И его убили. О, не физически. Его сломили духовно, как сейчас сломили Хинрика. Мне не позволили быть Директором после смерти моего отца: мои поступки трудно предсказать. Хинрик был высок, красив, а главное — уступчив. Но, очевидно, недостаточно уступчив. Они постоянно травили его, превратили в марионетку, добиваясь того, что он даже икнуть не может без их позволения. Вы его видели. Он с каждым месяцем вырождается, постоянно дрожит от страха. Но это… все это — вовсе не причина, почему я хочу уничтожить правление тиранитов.

— Нет? Вы нашли новую причину?

— Очень старую. Тираниты уничтожили право двадцати миллиардов человеческих существ принимать участие в развитии расы. Вы учились в школе, изучали экономические циклы. Скажем, заселяется новая планета…

Он начал перечислять пункты по пальцам:

— Первая забота новоселов — прокормиться. Планета становится сельскохозяйственной, скотоводческой, начинают раскапываться недра, добываться сырье на экспорт, идут на продажу из-

лишки сельскохозяйственной продукции, чтобы закупать предметы роскоши и механизмы. Таков второй шаг новой цивилизации. Далее — по мере роста населения и увеличения иностранных инвестиций расцветает индустрия: это — третья ступень. Постепенно планета становится механизированной, она ввозит пищу, экспортирует уже сама технику, инвестирует развитие более примитивных планет. Это четвертый этап. Механизированные миры всегда наиболее густо населены, милитаризованы, сильны и окружены кольцом зависимых от них планет, производящих в основном продукты сельского хозяйства.

— На каком же вы этапе?

— Мы находимся на третьем этапе — роста индустриализации. Но теперь рост остановился, застыл, принужден был отступить. Это связано с контролем тиранитов над нашей индустрией. Мы постепенно обеднеем и перестанем приносить прибыль. Но пока они снимают сливки. К тому же, продолжая индустриализацию, мы могли бы создать мощное оружие, но теперь, по существу, беззащитны. Поэтому вы удивились, когда я сказал, что могу быть казнен за создание видеосонора. Конечно, когда-нибудь мы побьем тиранитов. Это неизбежно. Они не могут

править вечно. Они разленятся, станут мягче. Начнутся смешанные браки, утратятся их особые традиции. Но на это могут уйти столетия, потому что история не торопится. И когда минуют эти столетия, мы по-прежнему будем сельскохозяйственным миром без промышленности, без науки, а наши соседи со всех сторон, те, что находятся под контролем тиранитов, будут сильными и передовыми.

Королевства, подобные нашему, навсегда останутся отсталыми полуколониями. Они никогда не поднимутся, и мы будем лишь наблюдателями в великой драме развития человечества.

Байрон сказал:

— То, что вы говорите, отчасти знакомо мне.

— Естественно, вы ведь учились на Земле. Земля занимает совершенно особую позицию в социальном развитии.

— В самом деле?

— Подумайте. Со времен открытия межзвездных постов Галактика находится в состоянии расширения. Мы всегда были растущим обществом, и поэтому обществом незрелым. И очевидно, что человеческое общество достигло зрелости только в одном месте и только однажды, а именно: на Земле перед самой ее катастрофой. Здесь

было общество, временно утратившее возможности географического расширения и поэтому встретившееся с проблемами перенаселения, истощения ресурсов и так далее — проблемами, с которыми не сталкивались ни в одной части Галактики. Люди вынуждены были внимательно изучать социальные науки. В молодости Хинрик был поклонником наук. У него была библиотека, не имеющая равных во всей Галактике. Но став Директором, он выбросил ее за борт со всем остальным. Но я некоторым образом унаследовал лучшую ее часть. Земная литература — уцелевшие ее фрагменты — очаровательна. Ничего подобного нет в нашей галактической цивилизации.

Байрон сказал:

— Вы меня обрадовали. Вы говорили серьезно так долго, что я уже подумал, что вы утратили свое чувство юмора.

Джилберт пожал плечами.

— Я отдыхаю от юмора. Это удивительно. Впервые за целый месяц. Вы знаете, каково играть роль? Притворяться двадцать четыре часа в сутки, даже с друзьями, даже в одиночестве. Быть дилетантом? Вечно забавляться? Дурачиться? Казаться таким слабым, чтобы все убедились в

твоей безвредности? И все для сохранения жизни, которая вряд ли того стоит. Но пока таким способом я могу бороться с ними.

Он поднял голову. Голос его зазвучал почти умоляюще.

— Вы можете управлять кораблем. Я же не могу. О, разве это не странно? Вы говорите о моих научных способностях, а я не могу справиться с простой атмосферной космической шлюпкой. Но вы можете, а следовательно, должны покинуть Родию.

Байрон нахмурился.

— Почему?

Джилберт быстро продолжал:

— Мы с Артемизией разговаривали о вас и все организовали. Выйдите отсюда, идите прямо к ее комнате. Она вас ждет. Я нарисовал вам план, чтобы вы не заблудились в коридорах и никого не расспрашивали.

Он протянул Байрону маленький листок металлина.

— Если кто-нибудь вас остановит, скажите, что вас вызвал Директор, и идите дальше. Если вы будете действовать уверенно, все сойдет…

— Подождите, — сказал Байрон.

Он не собирался продолжать в том же духе.

Джонти послал его на Родию, в руки тиранитов. Тиранитский наместник послал его в Центральный Дворец и этим подверг непредсказуемым капризам неустойчивой марионетки. Но все! Отныне его ходы могут быть ограниченными, но, во имя космоса и времени, это будут его собственные ходы!

Он сказал:

— Я здесь по важному делу, сэр, и не собираюсь улетать.

— Подождите! Не будьте юным глупцом.

На мгновение показался прежний Джилберт.

— Вы думаете чего-нибудь добиться здесь? Надеетесь выйти из Дворца живым, если дождетесь утреннего солнца? Хинрик свяжется с тиранитами, и вы круглые сутки будете в заключении. Ему нужно лишь подождать немного, пока он примет решение. Я хорошо знаю его.

Байрон сказал:

— А если и так, при чем тут вы? Почему вы так заботитесь обо мне?

Нет, его не смогут больше подгонять. Он больше никогда не будет марионеткой в чужих руках.

Но Джилберт стоял, умоляюще глядя на него.

— Я хочу, чтобы вы взяли меня с собой. Я позабочусь о себе. Больше не могу выдержать. Лишь

потому, что ни я, ни Артемизия не можем управлять кораблем, мы еще здесь. Дело идет о наших жизнях.

Байрон почувствовал, что его решимость слабеет.

— Дочь Директора? А какое она имеет к этому отношение?

— Она в еще более отчаянном положении. У женщин здесь особо тяжелая доля. Что ждет юную, привлекательную и незамужнюю дочь Директора, когда она станет невестой? И кто в наши дни станет ее желанным женихом? Старый распутный тиранийский придворный, похоронивший трех жен и желающий возобновить свою юность в объятиях девушки.

— Директор этого никогда не допустит!

— Директор допустит все что угодно, и никто не ждет его разрешения!

Байрон вспомнил, как видел Артемизию в последний раз. Волосы ее были убраны со лба и падали прямыми волнами на плечи. Чистая гладкая кожа, черные глаза, алые губы. Высокая, юная, улыбающаяся!

Но таково описание сотен миллионов девушек во всей Галактике. Невероятно, чтобы это поколебало его решимость.

Однако он спросил:

— Корабль готов?

Лицо Джилберта просияло. Но прежде чем он смог произнести слово, послышался стук в дверь. Не мягкое жужжание фотолуча, не легкий щелчок пальцами по пластику, а звон металла и гром оружия.

Стук повторился, и Джилберт сказал:

— Вам лучше открыть дверь.

Байрон так и сделал. Два человека в мундирах вошли в комнату. Первый отсалютовал Джилберту, потом повернулся к Байрону.

— Байрон Фаррил, именем наместника тиранитов и Директора Родии вы арестованы.

— По какому обвинению? — спросил Байрон.

— Вы обвиняетесь в государственной измене.

Выражение бесконечной скорби появилось на лице Джилберта. Он отвернулся, и снова на его лице — маска шута.

— Хинрик оказался быстрее, чем я ожидал. Забавная мысль! — Это был прежний Джилберт, смеющийся и равнодушный, брови слегка подняты, как будто он рассматривает нечто отвратительное и в то же время интересное.

— Следуйте за мной, — приказал стражник.

Байрон увидел в его руке нейронный хлыст.

Глава 8
Женская юбка

У Байрона пересохло горло. В одиночку он справился бы с любым стражником. Предоставилась бы только возможность. А то и с двумя сразу. Но у них хлысты, и стоит ему поднять руку, как они воспользуются ими.

Выхода не было.

Но Джилберт сказал:

— Пусть он возьмет свой плащ.

Байрон, удивленный, взглянул на маленького человечка. Он знал, что никакого плаща у него не было.

Стражник с оружием наготове щелкнул каблуками в знак послушания. Хлыстом ткнул в сторону Байрону:

— Слышали милорда? Возьмите свой плащ.

Байрон медленно отступил к книжному шкафу и присел на корточки, ища за стулом несуществующий плащ. Он напряженно ждал.

Для стражников видеосонор был просто ящиком. Для них ничего не значило, что Джилберт касается пальцами каких-то кнопок. Байрон сле-

дил за нейронным хлыстом, не позволяя ничему и никому проникнуть в свой мозг.

Вооруженный стражник сказал:

— Ваш плащ за стулом? Встаньте.

Он сделал нетерпеливый шаг вперед и остановился. Глаза его сузились, он изумленно взглянул влево.

Вот оно! Байрон выпрямился и прыгнул вперед и вниз. Он схватил стражника за ноги и дернул. Тот с гулом упал, и большой кулак Байрона ударил по руке, державшей хлыст.

У второго стражника тоже было оружие, но в данный момент бесполезное. Свободной рукой он дико колотил пространство перед собой.

Джилберт звонко смеялся.

— Фаррил, — сказал он, прервав смех, — вас что-нибудь беспокоит?

— Я ничего не вижу, кроме хлыста, который теперь у меня.

— Хорошо. Теперь уходите. Они не смогут остановить вас. Их мозг полон несуществующих звуков и видений.

Джилберт едва увернулся от нападения второго стражника.

Байрон высвободил руку и ударил снизу вверх. Удар пришелся по ребрам. Лицо стражника ис-

казилось от боли, тело его содрогнулось. Байрон встал, держа хлыст в руках.

— Осторожнее! — воскликнул Джилберт.

Но Байрон обернулся недостаточно быстро.

Первый стражник, пришедший в себя, обрушился на него.

Это была крепкая атака. Невозможно было сказать, что стражник видит перед собой. Несомненно, в этот момент он видел не Байрона, а нечто другое. В горле у него клокотало.

Байрон извернулся, пытаясь ухватить выпавшее оружие, и с испугом увидел глаза, в которых застыл Не видимый другими ужас.

Байрон уперся ногами в стражника и попытался от него освободиться, но тщетно.

Клокотание перешло в слова. Стражник закричал:

— Я вас всех…

Очень бледное, почти невидимое мерцание ионизированного воздуха показало, где проходит луч хлыста. Луч описал широкую дугу и коснулся ноги Байрона.

Байрон как будто ступил в расплавленный свинец, или на ногу ему упал гранитный блок, или его укусила акула. Физически ничего не произошло. Лишь нервные окончания, управляющие

болевыми сигналами, были предельно возбуждены. Большего не сделал бы и кипящий свинец.

С криком, рвущим горло, Байрон упал. Он даже не заметил, что борьба кончилась.

Оставалась только разрывающаяся тело боль.

Но хотя Байрон и не ощутил этого, рука нападающего вдруг разжалась, и минуту спустя, когда молодой человек заставил себя открыть глаза и вытереть слезы, он увидел, что стражник пятится к стене, что-то отталкивая перед собой и глупо хихикая.

Второй стражник по-прежнему лежал на спине, раскинув руки и ноги. Он был в сознании, но молчал.

Глаза его следили за чем-то, тело слегка дрожало, на губах пузырилась пена.

Байрон заставил себя встать. Хромая, подошел к стене. Удар рукоятью хлыста — и стражник упал. Потом назад, ко второму, который не сопротивлялся. Теряя сознание, он по-прежнему следил за чем-то взглядом.

Байрон снова сел, осторожно снял ботинок и носок и удивленно смотрел на совершенно неповрежденную ногу. Он потер ее и застонал от ощущения боли, потом взглянул на Джилберта, который оставил свой видеосонор и потирал

щеку тыльной стороной ладони.

— Спасибо за помощь!

Джилберт пожал плечами.

— Скоро нагрянут другие стражники. Идите скорей в комнату Артемизии, там безопасней!

Байрон понял — это самое разумное.

Ноге стало легче, но она слегка распухла. Он надел носок, сунул ботинок под мышку, отобрал у стражника второй хлыст и заткнул его за пояс.

Поворачиваясь к двери, он спросил:

— Что вы заставили их видеть, сэр?

— Не знаю. Этого я не могу контролировать. Я лишь включил прибор на полную мощность, остальное зависело от их комплексов. Не теряйте времени на разговоры. Вы не потеряли план?

Байрон кивнул и вышел в коридор. Коридор был пуст. Быстро идти Байрон не мог, он хромал.

Он взглянул на часы, потом вспомнил, что так и не успел перевести часы на время Родии. Они по-прежнему показывали межзвездное время, используемое на кораблях, где сто минут составляют час, а тысяча минут — день. Поэтому число 376, холодно сверкавшее на циферблате, ничего не говорило ему.

Во всяком случае, была глубокая ночь или период сна на этой планете, иначе залы не были бы

пусты, а рельефы на стенах не фосфоресцировали бы без зрителей. Он коснулся одного из них — это была сцена коронации — и обнаружил, что он двухмерный. Но создавалась полная иллюзия внутреннего пространства.

Ему хотелось остановиться и получше изучить странный эффект. Но он вспомнил, где находится, и заторопился.

Пустоты коридора были еще одним доказательством упадка Родии. Теперь, став мятежником, он обостренно подмечал все признаки упадка. Будучи центром независимого государства, Дворец всегда был полон часовых, а теперь он казался вымершим.

Байрон взглянул на чертеж Джилберта и свернул направо, поднимаясь по широкой витой рампе. Когда-то здесь могли двигаться целые процессии.

Байрон остановился у нужной двери и коснулся фотосигнала. Дверь чуть отворилась и затем открылась шире.

— Входите, молодой человек.

Это был голос Артемизии. Байрон скользнул внутрь, и дверь быстро и неслышно закрылась. Он виновато взглянул на девушку. Его смущало то, в каком виде он явился: рубашка порвана на

плече, один рукав болтался, одежда у него грязная, лицо в кровоподтеках.

Вспомнил, что все еще несет под мышкой ботинок, и принялся надевать его. Потом сказал:

— Вы не возражаете, если я сяду?

Она проводила его к стулу и встала рядом, слегка раздраженная.

— Что случилось? Что с вашей ногой?

— Поранил, — коротко ответил он. — Вы готовы?

Лицо ее прояснилось.

— Так вы согласны?

Байрон был не в состоянии обмениваться любезностями. Нога у него по-прежнему болела. Он сказал:

— Проводите меня к кораблю. Я оставлю эту проклятую планету. Если хотите, я возьму вас с собой.

Она нахмурилась.

— Вы могли быть повежливее. Была стычка?

— Да, со стражниками вашего отца, которые хотели арестовать меня за измену. Вот вам и право убежища.

— О! Мне жаль!

— Мне тоже. Неудивительно, что горстка тиранитов правит полусотней миров. Мы сами им

помогаем. Люди, подобные вашему отцу, делают все, чтобы укрепить власть тиранитов. Они забывают, что значит быть джентльменами.

— Я уже сказала, что мне жаль, лорд Ранчер.

Артемизия произнесла этот титул с холодной гордостью.

— Пожалуйста, не судите моего отца, — продолжала она более мягко. — Вы не знаете всех фактов.

— Меня они не интересуют. Нужно действовать быстро, пока не появились полчища стражников вашего обожаемого отца. Я не хотел вас обидеть…

Байрон не собирался больше извиняться; никогда раньше он не испытывал на себе действие нейронного хлыста и не хотел испытать снова. И, во имя космоса, у него было право на убежище.

Артемизия рассердилась не на отца, конечно, а на этого глупого молодого человека. Он так молод и опрометчив, а еще берется осуждать порядки чужого государства!

Загудел коммуникатор, и она резко сказала:

— Подождите минуту, я выйду.

Слабо прозвучал голос Джилберта:

— Арта, у тебя все в порядке?

— Он здесь, — тихо ответила она.

— Хорошо. Ничего не говори, только слушай. Не выходи из своей комнаты. Пусть он побудет у тебя. Сейчас начнется обыск всего дворца. Я попытаюсь что-нибудь придумать, и пока не двигайтесь.

Он не ждал ее ответа. Контакт прервался.

— Вот оно что, — сказал Байрон.

Он все слышал.

— Мне оставаться здесь с риском навлечь на вас неприятности или выйти и сдаться? Я думаю, на Родии мне нечего ожидать убежища.

Она гневно посмотрела на него и возмущенным шепотом произнесла:

— Замолчите вы, отвратительный глупец.

Они смотрели друг на друга. Байрон чувствовал себя обиженным. Он ведь пытался помочь ей. Ей-то незачем было обижаться.

Она сказала:

— Простите.

— Все в порядке, — ответил он холодно. — Вы высказали свое мнение.

— Не следовало бы так говорить о моем отце. Вы не знаете, каково быть Директором. Он работает для своего народа, что бы вы о нем ни думали.

— О, конечно. Он хотел выдать меня тиранитам ради своего народа. В этом весь смысл.

— В некотором смысле, да. Он хотел показать им свою лояльность. Иначе они могли бы сместить его и установить непосредственную власть над Родией. Разве это было бы лучше?

— Что хорошего и сейчас, если дворянин не может здесь найти убежище?

— О, вы думаете только о себе. Вы эгоист — это ваш недостаток.

— Не думаю, чтобы нежелание умереть было эгоистичным. Умереть ни за что. Прежде я хочу побороться. Мой отец боролся с ними…

Он знал, что начинает говорить мелодраматично, но это она принуждала его к этому.

Артемизия лишь сказала:

— Что хорошего дало это вашему отцу?

— Ничего. Он был убит.

Артемизия почувствовала жалость.

— Мне жаль на самом деле… — И, защищаясь: — У меня неприятности, вы знаете о них.

Байрон вспомнил.

— Знаю. Но давайте начнем все сначала.

Он попытался улыбнуться. Нога болела меньше.

— На самом деле вы не так отвратительны, — сказала она.

— Ну… — начал Байрон.

И замолчал. Артемизия поднесла руку ко рту. Они повернули головы к двери.

Послышался мягкий звук множества ног на полуэластичной пластиковой мозаике, покрывавшей пол коридора.

Многие прошли мимо, но за дверью раздалось щелканье каблуков и загудел ночной сигнал.

Джилберт должен был действовать быстро. Прежде всего нужно было спрятать видеосонор.

Впервые он пожалел, что у него нет надежного убежища. Будь проклят Хинрик! Слишком быстро принял он на этот раз решение об аресте, не стал ждать утра. Другой возможности не будет. Надо торопиться.

Он вызвал капитана стражи. Приходилось как-то объяснить исчезновение пленника и то, что у него в комнате два стражника без сознания.

Капитан угрюмо выслушал его.

— Милорд, из ваших слов я не совсем понял, что произошло, — сказал он.

— Вы видите, — ответил Джилберт. — Они хотели арестовать его, а молодой человек не подчинился. Он ушел. Космос его знает, куда.

— Минутку, милорд, — сказал капитан. — Дворец хорошо охраняется, несмотря на поздний час. Сегодня у нас почетный гость. Выйти он не

сможет, а внутри мы поищем. Но как он ушел? Мои люди были вооружены, а он — нет.

— Он сражался, как тигр. Я прятался в это время за стулом.

— Мне жаль, милорд, что вы не соблаговолили помочь моим людям обуздать осужденного изменника.

— Какая забавная мысль, капитан! Если ваши люди с двойным преимуществом в численности и оружии не справились с безоружным, то, конечно, нужно звать на помощь другого безоружного.

— Хорошо! Мы обыщем дворец, найдем его и посмотрим, сумеет ли он повторить подобное представление.

— Я пойду с вами, капитан.

Капитан покачал головой:

— Не советую, милорд. Возможно, будет опасно.

Такие замечания никто не смеет делать Хинриадам. Джилберт знал это, но лишь улыбнулся.

— Я знаю это, — сказал он, — но изредка и опасность кажется мне забавной.

Потребовалось пять минут на сбор отряда.

В это время, оставшись один, Джилберт и позвонил Артемизии.

Байрон и Артемизия застыли, услышав негром-

кий сигнал. Он прозвучал вторично, затем постучали в дверь. Послышался голос Джилберта.

— Позвольте мне, капитан. — И затем более громко: — Артемизия!

Байрон облегченно улыбнулся и шагнул вперед, но девушка неожиданно положила ему руку на рот. Чуть спустя она сказала:

— Минутку, дядя Джил.

Она указала Байрону на стену.

Тот с недоумением взглянул. Стена была сплошная. Но тут Артемизия коснулась рукой стены, и часть ее бесшумно скользнула в сторону, открыв вход в гардеробную.

Едва слышно прошептав: «Входите туда», девушка одновременно взялась за узорную булавку на своем правом плече. Расстегнутая блузка разорвала слабое силовое поле, удерживающее замок платья. Артемизия перешагнула через него.

Пройдя в гардеробную, Байрон обернулся и, прежде чем стена закрылась за ним, успел заметить, как Артемизия надевает пушистый халат. Алое платье лежало на кресле.

Байрон осмотрелся. Будут ли они обыскивать помещения Артемизии? Здесь он совершенно беспомощен. Другого выхода из гардеробной не было, спрятаться негде.

Вдоль одной из стен висел ряд платьев, воздух около них чуть заметно мерцал. Рука Байрона легко прошла сквозь это мерцание. Он ощутил лишь слабое покалывание. Силовое поле не пропускало пыль.

Может, спрятаться за платьями. Собственно, он это и делает. С помощью Джилберта он только что справился с двумя стражниками, а теперь должен прятаться за женскими юбками.

Он невольно пожалел, что не обернулся слишком быстро, когда стена за ним закрывалась. У нее прекрасная фигура. А он отвратительно вел себя с ней. Конечно, она не отвечает за грехи своего отца.

Теперь ему остается только ждать, глядя в стену, когда прозвучат за стеной шаги, раздвинется стена, и глянут на него стволы бластеров. На этот раз видеосонор ему не поможет.

Он ждал, держа в каждой руке по нейронному хлысту.

Глава 9
И брюки победителя

— В чем дело?

Артемизии не нужно было разыгрывать испуг. Она говорила с Джилбертом, вместе с капитаном стражи стоявшим у двери. С полдюжины людей в мундирах предупредительно держались сзади.

— Что-нибудь с отцом?

— Нет, — успокоил Джилберт, — тебя случившееся не касается. Ты спала?

— Засыпала, — ответила она. — А мои девушки ушли на час. Кроме меня ответить было некому. Вы до смерти напугали меня.

Она резко повернулась к капитану и высокомерно спросила его:

— Что вам угодно от меня, капитан? Быстрее, пожалуйста, сейчас неподходящее время для аудиенции.

Джилберт вмешался, прежде чем капитан успел открыть рот:

— Забавная штука, Арта. Молодой человек… как его зовут?.. ты знаешь, убежал, разбив на пути две головы. Мы его ищем. Целый взвод на одного

беглеца. Вот и я сам иду по следу, радуя нашего капитана рвением и храбростью.

Артемизия сумела изобразить на лице совершенное недоумение.

Капитан про себя выругался, губы его при этом едва шевельнулись. Потом он сказал:

— Осмелюсь заметить, милорд, мы непозволительно задерживаемся. Миледи, человек, назвавший себя сыном экс-Ранчера Вайдемоса, был арестован за измену. Ему удалось бежать. Мы должны обыскать весь дворец, комнату за комнатой.

Артемизия, нахмурившись, отступила.

— Включая мою комнату?

— Если ваша милость позволит.

— Но я не позволю. Я, несомненно, знала бы, если бы в моей комнате оказался незнакомый человек. А полагать, что я имею дело с незнакомцем в такое время ночи, оскорбительно. Вы не оказываете мне должного уважения, капитан.

Это подействовало. Капитану оставалось лишь поклониться и сказать:

— У меня не было такого намерения, миледи. Простите за беспокойство в такое время ночи. Вашего заявления, что вы не видели беглеца, конечно, вполне достаточно. В данных обсто-

ятельствах нам необходимо было убедиться в вашей безопасности. Он — опасный человек.

— Но не настолько опасный, чтобы вы со своими доблестными людьми с ним не справились.

Вновь вмешался высокий голос Джилберта:

— Капитан, идемте. Пока вы обмениваетесь любезностями, ваш беглец может добраться до оружия. Я предлагаю оставить стражника у двери леди Артемизии, чтобы никто не тревожил ее больше. Конечно, моя дорогая, если ты не пожелаешь присоединиться к нам.

— Спасибо, — холодно ответила Артемизия. — Я могу удовлетвориться тем, что закрою дверь и лягу спать.

— Выбери стражника повыше, — воскликнул Джилберт. — Возьми вот этого. У стражников сейчас такие красивые мундиры. Они просто украшают любую дверь.

— Милорд, — нетерпеливо сказал капитан, — у нас нет времени для шуток. Вы нас задерживаете.

По его сигналу один из стражников вышел из строя, отсалютовал сначала сквозь запертую дверь Артемизии, затем капитану.

Вскоре звук шагов стих вдали.

Артемизия подождала, потом чуть приоткрыла

дверь. Стражник стоял, держа правую руку на рукояти оружия. Тот самый высокий стражник, высокий, как Байрон Вайдемоса, впрочем, поуже, чем он, в плечах.

Артемизия подумала при этом, что Байрон хотя и молод и не всегда разумен, зато сложен, как атлет. Приятно на него смотреть. И мундир этого стражника будет ему впору.

Она закрыла дверь и подошла к гардеробной.

Байрон застыл, когда дверь снова скользнула в сторону. Он затаил дыхание, пальцы его сжались.

Артемизия смотрела на его хлыст.

— Осторожнее!

Он облегченно перевел дыхание и сунул хлыст в карман. Так было неудобно, но у него не было кобуры. Он сказал:

— Это на случай, если заглянет кто-нибудь другой.

— Выходите и говорите шепотом.

Она по-прежнему была в халате из незнакомой Байрону ткани, отделанной кисточками серебристой шерсти. Халат прилипал к телу благодаря какому-то статическому притяжению, так что не нужны были ни пуговицы, ни застежки, ни замки.

Сквозь халат слегка просвечивали очертания фигуры.

Байрон почувствовал, что краснеет.

Артемизия ждала, потом сделала нетерпеливый жест:

— Что же вы?

Байрон взглянул на ее лицо.

— Что? О, простите.

Он отвернулся и застыл, прислушиваясь к слабому шуршанию одежды. Ему не пришло в голову удивиться, что она не использовала гардеробную или не переоделась перед открыванием двери. Глубины женской психологии кого угодно собьют с толку.

Когда он обернулся, она была в черном костюме, доходившем до колен. Эта одежда скорее предназначалась для выхода.

Байрон автоматически спросил:

— Значит, мы уходим?

Она покачала головой.

— Сначала вы должны выполнить свою часть. Вам нужна другая одежда. Встаньте по эту сторону двери, а я позову стражника.

— Что за стражник?

— По предложению дяди Джила у двери поставили стражника. Сейчас мы его позовем. Вам

нужно снять с него мундир. Как это сделать — вам лучше знать. Ну, приготовьтесь! Начинаем…

— Стражник! — позвала Артемизия, приоткрыв дверь, — скорее сюда!

Парень, стоявший у дверей, не колеблясь, исполнил приказ дочери Директора. Он вошел с уважительным: «К вашим услугам, мил…» И тут его колени подогнулись, послышался приглушенный вскрик. Байрон сжал его горло железной хваткой.

Артемизия, закрыв дверь, смотрела на их борьбу, с трудом сдерживая тошноту.

Жизнь при дворе Хинриадов протекала спокойно, и раньше ей никогда не приходилось видеть лицо, искаженное удушьем.

Она отвернулась.

Байрон оскалил зубы от усилий, сжимая горло противника. Руки стражника ослабли, ноги тщетно пинали воздух. Не разжимая хватки, Байрон приподнял стражника.

Но вот руки солдата упали, он обмяк. Байрон опустил тело на пол.

— Он мертв? — с ужасом спросила Артемизия.

— Вряд ли, — ответил Байрон. — Чтобы задушить человека, нужно большее время. Он просто отключился. У вас найдется чем связать его?

Она покачала головой. В этот момент она чувствовала себя совсем беспомощной.

Байрон сказал:

— Подошли бы селлитоновые чулки. Найдутся они у вас? Ну, вот и хорошо…

Он уже обезоружил стражника, снял с него верхнюю одежду, сунул ему в рот кляп.

— Теперь мне нужно умыться, — сказал Байрон.

Приятно было окунуться в очищающий туман ванной Артемизии. По крайней мере теперь он будет чист. Для этого понадобилось лишь шагнуть в поток мелких капелек воды.

Вышел он не только чистым, но и сухим. На Земле и Вайдемосе таких ванн не было.

Мундир стражника оказался тесноват, и Байрону не понравилось, как сидела на голове коническая шапка. Он с отвращением взглянул на свое изображение в зеркале.

— Как я выгляжу?

— Как солдат. А в общем, довольно нелепо, — ответила Артемизия. Она еще слегка дрожала от пережитого.

— Вам придется нести один хлыст, — сказал Байрон. — Я не справлюсь с тремя.

Она взяла хлыст двумя пальцами и опустила в

сумку, свисавшую с ее широкого пояса, так что руки ее оставались свободными.

— Нам пора идти, — сказала Артемизия. — Если нам кто-то встретится по пути, молчите. Говорить буду только я. Вас выдаст акцент, и во всяком случае, в моем присутствии вы говорить не должны, даже если вас о чем-нибудь спросят. Помните, что вы простой солдат!

Стражник на полу стал извиваться и закатил глаза. Ноги и руки у него были надежно связаны.

Байрон оттащил его в сторону, чтобы Артемизии не нужно было переступать через него.

— Сюда, — выдохнула она.

На первом повороте за ними послышались шаги, и легкая рука ее опустилась ему на плечо.

Их догнал Джилберт, сказавший:

— Я ждал вас здесь. Кажется, все обошлось без шума. Позвольте на вас взглянуть, Фаррил. Неплохо, совсем неплохо. Всякий считает, что в солдатском мундире может быть только солдат, и больше никто.

— Дядя Джил, — нетерпеливо прошептала Артемизия, — не говори так много. Где остальные стражники?

— Нельзя сказать нескольких слов, сразу возражения, — обидчиво заговорил он. — Остальные

стражники подбираются к башне. Они решили, что нашего друга нет на нижних этажах. Нескольких человек оставили у выходов и лестниц. Мы сможем пройти.

— А они не хватятся вас, сэр? — спросил Байрон.

— Меня? Ха! Капитан был рад, что я ухожу. Уверяю вас, они не станут меня искать.

Они говорили шепотом, но теперь даже шепот пришлось прервать. Внизу у лестницы стоял дежурный стражник, и еще двое дежурили по обе стороны входной двери.

Джилберт спросил:

— Есть новости о беглеце?

— Нет, милорд, как в воду канул, — сказал ближайший солдат.

При этом он щелкнул каблуками и отсалютовал.

— Ну, держите глаза открытыми.

Они прошли мимо стражников, один из которых предварительно отключил тревожную сигнализацию.

Снаружи была ночь. Небо было ясное и звездное, тусклое рваное пятно туманности закрывало искры света на горизонте.

Центральный Дворец остался позади темной

массой. Полевой дворец был в полумиле от Центрального.

Артемизия спросила:

— Дядя Джил, ты не забыл организовать подготовку корабля?

— Конечно, не забыл, но... — в голосе его проскользнуло беспокойство. — Почему освещена полевая башня? На ней не должно быть света.

Над темной грядой деревьев возвышалась белая, ярко освещенная башня.

Обычно это означало, что на летном поле шла работа — корабли уходили в космос или прилетали из него.

Джилберт растерянно пробормотал:

— Ничего не назначено на эту ночь. Это точно.

Неожиданно остановился и развел руки, чтобы задержать остальных.

— Все, — сказал он.

И почти истерически захохотал.

— На этот раз идиот Хинрик организовал все как следует. Они здесь! Тираниты! Вы не понимаете? Это прибыл личный вооруженный крейсер Аратапа.

Байрон увидел сиявший огнями военный корабль, стоявший на поле позади других кораблей. Он был тоньше и изящнее родианских космо-

планов.

Джилберт сказал:

— Капитан говорил о почетном госте, а я не обратил на его слова внимания. Теперь делать нечего. Мы не можем сражаться с тиранитами.

Байрон почувствовал прилив отчаянной энергии.

— Почему нет? — свирепо спросил он. — Почему мы не можем с ними сразиться? Они не ожидают нападения, а мы вооружены. Захватим корабль наместника. Оставим его без брюк.

Он шагнул вперед из-под тени деревьев, делавшей их незаметными, на голое летное поле.

Остальные следовали за ним — прятаться не было смысла. Шли двое членов королевской семьи в сопровождении охранявшего их солдата. Так должны были воспринять тираниты их появление. Но они шли сражаться.

Впервые увидев год назад Дворец Земель на Родии, Саймок Аратап был поражен его величием, но поразил его только внешний вид. Внутренность его показалась ему грязноватой и запущенной. Два поколения назад здесь встречались члены правительства Родии и размещались основные правительственные учреждения. Центральный Дворец был сердцем дюжины ми-

ров. Но сейчас местные правительства все еще существующие, потому что Кхан никогда не вмешивался во внутренние дела подвластных стран, встречались здесь лишь раз в году, чтобы ратифицировать приказы, полученные за истекшие 12 месяцев. Это было чистой формальностью. Исполнительный Совет номинально продолжал заседать, он состоял из десятка людей, девять из десяти недель проводивших в своих поместьях. Различные правительственные учреждения действовали активно, так как без них невозможно было управлять ни Директору, ни Кхану, но теперь они были рассеяны по планете и стали менее зависимы от Директора, но больше — от своих новых хозяев тиранитов.

Дворец оставался величественным сооружением из камня и металла, но внутри все ветшало, рушилось, потому что некому было ухаживать за ним. В нем помещалась лишь семья Директора со значительно поредевшим штатом слуг и малочисленной охраной. Аратап чувствовал себя здесь неуютно, и брезгливое выражение не покидало его лица, пока его военный помощник — майор, разговаривал с Директором.

— Сын Вайдемоса? В самом деле? — переспросил майор и посмотрел на Аратапа. Но лицо

наместника осталось равнодушным. — Так вы его арестовали? Прекрасно!

Аратап так не считал. У него был изощренный, хотя и несколько консервативный ум, который не терпел, когда факты не укладывались в заготовленную заранее схему. А она была такова: Вайдемос был изменником, и сын пытался встретиться с Директором Родии, чтобы подбить его тоже на измену — сначала тайно, потом открыто, при помощи выдуманной истории с заговором. Разумеется, это было началом схемы. Только началом. А завершение ее в том, что Аратап одним ударом мог бы уничтожить обоих предателей. Но вдруг все распалось: Хинрик поторопился, выдал мальчишку, даже не мог подождать до утра. Из-за этого ускользнули важные факты.

Он продолжал слушать Директора. Хинрик уже начал повторяться. Аратап почувствовал к нему жалость. Этот человек стал таким трусом, что даже у тиранитов пробуждал жалость. Противно было выслушивать его сбивчивую болтовню. И все же страх — единственное средство, могущее удержать в узде подобных правителей. Только страх может обеспечить их абсолютную верность тиранитам.

И поскольку Хинрик был трусом, он сидел здесь,

бессвязно лепеча и пытаясь добиться одобрения. Майор, конечно, не подаст знака одобрения. Аратап вздохнул и пожалел, что у него есть такое право. Политика — грязное дело.

Поэтому он с некоторым оживлением сказал:

— Очень хорошо. Я приветствую ваше быстрое решение и ваше рвение на службе Кхана. Вы можете быть уверены, что он услышит об этом.

Лицо Хинрика прояснилось, он испытывал облегчение.

Аратап сказал:

— Пусть его приведут. Послушаем, что скажет наш петушок.

Он сдержал желание зевнуть. Его абсолютно не интересовало, что скажет петушок.

Хинрик собирался вызвать капитана стражи, но и в этом не было необходимости, капитан появился сам.

— Ваше превосходительство! — воскликнул он.

Хинрик смотрел на свою руку, не дотянувшуюся до сигнала, как будто удивившись, что его желание материализовалось еще до того, как он его проявил.

Он неуверенно сказал:

— Что случилось, капитан? — спросил Хинрик.

— Ваше превосходительство, пленник сбежал.

Аратап вновь почувствовал заинтересованность в происходящем.

— Подробности, капитан, — приказал он.

Капитан рассказывал, экономя слова.

Закончил он так:

— Я прошу разрешения, ваше превосходительство, объявить общую тревогу.

— Конечно, — запинаясь, выговорил Хинрик. — Общая тревога! Вот именно. Быстрее! Наместник, я не понимаю, как это могло случиться. Капитан, поднимите всех людей. Будет проведено строжайшее расследование, будут допрошены все стражники. И наказаны!

Он повторял эти слова почти в истерике, а капитан продолжал стоять навытяжку. Очевидно, он хотел еще что-то сказать.

— Чего вы ждете? — спросил его Аратап нетерпеливо.

— Могу я поговорить с вашим превосходительством наедине? — вдруг спросил капитан.

Хинрик бросил взгляд на невозмутимого наместника и с негодованием произнес:

— У нас нет тайн от солдат Кхана, наших друзей, наших…

— Говорите, капитан, — прервал его Аратап.

Капитан резко щелкнул каблуками и сказал:

— Поскольку мне приказано говорить, я с сожалением вынужден сообщить, что миледи Артемизия и милорд Джилберт сопровождают пленника в его бегстве.

— Он осмелился похитить их? — Хинрик вскочил на ноги. — И мои стражники позволили?

— Они не похищены, ваше превосходительство, — возразил капитан, — они сопровождают его добровольно.

— Откуда вы знаете?

Аратап наслаждался — теперь все-таки образуется схема. Такую он и не предвидел.

Капитан сказал:

— У нас есть показания обезоруженных стражников, а также тех, кто невольно позволил им выйти из здания.

Он поколебался, а затем угрюмо добавил:

— Когда я расспрашивал миледи Артемизию у дверей ее личной спальни, она сама сказала мне, что спала. Лишь позже я понял, что, когда она говорила мне это, лицо у нее было искусственным. Но когда я вернулся, было уже поздно. Я принимаю на себя вину за неудачу в этом деле. Прошу ваше превосходительство принять мою отставку, но прежде хочу узнать, сохранится ли

ваше разрешение на общую тревогу? Без вашего высочайшего разрешения я не могу задержать членов королевского семейства.

Хинрик лишь покачивался на ногах и отсутствующим взглядом смотрел на него.

Аратап сказал:

— Капитан, вам следует позаботиться о здоровье вашего Директора. Советую вам вызвать врача.

— Общая тревога? — повторил капитан.

— Никакой общей тревоги, — отрезал Аратап.

— Вы меня поняли? Ни общей тревоги, ни захвата пленника. Инцидент исчерпан! Верните своих людей к их обычным обязанностям и следите за своим Директором. Идемте, майор.

Как только они оставили за собой строения Центрального Дворца, майор-тиранит угрюмо заговорил:

— Аратап, я полагаю, вы знаете, что делаете. Поэтому я держал рот закрытым, когда вы приняли такое смелое решение.

— Благодарю вас, майор.

Аратап с удовольствием вдыхал ночной воздух этой планеты, полной зелени. Тиран по-своему прекрасен, но это ужасная красота гор и скал. Там слишком сухо, зелень редкая и чахлая.

Он говорил:

— Вам нельзя иметь дело с Хинриком, майор. В ваших руках он ослабеет и сломается. Он полезен, но, чтобы оставаться таковым, нуждается в мягком обращении.

— Меня это не касается, — сказал майор. — Я не врач. Мне все же непонятно — почему вы отменили общую тревогу? Вам не нужны эти беглецы?

— А вам?

Аратап остановился.

— Посидим здесь немного, Андрос. Вот скамья рядом с дорогой. Прекрасное место и абсолютно безопасное от шпионских лучей. Зачем вам этот молодой человек? — Аратап сделал паузу. — Зачем мне все изменники и преступники? Какой будет толк, если вы захватите несколько орудий преступления, а само преступление, его источник останется нераскрытым? Кого вы будете иметь? Мальчишку, глупую девчонку и престарелого идиота?

— А так мы вообще никого не имеем, — заметил майор.

— У нас есть схема. Когда молодой человек впервые появился, мы связали его с происками Хинрика, и это обеспокоило нас. Теперь же мы знаем — Хинрик был только прикрытием. Он

явился за дочерью Хинрика и за его братом, а это имеет гораздо больший смысл.

— Почему Хинрик не вызвал нас быстрее, ждал до полуночи?

— Потому что он орудие в руках того, кто доберется до него первым. Я не сомневаюсь, что Джилберт уверил его, что ночная встреча с нами будет доказательством его рвения.

— Вы думаете, нас сознательно вызвали сюда, чтобы мы были свидетелями их бегства?

— Нет, не потому. Спроси себя: что собираются делать эти люди?

Майор пожал плечами.

— Родия велика. Скроются где-нибудь.

— Да, если бы дело касалось одного молодого Фаррила. Но где на Родии скроются два члена королевской семьи? Особенно девушка.

— Значит, им придется покинуть планету? Да, пожалуй.

— И каким образом? За пятнадцать минут они могут добраться до Полевого дворца. Теперь вы поняли, зачем мы здесь?

Майор сказал:

— Наш корабль!

— Конечно. Тиранитский корабль покажется им идеальным выходом. Либо им придется выби-

рать торговый корабль. Фаррил учился на Земле и, я уверен, умеет управлять крейсером.

— Вот именно. Почему мы позволяем аристократам посылать сыновей куда угодно? Надо запретить это.

— Тем не менее, — сказал Аратап с вежливым равнодушием, — в данный момент Фаррил обладает необходимым образованием, это и нужно принимать во внимание, а не сердиться. Я уверен, что они попытаются захватить наш крейсер.

— Не могу поверить!

— У вас передатчик в часах. Свяжитесь с крейсером, если сможете.

Майор попробовал. Напрасно.

— Свяжитесь с Полевой башней.

Майор так и сделал, и из крошечного приемника послышался тихий голос. В нем звучала растерянность.

— Ваше превосходительство, я не понимаю, произошла какая-то ошибка. Ваш корабль взлетел десять минут назад.

Аратап улыбнулся.

— Видите? Выработайте схему, и каждое отдельное событие станет неизбежным. Вам теперь ясны последствия?

Майор хлопнул себя по бедрам и рассмеялся.

— Конечно!

— Они не знают этого, — сказал Аратап, — но они себя погубили. Если бы они удовлетворились самым тихоходным торговым кораблем, им, несомненно, удалось бы уйти, я — извините за выражение — был бы пойман этой ночью со спущенными брюками. А сейчас мои брюки надеты прочно, а этих людей ничто не сможет спасти. А когда в нужное время я их захвачу, в моих руках будет и вся их тайная организация.

Он подчеркнул эти слова с удовлетворением.

Аратап вздохнул и снова почувствовал, что становится скучно.

— Что ж, нам повезло, и сейчас нет необходимости торопиться. Вызовите Центральную базу. Пусть вышлют за нами другой корабль.

Глава 10
Может быть!

Космическая подготовка Байрона Фаррила на Земле была в основном академической. Он прослушал несколько курсов, в том числе целый семестр изучал гиператомный двигатель, но все это мало помогало, когда было нужно управлять кораблем в космосе. Опытные пилоты осваивают свое дело в пространстве, а не в аудитории.

Байрону удалось поднять корабль без помех, но в этом ему скорее просто повезло.

«Безжалостный» повиновался приборам легче и быстрее, чем ожидал Байрон. Он несколько раз поднимал корабли с Земли в космос и сажал их, но это были старые модели, предназначенные для тренировки студентов. Они поднимались с усилием и медленно шли по спирали сквозь атмосферу. «Безжалостный» же поднялся без усилий, прыгнул вверх, со свистом пронесся через атмосферу, так что Байрон был отброшен на спинку кресла и чуть не вывихнул плечо.

Артемизия и Джилберт, которые с осторожностью новичков привязались, получили лишь

синяки от натянутых ремней.

Пленный тиранит лежал у стены, пытаясь разорвать путы, и монотонно ругался.

Байрон, дрожа, встал, пинком заставил тиранита замолчать и, придерживаясь за перила, пробрался вдоль стены к приборам управления. Удары носовых двигателей несколько уменьшили ускорение и сделали его переносимым.

Они находились в верхней части атмосферы Родии. Небо стало темно-фиолетовым, корпус корабля нагрелся от трения о воздух, так что тепло ощущалось и внутри.

Потребовались часы, чтобы лечь на орбиту вокруг Родии. Байрон не мог рассчитать скорость, необходимую для преодоления тяготения планеты. Он работал наугад, меняя скорость толчками вперед и назад, следя за массометром, который показывал удаление от поверхности планеты в единицах напряженности гравитационного поля.

К счастью, массометр был калиброван с учетом массы в радиусе Родии. Сам Байрон без длительного экспериментирования не смог бы приспособить калибровку.

Постепенно массометр застыл на двухчасовой орбите. Байрон позволил себе расслабиться, а

остальные отстегнулись.

Артемизия сказала:

— Вы не очень легко взлетели, милорд Ранчер.

— Я лечу, миледи, — ответил Байрон. — Если вы сумеете лучше, пожалуйста, попробуйте, только я сначала высажусь.

— Спокойно, — сказал Джилберт. — Корабль слишком тесен для обидчивых, и вдобавок, поскольку мы втиснуты в эту летающую куриную клетку, я предлагаю опустить все эти «лорды» и «леди», иначе наши разговоры станут невозможны. Я — Джилберт, вы — Байрон, она — Артемизия. Предлагаю пользоваться только этими именами для обращения друг с другом. А что касается пилотирования, то почему бы не воспользоваться помощью нашего друга-тиранита?

Байрон сказал:

— Нет, мы не можем доверить ему. А вот поупражнявшись, я стану лучше справляться с кораблем. Ведь я вас еще не разбил?

Плечо у него все еще болело от первого толчка, и, как обычно, боль сделала его раздражительным.

— А что же нам делать с ним? — спросил Джилберт.

— Мне не нравится хладнокровное убийство, —

ответил Байрон, — да и к тому же оно нам не поможет. Лишь вызовет добавочное озлобление тиранитов. Убийство представителя господствующей расы — непростительный грех.

— Каков же выход?

— Высадим его.

— Хорошо. Но где?

— На Родии.

— Что?

— Это единственное место, где нас не будут искать. К тому же нам в любом случае придется садиться.

— Почему?

— Это корабль наместника. Он предназначен для коротких перелетов с планеты на планету. В нем нет запасов продовольствия. Прежде чем отправляться куда-нибудь, нужно проверить, что есть на корабле, и пополнить запасы воды и пищи.

Артемизия кивнула.

— Верно. Я должна была сама подумать об этом. Очень разумно, Байрон.

Байрон сделал протестующий жест, но тем не менее почувствовал удовлетворение.

Впервые она назвала его по имени. Она может быть приятной, когда захочет этого.

— Но он немедленно сообщит о нашем местонахождении, — сказал Джилберт, глядя на пленника.

— Не думаю. Во-первых, мне кажется, на Родии есть пустынные места. Мы не станем высаживаться в деловом квартале города или в центре тиранитского гарнизона. К тому же он, вероятно, не так уж хочет связаться со своим начальством. Представьте, что будет с солдатом, который позволил украсть личный крейсер наместника.

Пленник не ответил, но побледнел.

Байрон не хотел бы оказаться на месте этого солдата. Конечно, его вряд ли можно обвинять. Он не мог ожидать нападения со стороны членов королевской семьи Родии. В соответствии с тиранитским военным кодексом, он мог отказаться допустить их на борт корабля.

Даже если об этом попросил сам Директор, как им сказал солдат, он тоже вынужден был бы отказать. Но они окружили его, и когда он понял, что ему следовало точнее выполнять статьи кодекса, было уже поздно: нейронный хлыст коснулся его груди.

Он и тогда не покорился, потребовался выстрел в грудь, чтобы убрать его. Но даже в этом случае его ждал трибунал и осуждение. Никто в этом не

сомневался, а меньше всех сам солдат.

Они приземлились два дня спустя на окраине города Саутварка. Город был выбран сознательно, так как он лежал в стороне от наиболее населенных районов в Родии. Тиранитский солдат был связан и высажен в полустах милях от ближайшего населенного пункта.

Приземление на пустом берегу прошло легко, и Байрон, которого труднее всего было узнать, сделал здесь необходимые закупки.

Родианских денег, которые они захватили с собой, едва ли хватило на самые элементарные нужды. Большая часть их ушла на приобретение небольшой тележки, в которой можно было по частям перевезти припасы.

— Денег хватило бы на большее, — сказала Артемизия, — если бы вы не покупали столько тиранитской каши.

— Другого выхода не было, — горячо ответил Байрон. — Эта каша — хорошо сбалансированная пища и она подойдет нам лучше всяких деликатесов.

Он был раздражен. Доставить все необходимое из города и погрузить на корабль — работа грузчика, и рискованная к тому же, так как покупать приходилось под носом у тиранитов, и он ждал

одобрения.

И действительно иного выхода не было.

Тираниты производили продукты, рассчитанные на небольшие корабли. Они не могли себе позволить забивать корабли множеством туш. Ими была разработана концентрированная стандартная пища.

Она занимала лишь одну двадцатую часть объема естественных животных продуктов и могла быть помещена на складе в виде брикетов.

— У этой каши ужасный вкус, — сказала Артемизия.

— Придется привыкнуть, — отозвался Байрон, подражая ее раздраженному тону. Она вспыхнула и отвернулась.

Байрон знал, что ее беспокоила теснота и все, что с ней связано. Дело не только в использовании тиранитской пищи, которая занимает меньше места. Не было, например, отдельных спален. Большую часть корабля занимали помещения для механизмов и контрольная рубка. Байрон подумал, что в конце концов это военный корабль, а не частная яхта. Был склад и маленькая каюта с двумя ярусами по три койки с каждой стороны.

Туалет помещался в небольшой нише возле каюты.

Теснота, полное отсутствие уединения. Артемизии придется считаться и с отсутствием на борту женской одежды, зеркал и ванной.

Байрон считал, что сделал для нее достаточно. Почему бы ей не удовлетвориться малым? Почему бы не улыбнуться хоть раз? У нее прекрасная улыбка, и вообще она хороша, если не считать характера. Ох этот характер…

Хуже всего было с водой.

Тиран — пустынная планета, вода там — редкость, и люди знают ей цену, так что на корабле вода для умывания почти не использовалась. Солдаты мылись, высаживаясь на планету. Во время перелета немного грязи и пота — не такая уж беда. Даже для питья воды вряд ли хватало на долгий рейс. Воду нельзя ни концентрировать, ни дегидрировать, приходится запасать в корпусе. Проблема осложнилась тем, что содержание влаги в пище было очень низким.

На корабле было установлено устройство для вторичного использования воды, выделяемой телом, но Байрон, разобравшись в его назначении, почувствовал тошноту, и это устройство не использовалось. Это вообще разумная процедура, но к ней нужно долго привыкать.

Второй взлет прошел сравнительно гладко, и

Байрон проводил время, упражняясь в пилотировании. Контрольный щит лишь отдаленно напоминал те, к которым он привык на Земле. Он был невероятно компактным.

В пилотскую рубку вошел Джилберт.

Байрон оглянулся, спросил:

— Артемизия в каюте?

— Где же ей еще быть? Другого места на корабле нет.

— Когда увидите ее, скажите, что я буду спать здесь, в рубке. Советую вам сделать то же самое, чтобы каюта была в ее полном распоряжении.

И пробормотал вдобавок:

— У нас лишь одна избалованная девчонка.

— У вас тоже есть недостатки, Байрон, — заметил Джилберт. — Будьте снисходительны, вспомните, какую жизнь она вела.

— Я понимаю. Ну и что? А к какой жизни я привык? Вы знаете, что я тоже родился не в шахте какого-нибудь пояса астероидов, а на самом большом ранчо Нефелоса. Но если попадаешь в определенную ситуацию, то нужно считаться с ней. Черт возьми, я же не могу растянуть корпус корабля. Он может взять лишь небольшое количество пищи и воды, и я ничем тут не могу помочь. Она злится, что на корабле нет душа, как

будто я его конструировал.

Он чувствовал облегчение, выкрикивая все это Джилберту.

Но тут дверь открылась, и вошла Артемизия. Она холодно сказала:

— На вашем месте, мистер Фаррил, я воздержалась бы от криков. Вас слышно по всему кораблю.

— Это меня не беспокоит, — сказал Байрон. — И если вам не нравится на корабле, вспомните, что если бы ваш отец не пытался убить меня, а вас выдать замуж, мы бы не были здесь.

— Не говорите о моем отце.

— Я буду говорить о чем хочу.

Джилберт сжал руками уши.

— Пожалуйста, прекратите!

Спор мгновенно оборвался. Джилберт сказал:

— Не обсудить ли нам сейчас нашу цель? Очевидно, чем быстрее мы доберемся до места и покинем корабль, тем лучше.

— Согласен с вами, Джил, — сказал Байрон. — Куда угодно готов лететь, лишь бы не слышать ее болтовни.

Артемизия пропустила колкость мимо ушей и обратилась исключительно к Джилберту:

— Почему бы нам совсем не уйти из Туман-

ности?

— Не знаю, как вы, — немедленно заявил Байрон, — а я собираюсь вернутся на свое ранчо и кое-что узнать о гибели отца. Я остаюсь в королевствах.

— Я не собираюсь улетать навсегда, — сказала Артемизия. — Только пока нас не перестанут искать. Не знаю, что вы собираетесь делать со своим ранчо. Вы его не получите, пока империя тиранитов не разлетится на куски, а пока я этого не предвижу.

— Не думайте о том, что я хочу предпринять. Это мое дело.

— Могу я внести одно предложение? — примирительно спросил Джилберт.

Молчание он истолковал как согласие и продолжал:

— Предположим, я скажу вам, куда мы должны полететь и что делать, чтобы разбить империю на куски, как сказала Арта.

— Как же вы предполагаете сделать это? — поинтересовался Байрон.

Джилберт усмехнулся.

— Мой дорогой мальчик, ваше недоверие меня забавляет. Вы смотрите на меня, как на шута, будто любое мое предложение — обязательно

глупость. Но не забывайте: я вывел вас из дворца. Я ждал двадцать лет возможности уйти от них. Если бы я был обычным гражданином, я давно сделал бы это, но из-за проклятого своего происхождения постоянно был на виду. И все же, если бы я не был Хинриадом, я не мог бы присутствовать на коронации нынешнего Кхана Тиранитского, и не узнал тайну, которая однажды уничтожит самого Кхана. — Джилберт сделал эффектную паузу.

— Продолжайте, — нетерпеливо сказал Байрон.

— Путешествие от Родии на Тиран совершалось, конечно, на тиранитском военном корабле, как и обратная дорога. Корабль был такой же, как этот, только немного больше. Полет проходил без происшествий. Пребывание на Тиране было по-своему забавным, но для наших нынешних целей это не имеет значения. Однако на обратном пути в нас попал метеор…

— Что?

Джилберт поднял руку.

— Я хорошо знаю, что это почти невероятно. Встреча с метеором в космосе, особенно в межзвездном пространстве, явление настолько редкое, что вероятность столкновения с кораблем

можно не принимать во внимание. И все же это случилось. И случилось с нами. Конечно, любой метеор, даже размером с булавочную головку — а таковых большинство — может насквозь пробить любой корабль, кроме тяжеловооруженного.

— Я знаю, — сказал Байрон. — Это связано с их импульсом, который является производным от массы и скорости. Скорость вполне возмещает небольшую массу.

Он произнес это, как школьный урок, и поймал себя на том, что украдкой поглядывает на Артемизию.

Она сидела, слушая Джилберта, и была так близко, что они чуть не соприкасались. Байрон нашел, что у нее прекрасный профиль, хотя волосы ее немного и растрепаны.

Он подумал, что путешествие с ней было бы прекрасным, если бы она только научилась вести себя.

Беда в том, что ею никто никогда не руководил по-настоящему. Отец — не в счет. Она слишком привыкла действовать по-своему.

Он уже видел в мечтах, как он руководит этим взбалмошным существом, дает ей возможность по достоинству оценить его самого, Байрона, но она повернула голову и спокойно встретилась

с ним взглядом. Байрон поспешно отвел глаза и стал слушать Джилберта.

— Не имею ни малейшего представления, почему вышел из строя корабельный экран. Но он вышел из строя, и метеор ударился о корабль. Он был размером с булыжник и пробил корпус, но выйти через другой борт не смог. Он попал в контрольную рубку, отразился от стальной стены и бился до тех пор, пока не остановился. Это заняло долю минуты, но при начальной скорости в сто миль в минуту он сотни раз пересек рубку. Оба пилота были разрезаны на куски, а я спасся лишь потому, что находился в другом месте. Я услышал удар, когда метеор попал в корпус, потом звон, когда он бился в контрольной рубке, и крики пилотов. Когда я вбежал в рубку, там повсюду была кровь и клочья тел. Последующее я помню урывками, хотя много лет подряд переживал его в ночных кошмарах.

Холодный звук уходящего воздуха привел меня к проделанной метеоритом дыре. Я прижал к ней металлический диск, и воздушное давление крепко держало его. Космический булыжник лежал на полу. Он был еще теплым на ощупь. Я ударил его гаечным ключом и расколол надвое. Раскол немедленно покрылся изморозью. Внутри

булыжник сохранял температуру космоса.

Я обвязал оба трупа и вытолкнул через люк. Щелкнули магниты люка, и замерзшие тела, оказавшись вне корабля, теперь следовали за ним, как привязанные.

Я знал, что вернувшись на Родию, буду нуждаться в доказательствах, что пилотов убил не я, а метеорит. Но как мне вернуться? Я был совершенно беспомощен. Править кораблем я не умел. Я даже не знал, как использовать субэфирную коммуникационную установку, чтобы послать сигнал SOS. И мог лишь предоставить кораблю следовать своим курсом.

— Но и это вы не могли сделать, — сказал Байрон.

Он думал, зачем Джилберт все это выдумывает: из склонности к романтике или с какой-то практической целью.

— Но как же прыжок через гиперпространство? Вы должны были совершить его, иначе вы не были бы здесь.

— Корабль тиранитов при соответствующей настройке его приборов совершает прыжки автоматически, — сказал Джилберт.

Байрон покачал головой. Неужели Джилберт считает его дураком?

— Да, да! — продолжал Джилберт. — Поверьте! Это одно из проклятых военных преимуществ, которые позволяют выигрывать войны. Иначе они не завладели бы планетами, в сотни раз превосходящими их по численности населения. Разумеется, они захватили нас внезапно и использовали предателей, но у них и значительная военная сила. Все знают, что их тактика превосходила нашу, и частично из-за этого автоматического прыжка. Он придавал значительно большую маневренность их кораблям и делал возможным осуществление сложных военных операций. Это одна из самых важных тайн. Я и не подозревал этого, пока не оказался один на борту «Вампира» — у тиранитов отвратительный обычай давать своим кораблям неприятные названия, хотя психологически это вполне оправдано, — и сам стал свидетелем, как корабль совершал гиперпрыжок без всякого моего прикосновения к приборам.

— Вы хотите сказать, что и этот корабль так устроен?

— Не удивился бы, если б это было так.

Байрон повернулся к контрольной панели. На ней были десятки контактов, назначение которых он не знал. Ладно, это позже!

Он снова обернулся к Джилберту.

— И корабль принес вас домой?

— Нет. Хозяйничая в рубке, метеор задел и контрольный щит. Циферблаты были разбиты, обшивка порвалась и погнулась. Невозможно было определить, как изменилась установка приборов, но она изменилась, так как корабль не вернулся на Родию. Постепенно скорость стала уменьшаться, и я понял, что фактически путешествие мое закончено. Я не мог определить, где нахожусь, но сумел разглядеть в телескоп диск планеты. Диск увеличивался в размерах, корабль направлялся к планете. О, не прямо, на это невозможно надеяться, но на таком расстоянии, когда я мог использовать обычное радио. Я знал, как это сделать. После этого происшествия и началось мое увлечение электроникой. Я решил, что больше никогда не буду так беспомощен. Это совсем не забавно.

Байрон поторопил его:

— Итак, вы воспользовались радио?

Джилберт продолжал:

— Совершенно верно, и они пришли и спасли меня.

— Кто «они»?

— Люди с планеты. Она оказалась населенной.

— Что ж, удачи продолжаются. Что это была

за планета?

— Не знаю.

— Они не сказали вам?

— Забавно, не правда ли? Не сказали. Но она где-то среди королевств Туманности.

— Откуда вы это знаете?

— Они узнали тиранитский корабль по конструкции и чуть не сожгли его, прежде чем я убедил их, что нахожусь на борту один.

— Я не понял, — сказал Байрон. — Если они знали, что это тиранитский корабль и пытались сжечь его, разве это не является доказательством, что планета не среди королевств Туманности? Она в любом месте, но только не там. Нет, клянусь Галактикой!

Глаза Джилберта сияли, голос звенел энтузиазмом.

— Она в королевствах. Что это за мир! Там собрались люди со всех королевств. Я смог это определить по их акценту. И они не боятся тиранитов, потому что хорошо вооружены. У них большой арсенал.

Внешне это мирная сельскохозяйственная планета, но жизнь там идет, в основном, под землей. Итак, где-то среди королевств, мой мальчик, есть планета, где не боятся тиранитов, готовятся

уничтожить их империю, как уничтожили бы корабль, если бы пилоты были живы.

У Байрона сильнее забилось сердце. На мгновение ему захотелось этому поверить.

В конце концов, почему бы и нет? Может быть!

Глава 11
И может быть, нет!

А может быть, и нет!

Байрон спросил:

— Как вы узнали об арсенале? Долго ли вы там оставались? Что вы видели?

Джилберт нетерпеливо повел плечом:

— Мне там ничего не запрещали смотреть.

Он заставил себя успокоиться.

— Вот что произошло. Когда они сняли меня с корабля, я был в очень плохом состоянии. Слишком испугался — ужасно оказаться заброшенным в космосе — и выглядел хуже, чем обычно. Я назвал себя, и они взяли меня с собой под поверхность планеты. И корабль, конечно. Думаю, корабль интересовал их даже больше, чем я. Они получали возможность изучить космическую технику тиранитов. А меня положили в больницу.

— Что же вы там видели, дядя? — спросила Артемизия.

Байрон прервал ее:

— Разве вам он этого не рассказывал?

— Нет, — ответила Артемизия.

А Джилберт добавил:

— До сих пор я вообще никому об этом не рассказывал. Как я сказал, меня положили в больницу. Там меня исследовали в лабораториях, которые гораздо лучше наших на Родии. По пути в больницу я видел работающие заводы. Их корабли не были похожи на все, которые я знал. Я поверил, что наступит день, когда рои кораблей «планеты повстанцев», как я ее назвал, нападут на тиранитов и подчиненные миры поддержат восставших. Из года в год я ждал этого. Каждый новый год я говорил себе: вот наступило это время, и каждый раз надеялся присоединиться к ним, участвовать в их деле.

Он рассмеялся.

— Вероятно, многих бы позабавило то, что я вам рассказал. Многие подумали бы обо мне, как о фантазере…

Байрон прервал его:

— Все это произошло свыше двадцати лет назад, и они до сих пор не напали? И нет следов их деятельности или сообщений о неизвестных кораблях и стычках с ними. А вы все еще думаете…

Джилберт вспыхнул.

— Да, думаю! Двадцать лет — не слишком боль-

шой срок для организации восстания против угнетателей, правящих десятками миров. Я был у них в самом начале подготовки. Я верю в них. Они медленно пронизывают планету все новыми подземными помещениями и развивают новые отрасли, готовят корабли и оружие, тренируют людей. Тщательно готовят нападение. Только в видеофильмах все происходит мгновенно: в первый день потребовалось новое оружие, на другой день его изобрели, на третий наладили массовое производство и на четвертый уже использовали. На это требуется время, Байрон, и люди повстанческого мира знают, что они должны быть полностью подготовлены к началу. Ударить второй раз они не смогут. А что вы называете стычками? Тиранитские корабли иногда бесследно исчезают. Космос велик, и можете вы сказать с уверенностью — потерялись корабли или их захватили повстанцы?

Вспомните-ка случай с «Неутомимым» два года назад. Он сообщил о неизвестном объекте, зафиксированном массометром, и больше о нем никто не слышал. Возможно, это метеор, а если нет? Поиски продолжались много месяцев, но корабль так и не нашли. Я думаю, его захватили повстанцы. «Неутомимый» был новым кораблем,

экспериментальной моделью. Именно то, что им нужно.

Байрон спросил:

— Но почему вы не остались там?

— Вы думаете, я не хотел бы? Не было возможности. Я слушал их разговоры, когда они думали, что я без сознания, и кое-что узнал. Тогда они только начинали и не могли допустить, чтобы их обнаружили. Они знали, кто я. Если бы даже я не сказал этого, в корабле было достаточно доказательств. Они знали, что если я не вернусь на Родию, меня будут искать. Они не могли рисковать и поэтому позаботились, чтобы я вернулся на Родию. Они доставили меня туда.

— Что? — воскликнул Байрон. — Ведь это же был еще больший риск. Как они это сделали?

— Не знаю.

Джилберт провел тонкими пальцами по седеющим волосам, и глаза его, казалось, устремились в глубины памяти.

— Я думаю, меня подвергли анестезии. Тут у меня провал. Помню только, что когда я открыл глаза, то был снова на «Вампире» вблизи Родии.

— Два мертвых пилота все еще удерживались вблизи корабля? — спросил Байрон. — Их не убрали?

— Они были на месте.

— Сохранились какие-нибудь доказательства, что вы были на планете повстанцев?

— Никаких. Только мои воспоминания.

— Как вы узнали, что находитесь вблизи Родии?

— Я не узнал. Я знал только, что поблизости есть планета: так показывал массометр. Я снова использовал радио. И на этот раз ко мне пришел корабль с Родии. В тот же день я рассказал о происшествии наместнику. С соответствующими модификациями, естественно. Я не упоминал о планете повстанцев. Я сказал, что метеор ударил после последнего прыжка. Не хотелось, чтобы они поняли, что я знаю секрет тиранитских кораблей.

— А повстанцы тоже узнали об этом? Вы им рассказали?

— Нет, у меня не было возможности. Я не был там достаточно долго, по крайней мере, в сознании. Но может быть, пока я был без сознания, они докопались до этого сами.

Байрон посмотрел на видеоэкран. Судя по неподвижности изображения, их корабль застыл в космосе. «Безжалостный» двигался со скоростью десять тысяч миль в час, но что это по сравнению

с гигантскими расстояниями в космосе? В них было нечто гипнотизирующее.

Байрон сказал:

— Куда же мы идем? Я понял, что вы так и не знаете, где планета повстанцев.

— Не знаю. Но можно найти того, кто это знает. Я почти уверен в этом.

— Кого?

— Автарха Лигейна.

— Лигейн?

Байрон нахмурился. Ему казалось, что он слышал это имя, но забыл в какой связи.

— Лигейн — последнее королевство, захваченное тиранитами, — пояснил Джилберт. — Оно не такое мирное, как остальные. Имеет смысл связаться с его жителями.

— Возможно.

— Если вам нужна причина, она есть — это судьба вашего отца.

— Моего отца? При чем тут мой отец?

На мгновение Байрон забыл, что его отец мертв. Он мысленно увидел его, большого и живого, но потом ощутил внутренний холод, вспомнив, что его уже нет.

— Шесть месяцев назад он был при нашем дворе. Знаю, чего он хотел. Я подслушал кое-какие

его разговоры с моим братом Хинриком.

— О, дядя! — возмущенно сказала Артемизия. — Ты не имёл права подслушивать разговоры отца.

Джилберт пожал плечами.

— Конечно, нет, но это забавно и полезно.

Байрон прервал его.

— Подождите. Вы говорите, что шесть месяцев назад мой отец был на Родии?

Он чувствовал, как растет его возбуждение.

— Да.

— У него был доступ к собранию старых книг Директора? Вы как-то говорили, что у Директора большая библиотека книг о Земле.

— Вероятно. Библиотека очень известна, и ее обычно показывают знаменитым посетителям, если они интересуются. А ваш отец как раз интересовался. Это я хорошо помню. Он провел там целый день.

Все совпадало. Именно полгода назад отец впервые попросил о помощи.

Байрон сказал:

— Я думаю, вы сами хорошо знаете эту библиотеку?

— Конечно.

— Есть ли что-нибудь в библиотеке, свидетельствующее о существовании на Земле документа

большой военной ценности?

Джилберт этого не знал.

Байрон сказал:

— В последние столетия доисторической Земли такой документ существовал. Мой отец считал его наиболее значительным в Галактике и самым смертоносным. Я должен был отыскать его, но вынужден был вскоре покинуть Землю. А отец погиб.

Голос его дрогнул.

— Не понимаю, о каком документе вы говорите, — сказал Джилберт.

— Отец упомянул о нем впервые шесть месяцев назад. Должно быть, он узнал о нем в библиотеке Родии. Что он мог узнать?

Джилберт лишь покачал головой.

— Что ж, продолжайте ваш рассказ.

Джилберт продолжал:

— Они говорили об Автархе Лигейна, ваш отец и мой брат. Хотя ваш отец использовал уклончивые выражения, было ясно, что Автарх — глава тайной организации. И еще…

Он поколебался.

— Была делегация Лигейна, и ее возглавлял сам Автарх. Я рассказал ему о планете повстанцев.

— Только что вы говорили, что никому не рас-

сказывали, — напомнил Байрон.

— Кроме Автарха. Я должен был узнать от него правду.

— Что же он вам сказал?

— Практически ничего. Но он должен был быть осторожным. Мог ли он доверять мне? Я мог работать на тиранитов. Откуда ему было знать это? Но он не закрыл дверь окончательно. Это наша единственная ниточка.

— Что ж, идем на Лигейн, — сказал Байрон. — Одно место не хуже другого.

Воспоминания об отце угнетали его, и в этот момент для него больше ничего не имело значения. Пусть будет Лигейн.

Лигейн! Но это лишь легко сказать.

Как нацелить корабль в крошечный огонек планеты, расположенный на расстоянии тридцати пяти световых лет отсюда? Двести триллионов миль. Два с четырнадцатью нулями. При скорости десять тысяч миль в час — такова нынешняя крейсерская скорость их корабля — им потребуется два миллиона лет, чтобы добраться туда.

Байрон почти с отчаянием рылся в справочнике «Стандартные Галактические Эфемериды». Там были перечислены 10 тысяч звезд с их положением, выраженным тремя числами. Сотни

страниц чисел, символизировавших координаты греческими буквами «ро», «тета», «фи».

«Ро» — расстояние от Центра Галактики в парсеках, «тета» — угловое расстояние вдоль плоскости галактической линзы от Стандартной Галактической Базовой Линии (линия, связывающая центр Галактики с солнцем планеты Земля), «фи» — угловое расстояние от Базовой линии в плоскости, перпендикулярной в Галактической линзе.

Последние два числа измерялись в радианах. Зная эти три числа, можно было определить положение любой звезды в безбрежности космоса.

Помимо этого, необходимо было знать собственное движение звезды по скорости и направлению. Это была небольшая коррекция, но совершенно необходимая. Миллион миль — ничто в сравнении с межзвездным расстоянием, но для корабля это много.

Конечно, существует вопрос о собственной позиции корабля. Можно определить расстояние от Родии по показаниям массометра, точнее, расстояние от солнца Родии, поскольку в космосе гравитационное поле звезды поглощает поля зависимых планет. Труднее определить направление их движения по отношению к Галактической Базовой Линии. Байрон должен был

определить положение двух других звезд, кроме солнца Родии.

По их положению и известному расстоянию от солнца Родии он мог определить их собственное положение.

Это было сделано грубо, но он был уверен, что достаточно точно. Зная собственную позицию и положение солнца Лигейна, он мог установить приборы и рассчитать положение и силу гиператомного толчка.

Байрон чувствовал себя одиноким. Но не испуганным! Это слово он отрицал. Но, несомненно, испытывал напряжение.

Шесть часов спустя он закончил расчет прыжка.

Конечно, нужно было проверить все данные. Может быть, еще удастся вздремнуть.

Постель он перенес в рубку.

Остальные двое, очевидно, спали в каюте. Это хорошо, никто не мешает. Но тут он услышал негромкие шаги босых ног и поднял голову.

В дверях стояла Артемизия.

— Почему вы не спите? — строго спросил он.

Она тихо сказала:

— Ничего, если я войду? Я вам не помешаю?

— В зависимости от того, что вы будете делать.

— Я постараюсь делать то, что нужно.

Что-то уж очень скромно, с подозрением подумал Байрон, но тут же выяснилась и причина такой скромности.

— Я ужасно боюсь, — сказала она. — А вы?

Он хотел сказать «нет», но вышло по-другому. Байрон глуповато улыбнулся и сказал:

— Я тоже.

Странно, но это ее успокоило. Она села рядом с ним и посмотрела на раскрытые книги и листы расчетов.

— Все эти книги были здесь?

— Без них нельзя управлять кораблем.

— И вы все это понимаете?

— Не все. Но надеюсь, что понимаю достаточно. Вы знаете, нам нужно прыгнуть к Лигейну.

— Это трудно?

— Нет, если знаешь все данные — они есть, если имеешь приборы — тоже есть, и опыт. Вот этого у меня нет. Следовало бы совершить несколько прыжков, но я собираюсь сделать только один — так меньше вероятность неточности, хотя для этого потребуется гораздо больше энергии.

Не нужно больше говорить, ей будет страшно. Если она действительно испугается, с ней трудно будет справиться. Он говорил это себе, но ничего

не помогало. Он хотел разделить с кем-либо тяжесть, частично снять ее с себя.

Он сказал:

— Я не все знаю. Плотность материи между нами и Лигейном, воздействующая на прыжок, определяет кривизну этого пространства вселенной. «Эфемериды» — вот та толстая книга — упоминает, что при некоторых стандартных прыжках необходимо учитывать коррекцию на кривизну и от нее рассчитывать собственную коррекцию. Я не уверен, что правильно запрограммировал компьютер.

— А что случится, если вы ошиблись?

— Мы можем вернуться в нормальное пространство слишком близко к солнцу Лигейна.

Она обдумала его слова, потом сказала:

— Вы не представляете себе, насколько мне лучше.

— После того, что я сказал?

— Конечно, на своей койке я чувствовала себя в пустоте — беспомощной и затерянной. Теперь я знаю, что мы куда-то направляемся, и пустота под нашим контролем.

Байрон почувствовал себя польщенным.

— Не знаю, под контролем ли.

Артемизия остановила его:

— Я знаю, вы справитесь с кораблем.

Может быть, так оно и есть, — подумал Байрон.

Артемизия подобрала под себя свои длинные ноги и сидела, глядя на него. На ней была лишь тонкая ночная рубашка, но она, казалось, не сознавала этого.

Она сказала:

— Вы знаете, когда я лежала на койке, у меня было отвратительное ощущение, будто я плыву, не умея плавать. И это пугало меня. Каждый раз, поворачиваясь, я немного подпрыгивала в воздух, а затем медленно опускалась, как будто меня поддерживали на плаву пружины.

— Вы спали на верхней койке?

— Да. На нижней я испытывала клаустрофобию: второй матрац всего лишь в шести дюймах над головой.

Байрон рассмеялся.

— Вот и объяснение. Гравитационное поле корабля ослабевает по мере удаления от центра. На верхней полке вы на двадцать — тридцать футов легче, чем на полу. Бывали когда-нибудь на пассажирских лайнерах? На больших кораблях?

— Один раз. В прошлом году я с отцом была на Тиране.

— На лайнерах гравитация во всех участках корабля направлена к внешнему корпусу, так что большая ось корабля всегда вверху, где бы вы ни находились.

— Должно быть, требуется много энергии, чтобы поддерживать искусственное тяготение.

— Достаточно для освещения небольшого города.

— А у нас не кончится горючее?

— Не беспокойтесь. На кораблях достигается полное превращение массы в энергию. Горючее — последнее, что у нас может кончиться. Раньше износится корпус.

Она смотрела на него. Он заметил, что ее лицо лишено косметики, но свежо. Удивительно, как она это делала. Вероятно, с помощью носового платка и небольшого количества питьевой воды. От этого она не пострадала: чистая белая кожа подчеркивала черноту глаз и волос. У нее очень «теплые» глаза, подумал Байрон.

Молчание длилось слишком долго. Он торопливо сказал:

— Вы не часто путешествовали? Только раз были на лайнере?

Она кивнула.

— Да и то не слишком часто. Если бы не наше

путешествие на Тиран, этот грязный придворный не увидел бы меня. Не хочу говорить об этом.

Байрон сменил тему.

— Вы не любите путешествовать?

— Не очень. Отец обычно летает, нанося государственные визиты, открывая сельскохозяйственные выставки, посещая сооружения. Он произносит речи, которые для него пишет Аратап. Мы же остаемся во Дворце. Чем меньше мы передвигаемся, тем больше это нравится тиранам. Бедный Джилберт! Он один-единственный раз покинул Родию — по случаю коронации Кхана как представитель отца. И больше ему не позволили подняться на корабль.

Опустив глаза, она рассеянно поглаживала рукав куртки Байрона.

— Байрон!

— Да… Арта?

Он чуть запнулся, но выговорил.

— Как вы думаете, рассказ дяди Джила правдив?

— Не знаю.

— Может, это его воображение. Он много раз думал о тиранитах, но ничего не мог сделать, разве только испытать свои шпионские лучи. Это ребячество, он это знает. Может, придумал это и

затем сам поверил. Я знаю его.

— Тем не менее, к Лигейну мы должны лететь.

Они были близко друг к другу. Он мог дотянуться до нее, коснуться, обнять, поцеловать. Его сдерживало типичное «не следует». Ничто, как казалось Байрону, не вело к тому. Только что они серьезно говорили о прыжках, о гравитации, о Джилберте. Но в какой-то момент он ощутил, что она мягко лежит у него на руках и прижимается губами к его губам.

Первым его побуждением было извиниться, но когда он смог отодвинуться и заговорить, она не сделала попытки убрать голову с его согнутой левой руки. Глаза ее оставались закрытыми.

Поэтому он ничего не сказал, а снова поцеловал ее, медленно и крепко. Это было лучшее, что он мог сделать, и он тут же понял это.

Наконец она чуть сонно сказала:

— Вы не голодны? Я принесу вам концентрата и подогрею его. Потом, если хотите спать, я останусь здесь и подежурю. И мне лучше пойти одеться.

Она повернулась и уже от двери добавила:

— Когда привыкнешь, у этого пищевого концентрата не такой уж плохой вкус. Спасибо за то, что заготовили его.

И это, скорей, чем поцелуи, означало мирный договор между ними.

Когда несколько часов спустя Джилберт вошел в корабельную рубку, он не высказал удивления, застав Артемизию и Байрона за глупой болтовней, и никак не комментировал тот факт, что рука Байрона лежит на талии его племянницы.

Он спросил:

— Когда прыжок, Байрон?

— Через полчаса.

Полчаса прошли, приборы были установлены, разговоры смолкли.

Точно в момент «ноль» Байрон глубоко вздохнул и повернул слева направо рычаг.

Было не совсем так, как на лайнере. «Безжалостный» был мал, и прыжок прошел не так гладко. На долю секунды у них все расплылось перед глазами.

Но вот все выровнялось.

На экране появились другие звезды. Байрон развернул корабль, так что звездное поле поднялось, и каждая звезда описала дугу.

Наконец появилась одна особенно яркая звезда. Это был крошечный диск, горячая песчинка. Байрон выровнял корабль, не теряя эту звезду из виду, и направил на нее телескоп.

Потом он снова обратился к «Эфемеридам» и сверился с разделом «Спектральные характеристики». Поднялся с пилотского кресла и сказал:

— Все же довольно далеко, придется подтолкнуть корабль. Но прямо перед нами Лигейн.

Это был первый выполненный им самостоятельно прыжок, и он прошел успешно.

Глава 12
Появился Автарх

Автарх Лигейна напряженно обдумывал сообщение, но его холодное волевое лицо оставалось неподвижным.

— И вы ждали сорок восемь часов, прежде чем сообщить мне?

Ризетт храбро ответил:

— Не было причины говорить вам раньше. Зачем докучать вам всякими мелочами, и без этого вам много забот. Мы сообщаем сейчас, потому что до сих пор ничего точно не установили. Это странно, а мы, в нашем положении, не можем позволить себе ничего странного.

— Повторите. Я хочу услышать снова.

Автарх бросил журнал на подоконник и задумчиво взглянул в окно. Окно было самой большой особенностью лигейнской архитектуры. Сравнительно небольшое, оно было вставлено в конус пятифутового отверстия, мягко сужавшегося к концу. Само окно, чрезвычайно чистое, необыкновенно толстое и отполированное, представляло собой скорее линзу, собиравшую свет извне, так

что внутри была видна миниатюрная панорама.

Из любого окна во дворце Автарха было видно полгоризонта от зенита до надира.

По краям панорамы изображение несколько расплывалось, что придавало картине особую жизненность, представал в движении миниатюрный город. К этой миниатюре можно было так привыкнуть, что подлинный мир казался уже нереальным. Когда полуденное солнце превращало линзоподобное окно в фокус невозможной жары и света, оно автоматически закрывалось и, благодаря поляризованному стеклу, окно становилось непрозрачным.

Мнение, что архитектура планеты отражает ее положение в Галактике, подкреплялось Литейном и его окнами.

Подобно своим окнам, Лигейн был мал, но обладал богатым панорамным видом. Это было «планетное государство» в Галактике, которая к тому времени миновала данный этап экономического и политического развития.

Большинство политических организаций представляли конгломераты звездных систем, а Лигейн оставался тем, чем был на протяжении столетий — единственным населенным миром.

Это не помешало ему разбогатеть. В сущности

почти невероятно, чтобы Лигейн был иным.

Невозможно заранее предсказать, какой мир окажется в пункте, который будет использован как промежуточный центр для множества прыжков. Очень многое зависит от развития данного района космоса. Это вопрос распределения обитаемых планет, порядка, в котором они были колонизованы, типа экономики, какими они обладают.

Лигейн рано обнаружил свою ценность, и это послужило поворотным пунктом в его истории. Помимо обладания стратегической позицией, гораздо важнее уметь этой позицией пользоваться.

Лигейн продолжал занимать маленькие планетоиды, не обладающие ни ресурсами, ни возможностью поддерживать независимое население, выбирая их только потому, что они могли поддержать лигейнскую торговую монополию.

На этих скалах строились станции технического обслуживания звездолетов. Все, в чем нуждались корабли — от запасных гиператомных двигателей до новых книгофильмов, — можно было найти здесь.

Станции превращались в огромные торговые центры. Сюда устремлялись со всех королевств

Туманности меха, минералы, зерно, мясо и лес, из внутренних миров шли потоки механизмов, приборов, медикаментов.

Так Лигейн, подобно своим окнам, вбирал в себя всю Галактику.

Не поворачиваясь от окна, Автарх сказал:

— Начните с торгового корабля, Ризетт. Где он впервые встретился с этим крейсером?

— Менее чем в ста тысячах миль от Лигейна. Точные координаты не имеют значения. С тех пор за кораблем следят. Тиранитский крейсер лег на орбиту вокруг планеты.

— И он не собирается садиться, а скорее ждет чего-то?

— Да.

— Нет способа определить, сколько они будут ждать?

— Боюсь, что это невозможно. Их больше никто не заметил. Мы тщательно проверили.

— Хорошо, — сказал Автарх. — Пока оставим их. Они остановили почтовый корабль, что, несомненно, является вмешательством в наши внутренние дела и нарушением статей договора с Тираном.

— Сомневаюсь, чтобы они были тиранитами. Они ведут себя скорее как беглецы.

— Вы имеете в виду людей на тиранитском корабле? Может, они хотят, чтобы мы поверили в это? Во всяком случае, их единственное открытое действие — просьба, чтобы послание доставили непосредственно мне.

— Непосредственно Автарху, верно.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Как они вошли в почтовый корабль?

— Почтовая капсула была на расстоянии в две мили задержана корабельной сетью.

— Коммуникация была визуальной или только звуковой?

— Визуальной. Говоривший описывается как «молодой человек аристократической наружности».

Кулак Автарха медленно сжался.

— В самом деле? И его не сфотографировали? Это ошибка.

— К несчастью, у почтовых работников не было оснований для этого, сэр. Это означает что-нибудь, сэр?

Автарх не ответил.

— И это все послание?

— Да. Одно слово, которое мы должны были доставить непосредственно вам. Мы этого не сде-

лали, конечно. Возможно, в капсуле была бомба. Так убивали многих.

— Да, и Автархов тоже, — согласился Автарх.

— Одно только слово «Джилберт».

Автарх сохранял равнодушие, но было заметно, что это доставалось ему нелегко. Он не любил никаких ограничений и не должен был их иметь. И на Лигейне их и не было, если не считать законов природы.

Лигейн не всегда имел Автархов. В прошлом планетой правила династия торговых принцев. Семьи, первыми организовавшие внепланетные торговые станции, стали аристократией государства. Они не были богаты землей и не могли в этом соперничать с Ранчерами и Гранжерами соседних миров. Но они были богаты деньгами и могли подкупать тех же Ранчеров и Гранжеров, что, кстати, всегда и делали.

Лигейн испытывал обычную судьбу планет, управляемых плутократией. Власть переходила от одной семьи к другой.

Различные группы попеременно, то захватывали власть, то отправлялись в изгнание. Хроническими стали интриги и перевороты, так что если Директорат Родии был примером устойчивости и правильного развития, Лигейн

стал образцом нестабильности и беспорядка.

«Непостоянный, как Лигейн», — говорили люди.

Исход был неизбежен. По мере того, как соседние планеты объединялись и становились могущественными, гражданские смуты на Лигейне обходились все дороже, делались все опаснее для планеты. Население готово было поступиться чем-либо во имя спокойствия. Поэтому плутократия сменилась автократией, причем частично была утрачена свобода.

Власть нескольких была сосредоточена в одних руках, но этот один дружественно относился к населению, используя его как противовес относительно несмирившихся торговых династий.

При Автархе Лигейн разбогател и усилился. Даже тираниты, напавшие на него в расцвете своего могущества, немногого добились. Они не были побеждены, но были остановлены. И шок от этого события сохранился навсегда. После нападения на Лигейн тираниты не завоевали ни одной планеты.

Тогда как остальные королевства Туманности превратились в бесправных вассалов тиранитов, Лигейн считался дружественным государством, теоретически он был «союзником» Тирана, и

права его были закреплены договором.

Автарха эта ситуация не обманывала.

Шовинисты планеты могли позволить себе роскошь считать себя свободными, но Автарх знал, что тиранитская опасность на протяжении всего прошлого поколения была на расстоянии вытянутой руки, и не дальше.

И, возможно, сейчас все шло к концу.

Несомненно, он сам дал тиранитам возможность, которую они ожидали. Организация, которую он создал, хотя и малоэффективная сама по себе, могла явиться достаточным поводом для карательной операции, которую могли предпринять тираниты. Лигейн по букве закона был бы виновной стороной.

Неужели крейсер — первый сигнал начала операции вторжения?

— Стерегут ли корабль? — спросил Автарх.

— Я распорядился. Два наших крейсера находятся в пределах показаний массометра.

— Ваши выводы?

— Не знаю. Единственный Джилберт, известный мне, это Джилберт от Хинриад, с Родии. Вы имели с ним дела?

— Видел во время последнего посещения Родии.

— Вы, конечно, ничего не сказали ему?

— Конечно.

Глаза Ризетта сузились.

— Я думал, может, вы допустили какую-то неосторожность, а тираниты добыли сведения от этого Джилберта. Хинриады в наши дни известны своим слабоволием, и, видимо, расставлена ловушка, чтобы окончательно поймать вас.

— Сомневаюсь. В неподходящее время все это происходит. Я отсутствовал на Лигейне больше года, прибыл на прошлой неделе и через несколько дней снова улетаю. Послание случайно пришло ко мне, когда меня еще можно застать.

— Вы думаете, это совпадение?

— Я не верю в совпадения. Существует только одна возможность проверить, что это не совпадение; я сам полечу на этот корабль. Один.

— Невозможно, сэр. — Ризетт был изумлен. Маленький неровный шрам над его правым виском вдруг покраснел.

— Вы запрещаете мне? — сухо спросил Автарх.

Все же он был Автархом. Лицо Ризетта вытянулось, и он проговорил:

— Как вам угодно, сэр.

На борту «Безжалостного» ожидание становилось все более напряженным. Уже двое суток

корабль не сходил с орбиты.

Джилберт с неослабевающей сосредоточенностью следил за приборами.

— Они движутся?

Байрон бросил взгляд на приборную доску. Он брился, осторожно накладывая тиранитскую эрозийную пасту.

— Нет, не движутся. Зачем им это? Они просто следят за нами.

Он сосредоточился на трудном участке на верхней губе и нахмурился, ощутив на языке кисловатый вкус пасты. Тираниты пользовались пастой с почти изощренной грацией. Несомненно, это был самый быстрый из существующих средств бритья. Паста представляла собой крайне мелкий абразив, уничтожающий волосы не вредя при этом коже.

Однако Байрону этот способ не нравился. Хорошо известно, что среди тиранитов рак кожи и лица распространен больше, чем в других культурных обществах, и многие приписывали это их способу бриться. Байрон впервые задумался, а не лучше ли полностью и навсегда убрать волосы с лица.

В некоторых районах Галактики это делалось. Он отказался от этой мысли. Волосы убираются

навсегда, а мода на усы и бакенбарды может когда-нибудь вернуться.

Байрон рассматривал свое лицо в зеркале, думая, пошли бы ему бачки на щеках или нет, когда Артемизия от дверей сказала:

— Я думала, вы спите.

— Я спал, — ответил он, — но потом проснулся.

Он взглянул на нее и улыбнулся.

Она погладила его по щеке.

— Гладко. Вы выглядите, как восемнадцатилетний.

Он поднес ее руку к губам.

— Пусть это вас не обманывает.

— Они по-прежнему следят? — спросила она.

— По-прежнему. Меня раздражает это скучное ожидание.

— Я не назвала бы его скучным.

— Вы рассматриваете совсем другую сторону событий, Арта.

— Почему бы нам не высадиться прямо на Лигейне?

— Мы думали об этом. Мне кажется, нам не следует рисковать. Лучше подождать, пока не иссяк запас воды.

Джилберт громко сказал:

— Говорю вам, они движутся.

Байрон подошел и взглянул на показания массометра, потом взглянул на Джилберта.

— Возможно, вы правы.

Он ввел несколько данных в калькулятор и посмотрел на шкалу.

— Нет, корабли относительно нас не движутся. Показание массометра изменилось, потому что к ним присоединился третий корабль. Насколько я могу судить, он в пяти тысячах миль, «ро» — около сорока градусов, «фи» — 192 градуса от линии корабль — планета. — Он замолчал, изучая новые данные.

— Я думаю, они приближаются. Корабль маленький. Можете связаться с ними, Джил?

— Могу попытаться, — ответил Джилберт.

— Хорошо. Изображение не передавайте, а давайте мне только звук, пока мы не разберемся, кто приближается.

Интересно было смотреть на Джилберта у радиопередатчика. Очевидно, он обладал врожденным талантом оператора. Сосредоточить узко направленный радиолуч на определенный пункт пространства — трудная задача, и корабельная аппаратура помогает в этом лишь частично. Джилберт знал расстояние до корабля с точностью до нескольких сотен миль. Он знал

также два угла, каждый из которых мог быть определен с ошибкой в пять градусов в любом направлении.

Это давало объем примерно в десять миллионов кубических миль, в котором мог находиться корабль. Остальное зависело от оператора-человека. А ведь в самой широкой части радиолуч едва достигал полумили в поперечном сечении. Говорят, опытный оператор чувствует, на сколько миль луч прошел мимо цели. С научной точки зрения это было абсурдом, но часто казалось, что другие объяснения не подходят.

Через десять минут связь была установлена.

Еще через десять минут Байрон откинулся на спинку кресла и сказал:

— Они посылают нам на борт человека.

— Вы им позволили? — спросила Артемизия.

— Почему бы и нет? Один человек? Мы же вооружены.

— Но если мы подпустим их корабль слишком близко?

— Мы на тиранитском крейсере, Арта. Он в три-пять раз превосходит их корабль по мощности, даже если у них лучший военный корабль Лигейна. Их драгоценный договор не так уж много им позволяет, а у нас целых пять крупнокалиберных

бластеров.

Артемизия спросила:

— Вы умеете пользоваться тиранитскими бластерами? Я не знала об этом.

Байрону не хотелось сознаваться, но он сказал:

— К сожалению, не умею. Пока не умею. Но на лигейнском корабле об этом не знают.

Полчаса спустя на экране появился корабль. Это было небольшое тупорылое судно с четырьмя плавниками, используемыми при полете в стратосфере.

При первом появлении корабля на экране Джилберт облегченно вскрикнул:

— Это яхта Автарха! — Лицо его расплылось в улыбке. — Это его личная яхта. Я уверен, я вам говорил, что достаточно будет просто назвать мое имя.

Последовал период уравнивания скоростей, и вот лигейнский корабль неподвижно повис на экране.

В передатчике послышался тихий голос:

— Готовы к причаливанию?

— Готовы, — ответил Байрон. — Пройдет только один человек.

— Да, один человек, — последовало подтверждение.

Естественно, такая форма причаливания требует взаимного доверия.

Приблизившийся лигейнец был одет в металлический костюм, гибкие соединения которого облегчали мускульные усилия.

Даже на расстоянии было видно, как сгибались и разгибались его руки.

Следовало тщательно уравнять взаимные скорости кораблей. Разница в скоростях могла разорвать линию и отправить человека в космос, и ничто не остановило бы тогда его движение к вечности.

Лигейнец продвигался уверенно и быстро.

Когда он приблизился, стало видно, что он не просто перебирает руками. Каждый раз, отцепляясь от линии, он пролетал на несколько десятков футов, потом снова хватался руками за нить.

Это был рискованный полет через космос. Космонавт превратился в сверкающий металлический предмет.

Артемизия спросила:

— А если он промахнется?

— Он кажется слишком опытным для этого, — ответил Байрон. — А если он промахнется, то по-прежнему будет сверкать на солнце, и мы его подберем.

Лигейнец был совсем близко. Но вот он исчез из пределов видимости. Еще пять секунд — и послышался топот ног по корпусу корабля.

Байрон, услышав неторопливый стук, открыл наружный люк.

За стеной пилотской рубки послышался гул. Наружная дверь закрылась, часть стены скользнула в сторону, и вошел человек.

Костюм его мгновенно покрылся изморозью, толстым слоем затянуло стекло шлема. От него исходил холод. Байрон усилил обогрев помещения, ворвалась струя теплого воздуха. Изморозь начала таять.

Металлические пальцы лигейнца дергали затяжку шлема, как будто его раздражала собственная снежная слепота. И вот толстый шлем снят, показались взъерошенные волосы.

— Ваше превосходительство! — сказал Джилберт.

Обращаясь к Байрону, он добавил с торжеством:

— Байрон, это сам Автарх.

Но Байрон мог лишь удивленно воскликнуть:

— Джонти!

Глава 13
Автарх остается

Автарх откинул в сторону скафандр и сел в кресло:

— Давно не приходилось упражняться в переходе через космос, — сказал он. — Но если раз этому научиться, то потом не отвыкнешь. Здравствуйте, Фаррил! Милорд Джилберт, добрый день! А это, насколько я помню, дочь Директора, леди Артемизия.

Он зажал губами длинную сигарету и зажег ее. Ароматный запах заполнил рубку.

— Не ожидал увидеть вас так скоро, Фаррил.

— Или вообще увидеть, — едко добавил Байрон.

— Трудно сказать, — согласился Автарх. — Конечно, получив сообщение из одного слова «Джилберт», зная, что Джилберт не может управлять космическим кораблем, и зная далее, что я сам послал на Родию молодого человека, который может управлять космическим кораблем и который вполне способен украсть крейсер, спасаясь бегством, я должен был прийти к выводу, что это

вы, и не очень удивился, увидев вас.

— А я думаю, вы удивились, — возразил Байрон.

— Убийство ведь не удалось. Думаете, я хуже вас владею дедукцией?

— Я всегда был высокого мнения о вас, Фаррил.

Автарх оставался абсолютно невозмутимым, и Байрон счел свое негодование глупым. Он яростно повернулся к остальным.

— Этот человек — Сандер Джонти. Я вам о нем рассказывал. Возможно, он Автарх Лигейна или пятьдесят Автархов. Неважно. Для меня он Сандер Джонти.

Артемизия сказала:

— Тот самый, который…

Джилберт поднял тонкую дрожащую руку.

— Следите за собой, Байрон. Вы сошли с ума?

— Это тот самый человек! Я не сошел с ума, — крикнул Байрон.

Он с усилием совладал с собой.

— Хорошо. Я думаю, нет смысла кричать. Уходите с моего корабля, Джонти. Я сказал это достаточно спокойно. Убирайтесь с корабля!

— Мой дорогой Фаррил, а почему?

Джилберт странно булькнул горлом, но Байрон оттолкнул его, глядя в лицо сидящему Автарху.

— Вы допустили одну ошибку, Джонти, только одну. Не догадались, что когда я уйду из спальни там, на Земле, часы я оставлю внутри. Видите ли, на часах у меня индикатор радиации.

Автарх выпустил кольцо дыма и приятно улыбнулся.

Байрон сказал:

— Этот индикатор не посинел, Джонти. В моей комнате не было никакой бомбы, была тщательно подготовленная подделка. Если вы станете это отрицать, значит, вы лжец, Джонти, или Автарх, или как вам угодно себя называть. Больше того, это именно вы подсунули мне эту подделку. Вы усыпили меня гиптайном и организовали всю эту ночную комедию. Она имела свой смысл. Если бы меня оставили, я просидел всю ночь и не узнал бы, что в спальне что-то не в порядке. Поэтому вы позвонили мне, чтобы разбудить.

Проснувшись, я должен был обнаружить бомбу, которую положили рядом со счетчиком, чтобы я ее не пропустил. Кто взорвал мою дверь, чтобы я мог выйти раньше, чем догадаюсь о том, что бомба всего лишь подделка? Вы, должно быть, наслаждались своей находчивостью той ночью?

Байрон ждал ответа, но Автарх лишь кивнул, продолжая слушать с вежливым интересом. Бай-

рон чувствовал, как растет его ярость. Как будто пинаешь подушки, хлещешь воду, бьешь воздух.

Он хрипло сказал:

— Мой отец был казнен. Я бы вскоре узнал об этом и отправился бы на Нефелос, где принял бы решение — сражаться ли с тиранитами открыто или действовать иначе. Я взвесил бы свои возможности и подготовился получше к любым случайностям.

Но вы хотели, чтобы я отправился на Родию и увиделся с Хинриком. Конечно, я не стал бы делать то, чего хотите вы. Я не стал бы выполнять ваши слова. Вам нужно было организовать соответствующее стечение обстоятельств. И вы организовали.

Байрон перевел дыхание и ждал ответа. Ответа не было. Он закричал:

— Вы мне даже не сказали, что я улетаю на родийском корабле, и что вы сообщили капитану о том, кто я таков. Вы мне даже не объяснили, что направляете меня прямо в руки тиранитов. Вы отрицаете это?

Наступила долгая пауза. Джонти погасил сигарету.

Джилберт сжимал трясущиеся руки.

— Байрон, вы ведете себя невозможно, не ста-

нет же Автарх…

Но тут Джонти спокойно сказал:

— Станет. Признаю все это. Вы совершенно правы, Байрон, я поздравляю вас с такой проницательностью. Подделка вместо бомбы была подсунута мной, и я отправил вас на Родию с намерением дать возможность тиранитам арестовать вас.

Лицо Байрона прояснилось. Он сказал:

— Когда-нибудь я закончу это дело. Пока же, Джонти, вы, по-видимому, Автарх Лигейна, и вас ждут три корабля. Это ставит меня в неравное положение, что меня не устраивает. Однако «Безжалостный» — мой корабль. Я его пилот. Надевайте скафандр и убирайтесь. Космическая линия еще на месте.

— Это не ваш корабль. Вы скорее пират, чем пилот.

— Право собственности — единственный из законов, который действует здесь. Даю вам пять минут на то, чтобы одеться.

— Давайте без драматизма. Мы нужны друг другу, и я не собираюсь уходить.

— Мне вы не нужны. Даже если бы весь тиранитский флот преследовал нас, а вы могли бы его уничтожить, вы мне все равно были бы не

нужны.

— Фаррил, — сказал Джонти, — вы говорите и ведете себя, как ребенок. Я дал вам возможность высказаться. Могу теперь сказать я?

— Не вижу необходимости вас выслушивать.

— А теперь видите?

В руке Джонти сверкнул карманный бластер.

Артемизия закричала. Байрон рванулся к Автарху, потом остановился. Покраснев от злости, застыл в беспомощности.

— Я принял все меры предосторожности, — сказал Джонти. — Жаль, что приходится действовать так грубо и угрожать. Но я думаю, это поможет мне заставить вас выслушать меня.

Много лет я готовлю Лигейн к борьбе с Тираном. Вы знаете, что это значит? Это нелегко. Почти невозможно. Внутренние королевства отказываются помочь. Мы знаем это по горькому опыту. Королевства Туманности могут спастись, только опираясь на свои силы. Но не так-то просто убедить в этом лидеров. Ваш отец проявил активность и был убит. Это совсем не игра. Помните об этом. Арест вашего отца поставил нас перед выбором: жизнь или ужасная смерть. Ваш отец входил в число самых осведомленных, и тираниты, очевидно, напали на наш след. Их

нужно было с него сбить. Чтобы сделать это, требовалось поступиться честью и благородством. На них, как говорится, не поджаришь яичницу. Я не мог прийти к вам и сказать: Фаррил, нужно пустить тиранитов по ложному следу. Вы сын Ранчера и поэтому подозрительны. Подружитесь с Хинриком Родийским, чтобы тираниты пошли в этом направлении. Уведите их от Лигейна. Возможно, это опасно. Вы можете потерять жизнь, но послужите идеалам, во имя которых погиб и ваш отец…

Может, вы и сами сделали бы это, но я не мог позволить себе экспериментировать. Я заставил вас поступать так, не зная об истинной цели. Я согласен, это жестоко. Но у меня не было выбора. Я думал, вы не выживете, говорю вам откровенно. Я сознательно приносил вас в жертву. Но вы уцелели, и я рад. Есть еще одно обстоятельство, касающееся документа…

— Какого документа? — спросил Байрон.

— Вы слишком торопитесь. Знайте, что ваш отец работал на меня. Поэтому я знал то, что знал он. Вы должны были отыскать этот документ, для этого у вас были возможности. Вы находились на Земле на законном основании. Молоды, вне подозрений. Все было бы хорошо, но после ареста

вашего отца вы стали опасны.

Для тиранитов вы теперь стали особо подозрительны, даже опасны. Мы не могли допустить, чтобы вы завладели документом, потому что тогда он неизбежно попал бы к ним. Мы должны были убрать вас с Земли, прежде чем вы закончите свое дело. Видите, как все совпадает?

— Значит, документ теперь у вас?

— Нет. Он исчез с Земли много лет назад. Если это тот самый документ, я не знаю, у кого он. Можно убрать бластер? Он тяжелый.

— Уберите, — сказал Байрон.

Автарх так и сделал. Потом он спросил:

— Что отец говорил вам о документе?

— Ничего, чего бы вы не знали, поскольку он работал на вас.

Автарх улыбнулся.

— Именно так!

В улыбке его не было веселья.

— Вы закончили?

— Да.

— Тогда, — сказал Байрон, — убирайтесь с корабля.

— Подождите, Байрон, — вмешался Джилберт, — дело не только в личной вражде. Здесь и мы с Артемизией. У нас тоже есть что сказать.

В словах Автарха есть смысл. Напомню, что на Родии я спас вам жизнь. Думаю, что и моя точка зрения должна быть учтена.

— Хорошо! Я уже слышал, что вы спасли мне жизнь! — закричал Байрон. Он указал пальцем на люк.

— Так уходите вместе с ним! Вы хотели найти Автарха. Вот он! Я согласился отвезти вас к нему, а на этом моя ответственность кончается. Не пытайтесь указывать мне, что делать.

Все еще дрожа от гнева, он повернулся к Артемизии.

— А вы? Вы тоже спасли мне жизнь. Все вокруг только и знают, что спасают мне жизнь. Вы тоже хотите уйти с ними?

Она спокойно ответила:

— Не решайте за меня, Байрон. Если я захочу уйти, я скажу об этом.

— Не чувствуйте себя обязанной. Можете уйти в любое время.

Она выглядела обиженной, и он отвернулся. Как обычно, какой-то частью рассудка он понимал, что ведет себя по-детски. Он выглядел глупо перед Джонти, но не мог сдержать своего негодования. И почему все так спокойно согласились с тем, что кто-то имеет право бросить Байрона

Фаррила тиранитам, как кость собакам, чтобы увести их от Джонти. Черт возьми, что они о нем думают?

Он подумал о бомбе-подделке, о родийском лайнере, о тиранитах, о дикой ночи на Родии и почувствовал, что начал жалеть себя.

Автарх сказал:

— Ну, Фаррил?

И Джилберт ответил:

— Ну, Байрон?

Байрон повернулся к Артемизии:

— Что думаете вы?

Артемизия спокойно ответила:

— Я думаю, что у него там три корабля, и что, кроме всего, он Автарх Лигейна. Не вижу, чтобы у вас был выбор.

Автарх ободрительно кивнул:

— Вы умная девушка, миледи. Хороший ум в прекрасном оформлении.

На мгновение его глаза задержались на ее лице.

Байрон сказал:

— Ваши предложения?

— Позвольте мне воспользоваться вашими именами и способностями, и я приведу вас на планету, которую милорд Джилберт назвал по-

встанческой.

Байрон тихо спросил:

— Вы думаете, она существует?

Одновременно это спросил и Джилберт.

Автарх улыбнулся.

— Я думаю, что мир, описанный милордом, существует, но это не моя планета.

— Не ваша, — разочарованно проговорил Джилберт.

— Разве это имеет значение, если я смогу найти ее?

— Каким образом? — спросил Байрон.

— Это не так трудно, как можно предположить, — объяснил Автарх. — Если мы сочли рассказ правдивым, значит, существует планета, восставшая в секторе Туманности, и в течение уже двадцати лет не была обнаружена тиранитами. В таком случае в секторе существует лишь одно место, где она может находиться.

— Какое же?

— Вы не видите очевидного? Этот мир может существовать только в самой Туманности.

— Внутри Туманности?

Джилберт сказал:

— Великая Галактика, конечно!

В этот момент вывод показался очевидным.

Только Артемизия робко спросила:

— Разве могут люди жить внутри Туманности?

— Почему бы и нет, — сказал Автарх. — Что такое Туманность? Пыль в космосе, но вовсе не ядовитый газ. Невероятно разряженная масса атомов соды, поташа, кальция, которые поглощают свет звезд. Иными словами, она безвредна, и находящиеся в ней звезды недоступны наблюдениям извне. Прошу прощеная, если кажусь педантичным, но последние несколько месяцев я провел в университете Земли, собирая астрономические данные относительно Туманности.

— Почему именно там? — спросил Байрон. — Конечно, не столь важно, но я встретил вас там, и мне любопытно.

— Никакой загадки. Я оставил Лигейн по собственным делам. Каким — не имеет значения. Примерно шесть месяцев назад я навестил Родию. Мой агент Вайдемос — ваш отец, Байрон, не сумел договориться с Директором, которого мы надеялись привлечь на свою сторону. Я старался исправить положение и потерпел неудачу, потому что Хинрик, прошу прощения у леди, не из тех, кто подходит для нашего дела.

— Это верно, — пробормотал Байрон.

Автарх продолжал:

— Но я встретился с Джилбертом, о чем он вам, вероятно, рассказывал сам. Оттуда я отправился на Землю, поскольку Земля — родина человечества. Именно с Земли началось заселение Галактики. Туманность Лошадиная Голова была исследована очень тщательно. Во всяком случае, через нее пролетали несколько раз.

Ее никогда не заселяли, поскольку навигация в космосе без наблюдения за звездами затруднена. Теперь слушайте внимательно.

Тиранитский корабль, на котором находился милорд Джилберт, столкнулся с метеоритом после своего первого прыжка. Если считать, что от Тирана до Родии корабль летел по обычному торговому маршруту — а считать иначе нет никаких оснований, — можно узнать пункт, в котором произошло столкновение. Между двумя прыжками корабль вряд ли проходит больше полумиллиона миль. Такое расстояние мы можем считать точкой в космосе. Можно сделать другое предположение. Вряд ли контрольный щит изменил направление полета второго прыжка. Для этого только необходимо изменить установку корабельного гирокомпаса. Это трудно, но возможно. А чтобы изменить силу толчка гиператомных двигателей, нужно совсем разрушить механизм.

Они, конечно, не были затронуты метеоритом. С неизменной силой толчка длина остающихся четырех толчков осталась прежней, а изменилось лишь направление. Это все равно, что длинную проволоку еще раз изогнуть в неизвестном месте под неизвестным углом. Точка, в которой в конце концов окажется корабль, лежит на поверхности воображаемой сферы, центр которой — пункт столкновения с метеоритом, а радиус — сумма длин четырех прыжков. Я рассчитал такую сферу, и ее поверхность на большом пространстве пересекла Туманность Лошадиная Голова. Около шести тысяч квадратных градусов поверхности этой сферы, или около четверти всей ее поверхности, лежит внутри Туманности. Остается лишь найти звезду Туманности, удаленную не более чем на миллион миль от нашей воображаемой сферы. Вы помните, что корабль находился вблизи звезды. Как вы думаете, сколько звезд внутри Туманности могут находиться на таком удалении от воображаемой сферы? Вспомните, сколько в Галактике миллиардов звезд.

Байрон невольно был захвачен этими рассуждениями.

— Сотни, наверное, — сказал он.

— Пять, — ответил Автарх. — Пусть число пять

миллиардов не вводит вас в заблуждение. Объем Галактики около семи триллионов кубических световых лет, так что в среднем на одну звезду приходится семьдесят световых лет. Жаль, что я не знаю, у каких звезд есть обитаемые планеты. Тогда мы свели бы число возможных звезд к одной.

К несчастью, исследователи раньше не проводили детального изучения. Они отмечали лишь положение звезд, их собственное движение и спектральный тип.

— Значит, одна из этих звездных систем и есть повстанческий мир? — спросил Байрон.

— Из известных мне фактов можно сделать только такое заключение.

— Если принять рассказ Джила.

— Я на нем и основывался.

— Мой рассказ правдив, — гордо сказал Джилберт. — Клянусь!

— Я как раз собирался исследовать эти пять звезд, — сказал Автарх. — Мотивы мои достаточно очевидны, как Автарх Лигейна, я могу принять участие в их борьбе.

— А в сопровождении двух Хинриадов и Вайдемоса вы будете претендовать на более важную роль в новом мире, — заметил Байрон.

— Ваш цинизм не пугает меня, Фаррил. И ответ очевиден — да, если предстоит победоносное восстание, нужно быть поближе к победившей стороне.

— Иными словами, удачливый капер или офицер восставших может быть вознагражден Автархием Лигейна.

— Или Ранчо Вайдемоса. Совершенно верно.

— А если восстание не удастся?

— Тогда будет время подумать.

Байрон медленно произнес:

— Я с вами.

— Хорошо! Тогда вам лучше перебраться с этого корабля.

— Зачем?

— Так будет лучше для вас. Этот корабль — игрушка.

— Это тиранитский военный корабль, его оставлять неразумно.

— Как тиранитский военный корабль он будет подозрителен.

— Не в Туманности. Простите, Джонти, я присоединяюсь к вашей экспедиции. Я тоже могу быть откровенным. С вашей помощью мне нужно найти планету повстанцев. Но дружбы между нами нет, и я останусь в своем корабле.

— Байрон, — мягко сказала Артемизия, — но корабль слишком мал для нас троих.

— В нынешнем состоянии — да, Арта. Но к нему можно присоединить трейлер. Джонти знает это так же хорошо, как и я. Тогда у нас будет необходимое пространство. И мы останемся хозяевами сами себе. К тому же это замаскирует принадлежность корабля.

Автарх предложил:

— Если между нами нет ни дружбы, ни доверия, я должен обезопасить себя. Вы можете оставить себе корабль и получите трейлер. Но у меня должны быть гарантии, что вы не поведете себя неразумно. По крайней мере, леди Артемизия должна будет идти со мной.

— Нет! — сказал Байрон.

Автарх поднял брови.

— Нет? Пусть скажет леди.

Он повернулся к Артемизии, слегка раздув ноздри.

— Осмелюсь доложить, что ваше положение будет очень комфортабельным, леди.

— Но для вас оно не будет таким, милорд. Будьте в этом уверены, — возразила она. — Я предпочту неудобства и останусь здесь.

— Я думаю, вы пересмотрите… — начал Ав-

тарх.

Две морщинки нарушили безмятежность его лица.

— Я думаю, нет, — прервал его Байрон. — Леди Артемизия сделала выбор.

— И вы, конечно, одобряете ее выбор? — Автарх иронически усмехнулся.

— Полностью! Мы все трое останемся на «Безжалостном». Тут мы не уступим.

— Вы странно подбираете себе спутников.

— Вы так думаете?

— Да, — резко оборвал его Байрон.

Помолчав, Автарх сказал примирительным тоном:

— Вы сердитесь на меня, потому что я вас обманул и подвергал вашу жизнь опасности. Странно в таком случае, что вы в дружеских отношениях с дочерью Хинрика. По лживости он превосходит меня.

— Я знаю Хинрика. Ваше мнение о нем ничего не меняет.

— Вы все знаете о Хинрике?

— Достаточно.

— А знаете, что это он убил вашего отца, и что эта девушка — дочь убийцы?

Глава 14
Автарх уходит

Наступило молчание. Автарх зажег еще одну сигарету. Он расслабился, лицо его приобрело безмятежное выражение. Джилберт скорчился в пилотском кресле, лицо его исказилось, как будто он собирался заплакать.

Байрон, бледный, как бумага, со сжатыми кулаками, смотрел на Автарха. Артемизия, с раздувающимися тонкими ноздрями не сводила взгляда с Байрона.

Прозвучал негромкий сигнал по радио. Джилберт вздрогнул и повернулся в кресле.

Автарх лениво заметил:

— Боюсь, мы оказались разговорчивее, чем я предполагал. Я приказал Ризетту явиться за мной, если я не вернусь через час.

Вспыхнул экран, на нем появилась поседевшая голова Ризетта.

Джилберт сказал Автарху:

— Он хочет говорить с вами.

Автарх встал и приблизился к экрану, чтобы оказаться в зоне видимости.

— Я в безопасности, Ризетт, — сказал он.

Вопрос Ризетта был еле слышен:

— Из кого состоит экипаж этого корабля, сэр?

Неожиданно Байрон оказался рядом с Автархом.

— Я Ранчер Вайдемоса, — гордо сказал он.

Ризетт широко и радостно улыбнулся.

Рука на экране отдала салют.

— Приветствую вас, сэр!

Автарх прервал:

— Я возвращаюсь вместе с леди. Подготовьте воздушный туннель.

Он прервал визуальную связь между кораблями и обернулся к Байрону.

— Я уверил их, что вы на корабле. Многие возражали против моего прихода к вам. Ваш отец был очень популярен среди моих людей.

— Вот почему вы хотите использовать мое имя!

Автарх пожал плечами.

Байрон сказал:

— Но больше вы им не воспользуетесь. Ваши последние слова вашему офицеру были неточны.

— Да? После того, что я сказал вам?

Байрон резко ответил:

— Вы ничего не сказали. Я не намерен верить

вашим словам. Я говорю это без всякого стремления извлечь выгоду из популярности отца. Надеюсь, вы меня поняли?

— Вы так хорошо знаете Хинрика, что мое заявление кажется вам неправдоподобным?

Байрон запнулся. Замечание явно попало в цель. Он не ответил.

Артемизия сказала:

— А я говорю, что это не так. У вас есть доказательства?

— Прямых, конечно, нет. Я не присутствовал при встрече вашего отца с тиранитами, но я могу сопоставить известные факты, а вы сами сделаете выводы. Во-первых, прежний Ранчер Вайдемоса навещал Хинрика шесть месяцев назад. Я уже говорил об этом. Могу добавить, что он был слишком оптимистичен в своих усилиях, а, может, переоценил Хинрика. Во всяком случае, он сказал больше, чем должен был сказать. Пусть милорд Джилберт подтвердит это.

Джилберт кивнул с жалобным видом и сказал Артемизии, которая смотрела на него влажными гневными глазами:

— Прости, Арта, но это так. Я говорил тебе это. От Вайдемоса я и узнал об Автархе.

Автарх сказал:

— К счастью для меня, милорд соорудил длинные механические уши, чтобы удовлетворять свое любопытство в отношении государственных дел Директора. Джилберт, разговаривая со мной, сам того не зная, предупредил меня об опасности. Я улетел немедленно, но вред причинен был. Конечно, насколько нам известно, это был единственный промах Вайдемоса, а Хинрик, несомненно, не пользуется репутацией независимого и храброго человека. Ваш отец, Фаррил, был арестован через полгода. И если его выдал не отец этой девушки, то кто?

— И вы не предупредили отца? — спросил Байрон.

— Наше дело рискованное, Фаррил, но мы его предупредили. После этого он не имел с нами контактов, даже косвенных, и уничтожил все доказательства связи с нами. Некоторые из нас считали, что он должен покинуть сектор или хотя бы уйти в подполье. Он отказался. Я думаю, вы понимаете почему. Изменить свой образ жизни, для него значило бы отдать в руки тиранитов еще одно доказательство и подвергнуть опасности все движение. Он решил рисковать только своей жизнью и жил открыто. Почти полгода тираниты ждали, чтобы он выдал себя. Они терпеливы, эти

тираниты. Но через полгода в их сетях по-прежнему был один Вайдемос.

— Это ложь! — воскликнула Артемизия. — Все это ложь! Ханжеская, лицемерная история без крупицы правды. Если все сказанное вами правда, они следили бы и за вами. Вы сами были бы в опасности. Не сидели бы вы здесь, улыбаясь и тратя напрасно время.

— Миледи, я не трачу времени зря. Я постарался дискредитировать вашего отца, как источник информации. Думаю, мне это удалось. Тираниты призадумаются, можно ли доверять человеку, дочь и брат которого стали изменниками. К тому же, если они все еще намерены доверять ему, я исчезаю из района Туманности, и они меня не найдут. Думаю, что мои действия скорее доказывают правдивость моих слов, чем наоборот.

Байрон сделал глубокий вздох и сказал:

— Будем считать разговор оконченным, Джонти. Мы согласились с тем, что будем сопровождать вас и получим от вас все необходимое. Этого достаточно. Даже если все сказанное вами — правда, сейчас это не имеет значения. Преступления Директора Родии не унаследованы его дочерью. Артемизия от Хинриад остается со мной, если она согласна.

— Я согласна, — сказала Артемизия.

— Хорошо. Это решено. Кстати, предупреждаю вас: вы вооружены, я — тоже. Ваши корабли фрайтеры, мой — тиранитский крейсер. Можем, если надо, помериться силами.

— Не глупите, Фаррил. У меня дружественные намерения. Хотите оставить девушку здесь? Пожалуйста. Могу я уйти через воздушный тоннель?

— Это мы вам доверяем.

Два корабля сблизились, и от одного корабля к другому протянулись гибкие туннели. Корабли тщательно уравняли скорости. Джилберт сидел за радио.

— Контакт — через две минуты, — сообщил он.

Трижды включались магнитные поля, и каждый раз навстречу друг другу выдвигались гибкие трубы.

— Две минуты, — повторил Байрон, напряженно ожидая.

В четвертый раз включилось магнитное поле, лампы на мгновенье потускнели, пока двигатели справлялись с повышенным потреблением энергии. Снова выдвинулись трубы, поколебались немного и бесшумно совместились, замки на них автоматически защелкнулись. Воздушный

туннель был установлен.

Байрон провел тыльной стороной ладони по лбу, напряжение частично покинуло его.

— Готово, — сказал он.

Автарх поднял свой скафандр. Под ним еще было много влаги.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил он. — Сейчас явится мой офицер. С ним вы обсудите подробности поставки вам необходимых товаров и оборудования.

Он вышел.

— Посмотрите за офицером Автарха, Джил. Когда он придет, разведите туннель, — сказал Байрон. — Для этого нужно только выключить магнитное поле. Вот здесь…

Он повернулся и вышел из рубки. Ему необходимо было побыть одному, подумать.

За ним послышались торопливые шаги и негромкий, зовущий его голос. Он остановился.

— Байрон, — сказала Артемизия, — я хотела поговорить с, вами.

— Позже, если вы не возражаете, Арта.

Она внимательно смотрела на него.

— Нет, сейчас.

Она вытянула руки, как будто хотела его обнять, но не была уверена, что он хочет того же.

— Вы не верите тому, что он сказал о моем отце?

— Это неважно — верю или нет.

— Байрон… — начала она и смолкла.

Ей трудно было говорить. Она попыталась снова.

— Байрон, я знаю то, что произошло между нами, получилось потому, что мы были одни, и в опасности, но…

Она снова замолчала.

Байрон сказал:

— Если вы хотите сказать, что вы из семьи Хинриадов, Арта, то не нужно. Я это знаю. И впоследствии я бы вам об этом не напомнил.

— О, нет! Не это!

Она схватила его за руку и прижалась щекой к твердому плечу.

Теперь она говорила быстро.

— Это совсем не то. Дело не в Хинриадах и не в Вайдемосах. Я люблю вас, Байрон.

Она искала его взгляд.

— Я думаю, вы тоже меня любите. Вы признали бы это, если бы забыли, что я из Хинриадов. Я сказала первая. Вы говорили Автарху, что не вините меня за дела отца. Не обвиняйте меня.

Она обнимала его за шею. Байрон чувствовал

мягкость ее груди и теплоту ее дыхания. Он медленно высвободился из ее объятий, мягко разъединил ее кисти и отступил.

— Я не расквитался с Хинриадами, миледи.

— Но вы же сказали Автарху, что…

Он отвел взгляд.

— Простите, Арта. Не вспоминайте то, что я сказал Автарху.

Она хотела закричать, что это неправда, что ее отец этого не делал, что в любом случае…

Но он вошел в каюту и оставил ее в коридоре с глазами, полными боли и стыда.

Глава 15
Дыра в пространстве

Когда Байрон снова вошел в пилотскую рубку, Теодор Ризетт повернулся к нему.

У него были седые волосы, все еще крепкое тело и широкое красное улыбающееся лицо.

Одним шагом он преодолел разделявшее их расстояние и сосредоточенно пожал Байрону руку.

— Клянусь звездами, не нужно было говорить, что вы сын вашего отца. Как будто ожил старый Ранчер.

— Я бы хотел, чтобы это произошло, — печально сказал Байрон.

Улыбка исчезла с лица Ризетта.

— Мы все этого бы хотели. Каждый из нас. Кстати, я Теодор Ризетт, полковник регулярной лигейнской армии, но в нашей маленькой игре мы не пользуемся званиями, даже к Автарху мы обращаемся «сэр». Это кое-что напомнило мне.

Он стал серьезным.

— У нас на Лигейне нет ни лордов, ни леди, ни Ранчеров. Надеюсь, я никого не обижу, если случайно забуду о титулах?

Байрон пожал плечами.

— Как вам угодно, пусть не будет никаких званий в нашей маленькой игре. Но как насчет трейлера? Я понял, что должен договариваться с вами.

Он осмотрелся. Джилберт сидел, безмолвно слушая. Артемизия повернулась к нему спиной. Ее тонкие бледные пальцы чертили абстрактные рисунки на фотоконтактах компьютера. Голос Ризетта вновь привлек ее внимание.

Лигейнец обвел взглядом рубку.

— Впервые вижу тиранитский корабль изнутри. Раньше не приходилось. Аварийный люк ближе к корме? Мне кажется, двигатели окружают середину корабля.

— Верно.

— Хорошо. Тогда нет никаких неприятностей. В старых моделях двигатели на корме, поэтому трейлер приходится ставить под углом. Труднее организовать искусственное тяготение, а маневрирование в атмосфере вообще невозможно.

— Сколько времени это займет, Ризетт?

— Недолго. Какой величины трейлер вам нужен?

— А какой вы можете дать?

— Самый роскошный. Конечно, если Автарх

так говорит, значит, вопрос решен. Мы можем присоединить целый корабль. У него будут вспомогательные моторы.

— Я полагаю, там будут жилые помещения?

— Для миссис Хинриад будет значительно удобнее, чем здесь…

Он резко остановился.

При упоминании ее имени Артемизия медленно и холодно прошла мимо и покинула пилотскую рубку. Байрон проследил за ней взглядом.

Ризетт сказал:

— Вероятно, мне не следовало говорить «миссис Хинриад»?

— Нет, ничего. Не обращайте внимания. Вы говорили…

— О помещениях. По крайней мере, две большие каюты с душем. Обычные туалетные устройства больших лайнеров. Ей будет весьма удобно.

— Хорошо. Нам нужны пища и вода.

— Конечно. В резервуаре будет двухмесячный запас воды. Если захотите организовать плавательный бассейн, тогда запас будет на меньшее время. И замороженные туши. Сейчас вы едите концентрат тиранитов?

Байрон кивнул, и Ризетт сделал гримасу.

— У него вкус прессованных опилок. Что еще?

— Запас одежды для леди, — сказал Байрон.

Ризетт сморщил лоб.

— Да, конечно. Ну, это будет ее забота.

— Нет, сэр. Вы снабжаете нас всем необходимым. Можете доставить и одежду, соответствующую современной моде.

Ризетт коротко рассмеялся и покачал головой.

— Ранчер, ей это не понравится. Ее не удовлетворит одежда, которую она не сама выберет. Это точно. У меня есть опыт с подобными созданиями.

Байрон сказал:

— Видимо, вы правы, Ризетт. Но будет так.

— Ладно. Но я вас предупредил. На вашу ответственность. Что еще?

— Разные мелочи. Запас моющих средств и еще косметика, духи — то, что нужно женщинам. Это все позже. Начните подготовку трейлера.

Теперь молча вышел Джилберт. Байрон посмотрел ему вслед. Челюсти его сжались.

— Хинриады! Ведь они Хинриады! Джилберт и она — тоже.

Он продолжал:

— Конечно, понадобится одежда для мистера Хинриада и для меня. Но это не так уж важно.

— Верно. Вы не возражаете, если я воспользу-

юсь вашим радио? Мне лучше остаться у вас на корабле, пока все не будет закончено.

Байрон подождал, пока были отданы первые приказы. Потом Ризетт повернулся и сказал:

— Никак не могу привыкнуть к тому, что вы ходите, говорите. Вы так на него похожи. Ранчер часто говорил о вас. Вы ведь учились на Земле?

— Да. Неделю назад я получил бы диплом, если бы не это происшествие.

Ризетт неуверенно взглянул на него.

— Вы говорите о посылке вас на Родию? Не сердитесь на нас. Мне это не нравилось. Строго между нами, и нашим парням это совсем не понравилось. Автарх, конечно, не посоветовался с нами. Откровенно говоря, это был риск с его стороны. Некоторые из нас — я не упоминаю имена — даже решили задержать лайнер, на котором вы были, и освободить вас. Естественно, это было бы риском. Но мы сделали бы это, если бы не Автарх.

— Я рад, что вы доверяете мне.

— Автарх все держит здесь.

Палец Ризетта коснулся лба.

— Никто точно не знает, почему он принимает те или иные решения. Но его решения кажутся правильными. Во всяком случае, пока ему

удавалось перехитрить тиранитов. А другим не удавалось.

— Как моему отцу, например.

— Я не имел в виду его, но в известном смысле вы правы. Ранчер особый человек. Он мыслил прямо и никогда не позволял кривых ходов, всех считал хорошими. За это мы полюбили его. Он был одинаков со всеми. Хотя я и полковник, но вышел из народа. Мой отец был рабочим. Но для Ранчера это не имело значения. И то, что я полковник, тоже. Встречая ученика инженера, он останавливался и перебрасывался с ним словами, и весь день ученик чувствовал себя главным инженером.

Таким он был. Он не был мягок, мог быть и строгим, но лишь в той мере, в какой это было нужно. Вы получали то, что заслужили. Но он не допускал капризов. Таков был Ранчер. Автарх совсем другой. Разум у него острый. Но и только… Приблизиться к нему невозможно. Например, у него совсем нет чувства юмора. Я не мог бы говорить с ним так, как говорю теперь с вами. Сейчас я просто говорю, отдыхаю, улавливаю свободные ассоциации. С ним же нужно говорить точно, не тратя лишних слов. И использовать формальные выражения, иначе получишь выговор. Да, Автарх

есть Автарх, этим все сказано.

— Я готов согласиться с вами в том, что касается ума Автарха, — сказал Байрон. — А знаете ли вы, что он догадался о моем присутствии на борту заранее?

— Догадался? Мы этого не знали. Именно это я имел в виду. Он собирался на борт тиранитского крейсера. Для нас это казалось самоубийством. Но мы считали, что он знает, что делает, и он действительно знал. Он мог бы сказать нам, что вы, вероятно, на борту, мог бы сообщить нам эту замечательную новость о том, что сын Ранчера спасся. Но не сделал. Это очень похоже на него.

Артемизия тем временем сидела на нижней койке в каюте. Ей приходилось сгибаться, чтобы рама верхней полки не упиралась в спину, но для нее сейчас это не имело значения. Почти автоматически она провела ладонью по платью. Она чувствовала себя грязной и очень уставшей. Устала вытирать лицо и руки влажными носовыми платками, устала целую неделю носить одно и то же платье, устала от волос, казавшихся липкими и влажными.

Кто-то шел к ней. Она резко вскочила на ноги, готовая отвернуться. Она не хочет его видеть.

Но это был Джилберт. Она снова села.

— Здравствуйте, дядя Джил.

Джилберт сел напротив нее. На мгновение лицо его казалось беспокойным, затем оно снова сморщилось в улыбке.

— Я тоже считаю, что неделя на этом корабле не очень забавна. Надеюсь, что ты подбодришь меня.

— Дядя Джил, перестань применять ко мне свою психологию. Если ты думаешь, что можешь обмануть меня, пробудить чувство ответственности за тебя, то ты ошибаешься. Я готова тебя ударить.

— Если от этого тебе будет легче…

— Я еще раз предупреждаю тебя.

— Ясно. Ты поссорилась с Байроном. Почему?

— Не вижу необходимости обсуждать это с кем-либо. Оставь меня…

После паузы добавила:

— Он считает, что отец сделал то, что приказывал ему Автарх. Я ненавижу его за это!

— Отца?

— Нет. Этого глупого лицемерного дурака!

— По-видимому, Байрона. Хорошо. Ты его ненавидишь и не можешь провести грани между ненавистью и тем, что моему разуму холостяка кажется любовью.

— Дядя Джил, мог он это сделать?

— Байрон? Что именно?

— Нет же! Отец. Мог ли отец — сделать это? Мог он сообщить о Ранчере?

Джилберт посмотрел на нее задумчиво и печально.

— Не знаю… но ведь он выдал тиранитам Байрона.

— Потому что знал, что это ловушка, — яростно сказала она. — Это действительно была ловушка. Ее подготовил этот ужасный Автарх. Он сам это сказал. Тираниты знали, кто такой Байрон, и сознательно послали его к отцу. Отец сделал единственно возможное в его положении. Это очевидно всякому.

— Допустим… Но он в то же время пытался склонить тебя к совсем незабавному замужеству. Если Хинрик дошел до этого…

Она прервала его:

— И здесь у него не было выхода!

— Моя дорогая, если ты собираешься оправдывать каждое раболепное действие отца в угоду тиранитам тем, что он не мог иначе, то как можно исключить его прямое отношения к гибели Ранчера?

— Я уверена, что он этого не сделал. Ты не зна-

ешь моего отца так, как знаю его я. Он ненавидит тиранитов. И я это знаю. Он ни за что не стал бы помогать им. Я согласна, что он боится их и не осмеливается противостоять им открыто, но если этого можно избежать, он сам никогда не станет им помогать.

— Откуда ты знаешь, что он мог избежать выдачи Байрона?

Она яростно покачала головой, так что волосы упали ей на глаза. В глазах ее стояли слезы.

Джилберт некоторое время смотрел на нее, а потом беспомощно развел руками и вышел.

К «Безжалостному» присоединили трейлер, узкий туннель шел от него к аварийному люку на корме. Трейлер в несколько раз превосходил тиранитское судно по объему.

Автарх вместе с Байроном произвел последний осмотр. Он сказал:

— Есть какие-нибудь упущения?

— Нет, — ответил Байрон. — Думаю, что нам будет удобно.

— Хорошо. Кстати, Ризетт сказал мне, что леди Артемизия нездорова или по крайней мере выглядит нездоровой. Если ей нужна медицинская помощь, разумнее переправить ее на мой корабль.

— Она хорошо себя чувствует, — коротко ответил Байрон.

— О, раз вы так говорите… Вы готовы стартовать через двенадцать часов?

— Через два часа, если хотите.

Байрон через соединительный коридор (ему приходилось нагибаться) прошел в «Безжалостный».

Тщательно придерживаясь ровного тона, сказал:

— Там у вас особая каюта, Артемизия. Я не буду вас беспокоить. Большую часть времени я буду проводить здесь.

Она холодно ответила:

— Вы меня не беспокоите, Ранчер. Мне все равно, где вы находитесь.

Наконец корабли двинулись и после первого прыжка оказались на краю Туманности. Тут они ждали несколько часов, пока на корабле Джонти проверяли расчеты.

Внутри Туманности предстояло идти почти вслепую.

Байрон угрюмо смотрел на экран. На нем ничего не было. Почти вся небесная сфера чернела, не оживленная даже искоркой света.

Впервые Байрон оценил тепло дружественных

звезд, заполняющих пространство. Но здесь их не было.

— Как будто прыгаешь в бездонную ледяную дыру, — сказал он Джилберту, когда они снова нырнули в Туманность.

Почти одновременно Саймок Аратап, наместник великого Кхана, возглавлявший эскадры из десяти крейсеров, сказал, выслушав доклад навигатора:

— Они от нас не уйдут. Следуйте за нами.

На расстоянии в несколько световых лет от того места, где «Безжалостный» углубился в Туманность, тиранитские корабли сделали то же самое.

Глава 16
Псы

Саймок Аратап чувствовал себя в мундире стесненно. Тиранитские мундиры шились из грубого материала и обычно плохо подгонялись. Жаловаться на такие мелочи не подобало солдату. В сущности, частью тиранитской военной традиции стало утверждение, что небольшие неудобства лишь способствуют укреплению дисциплины.

Но Аратап настолько восстал против этой традиции, что мог сказать:

— Жесткий воротник натирает мне кожу.

Майор Андрос, у которого тоже был жесткий воротник и которого всегда видели лишь в форме, ответил:

— Даже в одиночестве военному не разрешается расстегивать воротничок. А в присутствии солдат и офицеров нарушение формы влияет разлагающе.

Аратап фыркнул. Военный характер экспедиции, считал он, позволяет нарушать кое-какие требования устава. Кроме жесткого воротничка,

он вынужден терпеть рассуждения уверенного в себе военного помощника, во всяком случае, вынужден был его выслушивать.

Вдобавок к неудобству своего все более уверенного в себе военного помощника, он вынужден был его выслушивать. Это началось еще перед тем, как они покинули Родию.

Андрос тогда высказался открыто. Он сказал:

— Наместник, мне понадобятся десять кораблей.

Аратап раздраженно поднял голову. Он готов был следовать за юным Вайдемосом на одном-единственном корабле. Отложил в сторону капсулу с докладом Колониальному Бюро Кхана, который он готовил на случай, если не вернется из экспедиции.

— Десять кораблей, майор?

— Да, сэр. Меньше нельзя.

— Почему?

— Необходимы обычные предосторожности. Молодой человек куда-то направляется. Вы говорите, что существует развитая тайная организация. Вероятно, эти два факта совпадают.

— И поэтому?

— И поэтому мы должны быть готовы к вооруженному сопротивлению. Они могут уничтожить

наш единственный корабль.

— Или десять, или сто. Зачем такие предосторожности?

— Военные дела на моей ответственности. Я предлагаю снарядить десять кораблей.

Контактные линзы Аратапа неестественно сверкнули, когда он поднял брови. Военные имеют все. Теоретически в мирное время военные решения принимают штатские, но и тогда трудно сопротивляться воинским традициям.

Он осторожно сказал:

— Я подумаю.

— Благодарю вас. Возможно, вы не примете мои рекомендации, это ваше право…

Майор резко щелкнул каблуками, словно выстрелил, и это было просто следованием традиции. Аратап это понял.

— Но в таком случае у меня нет иного выбора, как только подать рапорт об отставке, — закончил майор.

Аратапу пришлось спасать положение.

Он сказал:

— Я не собираюсь вмешиваться в ваши решения по чисто военным вопросам, майор. Но это скорее политическая, чем военная проблема. И вы их предоставьте мне.

— Какая именно?

— Проблема Хинрика. Вы вчера возражали против моего предложения, чтобы он сопровождал нас.

Майор сухо сказал:

— Я считаю это необязательным. Присутствие чужака во время боевых действий плохо отразится на моральном состоянии воинов.

Аратап чуть слышно вздохнул. Однако Андрос хороший специалист. Нельзя проявлять нетерпение в разговоре с ним.

Он сказал:

— Я снова согласен с вами. Но прошу обдумать политический аспект ситуации. Как вы знаете, казнь старого Ранчера Вайдемоса в политическом смысле была не очень разумна. Она взбудоражила королевство. Тем более необходимо, чтобы смерть сына Ранчера не связали с нами. На Родии знают, что молодой Вайдемос похитил дочь Директора, кстати, девушку наиболее популярную у Хинриадов. Так что вполне объяснимо, если Директор сам возглавит карательную экспедицию. Этот драматический шаг вполне соответствует родийскому патриотизму. Конечно, он попросит нас о помощи и получит ее. Легко будет в сознании народа представить экспеди-

цию как родийскую. Если при этом обнаружите существование тайной организации, то это будет родийское открытие. Если юный Вайдемос будет казнен, это будет родийская казнь. По крайней мере в глазах остальных королевств.

Майор лишь сказал:

— Все равно участие родийского корабля в составе нашей военной эскадры послужит плохим прецедентом.

— Я не сказал вам, дорогой майор, что Хинрик будет командовать кораблем. Вы достаточно хорошо знаете, что он ничем не способен командовать. Он просто полетит с нами. Других родийцев на борту не будет.

— В таком случае я снимаю свои возражения, наместник.

В течение почти недели тиранитский флот занимал позицию на расстоянии двух световых лет от Лигейна.

Майор Андрос советовал немедленно высадиться на планету.

— Автарх Лигейна, — говорил он, — не раз подтверждал, что он верный друг Кхана, но я не верю тем, кто улетел на нашем корабле. Странно, что сразу после возвращения Автарха молодой Вайдемос отправился именно к нему навстречу.

— Автарх не скрывал ни своего отъезда, ни своего возвращения, майор. И мы не знаем, с кем хочет встретиться Вайдемос. Он остается на орбите вокруг Лигейна. Почему он не высаживается?

— А почему он остается на орбите? Будем думать о том, что он делает, а не о том, что он не делает.

— Могу высказать предположение, укладывающееся в схему.

— С радостью выслушаю его.

Аратап просунул палец за воротник, тщетно пытаясь ослабить его. Он сказал:

— Поскольку молодой человек ждет, то мы можем предположить, что он ждет что-то или кого-то. Трудно представить, что, отправившись прямо в Лигейн — ведь он сделал только один прыжок, — теперь он топчется в нерешительности. Поэтому я говорю, что он ждет друга или друзей. Получив подкрепление, он последует дальше. Поскольку он не высаживается на Лигейне, значит, считает это не вполне безопасным. Это доказывает, что Лигейн в целом и Автарх связаны с подпольем, хотя отдельные лигейнцы вполне могут быть связаны с бунтовщиками. Поэтому нам тоже не следует спешить с высадкой.

— Не знаю, всегда ли очевидные решения явля-

ются верными.

— Мой дорогой майор, это не только очевидное решение. Оно и самое лучшее и логическое. Оно укладывается в схему.

— Может быть. Но все равно, если в ближайшие двадцать четыре часа ничего не изменится, я вынужден буду приказать высадиться на Лигейн.

Аратап хмуро смотрел на закрывшуюся за майором дверь. Как трудно контролировать одновременно и беспокойных подданных и недальновидных завоевателей. Двадцать четыре часа. Что-то должно произойти в это время, иначе придется отыскивать способ остановить ретивого Андроса.

Прозвучал дверной сигнал. Аратап раздраженно поднял голову. Майор не мог вернуться. В дверях показалась высокая склоненная фигура Хинрика, за ним виднелся стражник, который повсюду сопровождал Директора. Считалось, что Хинрик пользуется полной свободой передвижения, вероятно, так он сам считал. По крайней мере, он никогда не обращал внимания на своего постоянного спутника. Хинрик туманно улыбнулся.

— Я не помешаю вам, наместник?

— Вовсе нет. Садитесь, Директор.

Аратап продолжал стоять. Директор Родии сказал:

— Мне нужно обсудить кое-что важное с вами.

Он замолчал, словно чего-то выжидая. Потом равнодушным тоном он добавил:

— Какой большой и хороший корабль.

— Спасибо, Директор.

Аратап скупо улыбнулся. Десять сопровождающих кораблей были обычными миниатюрными крейсерами, но флагман, на котором они находились, представлял собой увеличенную модель боевого корабля, соответствующую образцам более не существующего родийского флота. Теперь его корабли были заменены двух- и трехместными тиранитскими крейсерами, но верхушка требовала для своих штаб-квартир все более просторных кораблей.

Это не беспокоило Аратапа. Некоторым старым солдатам такая увеличивающаяся склонность к комфорту и удобствам казалась упаднической. Сам же он считал это признаком развития цивилизованности. В конце — может быть, через столетия — тираниты растают, как единый народ, сольются с завоеванными королевствами Туманности. И, возможно, это будет благом для них.

Разумеется, вслух он никогда не высказывал

эту мысль.

— Я пришел сказать вам кое-что, — повторил Хинрик.

Он немного подумал, потом добавил:

— Сегодня я послал весть домой моему народу. Я сообщил, что здоров, и что преступник будет скоро схвачен, а моя дочь спасена.

— Хорошо, — сказал Аратап.

Это не было для него новостью. Он сам написал это послание, хотя, возможно, Хинрик убедил себя, что именно он его автор и даже что он в действительности возглавляет экспедицию.

Аратап почувствовал прилив жалости к нему.

Хинрик на глазах тупел. Он сказал:

— Мой народ очень обеспокоен нападением бандитов на дворец и гордится тем, что в ответ Директор предпринял такие быстрые действия. Он видит, что среди Хинриадов по-прежнему есть сильные люди.

Казалось, он торжествовал.

— Я думаю, что так оно и есть, — ответил наместник.

— Мы догнали врага?

— Нет, Директор. Враг остается там же, где был, вблизи Лигейна.

— Все еще там? Да, я вспомнил, зачем пришел

к вам.

Он встал, вдруг заговорил возбужденно и неразборчиво.

— Это очень важно, наместник. Я должен вам кое-что сказать. На борту предательство. Я обнаружил это. Нужно действовать быстро. Предательство…

Он перешел на шепот.

Аратап почувствовал нетерпение. Надо успокоить бедного идиота.

Но какая трата времени! Скоро он очевидно станет настолько слабоумным, что будет бесполезен даже как марионетка. А жаль!

Он сказал:

— Никакого предательства, Директор. Наши люди верны и стойки. Кто-то ввел вас в заблуждение. Вы устали.

— Нет!

Хинрик отвел руку, которую Аратап на мгновение положил ему на плечо.

— Где мы?

— Здесь.

— Корабль, я имею в виду. Я следил за экраном. Звезд поблизости нет. Мы в глубоком космосе. Вы знаете это?

— Конечно.

— Лигейн далеко. Это вы тоже знаете?

— На расстоянии двух световых лет.

— Ах! Наместник, нас никто не слушает? Вы уверены?

Он склонился к уху Аратапа.

— Откуда же мы знаем, что враг вблизи Лигейна? На таком расстоянии его не увидеть. Нас неверно информируют, а это разве не предательство?

Может, этот человек и безумен, но в его безумии есть система. Аратап сказал:

— Это дело техников. Людям нашего ранга не следует этим заниматься.

— Но как глава экспедиции, я должен бы знать все. Я глава, не правда ли?

Он огляделся.

— У меня такое чувство, будто майор Андрос не выполняет мои приказания. Ему можно верить? Конечно, я приказываю ему редко. Но я должен найти свою дочь. Ее зовут Артемизия. Ее похитили у меня, и я поднял весь флот, чтобы вернуть ее. Поэтому я должен знать, где враг. Там, должно быть, и моя дочь. Вы знаете мою дочь? Ее зовут Артемизия.

Глаза его умоляюще смотрели на тиранитского наместника. Потом он закрыл их руками и про-

бормотал что-то вроде «простите».

Аратап почувствовал, как сжались у него челюсти. Он сознавал, что перед ним отец, что даже слабоумный Директор Родии может иметь отцовские чувства. Но нужно ли, чтобы он так страдал?

Он мягко пояснил:

— Попытаюсь растолковать. Вы знаете, что существует такой прибор — массометр? Он определяет положение кораблей в космосе.

— Да.

— Он чувствителен к гравитационному эффекту. Вы понимаете, о чем я говорю?

— О, да. Все имеет тяготение.

Хинрик наклонился к Аратапу, беспокойно сжимая руки.

— Верно. Вы знаете, что массометр может быть использован только тогда, когда корабль близко, на расстоянии менее миллиона миль, или около того. К тому же он должен находиться в значительном удалении от планеты, в ином случае вы сможете определить только положение планеты; она ведь гораздо больше…

— И у нее гораздо большее тяготение.

— Совершенно верно, — сказал Аратап.

Хинрик обрадовался: все было так понятно!

Аратап продолжал:

— У нас, тиранитов, есть еще один прибор. Это передатчик, который излучает во все стороны в гиперпространстве определенный тип излучения, не электромагнитный по своему характеру. Другими словами, он не похож ни на свет, ни на радио. Понятно?

Хинрик не ответил. Он выглядел смущенным.

Аратап быстро продолжал:

— Да, он отличается. Неважно, как. То, что он излучает, мы можем уловить, и поэтому всегда знаем, где находится тиранитский корабль, даже если он за пол-Галактики от нас или по другую сторону звезд.

Хинрик торжественно кивнул.

— Если бы юный Вайдемос сбежал на обычном корабле, его было бы трудно обнаружить. Но так как он взял тиранитский крейсер, мы все время знаем, где он находится, хотя сам он этого не сознает. Вот почему мы знаем, что сейчас он никуда не может уйти, так что мы, несомненно, освободим вашу дочь.

Хинрик улыбнулся.

— Хорошо придумано. Поздравляю вас, наместник. Очень хитрая уловка.

Аратап не обманывал себя. Хинрик мало что

понял из его слов, но это было неважно. Он поверил, что его дочь будет спасена и что сделано это будет благодаря тиранитской науке.

Хотя бы ради политических соображений нужно было сохранить в этом человеке остатки разума. Возможно, возвращение дочери улучшит его состояние. Наместник надеялся на это.

Снова прозвучал дверной сигнал. На этот раз вошел майор Андрос. Рука Хинрика сжала подлокотник кресла, на лице появилось загнанное выражение.

Он привстал и начал:

— Майор Андрос…

Но Андрос, не обращая внимание на него, быстро заговорил:

— Наместник, «Безжалостный» изменил позицию.

— Он, конечно, не опустился на Лигейн?

— Нет, он прыгнул с орбиты Лигейна.

— Ага. Хорошо, — констатировал Аратап. — Вероятно, к нему присоединился другой корабль.

— А может, и много. Вы же знаете, мы можем следить только за его кораблем.

— Во всяком случае, мы снова следуем за ним.

— Приказ уже отдан. Я хочу только подчеркнуть, что прыжок привел его на край Туманности

Лошадиная Голова.

— Что?

— В этом направлении нет известных планетных систем. Допустимо лишь одно логическое заключение: там находится база заговорщиков.

Аратап облизал пересохшие от волнения губы и вместе с майором торопливо направился в пилотскую рубку.

— Подождите, — сказал Аратап. — Возможно, вы опять торопитесь. Я думаю, туда должен отправиться только наш корабль.

— Почему?

— Если понадобится подкрепление, мы вас позовем. А пока вы будете здесь командовать крейсерами. Если там действительно центр заговорщиков, они решат, что на них случайно наткнулся один корабль. Я тогда сообщу вам, и вы отступите на Тиран.

— Отступлю?

— Чтобы вернуться с большим флотом.

Андрос подумал.

— Хорошо. Это по крайней мере наименее ценный наш корабль. Слишком велик.

Они спускались по спирали, и планета заполняла экран.

— Поверхность кажется пустой, сэр, — говорил

навигатор.

— Вы установили точное местонахождение «Безжалостного»?

— Да, сэр.

— Приземляйтесь как можно ближе, но чтобы нас не обнаружили.

Они входили в атмосферу. Небо окрасилось в яркий пурпур. Аратап следил за плывущей навстречу поверхностью. Долгая охота приближалась к концу.

Глава 17
И преследуемые

Для тех, кто не был в космосе, исследование звездной системы и поиски обитаемых планет кажется делом романтическим или, по крайней мере, интересным. Для космонавтов это самая скучная обычная работа.

Установить местонахождение звезды, огромного светящегося шара водорода с гелием обычно нетрудно. Она сама оповещает о себе. Даже в черноте Туманности и в удалении на пять миллиардов миль ее можно обнаружить.

Но планета, относительно небольшая каменная масса, сияющая отраженным светом, совсем другое дело. Можно сто тысяч раз под разными углами пересечь звездную систему и не увидеть при этом планету, ну разве что найти ее по чистой случайности.

Необходима система поиска. Выбирается позиция на расстоянии в десять тысяч диаметров от звезды. Из галактической статистики известно, что за пределами этого расстояния планеты встречаются крайне редко. Далее, обитаемые

планеты практически никогда не удаляются от своего солнца более чем на тысячу его диаметров.

Это значит, что с избранной кораблем точки все обитаемые планеты должны оказаться в пределах шести градусов от звезды. Это составляет одну-три тысячи шестисотую часть всего неба. Этот участок можно детально обследовать за сравнительно короткое время. Телекамера устанавливается так, чтобы нейтрализовать собственное движение корабля. При таких условиях звезды окажутся на фотографии точками, если, конечно, их не затмит сияние солнца. Но его легко закрыть. Планеты же, обладающие собственным движением, будут выглядеть черточками.

Если такие черточки не обнаружены, всегда существует вероятность, что планеты находятся за солнцем. Маневр повторяется, и обычно корабль занимает новую позицию, и уже ближе к звезде.

Это очень скучная процедура, и когда она трижды повторилась без всякого результата у трех звезд, стало наблюдаться явное падение духа.

Особенно оно проявилось у Джилберта. Все реже он находил что-нибудь забавное в наблюдениях за межзвездным пространством.

Они готовились к прыжку к четвертой звезде,

указанной в списке Автарха, и Байрон сказал:

— Во всяком случае, мы всякий раз попадаем к новой звезде. Вычисления Джонти правильны.

— Статистика показывает, что одна из трех звезд имеет планеты, — сказал Джилберт.

Байрон кивнул. Статистика — хорошая наука. Ребенок изучает ее в курсе элементарной галактографии.

Джилберт продолжал:

— Это означает, что вероятность найти на выбор три звезды без единой планеты равна двум третям в кубе, то есть двадцать семидесятых, или меньше одной трети.

— И что же?

— Но мы не нашли ни одной. Тут какая-то ошибка.

— Вы сами видели расчеты. К тому же, какова цена статистики? Насколько мы знаем, условия в Туманности совсем иные. Может быть, частицы пыли препятствуют образованию планет, или сам туман — результат непоявившихся планет.

— Это невероятно. Вы не можете так считать, — сказал пораженный Джилберт.

— Вы правы. Я просто говорю сам с собой. Я ничего не знаю о космогонии. Почему образуются планеты?

Байрон сам выглядел измученным.

— Во всяком случае, мы ищем, — сказал он.

Скоро им снова предстоит прыжок в черную тьму.

Байрон сказал с отсутствующим видом:

— Вы знаете, почему Туманность называется «Лошадиная Голова»?

— Первый человек, вошедший в нее, был Хозас Хедд, по-английски «лошадиная голова» — хозахэд. Игра слов. А что, это не так?

— Возможно. На Земле есть другое объяснение.

— Какое же?

— Туманность похожа на голову лошади.

— А что такое лошадь?

— Животное на Земле.

— Забавная мысль, но мне кажется, что Туманность не похожа ни на какое животное, Байрон.

— Это зависит от угла, под которым вы смотрите на нее. На Нефелосе она похожа на человеческую руку с тремя пальцами, но я смотрел на нее из университетской обсерватории. Она действительно похожа на голову лошади. Может, поэтому она получила свое название? Может, никакого Хозаса Хедда и не было? Кто знает.

Наступила очень долгая пауза. Она дала Джилберту возможность коснуться темы, которую

Байрон не хотел обсуждать, но о которой не переставал думать.

Джилберт спросил:

— Где Арта?

Байрон быстро посмотрел на него и ответил:

— Где-то в трейлере. Я не слежу за ней.

— Автарх следит. Он мог бы с таким же успехом жить здесь.

— Ей повезло.

Морщины на лице Джилберта стали глубже.

— Не будьте дураком, Байрон. Артемизия из семьи Хинриадов. Она не может, чтобы с ней так говорили, как вы.

— Перестаньте.

— Не перестану. Я давно хотел сказать. Почему вы с ней так поступили? Потому что Хинрик, возможно, виновен в смерти вашего отца? Хинрик — мой брат. Но ваше отношение, тем не менее, ко мне не изменилось.

— Я не переменил к вам отношения, — сказал Байрон. — Говорю, как и раньше, и с Артемизией тоже.

— Как всегда говорили?

Байрон молчал.

Джилберт снова сказал:

— Вы толкаете ее к Автарху.

— Это ее выбор.

— Нет, это ваш выбор. Слушайте, Байрон…

Джилберт положил руку на колено Байрону.

— Вы понимаете, я не хочу вмешиваться. Она единственное, что есть достойного в семье Хинриадов. Вам будет забавно, если я скажу, что люблю ее как дочь? У меня никогда не было детей.

— Я не сомневаюсь в вашей любви.

— Тогда советую вам ради ее блага: остановите Автарха, Байрон.

— Я думал, вы верите ему, Джил.

— Как Автарху — да. Как лидеру борьбы против тиранитов — да. Но как мужчине по отношению к женщине, к Артемизии — нет.

— Скажите это ей.

— Она не станет слушать.

— Думаете, она послушает, если скажу я?

— Если скажете как следует.

На мгновение Байрон, казалось, заколебался. Он облизнул сухие губы, затем повернулся и хрипло сказал:

— Я не хочу говорить об этом.

Джилберт печально вздохнул:

— Вы об этом пожалеете.

Байрон промолчал. Почему Джилберт не оставит его в покое? Ему самому не раз приходило

в голову, что он пожалеет о том, что наговорил Артемизии. Но дороги назад нет.

Он глубоко вздохнул, чтобы избавиться от ощущения удушья.

После следующего прыжка вид неба снова изменился.

Байрон установил приборы в соответствии с указаниями пилота Автарха и, оставив на дежурстве Джилберта, пошел спать.

Джилберт разбудил его:

— Байрон!

Байрон скатился с койки.

— Что?!

Джилберт быстро отступил.

— Спокойней. На этот раз Ф-2.

— Больше так меня не будите, Джилберт. Ф-2, вы говорите? Это, конечно, относится к новой звезде?

— Разумеется. Она выглядит забавно.

Примерно девяносто пять процентов обитаемых планет в Галактике обращаются вокруг звезд типа «Ф» и «Ж», диаметром от семисот пятидесяти до тысячи пятисот миль с температурой поверхности от пяти до десяти тысяч градусов.

Солнце Земли типа Ж-0, Родии — Ф-8, Лигейна — Ж-2, как и у Нефелоса. Ф-2 это довольно тепло,

но не слишком.

Первые три звезды, у которых они останавливались, принадлежали к спектральному классу «К», они были маленькими и красными.

Даже если бы у них были планеты, скорее всего они были бы непригодны для жизни.

Хорошая звезда — это хорошая звезда!

В первый же день они обнаружили пять планет, ближайшая из которых располагалась в ста пятидесяти миллионах миль от центра системы.

Теодор Ризетт лично принес им эту новость.

Он посещал «Безжалостный» так же часто, как Автарх, неизменно излучая доброжелательность и сердечность. На этот раз он отдувался после трудных упражнений на космической линии.

Он сказал:

— Тяжеловато даются такие путешествия. Автарх переносит их легко. Вероятно, по молодости.

Отдышавшись, выложил новость:

— Пять планет!

— У этой звезды? Вы уверены? — спросил Джилберт.

— Точно. Четыре из них, правда, типа «ДЖ».

— А пятая?

— Кажется то, что нужно, в атмосфере есть

кислород.

Джилберт издал вопль триумфа, но Байрон сказал:

— Четыре типа «ДЖ». Что ж, нам нужна лишь одна.

Он понимал, что такое распределение естественно. Большинство планет в Галактике обладают водородными атмосферами. В конце концов звезды в основном состоят из водорода. А он — источник создания планет. Планета типа «ДЖ» имеет атмосферу из метана и аммиака со значительной добавкой гелия. Такие атмосферы обычно глубоки и необычайно пусты. Сами планеты почти неизбежно достигают тридцати тысяч миль и больше в диаметре со средней температурой редко меньше минус пятидесяти градусов. Они совершенно непригодны для обитания.

На Земле говорят, что планета типа «ДЖ» называется так из-за Юпитера (по-английски название Юпитера начинается с «ДЖ»), планеты Солнечной системы, лучшего представителя этого типа. Может, это и так.

Другие планеты относятся к классу «Е», а с этой буквы начинается название Земли по-английски. Планеты типа «Е» обычно сравнительно малы,

и их слабое тяготение не удерживает водород и содержащие водород газы. К тому же они обычно ближе к солнцу и теплее. Их атмосферы тонки и обычно содержат кислород и азот, иногда с добавкой хлора, что очень плохо.

— А хлор? — спросил Байрон. — Хорошо ли обследовали атмосферу?

Ризетт пожал плечами.

— Из космоса можно судить только о верхних слоях. Если хлор есть, он сосредоточен ближе к поверхности. Посмотрим.

Он хлопнул ладонью по широкому плечу Байрона.

— Как насчет приглашения меня на небольшую выпивку в вашей каюте, парень?

Джилберт с беспокойством посмотрел им вслед.

Сейчас, когда Автарх ухаживает за Артемизией, а его ближайший помощник становится собутыльником Байрона, «Безжалостный» все больше превращается в лигейнский корабль.

Он подумал, знает ли Байрон, что делает, потом мысли его перешли к новой планете.

Когда они вошли в атмосферу, Артемизия была в пилотской рубке. Она слегка улыбалась и казалась вполне довольной.

Байрон изредка поглядывал в ее сторону. Он поздоровался с ней, когда она вошла в рубку, в которую обычно не входила. Но она не ответила.

Она спросила:

— Дядя Джил, правда, что мы садимся?

— Кажется да, моя дорогая. На несколько часов мы сможем выйти из корабля, походить по твердой почве. Как это забавно!

— Надеюсь, что это та самая планета! Иначе будет вовсе не забавно.

— Остается еще одна звезда, — проговорил Джилберт.

Тут Артемизия повернулась к Байрону и холодно спросила:

— Что вы сказали, мистер Фаррил?

Байрон, захваченный врасплох, запинаясь выговорил:

— Ничего.

— Простите, мне показалось.

Она прошла мимо так быстро и близко, что коснулась платьем его колена. Его охватил запах ее духов. Он сжал челюсти.

Ризетт по-прежнему с ними. Одно из преимуществ трейлеров заключалось в том, что они могли оставить гостя на ночь. Он сказал:

— Сейчас уточняются данные об атмосфере.

Много кислорода, почти тридцать процентов, есть азот и инертные газы. Все нормально, хлора нет. Но… Нет и двуокиси углерода. Это плохо.

— Почему? — спросила Артемизия.

Байрон коротко объяснил:

— Значит, на планете нет жизни.

— Да?

Она посмотрела на него и тепло улыбнулась.

Байрон против воли улыбнулся в ответ, но тут же что-то в ее внешности изменилось: она улыбалась как бы сквозь него, мимо него, очевидно, не замечая его существования. И он остался с глупой улыбкой, которая вскоре угасла.

Лучше избегать ее. Когда он ее видит, перестает действовать анестезия. Начинает болеть.

Джилберт хмурился. Они снижались, в нижних слоях атмосферы «Безжалостный» из-за нежелательного аэродинамического сопротивления трейлера с трудом поддавался управлению.

Байрон упрямо боролся с приборами.

— Веселей, Джил, — говорил он.

Сам он не чувствовал особого веселья. На радиосигналы не было получено никакого ответа. Если они не найдут повстанцев, то ждать больше нечего.

Джилберт сказал:

— Не похоже на планету повстанцев. Скалистый и мертвый мир без воды.

Он обернулся.

— Поискали снова двуокись углерода?

Красное лицо Ризетта вытянулось.

— Да. Но только следы. Около тысячной процента.

Байрон сказал:

— Ничего нельзя решать. Они могли выбрать эту планету именно потому, что она кажется такой безнадежной.

— Но я видел фермы, — сказал Джилберт.

— Хорошо. А много ли мы увидим на планете такого размера, облетев ее несколько раз? Видимо, у них недостает людей, чтобы заселить всю планету. Они могли выбрать какую-нибудь долину, где содержание двуокиси углерода выше, скажем, от вулканических извержений, и где поблизости есть вода. Мы можем пролететь в двадцати милях от них и не обнаружить. Естественно, они не станут отвечать на радиовызов без тщательной проверки.

— Невозможно так легко создать концентрацию двуокиси углерода, — пробормотал Джилберт.

Они внимательно посмотрели на экраны.

Искусственное освещение выключили, и солнечные лучи врывались в иллюминаторы.

Это менее эффективный способ освещения корабля, но в нем была желанная новизна.

Иллюминаторы открыли, потому что атмосфера планеты оказалась пригодной для дыхания.

Ризетт возражал, так как отсутствие двуокиси углерода может вызвать затруднение в дыхании, но Байрон решил, что на короткое время это можно выдержать.

Джилберт взглянул в иллюминатор, вздохнул и сказал:

— Скалы.

— Надо установить радиопередатчик где-нибудь повыше, — сказал Байрон, — так увеличим видимость. Нужно охватить все полушарие. Если результат будет отрицательный, сможем попробовать на другой планете.

— Это вы и обсуждали с Ризеттом?

— Да. Работу выполнили мы с Автархом. Он сам это предложил, иначе предлагать пришлось бы мне.

Говоря это, он бегло взглянул на Ризетта. Лицо того ничего не выражало.

Байрон встал.

— Думаю, лучше отстегнуть линь, но надеть

костюмы.

Ризетт согласился. На планете было солнечно, в воздухе было мало водяного пара, отсутствовали облака, но было очень холодно.

Автарх стоял у главного люка «Безжалостного». Его костюм был из тонкого пенообразного материала, весил лишь долю унции, но давал прекрасную изоляцию. Маленький цилиндр с двуокисью углерода был пристегнут к груди. В нем была небольшая щель и газ вытекал постепенно, создавая необходимую концентрацию углекислого газа.

Автарх сказал:

— Хотите обыскать меня, Фаррил?

Он поднял руки и ждал со спокойным лицом.

— Нет, — ответил Байрон, — хотите проверить мое оружие?

— И не подумаю.

Вежливость их была холодной, как погода.

Байрон вышел на яркий солнечный свет и взялся за ручку тяжелого ящика, в котором находилось радиооборудование. Автарх взялся за другую ручку.

— Не очень тяжело, — сказал Байрон.

Он обернулся. Артемизия стояла в люке.

На ней было простое белое платье, развевав-

шееся на ветру. Полупрозрачные рукава в свете солнца стали серебряными.

На мгновение Байрон опасно оттаял. Он хотел вернуться, схватить ее так, чтобы синяки остались на плечах, почувствовать, как ее губы встречаются с его губами.

Вместо этого он коротко кивнул, но ее ответная улыбка и взмах руки были обращены к Автарху.

Пять минут спустя он обернулся и по-прежнему увидел белое платье у открытого люка, потом подъем поверхности закрыл от них корабль. Теперь на горизонте виднелись только скалы.

Байрон подумал о том, что ждет его впереди. Увидит ли он когда-нибудь снова Артемизию? И как она будет реагировать, если он не вернется?

Глава 18
На грани поражения

Артемизия следила за ними, пока они не превратились в крошечные фигуры, бредущие по голому граниту, и совсем не исчезли из виду. На мгновенье, перед тем, как исчезнуть, один из них оглянулся.

Она не была уверена, кто именно, а на мгновенье ее сердце замерло.

Байрон не сказал ни слова при расставании.

Она отвернулась от солнца и скал, металлический интерьер корабля внушал больше спокойствия. Чувство одиночества овладело ею. Никогда в жизни она не была так одинока.

Может, именно это и заставило ее вздрогнуть, но она сочла бы непозволительной слабостью, если бы призналась, что дрожит не только от холода.

Она сказала:

— Дядя Джил, почему ты не закрываешь иллюминаторы? Можно замерзнуть до смерти.

Термометр показывал семь градусов, хотя обогреватели работали на полную мощность.

— Моя дорогая Артемизия, — спокойно ответил Джилберт, — если ты настаиваешь на своей привычке ничего не надевать кроме легкого тумана здесь и там, то ничего удивительного, что ты мерзнешь.

Но он все же щелкнул переключателями, иллюминаторы и люк закрылись.

Вспыхнул внутренний искусственный свет.

Артемизия села в мягкое пилотское кресло и бесцельно положила руки на рычаги. Здесь часто лежали его руки. При этой мысли ей стало теплей, но она тут же сказала себе, что это просто результат действия нагревателей.

Проходили долгие минуты. Все трудней становилось сидеть спокойно. Она могла бы пойти с ним! Она тут же поправила свою мятежную мысль: не с «ним», а с «ними».

Она сказала:

— Зачем им вообще устанавливать передатчик, дядя?

Он оторвался от приборов:

— А?

— Мы пробовали связаться из космоса и ничего не добились. Что же даст нам передатчик на поверхности планеты?

— Мы должны стараться, моя дорогая, — отве-

тил Джилберт. — Должны во что бы то ни стало найти планету повстанцев.

И добавил сквозь сжатые зубы:

— Должны!

Прошло немного времени, Джилберт сказал:

— Я не могу их найти.

— Кого?

— Байрона и Автарха. Хребет отсекает их, как я ни настраиваю отражающие зеркала. Видишь?

Она ничего не видела, кроме мелькания скал.

Джилберт остановил верньер и сказал:

— Вот корабль Автарха.

Артемизия бросила на него взгляд. Он лежал в долине примерно в миле от них и невыносимо сверкал на солнце. В этот момент корабль показался ей настоящим врагом. Он, а не тираниты. Она неожиданно и сильно пожелала, чтобы он никогда не приближался к Лигейну, чтобы они остались в космосе втроем! Какие это были дни! Неудобные, но счастливые! А теперь она может лишь причинить ему боль…

Джилберт неожиданно спросил:

— Чего он хочет?

Артемизия взглянула на него и увидела как бы сквозь дымку. Ей пришлось мигнуть, чтобы все стало отчетливей.

— Кто?

— Ризетт. Я думаю, это Ризетт. Но он идет не сюда.

Артемизия уже была у экрана.

— Сделай изображение больше, — попросила она.

— На таком коротком расстоянии? — возразил Джилберт. — Ты ничего не увидишь. Невозможно держать изображение в фокусе.

— Больше, больше, дядя Джил.

Что-то бормоча, он занялся телескопическим устройством и принялся обыскивать участки скал. При легчайшем прикосновении к приборам, они мелькали мимо с такой скоростью, что ничего невозможно было рассмотреть. На мгновение мелькнула большая тяжелая фигура. Несомненно, это был Ризетт.

Джилберт снова поймал его, на мгновение удержал изображение, и Артемизия сказала:

— Он вооружен. Видишь?

— Нет.

— Говорю тебе, у него бластер большой дальности.

Она вскочила.

— Арта, что ты делаешь?

Она доставала скафандр.

— Я иду туда. Ризетт следит за ними, понимаешь? Автарх не собирается устанавливать рацию. Это ловушка для Байрона.

Она быстро облачалась в костюм.

— Прекрати! Ты все себе вообразила.

Она смотрела на Джилберта, не видя его. Лицо ее побледнело. Она давно должна была догадаться о недобром по тому, как Ризетт ухаживал за этим эмоциональным дурачком! Ризетт хвалил его отца, говорил ему, каким великим человеком был Рančер Вайдемоса, и Байрон немедленно растаял. Все его действия определялись мыслями об отце. Как человек может так подчиниться своей мании?

Она сказала:

— Я не знаю, как открыть люк. Открой!

— Арта, ты не выйдешь из корабля! Ты не знаешь, где они!

— Найду, открой люк!

Джилберт покачал головой. Артемизия сказала:

— Дядя Джил, я воспользуюсь этим. Клянусь тебе!

Джилберт увидел, что на него смотрит ствол нейронного хлыста. Он вынудил себя улыбнуться.

— Полегче!

— Открывай, — прикрикнула она.

Он открыл, и она выбежала на ветер, скользя по скалам. Кровь шумела у нее в ушах.

Она была не лучше его, разыгрывая перед ним такую благосклонность к Автарху только из гордости. Теперь это казалось глупым, а сам Автарх показался ей холодным, как лягушка. Она задрожала от отвращения.

Артемизия перевалила через хребет. Впереди никого не было. Она упорно двигалась вперед, держа наготове нейронный хлыст.

Тем временем Байрон и Автарх шагали по скалам. За время ходьбы не обменялись ни словом. Остановились на ровном месте, там, где скала за тысячелетия рассыпалась под воздействием ветра и солнца.

Перед ними лежал древний сдвиг, край которого обрывался вниз, оставив выступ в сотню футов.

Байрон осторожно подошел и взглянул туда. Склон был покрыт острыми камнями, которые время и нечастые дожди разбросали по всему пространству.

— Похоже, это безнадежная планета, Джонти.

Автарх не проявил никакого любопытства к

окружающему. Он даже не приблизился к обрыву.

— Это место мы обнаружили перед приземлением, — сказал он. — Идеально подходит для наших целей.

«Для твоих целей, вероятно», — мысленно уточнил Байрон. Он отошел от края и сел.

Вслушиваясь в негромкий свист цилиндра с двуокисью углерода, ждал момента, чтобы начать разговор.

Наконец, очень спокойно сказал:

— Что вы расскажете, когда вернетесь На свой корабль, Джонти? Или я должен догадаться?

Автарх, открывавший ящик с двумя ручками, который они несли, распрямился и спросил:

— О чем вы говорите?

У Байрона на ветру онемело лицо. Он потер его рукой в перчатке, потом сказал:

— Я говорю о цели вашего прихода сюда.

— Я предпочел бы установить передатчик, чем тратить время на разговоры, Фаррил.

— Вы не установите передатчик. Зачем он вам? Мы безуспешно пытались связаться с планетой из космоса. Нет причин ожидать большего от передатчика на поверхности. И дело не в ионизированных верхних слоях атмосферы. Мы

испытывали субэфирное радио с теми же результатами. И мы с вами не специалисты по радио в нашем отряде. Почему же вы пришли сюда, Джонти?

Автарх сел напротив Байрона.

— Если вас беспокоят такие сомнения, то почему вы сами пришли?

— Чтобы выяснить правду. Ваш человек, Ризетт, рассказал мне, что вы планируете этот поход, и посоветовал присоединиться к вам. Я думаю, вы проинструктировали его. Он должен был сказать, что в моем присутствии вы не сможете получить какие-нибудь тайные послания. Это разумное предположение. Только я думаю, что вы никаких сообщений не получите. Но я позволил себя убедить и пошел с вами.

— Чтобы раскрыть правду? — насмешливо спросил Джонти.

— Именно. Я уже догадался о ней.

— Тогда расскажите мне. Я тоже хочу ее знать.

— Вы пришли убить меня. Мы здесь одни. Впереди обрыв. Падение с него — верная смерть. Не будет никаких признаков насилия. Ни выстрела бластера, ни других следов оружия.

На корабле расскажете печальную историю о том, как я поскользнулся и упал. Вы даже можете

привести отряд, чтобы достойно похоронить меня. Все будет очень трогательно, и я буду убран с вашего пути.

— Вы верите в это и все же пришли?

— Я ожидал этого, так что вы не сможете захватить меня врасплох. Мы не вооружены, и я сомневаюсь, чтобы вы одолели меня за счет одной мускульной силы.

Ноздри Байрона раздулись. Он медленно полусогнул руку, показывая твердый бугор мускула.

Джонти рассмеялся.

— Может, лучше займемся передатчиком, поскольку теперь ваша смерть невозможна?

— Еще нет. Я не кончил. Я хочу, чтобы вы подтвердили, что пытаетесь убить меня.

— Да. Хотите, чтобы я до конца сыграл роль в импровизированной вами драме? Как же вы заставите меня это сделать? Хотите выбить из меня признание? Понимаете, Фаррил, вы молодой человек, и я намерен был использовать это, а также ваше имя и ранг. Но должен признать, что до сих пор вы мне больше мешали, чем помогали.

— Вот именно! Оставаясь живым, вопреки вам!

— Если вы имеете в виду риск полета на Родию, то я уже объяснил это и больше объяснять не

буду.

Байрон встал.

— Ваши объяснения неточны. В них есть пробел, который был мне виден с самого начала.

— В самом деле?

— Да, в самом деле. Вставайте и слушайте меня, или я стащу вас за ноги!

Глаза Автарха сузились, когда он вставал.

— Не советую вам применять насилие, юноша.

— Слушайте!

Голос Байрона звучал громко. Костюм хлопал на ветру, но Байрон не обращал на это внимания.

— Вы сказали, что послали меня на Родию только для того, чтобы вовлечь Директора в антитиранитский заговор.

— Это правда.

— Это ложь. Ваша главная цель была убить меня. Вы с самого начала известили капитана родийского корабля обо мне. И у вас не было оснований считать, что я доберусь до Хинрика.

— Если бы я хотел убить вас, Фаррил, я мог бы поместить настоящую радиационную бомбу в вашу комнату.

— Гораздо удобнее было бы заставить тиранитов убить меня.

— Я мог убить вас в космосе после того, как

впервые появился на «Безжалостном».

— Могли. Вы были вооружены бластером и уже направили его на меня. Вы знали, что я на борту, но не сказали об этом вашим людям. Когда Ризетт вызвал корабль и увидел меня, вы уже не могли убить меня. Но вы тогда допустили ошибку. Мне вы сказали, что говорили вашим людям о том, что я, вероятно, на корабле, но позже Ризетт сказал мне, что вы этого им не говорили. Вы плохо инструктируете своих людей относительно своих ложных утверждений, Джонти.

Лицо Джонти побелело на холоде, но, казалось, продолжало и дальше леденеть.

— Но что же удержало меня, прежде чем Ризетт увидел вас?

— Политика, Джонти. На борту оказалась Артемизия от Хинриад, и в тот момент она была важнее меня. Должен признать, что умеете быстро ориентироваться. Убить меня в ее присутствии означало бы разрушить большую игру.

— Я так быстро влюбился в нее?

— Любовь? Почему бы и нет, если девушка из семьи Хинриадов? Вы не теряете времени. Вначале вы пытаетесь переместить ее в свой корабль, а когда это не удалось, говорите мне, что Хинрик выдал моего отца.

Он помолчал немного, потом сказал:

— Итак, я ее потерял и расчистил вам дорогу. Теперь, видимо, она уже не в счет. Она прочно на вашей стороне, и вы можете продолжать осуществлять свой план. Убив меня, вы не потеряете права на наследование Хинриадом.

Джонти вздохнул и сказал:

— Фаррил, холодно становится. Солнце заходит. Вы невероятно глупы и утомили меня. Прежде чем мы оставим эту груду нелепостей, может, вы скажете мне, почему я так заинтересован в вашем убийстве? Если, конечно, проявление паранойи нуждается в объяснениях.

— По той же самой причине, по которой вы убили моего отца.

— Что?

— Вы думаете, я хоть на мгновенье поверил, что Хинрик стал предателем? Возможно, он и стал бы им, если бы у него не было такой прочной репутации слабоумного. Вы полагаете, что мой отец был совершенным глупцом? Мог ли он принять Хинрика за иного, кем он на самом деле является? Даже если бы он и не знал о его репутации, пяти минут в его присутствии было бы достаточно, чтобы понять, что это беспомощная марионетка. Неужели отец выболтал бы Хинрику что-либо, на

основании чего его могли бы обвинить в измене? Нет, Джонти, человек, продавший моего отца, должен был пользоваться его доверием.

Джонти шагнул назад и пнул ящик. Удержавшись на ногах от толчка, он сказал:

— Я слышу грязные измышления. Единственное мое объяснение — вы преступно безумны.

Байрон дрожал, но не от холода.

— Мой отец был популярен среди ваших людей, Джонти, слишком популярен. Автарх не может допустить соперничества в правлении. Вы позаботились, чтобы он не был вашим соперником. А дальше вы старались убить меня, чтобы я не мог занять место отца или отомстить за него.

Голос его перешел в крик.

— Разве это не правда?

— Нет.

Джонти склонился к ящику.

— Я могу доказать, что вы ошибаетесь.

Он раскрыл ящик.

— Радиооборудование. Осмотрите его получше.

Он бросил приборы к ногам Байрона. Байрон смотрел на них.

— Что же это доказывает?

— Ничего! А теперь взгляните на это!

В руке он держал бластер. Рука его побелела от напряжения, голос потерял холодность. Он сказал:

— Я устал от вас. Но больше уставать не буду.

Байрон проговорил без выражения:

— Вы спрятали бластер в ящике с радиооборудованием?

— А как вы думали? Что я буду вас сталкивать с утеса руками, будто я грузчик или шахтер? Я Автарх Лигейна, и я устал от глупого идеализма Ранчеров Вайдемоса.

Он прошептал:

— Идите к утесу.

Он сделал шаг вперед.

Байрон, не сводя глаз с бластера, отступил.

— Значит, вы убили моего отца?

— Я убил вашего отца, — ответил Автарх. — Я говорю вам это, чтобы вы в последние мгновения своей жизни знали — тот самый человек, который позаботился, чтобы вашего отца разнесли в прах в дезинтеграционной камере, сделал все, чтобы вы последовали за ним. Потом он заберет эту девушку со всем, что связано с ней. Думайте об этом. Даю вам лишнюю минуту на раздумье. Но стойте спокойно, или я разнесу вас и рискну лишь тем, что вынужден буду отвечать на вопро-

сы моих людей.

С лица его будто сдернули вуаль, теперь оно горело страстью и злобой.

— Как я и говорил, вы пытались убить меня раньше.

— Пытался. Все ваши догадки верны. Это помогает вам теперь?

— Нет, — сказал Байрон.

Он опустил руки.

— Если хотите стрелять — стреляйте.

— Вы думаете, я не решусь?

— Стреляйте!

— И выстрелю!

Автарх тщательно прицелился Байрону в голову и замкнул контакт бластера.

Глава 19
Поражение

Теодор Ризетт обогнул скалу. Он не хотел, чтобы его увидели раньше времени, а скрываться в мире голых скал было трудно.

За грудой булыжников он чувствовал себя в безопасности. Он осторожно пробирался меж камней, изредка останавливаясь, чтобы оттереть лицо перчатками. Сухой холод был трудно переносимым.

Теперь он видел тех, двоих, в щель между двумя гранитными монолитами, соединявшимися в форме буквы «У». Ризетт удобно пристроил бластер. Солнце было у него за спиной.

Он чувствовал, как оно слегка согревает спину, и был доволен. Если они посмотрят в его направлении, солнце будет светить им в глаза, и они его не увидят.

Голоса их отчетливо звучали в его ушах. Радио действовало. Он улыбнулся. Пока все шло по плану. Его собственное присутствие, конечно, не входило в план. Но план составлял не дурак и, возможно, для доказательства еще понадобится

его бластер.

Он ждал и смотрел, как Автарх поднял свой бластер, как неподвижно стоял Байрон.

Артемизия не видела, как поднимался бластер. Она не видела две фигуры на плоской поверхности скалы. Пять минут назад она заметила на фоне неба силуэт Ризетта и с тех пор следовала за ним.

Он двигался слишком быстро для нее. Все перед ней покрывалось туманом, она дрожала от холода и волнения.

Дважды она обнаруживала, что лежит. Как падала, не помнит. Во второй раз поднялась с окровавленной рукой, пораненной об острый край скалы.

Ризетт уходил вперед, и она пыталась догнать его. Когда он исчез в сверкающем лесу скал, она прислонилась к стене. Не замечала прекрасного свежего розового цвета скалы, не ощущала гладкости ее поверхности.

Она только пыталась преодолеть удушье.

И тут она увидела его спиной к ней, уменьшенного расстоянием, и побежала по неровной поверхности, держа перед собой нейронный хлыст. Ризетт тщательно целился.

Она не успеет!

Нужно было отвлечь его внимание, и она крикнула:

— Ризетт!

Затем снова:

— Ризетт, не стреляйте!

Она снова споткнулась. Солнце слепило ее, но она не потеряла сознание. Она ощутила удар о землю и успела нажать контакт нейронного хлыста. И еще она успела понять, что цель слишком далека и недостижима, даже если она и прицелилась верно.

Поднимаясь, ощупала вокруг себя руками. Глаза не открывались.

— Байрон? — произнесла она слабым шепотом.

В ответ донесся поток слов. Это был голос Ризетта.

Она попыталась заговорить, но почувствовала, что теряет сознание.

Все потемнело.

Автарх оставался неподвижным в течение времени, достаточного, чтобы медленно сосчитать до десяти. Байрон неподвижно смотрел на него. Бластер медленно опустился.

— Кажется, ваш бластер не в порядке, — сказал Байрон. — Осмотрите его.

На бескровном лице Автарха промелькнуло

удивление. Ведь он стрелял с расстояния в четыре фута, все должно было быть кончено. Он быстро осмотрел бластер. Энергетическая капсула отсутствовала.

Взвизгнув от гнева, Автарх отбросил мертвый металл. Он ударился о скалу со слабым звенящим звуком.

— Ну что ж, теперь повторим как мужчина с мужчиной! — сказал Байрон.

Автарх попятился.

Байрон шагнул к нему.

— Я могу убить вас многими способами, но ни один меня не удовлетворит. Если я выстрелю из бластера, значит, миллионная доля секунды отделит вас от смерти. Вы не осознаете, что умираете. Это плохо. Я думаю, меня больше удовлетворит, если я вас убью голыми руками.

Он напряг мускулы, но так и не ударил Автарха.

Ему помешал полный ужаса высокий крик:

— Ризетт! — донеслось до них. — Ризетт, не стреляйте!

Байрон повернулся вовремя, чтобы увидеть в ста ярдах движение и блеск металла.

И тут же согнулся под тяжестью тела, обрушившегося ему на спину, упал на колени.

Автарх ударил Байрона коленями под пояс, кулаком в шею. Дыхание Байрона пресеклось. Борясь с надвигавшейся на глаза чернотой, он откатился в сторону. Автарх успел вскочить на ноги.

Байрон успел подобраться, когда Автарх снова прыгнул на него. От удара ногами Автарх увернулся. Они вскочили одновременно, пот леденел на их щеках.

Они медленно кружили. Байрон сдвинул в сторону цилиндр с двуокисью углерода, Автарх отстегнул свой, подержал его и неожиданно бросил. Байрон пригнулся и услышал над головой свист.

Прежде чем Автарх восстановил равновесие, Байрон был рядом. Одним кулаком ударил по руке, другим — по лицу.

Автарх упал, а Байрон отступил.

— Вставайте, — сказал Байрон. — Я подожду. Спешить некуда.

Автарх поднес затянутую в перчатке руку к лицу, посмотрел на кровь. Рот его дернулся, а рука потянулась к отброшенному металлическому цилиндру. Нога Байрона тяжело опустилась на шею Автарха, и Автарх закричал от боли.

Байрон сказал:

— Вы слишком близко от края утеса, Джонти. Не двигайтесь в том направлении и вставайте. Я теперь брошу вас в другую сторону.

Но тут прозвенел голос Ризетта:

— Подождите!

Автарх закричал:

— Застрелите его, Ризетт! Застрелите же его немедленно! Отстрелите сначала руки, потом ноги, и мы оставим его.

Ризетт медленно приблизил оружие к плечу Автарха.

Байрон спросил:

— Как вы думаете, кто разрядил ваш бластер, Джонти?

— Что?

Автарх тупо смотрел на него.

— У меня не было доступа к вашему бластеру, Джонти. Так кто же это сделал? Кто сейчас вас держит под прицелом, Джонти? Не меня, Джонти, а вас.

Автарх повернулся к Ризетту и крикнул:

— Предатель!

Ризетт негромко ответил:

— Не я, сэр, предатель, а тот, кто обрек верного Ранчера Вайдемоса на смерть.

— Это не я! — закричал Автарх. — Если он ска-

зал вам это, он лжет!

— Вы сами сказали это. Я не только разрядил ваше оружие, но и закоротил коммуникатор, так что каждое ваше слово доносилось до меня и до всего экипажа. Теперь мы все знаем, кто вы.

— Я ваш Автарх.

— И величайший из предателей.

Автарх молчал, дико переводя взгляд с одного мрачного гневного лица на другое.

Потом он собрал силой воли остатки самообладания.

Голос его был почти холоден, когда он сказал:

— А если это все и правда, то что с того. Вы ничего не можете изменить. Вам нужно посетить еще одну планету внутри Туманности. Это должна быть планета повстанцев. Но путь к ней знаю только я.

Он каким-то образом вернул утраченное достоинство. Одна его рука, сломанная в запястье, повисла, верхняя губа вздулась, кровь запеклась на щеке, но он излучал такую надменность, как будто был рожден править.

— Вы укажете нам путь, — сказал Байрон.

— Не обманывайтесь. Я не скажу вам этого ни при каких обстоятельствах. Я уже говорил вам, что в среднем на одну звезду приходится семь-

десят кубических световых лет. Если вы будете действовать методом проб и ошибок без меня, вероятность двести пятьдесят квадратильонов к одному, что вы пролетите дальше миллиарда миль от любой звезды!

Байрон распорядился:

— Отведите его на «Безжалостный».

Ризетт негромко сказал:

— Леди Артемизия…

— Значит, это она кричала? — прервал Байрон. — Где она?

— Все в порядке. Она в безопасности. Она вышла без цилиндра с двуокисью углерода. И, естественно, когда в крови у нее закончился запас углекислоты, дыхание у нее замедлилось. Она пыталась бежать, но дышала недостаточно глубоко и потеряла сознание.

Байрон нахмурился.

— Почему она пыталась вмешаться? Хотела удостовериться, что ее другу не повредят?

Ризетт сказал:

— Да, именно так. Только она думала, что я человек Автарха и хочу выстрелить в вас. Я отведу эту крысу. Байрон…

— Да?

— Нужно возвращаться на корабль как можно

скорее. Он все еще Автарх, и, возможно, придется разговаривать с экипажем. Трудно прервать многолетнюю привычку к повиновению. Но по пути проведайте леди Артемизию. Она за этой скалой. Иначе она замерзнет насмерть.

Лицо Артемизии было почти закрыто капюшоном, покрывавшим голову. Тело казалось бесформенным в толстых складках космического костюма.

— Как вы? — спросил он, задыхаясь от быстрой ходьбы.

— Лучше. Спасибо. Мне жаль, если я причинила беспокойство, — церемонно ответила она.

Они стояли, глядя друг на друга, и разговор их, казалось, истощился.

Тогда Байрон сказал:

— Я знаю, мы не можем повернуть время вспять, сделать то, что было не сделано, и сказать то, что не было сказано. Но я хочу, чтобы вы меня поняли.

Ее глаза сверкнули.

— Эти две недели я только и делала, что пыталась вас понять. Вы снова заговорите о моем отце?

— Нет. Я знал, что ваш отец не виноват. Автарха я заподозрил почти с самого начала, но мне нуж-

но было установить точно его вину. А установить, Арта, я мог только одним способом: заставить его сознаться. Я считал, что смогу это сделать, если поймаю его при попытке убить меня. А это можно было сделать только одним способом. Это был плохой способ, почти такой же, как то, что он сделал с моим отцом. Я не ожидаю, что вы простите меня.

— Я вас опять не понимаю.

— Я знал, что вы ему нужны, Арта. С политической точки зрения вы для него совершенный объект. Имя Хинриадов для его целей было полезней имени Вайдемосов. Я сознательно толкнул вас к нему. Получив вас, он больше не нуждался бы во мне и готов был избавиться от меня. Мы с Ризеттом расставили ему ловушку.

— И вы все это время любили меня?

— Вы не можете поверить в это, Арта?

— И вы, конечно, с готовностью пожертвовали любовью ради памяти отца и чести семьи. Это бессмысленно. Вы и в половину не любили меня так, как свою честь.

Байрон жалобно сказал:

— Пожалуйста, Арта! Я не горжусь собой, но другого пути я не видел.

— Вы могли бы поделиться со мной, могли сде-

лать меня союзником, а не орудием.

— Это не ваша борьба. Если бы я потерпел поражение — а такое могло случиться, — вы остались бы в стороне. Если бы Автарх убил меня, вы не чувствовали бы такой боли. Вы могли бы даже выйти за него замуж, быть счастливы.

— Но поскольку вы одержали победу, мне могло бы стать больно от его поражения.

— Но ведь это не так.

— Откуда вы знаете?

Байрон отчаянно сказал:

— Постарайтесь понять меня. Конечно, я был глупцом. Но вы же можете не испытывать ненависти ко мне?

— Почему? Потому что поняла? Нет! Если бы дело было в простом понимании, я не простила бы вас ни за что в жизни. Но я прощаю вас, Байрон, потому что не могу иначе. Как же я могу просить вас вернуться ко мне, если я не прощу вас?

И она оказалась в его объятиях. Ее холодные губы прижались к его губам. Их разделял двойной слой толстой одежды, его руки в перчатках не чувствовали тела, которое он обнимал, но губами он ощущал ее нежное, родное лицо.

Наконец он озадаченно сказал:

— Солнце садится. Будет еще холодней.

Она негромко ответила:

— Странно, но мне стало теплее.

Они вернулись на корабль вместе.

Лигейнский корабль был велик, экипаж его составляли пятьдесят человек. Теперь они сидели, глядя на Байрона. Пятьдесят лиц! Пятьдесят лигейнцев, привыкших от рождения повиноваться своему Автарху.

Некоторые были убеждены Ризеттом, других убедил подслушанный разговор Автарха с Байроном. Но сколько еще были не убеждены или даже откровенно враждебны?

Пока речь Байрона мало действовала на них. Он наклонился вперед, постарался придать голосу убедительность.

— За что вы боретесь? Ради чего вы рискуете жизнями? Ради Свободной Галактики, я думаю. Галактики, в которой каждая планета сможет выбрать свой путь; производить собственные богатства для собственной пользы, не быть рабом ни у какого господина. Разве я не прав?

Послышался негромкий гул, который можно было принять за одобрение, но ему не хватало энтузиазма.

Байрон сказал:

— А за что борется Автарх? За себя самого. Он

Автарх Лигейна. Если он победит, то станет Автархом королевства Туманности. Вы замените Кхана Автархом. Кто от этого выиграет? Стоит ли из-за этого умирать?

Один из слушавших выкрикнул:

— Он был бы одним из нас, а не грязным тиранитом!

Другой:

— Автарх искал планету повстанцев, чтобы предложить свои им услуги. Разве это честолюбие?

— Честолюбие должно подкрепляться чем-то более прочным, не так ли? — иронически спросил Байрон. — Он пришел на планету повстанцев с организацией за спиной. Он мог предложить им помощь всего Лигейна, мог предложить и союз, как он считал, союз с Хинриадами. Он был уверен, что в конце концов планета повстанцев будет делать то, что нужно ему. Да, это честолюбие! А когда возникало противодействие его планам, разве он колебался рисковать вашими жизнями ради своего честолюбия? Мой отец был для него опасен. Он был честным и дружил со свободой. Но он был слишком популярен, и поэтому выдан врагам. Этим предательством Автарх мог погубить все дело и всех вас вместе с ним. Будете ли

вы чувствовать себя в безопасности с человеком, который сговаривается с тиранитами, когда ему это выгодно? Кто может безопасно служить трусливому изменнику?

— Уже лучше, — прошептал Ризетт, — давайте дальше.

Снова тот же голос из задних рядов сказал:

— Автарх знал, где планета повстанцев. А вы знаете?

— Это мы обсудим позже. Тем временем вы подумайте. Под руководством Автарха все вы шли к гибели. Еще есть время спастись, отказавшись от его руководства, повернуть на другой, более благородный путь. Еще возможен выбор между поражением и победой.

— Выбора нет. Только поражение, молодой человек, — прервал его мягкий голос.

Байрон в ужасе повернулся. Пятьдесят человек одновременно вскочили на ноги, готовые бежать. Но бежать было некуда — через несколько дверей одновременно ворвался взвод с оружием наготове.

Сам Саймок Аратап стоял перед Байроном и Ризеттом, держа в каждой руке по бластеру.

Глава 20
Где?

Саймок Аратап внимательно рассматривал стоящих перед ним четверых пленников, чувствуя, как в нем нарастает радость.

Прекрасная игра! Схема приближается к завершению.

Он спокойно заговорил:

— Позвольте расставить точки над «i», миледи и джентльмены. Корабль Автарха захвачен, теперь майор Андрос ведет его на Тиран. Люди Автарха будут преданы суду Трибунала и наказаны за измену. Они шаблонные заговорщики, и с ними поступят по шаблону. Но что мне делать с вами?

Хинрик Родийский с жалким лицом сидел с ним рядом.

Он сказал:

— Примите во внимание, что моя дочь молода. Ее втянули в это дело. Артемизия, скажи ему, что ты…

— Ваша дочь, — сказал ему Аратап, — вероятно, будет освобождена. На ней хочет жениться высокопоставленный тиранитский придворный.

Конечно, мы примем это во внимание.

Артемизия сказала:

— Я выйду за него замуж, если вы освободите остальных.

Байрон привстал, но Аратап взмахом руки усадил его. Наместник тиранитов улыбнулся и сказал:

— Миледи, пожалуйста! Я был бы согласен заключить такую сделку. Однако я не Кхан, а лишь один из его слуг. Поэтому любая заключенная со мной сделка высочайше утверждается. Итак, вы предлагаете…

— Мое согласие на брак.

— Но это уже не в вашей власти. Ваш отец дал согласие, и этого достаточно. Есть у вас еще что-нибудь?

Аратап ждал, пока у пленников ослабнет воля к сопротивлению. Не то чтобы он наслаждался своей ролью, но стремился выполнить ее с наибольшим эффектом. Девушка, например, может в любой момент разразиться слезами, а это благотворно подействует на молодого человека, он станет более уступчивым. Они, очевидно, влюблены друг в друга. Узнав об этом, захочет ли старый Поханг жениться? Вероятно, все же захочет.

На мгновенье он подумал, что девушка очень привлекательна.

Она держала себя в руках, не казалась сломленной.

«Очень хорошо, — подумал Аратап. — У нее тоже сильная воля. Но Похангу будет мало радости от женитьбы на ней».

Он сказал, обращаясь к Хинрику:

— Вы хотите просить и за своего брата?

Губы Хинрика беззвучно зашевелились.

Джилберт воскликнул:

— Никто не может просить за меня. Я ничего не хочу от тиранитов. Прикажите меня расстрелять!

— Не впадайте в истерику, — сказал Аратап. — Вы знаете, что я не могу расстрелять без суда.

— Он мой брат, — прошептал Хинрик.

— Это тоже будет принято во внимание. Когда-нибудь вы поймете, что есть пределы вашей полезности для нас. Интересно, понял ли это ваш брат?

Он был удовлетворен реакцией Джилберта. Тот, по крайней мере, искренне хотел смерти.

Напряжение жизни оказалось для него слишком тяжким. Сохрани ему жизнь — и это окончательно сломает его.

Он задумчиво остановился перед Ризеттом.

Вот один из людей Автарха. Глядя на него, он испытал некоторое замешательство. Планируя эту охоту, он не учел Автарха и его людей как фактор, который может испортить игру. Что ж, иногда полезно и ошибаться. Это удерживает от высокомерия.

Он сказал:

— Вы по глупости стали на сторону предателя, вам лучше было быть с нами.

Ризетт вспыхнул. Аратап продолжал:

— Если у вас и были какие-то военные заслуги, то, боюсь, теперь они уничтожены. Вы не дворянин, и государственные соображения не играют роли в вашем случае. Суд над вами будет публичным, и всем станет ясно, что вы были орудием орудия.

— Но мне кажется, — сказал Ризетт, — что вы не прочь заключить и со мной сделку.

— Сделку?

— Клану нужны доказательства, что вами раскрыт большой заговор. Вы же захватили лишь один корабль. Разве вы не хотите узнать обо всем механизме заговора?

Аратап лишь слегка покачал головой.

— Нет. У нас есть Автарх. Это достаточный

источник информации. Даже без него нам достаточно высадиться на Лигейне. И тогда мало что останется от заговора. Такого рода сделка нам не нужна.

Он повернулся к молодому человеку.

Он оставил его напоследок, потому что он казался ему самым умным из всех. Но он молод, а молодые люди редко бывают очень опасны, им не хватает терпения.

Байрон заговорил первым.

— Как вы нас выследили? Он работал на вас?

— Автарх? Ни в коем случае. Бедняга старался играть на обе стороны с обычным результатом неискусных игроков.

Хинрик прервал его с детским оживлением:

— У тиранитов есть изобретение, позволяющее следить за кораблями через гиперпространство.

Аратап резко обернулся.

— Если ваше превосходительство воздержится от вмешательства, я буду ему очень признателен.

Хинрик съежился.

Впрочем, это не имело значения. Ни один из этих четверых больше не будет опасен, но он не хотел, чтобы у молодого человека прибавилось ясности хоть в чем-то.

Байрон сказал:

— Давайте рассмотрим факты. Мы здесь не потому, что вы нас любите. Почему мы не на пути в Тиран вместе с остальными? Вы не знаете, как расправиться с нами? — Двое из нас Хинриады. Я — Вайдемос. Ризетт — хорошо известный офицер лигейнского флота. А пятый, ваш любимый трус и предатель, все еще Автарх Лигейна. Вы не можете убить нас без того, чтобы не взбудоражить все королевства Туманности. Вам придется заключить сделку с нами. Больше ничего не остается.

Аратап ответил:

— Вы не вполне правы. Позвольте обрисовать схему. Мы следовали за вами, неважно — как. Слишком живое воображение Директора можно не принимать во внимание. Вы останавливались у трех звезд, не высаживаясь на планеты, потом подошли к четвертой и тут нашли Планету.

Мы высадились вслед за вами, следили и ждали. Вы ссорились с Автархом и сообщали об этом по радио без всяких ограничений. Я знаю, что это было организовано для ваших целей, но соответствовало и нашим целям. Мы подслушали ваш разговор. Автарх сказал, что остается посетить только одну планету в Туманности, и что там должен быть мир повстанцев. Где же находится

эта пятая и последняя планета?

Наступило молчание. Аратап сел и бесстрастно осмотрел всех одного за другим.

— Мира повстанцев нет, — сказал Байрон.

— Что же вы тогда искали?

— Мы ничего не искали.

— Не говорите ерунду!

Байрон устало пожал плечами.

— Если вы хотите получить другой ответ, то сами занимаетесь ерундой.

Аратап сказал:

— Планета повстанцев должна быть центром всего заговора. Моя цель — найти ее, и только потому я сохраняю вам жизнь. Каждый из вас может предоставить лабораторию и дать возможность нам спокойно работать. Да, мы знаем больше, чем вы думали.

Аратап быстро отвернулся. Джилберт мог заплакать, а это неприятное зрелище.

— Полковник Ризетт, вы будете избавлены от унижения трибунала и несомненного приговора, от позора и утраты репутации. Вы, Байрон Фаррил, снова будете Ранчером Вайдемоса. В этом случае мы могли бы даже реабилитировать вашего отца.

— И вернуть его к жизни?

— Восстановить его честь.

— Его честь, — сказал Байрон, — заключается в действиях, которые и повлекли его осуждение на смерть. Не в вашей власти что-либо добавить к ней или убавить.

Аратап сказал:

— Один из вас расскажет мне, где найти мир, который вы искали. Он будет разумен и получит то, что я обещал. Остальные выйдут замуж, будут заключены или казнены — каждый получит то, что заслужил. Предупреждаю, я могу быть жестоким, если понадобится.

Он немного подождал.

— Который же из вас? Если никто из вас не заговорит, я все равно получу нужные сведения, а вы проиграете.

— Бесполезно, — сказал Байрон, — вы все тщательно подготовили, и все же это вам не поможет. Планеты повстанцев нет.

— Автарх говорит, что есть.

— Тогда спрашивайте Автарха.

Аратап нахмурился. Молодой человек становился несговорчивым. Он сказал:

— Я намерен иметь дело с одним из вас.

— Вы имели дело с Автархом. Так и продолжайте. У вас ничего нет такого, чем вы могли бы

купить нас.

Байрон обвел взглядом остальных.

— Верно?

Артемизия приблизилась к нему и взяла его за руку. Ризетт коротко кивнул, а Джилберт почти беззвучно произнес.

— Верно.

— Вы обречены, — сказал Аратап и нажал кнопку звонка.

В сопровождении стражника явился Автарх. Правое запястье Автарха было затянуто легкой металлической тканью, магнитное поле прижимало ее к груди. Левая сторона его лица распухла и посинела, за исключением красного рваного рубца. Он стоял неподвижно, вырвав правую, здоровую руку из руки стражника.

— Что вы хотите?

— Сейчас скажу, — ответил Аратап. — Во-первых, я хочу, чтобы вы осмотрели присутствующих. Вот, например, молодой человек, которого вы замыслили убить, но который сумел искалечить вас и расстроить ваши планы, хотя вы Автарх, а он изгнанник.

Лицо Автарха не дрогнуло.

Аратап спокойно, почти равнодушно продолжал:

— Вот это Джилберт от Хинриад, который спас жизнь молодого человека и привел его к вам. Это леди Артемизия, за которой, как мне сообщили, вы ухаживали самым безупречным образом, но которая тем не менее предала вас ради любви к юноше. Вот полковник Ризетт, которого вы считала своим военным помощником, но который тоже кончил тем, что предал вас. Есть у вас долг перед этими людьми, Автарх?

— Что вы хотите? — повторил Автарх.

— Мне нужна информация. Сообщите ее мне, и вы снова будете Автархом. Ваши прежние контакты с нами будут засчитаны вам при дворе Кхана. Иначе…

— Что — иначе?

— Иначе, я получу ее от них. Они будут освобождены, а вас казнят. Поэтому я и спрашиваю, есть ли у вас долг перед ними, должны ли вы из-за своего упрямства дать им возможность спастись?

Лицо Автарха исказилось болезненной улыбкой.

— Они не спасутся за мой счет. Они не знают местонахождения нужной вам планеты. Я знаю.

— Я не сказал, какая информация нам нужна, Автарх.

— Вы можете хотеть только одного.

Его голос звучал хрипло, почти неузнаваемо.

— Если я решусь говорить, Автархия должна остаться за мной.

— Разумеется, под более тщательной охраной, — вежливо заметил Аратап.

Ризетт воскликнул:

— Поверьте ему, и вы добавите еще одно предательство и в конце концов будете убиты.

Стражник шагнул вперед, но Байрон предупредил его. Бросившись к Ризетту, он прикрыл его.

— Не будьте глупцом, — сказал он ему на ухо. — Вы ничего не можете сделать.

Автарх сказал:

— Я забочусь не об Автархии и не о себе, Ризетт.

Он повернулся к Аратапу:

— Они будут убиты? Вы мне должны обещать это.

Его безобразное лицо еще больше исказилось.

— И прежде всего этот. — И он указал пальцем на Байрона.

— Если такова ваша цена, она принята.

— Если бы я сам мог казнить их, мне бы, от вас больше ничего не нужно было. Я скажу вам то, что хотел утаить. Вот «ро», «тэта» и «фи» в парсеках и радианах: «тэта» и «фи» в парсеках

и радианах: 7352, 43, 1, 7836, 5, 2112. Эти числа определяют положение нужной вам планеты в Галактике. Теперь они у вас есть.

— Теперь они у меня есть, — повторил Аратап.

Он приказал всех увести.

Ризетт вырвался с криком:

— Предатель!

Байрон, потеряв равновесие, выпустил из рук лигейнца и упал на колено.

— Ризетт! — тщетно кричал он.

Ризетт с искаженным лицом бросился за стражником. Ворвались другие стражники, но Ризетт уже овладел бластером первого.

Руками и ногами он отбивался от тиранитских солдат. Пробиваясь сквозь клубок тел, Байрон присоединился к схватке. Он схватил Ризетта за горло, оттаскивая его назад.

— Предатель, — хрипел Ризетт.

Он прицелился в Автарха, который пытался увернуться.

Ризетт выстрелил, но тут его обезоружили и бросили на пол.

Но правое плечо и половина груди Автарха исчезли. Остаток руки висел, удерживаемый магнитным полем. Какое-то мгновение Автарх продолжал стоять, потом глаза его закатились, и

он безжизненно упал на пол. Артемизия закричала и спрятала лицо на груди Байрона. Байрон заставил себя посмотреть на тело своего врага, потом отвернулся. Хинрик в дальнем углу комнаты что-то бормотал и хихикал.

Только Аратап остался спокоен. Он проговорил:

— Уберите тело.

Это сделали и очистили пол от крови мягкими горячими лучами. Осталось лишь несколько пятнышек.

Ризетту помогли встать на ноги. Он яростно крикнул Байрону:

— Зачем вы мешали? Я чуть не промахнулся.

Байрон устало ответил:

— Вы попали в ловушку, Ризетт.

— В ловушку? Я убил мерзавца.

— Этим вы сделали ему одолжение.

Ризетт не ответил, а Аратап не вмешался. Он слушал с явным удовольствием. Ум у молодого человека был отличным.

Байрон сказал:

— Если Аратап подслушал весь разговор, а он сказал, что подслушал, он знал, что только Джонти обладал нужной ему информацией. Джонти подчеркнул это, когда стоял перед нами после

схватки со мной. Очевидно, Аратап допрашивал нас только для того, чтобы вывести из равновесия. Чтобы мы в нужное время действовали безрассудно. Я был готов подавить неразумные стремления. Вы — нет.

— Я думал, — негромко прервал его Аратап, — что именно вы завершите это дело.

— Я бы прицелился в вас, — ответил Байрон.

Он снова повернулся к Ризетту.

— Разве вы не поняли? Он не хотел, чтобы Автарх остался жить. Ему нужна была информация, но платить за нее он не хотел. Но убить Автарха было рискованно. Вы это сделали за него.

— Правильно, — согласился Аратап. — И теперь сведения у меня.

Послышался неожиданный звон колоколов.

Ризетт начал было говорить:

— Хорошо. Но если я сделал ему одолжение, то я сделал его и себе.

— Не совсем, — сказал наместник. — Наш юный друг не довел свой анализ до конца. Видите ли, совершено еще одно преступление. Если бы вас обвиняли только в измене тиранитам, ваше дело было бы политическим и весьма деликатным. Теперь же, после убийства Лигейна, вас будут судить, приговорят и казнят по лигейнским зако-

нам, и тираниты не примут в этом участия. Это весьма удобно.

Он нахмурился и замолчал. Услышав звон, он подошел к двери и открыл ее.

— Что случилось?

Солдат отдал честь.

— Общая тревога, сэр. В помещении склада.

— Пожар?

— Пока неизвестно, сэр.

— Великая Галактика, — подумал про себя Аратап.

Он вбежал в комнату.

— Где Джилберт?

Только тут все заметили его отсутствие.

— Мы его найдем, — сказал Аратап.

Они нашли Джилберта в машинном отделении, где он прятался среди механизмов.

Его притащили в каюту наместника.

Наместник сухо сказал:

— С корабля убежать невозможно, милорд. Вам не следовало поднимать общую тревогу. Ну, хватит. Мы вернули захваченный вами, Фаррил, крейсер, мой собственный крейсер. Как только будет рассчитан прыжок, отдадим последние почести Автарху, а потом будет приключение, на которое трудно рассчитывать в наш скудный

век…

Пленников разделили. Артемизию поместили с отцом, а Байрона и Ризетта увели в разные стороны. Джилберт закричал:

— Я не хочу быть один!

Аратап вздохнул. Исторические книги говорят, что дед этого человека был великим правителем. Печально видеть эту сцену. Он с отвращением сказал:

— Поместите этого милорда с остальными.

Джилберта поместили с Байроном. До наступления корабельной «ночи» они не разговаривали. Потом свет погасили. Было достаточно светло для стражников, следящих за пленниками по телеэкранам, и в то же время легче уснуть.

Но Джилберт не спал.

— Байрон, — прошептал он.

Байрон, очнувшись от дремоты, спросил:

— Что вы хотите?

— Байрон, я это сделал. Все в порядке, Байрон.

— Постарайтесь уснуть, Джил.

Но Джилберт продолжал:

— Я сделал это, Байрон. Аратап, может, и умен, но я умнее. Разве это не забавно? Не беспокойтесь, Байрон, я все сделал.

Он снова лихорадочно потряс Байрона.

Байрон сел.

— Что с вами?

— Ничего, все в порядке. Но я это сделал.

Джилберт улыбался. У него была хитрая улыбка мальчишки, сделавшего что-то трудное.

— Что вы сделали?

Байрон вскочил. Схватил Джилберта за плечи, приподнял его.

— Отвечайте же!

— Меня нашли в машинном отделении. Они подумали, что я там прячусь. Я не прятался. Я включил сигнал тревоги на складе, потому что должен был остаться один хоть на несколько минут. Байрон, я закоротил генераторные двигатели. Потребовалась всего минута. И они не узнают. Я сделал это умно. Они не узнают, пока не сделают прыжок, и тогда начнется цепная реакция в горючем. Тогда и корабль, и Аратап, и все его знания о планете повстанцев превратятся в раскаленный газ.

Байрон попятился, глаза его широко раскрылись.

— Вы это сделали?

— Да.

Джилберт, закрыв лицо руками, раскачивался.

— Мы все погибнем. Я не боюсь умереть, Байрон.

Только не в одиночестве. И хочу быть с кем-то. Хорошо, что вы со мной. Когда я буду умирать, мне хочется, чтобы кто-то был рядом. Это быстро и не больно. Не будет… больно.

— Глупец, — сказал Байрон. — Сумасшедший! Мы могли бы еще выиграть!

Джилберт его не слышал. Уши его были заполнены собственными стонами. Байрон заколотил в дверь.

— Стражник, — закричал он.

Сколько осталось жить — часы или минуты?

Глава 21
Здесь?

Услышав стук, прибежал солдат.

— Отойдите подальше! — закричал он.

Они стояли, глядя друг на друга. Двери не было, но силовое поле делило маленькую каюту на две части.

Байрон чувствовал поле руками. Оно походило на резину: вначале поддавалось, а потом становилось будто стальным.

Но Байрон знал, что это поле прозрачно для энергетического луча или нейронного хлыста.

В руке стражника был хлыст.

Байрон сказал:

— Мне нужно видеть наместника Аратапа.

— Ради этого вы поднимаете шум?

Стражник был не в лучшем настроении. Ночные вахты были непопулярны, а он еще и проигрался в карты.

— Доложу по окончании дежурства.

— Ждать нельзя.

Байрон почувствовал отчаяние.

— Это очень важно, — добавил он.

— Придется подождать. Вернетесь на место или хотите отведать хлыста?

— Послушайте, — сказал Байрон. — Вот этот человек, что со мной, — Джилберт от Хинриад. Он болен. Может быть, он умирает. Если Хинриад умрет на тиранитском корабле от того, что вы не дали мне поговорить с офицером, вам придется несладко.

— Что с ним?

— Не знаю. Побыстрей поворачивайтесь, если вам не надоело жить.

Стражник что-то пробормотал и ушел. Байрон следил за ним, пока мог видеть в полутьме.

Он напряг слух, пытаясь услышать гудение моторов, показывающее, что корабль готовится к прыжку. Но ничего не услышал.

Он подошел к Джилберту, схватил его за волосы, осторожно поднял голову. Глаза смотрели неподвижно с искаженного лица. В нем не было мысли, только страх.

— Кто вы? — пробормотал Джилберт.

— Это я, Байрон. Как вы себя чувствуете?

— Байрон? — переспросил Джилберт.

Потом с некоторым оживлением добавил:

— Скоро прыжок? Смерть не страшна, Байрон.

Байрон отпустил его голову. Не было смысла

сердиться на Джилберта. С его точки зрения это героический поступок.

Но он испытывал раздражение. Почему ему не дают поговорить с Аратапом? Почему не выпускают?

Снова застучал по стене кулаком.

Если бы здесь была дверь, он мог бы сломать ее, если бы были прутья решетки, он согнул бы их, вырвал из гнезд. Но ничего не может повредить силовому полю.

Он снова закричал. Послышались шаги.

Байрон подбежал к силовой перегородке.

Это снова был стражник.

— Отойдите от поля! — рявкнул он. — Сделайте шаг назад и поднимите руки.

С ним был офицер. Байрон отступил. Нейронный хлыст стражника неотступно следовал за ним.

Офицер сказал:

— Если Джилберт от Хинриад болен, вам нужен не наместник, а доктор.

Силовое поле с легким щелчком отключилось.

Офицер вошел, и Байрон увидел на его мундире знаки различия медработника.

Байрон сделал шаг к нему.

— Послушайте меня. Корабль не должен совер-

шать гиперпрыжок. Приказ об его отмене может дать только наместник, поэтому мне нужно его видеть. Вы понимаете это? Вы офицер. Разбудите его.

Доктор хотел отстранить его, но Байрон отбросил его руку, доктор закричал:

— Стражник, уберите его отсюда!

Стражник шагнул вперед, но Байрон кинулся на него. Они покатились.

Байрон сжал вначале плечи противника, потом руку, пытавшуюся повернуть оружие.

Они застыли, карауля движения друг друга. Краем глаза Байрон ловил малейшие движения.

Офицер-медик устремился к сигналу тревоги.

Рука Байрона, та, которая не сжимала запястье противника, перехватила лодыжку офицера.

Стражник чуть не высвободился, офицер отчаянно пинался, но Байрон, у которого на шее и висках вздулись вены, удерживал обоих.

Хлыст стражника с глухим стуком упал на пол.

Байрон устремился к нему, покатился и остановился на коленях. В одной руке его был хлыст.

— Ни звука, — скомандовал он. — Бросайте оружие!

Стражник, поднявшись на ноги, в изорванной одежде, с ненавистью взглянул на него и отбро-

сил тяжелую пластиковую дубинку.

Доктор не был вооружен. Байрон подобрал дубинку и сказал:

— Простите. Мне нечем вас связать и времени нет.

Тускло блеснул нейронный хлыст — раз, два.

Вначале стражник, потом доктор застыли в мучительной неподвижности, потом упали в напряженной позе, в какой застал их удар.

Байрон повернулся к Джилберту, который тупо смотрел на него.

— Простите, — сказал Байрон, — но вы тоже, Джилберт.

Хлыст выстрелил в третий раз.

Отсутствующее выражение застыло на лице Джилберта.

Силовое поле по-прежнему было выключено, и Байрон вышел в коридор. Коридор был пуст.

На корабле царила «ночь» и бодрствовали только дежурные.

Не было времени искать Аратапа.

Нужно было идти в машинное отделение. Оно, конечно, на корме.

Мимо него торопливо прошел человек в мундире техника.

— Когда прыжок? — спросил Байрон.

— Примерно через полчаса, — ответил тот через плечо.

— Машинное отделение прямо?

— И вверх по лестнице.

Техник неожиданно повернулся.

— Кто вы такой?

Байрон не ответил. Хлыст ударил в четвертый раз.

Байрон перешагнул через тело и пошел дальше. Осталось полчаса.

Поднимаясь по лестнице, он услышал шум. Свет впереди был белым.

Он заколебался, а потом сунул хлыст в карман.

Они заняты. У них не будет причин подозревать его.

Он вошел.

Люди, похожие на пигмеев, суетились у огромных конвертеров материи-энергии.

Комната была усеяна циферблатами, и сотни шкал сообщали необходимую информацию.

Корабль по размеру, по классу соответствовал пассажирскому лайнеру, устройство которого хорошо знал Байрон. Здесь были не только автоматические механизмы. Здесь было достаточно энергии для небольшого города. Все это требовало тщательного присмотра.

Байрон находился на огражденном перилами балконе, окружавшем машинное помещение.

В одном углу в небольшом помещении два человека колдовали у компьютера.

Байрон заторопился в том направлении.

Инженеры проходили мимо, не глядя на него.

Лишь те, что у компьютера, подняли головы.

— Что вы здесь делаете? — спросил один из них.

— Вернитесь на свой пост. — На его плечах были лейтенантские погоны.

Байрон сказал:

— Слушайте меня. Гиператомные двигатели закорочены. Нужно их отремонтировать.

— Держите его! — закричал второй. — Я его видел. Это один из пленников.

Он прыгнул к двери. Байрон ухватил его за пояс и втянул обратно.

— Верно, — согласился он. — Я один из пленников. Меня зовут Байрон Вайдемос. Но я говорю правду: двигатели закорочены. Осмотрите их, если не верите мне.

Лейтенант посмотрел на нейронный хлыст, осторожно сказал:

— Этого сделать нельзя, сэр, без приказания дежурного офицера или наместника. Осмотр

означал бы изменение расчетов прыжка и задержку на многие часы.

— Тогда свяжитесь с наместником.

— Я могу воспользоваться коммуникатором?

— Поторопитесь.

Рука лейтенанта потянулась к микрофону коммуникатора, но на полпути повернула и нажала кнопку на столе.

Во многих помещениях корабля прозвучали колокола тревоги.

Дубинка Байрона опоздала. Она жестоко обрушилась на запястье лейтенанта.

Тот с криком отдернул руку, но тревожный сигнал продолжал звучать.

В зал через все входы врывались стражники.

Байрон быстро осмотрел комнату и перепрыгнул через ограждение.

Он приземлился на четвереньки и покатился.

Катился он как можно быстрее, чтобы не дать возможность целиться в себя.

Он услышал, как рядом с ухом просвистели игольчатые пули, и тут же оказался в укрытии у одной из машин.

Стоя на четвереньках, он прижимался к выступу машины.

Правая нога сильно болела: гравитация кор-

пуса корабля была значительной, прыгать ему пришлось с большой высоты, он сильно растянул связку.

Значит, преследования дальше не будет.

Если он и победит, то только в этом месте. Он крикнул:

— Не стреляйте. Я безоружен. Гиператомные двигатели замкнуты. Прыжок означает для всех нас смерть. Я прошу только, чтобы вы проверили двигатели. Если я ошибаюсь, вы потеряете несколько часов, но спасете ваши жизни.

— Возьмите его! — приказал кто-то.

— Вы погибнете, если не послушаетесь! — завопил Байрон.

Он слышал осторожные шаги многих ног и отступил назад. Послышался звук сверху. По корпусу машины к нему скользил солдат.

Байрон ждал. Он еще может использовать свои руки.

Тут сверху послышался неестественно громкий голос, проникающий по всем закоулкам зала:

— Все по местам. Прекратить подготовку к прыжку. Проверить гиператомные двигатели.

Это через коммуникатор говорил Аратап.

Потом послышался новый приказ:

— Приведите молодого человека ко мне.

Байрон не сопротивлялся. Но два солдата с каждой стороны держали его так крепко, будто он собирался взорвать корабль.

Он старался идти прямо, но сильно хромал.

Аратап был полуодет. Глаза его казались выцветшими, но сосредоточенными. Он сказал:

— Вы вызвали большую суматоху, Фаррил.

— Необходимо было спасти корабль. Отошлите стражников. Пока машины не осмотрят, я ничего не собираюсь предпринимать.

— Они пока останутся. Вначале я послушаю доклад инженеров.

Они молча ждали. Медленно тянулись минуты.

Затем на щите под надписью «Машинное отделение» вспыхнула красная лампочка.

Аратап включил связь.

— Докладывайте.

Послышалось хриплое и торопливое:

— Гиператомные моторы палубы «В» полностью замкнуты. Ремонт производится.

— Рассчитайте прыжок через шесть часов.

Аратап повернулся к Байрону и холодно сказал:

— Вы были правы.

Он показал жестом, что стражники могут

удалиться. Они отсалютовали, повернулись на каблуках и вышли.

— Подробности, пожалуйста… — сказал Аратап.

— Джилберт от Хинриад во время нахождения в машинном отделении решил закоротить моторы. Он не отвечает за свои действия и не может быть наказан.

Аратап кивнул.

— Его не считали ответственным в течение многих лет. Пусть это происшествие останется между нами. Однако мое любопытство возбуждено. Почему вы помешали уничтожению корабля? Ведь не потому, что боитесь смерти? И не потому, что хотите что-то скрыть?

— Скрывать нечего, — ответил Байрон. — Планеты повстанцев не существует. Я уже говорил это и повторяю снова. Лигейн — центр заговора.

— Но Автарх верил в существование этого загадочного мира. Ведь он мне сообщил координаты.

— Его вера основана на фантазии безумца. Джилберт выдумал это двадцать лет назад. На этой основе Автарх рассчитал положение пяти вероятных планетных систем, где может размещаться этот вымышленный мир. Все это ерунда.

— И все же что-то беспокоит меня, — возразил

наместник.

— Что именно?

— Возможно, один из вас задумал уничтожить корабль, другой — спасти его, чтобы убедить меня не искать дальше планету повстанцев. Я должен сказать себе: «Если бы такой мир действительно существовал, молодой Фаррил не помешал бы кораблю взорваться. Он молодой, романтически настроенный человек, и для него это была бы героическая смерть. Поскольку он, рискуя жизнью, предотвратил взрыв, значит, Джилберт безумен, никакой планеты повстанцев нет, и я возвращаюсь, прервав поиски». Я не слишком сложно излагаю?

— Нет, я вас понимаю.

— А поскольку вы спасли наши жизни, то должны получить соответствующее вознаграждение. Таким образом, вы спасете и свою жизнь и добьетесь задуманного. Нет, молодой человек, я не всегда верю в очевидное. Прыжок к пятой звезде будет совершен.

— Я не возражаю, — сказал Байрон.

— Вы хладнокровны, — кивнул головой Аратап.

— Жаль, что вы не один из нас. — Это можно было считать комплиментом.

Он продолжал:

— Сейчас вас отведут в вашу каюту и восстановят силовое поле. Простая мера предосторожности.

Первого охранника в каюте Байрона уже не было, но доктор еще находился там. Он склонился над Джилбертом.

— Он еще без сознания? — спросил Аратап.

Услышав его голос, доктор выпрямился.

— Действие нейронного хлыста кончилось, наместник, но этот человек не молод и долго находился под напряжением. Не знаю, придет ли он в себя.

Байрон почувствовал ужас, Он упал на колени, не обращая внимания на боль, осторожно коснулся плеча Джилберта, прошептал:

— Джил…

Байрон с беспокойством смотрел на белое, безжизненное лицо.

— Отойдите, — приказал медик. Он достал сумку.

— Шприц по крайней мере цел, — пробормотал он, делая укол.

Через некоторое время веки Джилберта дрогнули, глаза открылись. С минуту он молчал, а когда заговорил, голос его звучал чуть слышно.

— Я ничего не вижу, — прошелестел его голос.

Байрон склонился к нему.

— Все в порядке, Джил. Отдыхайте.

— Не хочу.

Он попытался выпрямиться.

— Байрон, когда прыжок?

— Скоро.

— Оставайтесь со мной. Я не хочу умирать в одиночестве.

Пальцы его слабо сжали руку Байрона, потом разжались, голова откинулась.

Доктор наклонился к нему, потом выпрямился.

— Мы опоздали. Он мертв.

Слезы показались на глазах Байрона.

— Простите, Джил, — сказал он.

Это были для Байрона тяжелые часы. Аратап не разрешил ему присутствовать на церемонии погребения тела в космосе. Байрон знал только, что сейчас где-то в корабле тело Джилберта сгорает в атомной печи, а затем пепел будет выброшен в пространство, где его атомы смешиваются с межзвездным туманом.

Артемизия и Хинрик должны были быть там.

«Поймут ли они? Поймет ли она, что у меня не было иного выхода?»

Доктор позаботился о ноге Байрона, боль почти

прошла. На нее можно было не обращать внимания, но что такое физическая боль по сравнению с душевной?

Байрон почувствовал легкую тошноту. Это начинался прыжок.

Это прыжок.

И тут его начали одолевать сомнения.

А что, если он ошибся? А что, если они сейчас в самом центре восстания?

Сведения об этом пойдут на Тиран, соберется Армада. И он умрет, зная, что мог спасти восстание, но погубил его.

В эти мрачные часы он думал и о земном документе, который так и не смог отыскать.

Так напряженно искали планету повстанцев, что совсем забыли о загадочном документе.

Странно, что Аратап летит к планете повстанцев на одном-единственном корабле. Почему он так уверен? Хочет захватить целую планету с помощью одного корабля? Автарх знал, что документ потерян много лет назад. Но кто им владеет сейчас? Может быть, тираниты? Тайна этого документа позволит одному кораблю справиться с целой планетой.

Мучительные раздумья были прерваны приходом Аратапа.

Байрон вскочил на ноги. Он ожидал услышать самое ужасное.

— Координаты Автарха верны, — сказал наместник. — Мы достигли звезды.

— Ну?

— Нет необходимости искать планету. Астронавигаторы сообщили, что менее миллиона лет назад эта звезда была новой. Даже если у нее и были планеты, то они уничтожены. Теперь звезда — белый карлик. У него не может быть планет. Значит, вы правы, планеты повстанцев нет.

Глава 22
Здесь!

Только философия Аратапа не позволила ему проявить чувство сожаления.

На некоторое время он был не самим собой, а своим отцом.

Все, что он делал эти последние недели, оказалось напрасным: он неуклонно вел корабли, преследуя врагов Кхана, готовый раздавить их центр сопротивления. Но там, где могла находиться планета повстанцев, оказалась пустота.

У Кхана не осталось врагов, не было миров, которые можно завоевать.

И он, Аратап, остается всего лишь наместником, будет улаживать маленькие неприятности, не более.

Но сожаление — бесплодное чувство, поэтому Аратап был по-прежнему холоден и спокоен.

— Значит, вы правы. Планеты повстанцев нет, — повторил он.

Он сел и пригласил Байрона тоже сесть.

— Я хочу поговорить с вами.

Молодой человек вопросительно смотрел на

него, и Аратап удивился, как он возмужал и окреп по сравнению с тем мальчиком, которого он увидел, встретившись с ним несколько месяцев назад.

«Я, видимо, склонился к упадничеству, — подумал Аратап. — Многие ли из нас начинают различать индивидуальности среди своих подчиненных?»

Он сказал:

— Я собираюсь отпустить Директора и его дочь. С политической точки зрения это разумно. Я хочу их освободить немедленно и отправить назад на «Безжалостный». Сможете отвезти их?

— Вы освобождаете меня?

— Да.

— Почему?

— Вы спасли мой корабль и мою жизнь.

— Сомневаюсь, чтобы личная благодарность оказала бы воздействие на ваши государственные замыслы.

Аратап рассмеялся — этот молодой человек ему нравился.

— Тогда назову вам другую причину. Пока я расследовал гигантский заговор против Кхана, вы были опасны. Но никакого заговора нет. Всего лишь кучка лигейнцев, предводитель которых

мертв. Вы больше не опасны. В сущности было бы неразумно дальше задерживать вас в лигейнских пленниках. Суд проходил бы по лигейнским законам и не под нашим контролем. На суде неизбежно встал бы вопрос о так называемой планете повстанцев. И хотя ее нет, половина подданных тиранитов будет думать, что она все же возможна. Дыма без огня не бывает. И мы сами дадим им повод для размышлений, для организации сопротивления, дадим надежду на будущее. И целое столетие тиранитскому королевству придется бороться с действительным заговором. Ваше освобождение покажет, что никакой планеты повстанцев нет.

— Вы освободите всех нас?

— Ну, это не настоящая свобода, поскольку ни один из вас не проявил подлинной верности. С Лигейном мы разберемся, а уж следующий Автарх будет гораздо больше зависеть от Кхана. Лигейн перестанет быть нашим союзным государством, и суды над лигейнцами будут идти не обязательно на Лигейне. Участники заговора, включая тех, которые сейчас находятся в наших руках, будут сосланы на другие планеты, более близкие к Тирану. Там они будут не опасны. Вы сами не вернетесь на Нефелос и не станете

Ранчером. Вы останетесь на Родии вместе с полковником Ризеттом.

— Хорошо, — сказал Байрон. — Но что с браком леди Артемизии, на который дал согласие ее отец?

— Вы хотите, чтобы он не состоялся?

— Вы знаете, что мы с ней хотели бы пожениться, и вы говорили, что есть возможность воспрепятствовать ее браку со стариком.

— Тогда я пытался кое-чего добиться, но пока безрезультатно.

— Но возможность есть, наместник. Нужно лишь указать Кхану, что когда могущественный придворный женится на девушке из подчиненной семьи, это вызовет у подчиненных неоправданные ожидания. А неоправдавшиеся ожидания приведут к недовольству.

Аратап снова рассмеялся.

— Вы рассуждаете, как один из нас. Но ваш план не подействует. Хотите совет?

— Какой?

— Женитесь на ней немедленно. То, что сделано, трудно переделать. Найдем для Поханга другую женщину.

Байрон колебался, потом протянул руку.

— Спасибо, сэр.

— Я сам не люблю Поханга, — сказал Аратап. — Но запомните: не стройте честолюбивых планов. Хотя вы и женитесь на дочери Директора, но сами вы Директором никогда не станете. Такие, как вы, нам не нужны.

Аратап следил за уменьшающимся «Безжалостным» на экране и радовался принятому им решению.

Молодой человек свободен, сообщение на Тиран уже в пути.

Майор Андрос, конечно, будет возражать. Кое-кто при дворе потребует его отзыва с должности наместника.

Если необходимо, он сам полетит на Тиран, увидится с Кханом и добьется, чтобы его выслушали, сообщит все факты, и король королей увидит, что другого пути не было.

Козни врагов будут разрушены.

«Безжалостный» превратился в сверкающую точку, неотличимую от других звезд, которые окружили его после выхода из Туманности.

Ризетт сказал, глядя, как, удаляясь, уменьшается на экране тиранитский флагман:

— Он отпустил нас! Знаете, если бы все тираниты были на него похожи, я мог бы служить в тиранитском флоте. У меня было свое представ-

ление о тиранитах, а он ему не соответствует. Как вы думаете, он слышит нас?

Байрон переключил приборы на автоматику и повернулся в кресле.

— Конечно, нет. Он может следить за нашим кораблем через гиперпространство, как делал раньше, но не думаю, чтобы он мог уловить нас шпионским лучом. Помните, когда он захватил нас, то знал только то, о чем мы говорили на четвертой планете. Не больше.

В пилотскую рубку вошла Артемизия, прижав палец к губам.

— Тише, — сказала она, — он уснул. Скоро мы будем на Родии?

— Через один прыжок, Арта. Аратап рассчитал его для нас.

— Я пойду вымою руки, — сказал Ризетт.

Они смотрели, как он выходит, и тут же Артемизия очутилась в объятиях Байрона.

Он поцеловал ее в лоб и в глаза, потом нашел губы, и руки его сжали ее крепче.

Поцелуй затянулся.

Она сказала:

— Я тебя очень люблю.

Он ответил:

— Я люблю тебя больше, чем могу выразить.

Последующий разговор был столь же неофициален, сколь и приятен.

Немного погодя, Байрон сказал:

— Он поженит нас перед посадкой?

Артемизия слегка нахмурилась.

— Я пыталась объяснить ему, что он Директор и капитан корабля, и что здесь нет тиранитов. Не знаю, понял ли он. Он очень расстроен. И совсем не в себе. После того, как он отдохнет, я попробую снова.

Байрон негромко рассмеялся.

— Не беспокойся. Мы его убедим.

Шумно вошел Ризетт.

Он сказал:

— Хорошо бы иметь трейлер. Теснота такая — негде глубоко вздохнуть.

— Через несколько часов мы будем на Родии, — ответил Байрон. — Скоро прыжок.

— Я знаю.

Ризетт нахмурился.

— И останемся на Родии до самой смерти. Я не жалуюсь, я рад, что остался в живых. Но какой глупый конец!

— Это еще не конец, — негромко сказал Байрон.

Ризетт посмотрел на него.

— Вы думаете, мы можем начать сначала? Нет, вы может быть, и сможете, но я нет. Я слишком стар и ничего у меня не осталось. Лигейн я никогда больше не увижу. Это больше всего меня беспокоит. Там я родился и прожил всю жизнь. В другом месте я не человек. Вы молоды, вы забудете о Нефелосе.

— Жить можно не только на родной планете, Теодор. В прошлые столетия именно в этом и заключалось наше непонимание. Все планеты — наша родина.

— Может быть. Если бы существовала планета повстанцев, это было бы так.

— Планета повстанцев существует, Теодор.

Ризетт резко ответил:

— Я не настроен для шуток, Байрон.

— Я не шучу. Такая планета есть, и я знаю ее расположение. Я мог бы догадаться об этом неделю назад, да и любой мог бы. Все факты налицо. Они были передо мной, но я не видел их связи. Лишь на четвертой планете, когда мы победили Джонти, я увидел. Помните, он говорил, что мы никогда не найдем пятую планету без его помощи? Вы помните его слова?

— Точно — нет.

— А я помню. Он сказал: «В среднем на одну

звезду приходится семьдесят кубических световых лет. Если будете пробовать методом проб и ошибок без меня, вероятность двести пятьдесят квадрильонов к одному, что вы пролетите дальше миллиарда миль от любой звезды!» Именно в этот момент я догадался. Я даже услышал, как что-то щелкнуло у меня в мозгу.

— У меня ничего не щелкает, — сказал Ризетт.

— Может, объясните немного проще…

И Артемизия сказала:

— Не понимаю, о чем вы это, Байрон.

— Разве вы не видите, что это именно та вероятность, которая ожидала Джилберта? Вы помните его рассказ? Ударил метеорит, и курс корабля изменился. В конце концов он оказался внутри звездной системы. Это могло случиться по совпадению, настолько невероятному, что его можно не принимать во Внимание.

— Значит, это рассказ безумца, и никакой планеты повстанцев нет.

— Но, может быть, условия появления корабля вблизи планеты не столь невероятны? И это может быть лишь в одном случае, только в одном.

— В каком именно?

— Вы помните рассуждения Автарха? Двигатели корабля Джилберта не повреждены, и поэтому

мощность толчка осталась прежней. Иными словами, длина прыжков не изменилась. Изменилось лишь их направление, таким образом, что корабль оказался в Туманности. Такая интерпретация фактов совершенно невероятна.

— Какова же альтернатива?

— Не изменилась ни мощность, ни направление, и вообще не было оснований считать, что направление прыжков изменилось. Это ведь только допущение. А что, если корабль шел прямолинейным курсом? Он был нацелен на звездную систему, в ней и оказался.

— Но ведь он летел…

— … на Родию и оказался там. Это совершенно очевидно.

Артемизия сказала:

— Но тогда планета повстанцев — моя родина! Невероятно!

— Почему невероятно? Она где-то в Родийской системе. Есть два способа спрятать что-нибудь — поместить его туда, где никто не найдет, например, в Туманность Лошадиная Голова, или поместить в то место, где никто и не будет искать — прямо перед глазами, у всех на виду. Подумайте, что случилось с Джилбертом после приземления на планете повстанцев? Он вер-

нулся на Родию живым и объяснил это тем, что там не будут искать тиранитский корабль и случайно не обнаружат планету. Но почему же он остался жив? Ведь повстанцы должны были его умертвить, чтобы он не проговорился, что он, кстати, и сделал. Может существовать лишь одно объяснение: планета повстанцев находится в системе Родии, а Джилберт — Хинриад, а где еще с таким уважением отнесутся к жизни Хинриада? Только на Родии.

Артемизия стиснула руки.

— Но если то, что ты говоришь, Байрон, правда, то отец — в опасности. Ведь планета в его владениях.

— Да, уже двадцать лет он подвергается риску, — согласился Байрон. — Но, возможно, это не так страшно, как ты думаешь. Джилберт однажды признался мне, как трудно притворяться дилетантом и ни на что не годным человеком. Конечно, он драматизировал, бедняга. У него было все не так сложно, и он позволял себе оставаться самим собой только с тобой, Арта. Но ведь возможно полностью жить такой жизнью, если ставить перед собой великую цель. Казаться никчемным, слабовольным даже в глазах дочери. Склонять ее на ненавистный брак, лишь бы не

подвергнуть риску дело всей жизни. Казаться слабоумным…

Артемизия с трудом обрела дар речи.

— Неужели ты имеешь в виду…

— Иначе думать невозможно, Арта. Он уже свыше двадцати лет Директор. Все это время Родия постоянно усиливалась за счет территорий, переданных ей тиранитами. Тираниты считают, что с таким Директором они в безопасности.

В течение этих двух десятилетий он готовит восстание, не встречая помех, потому что он выглядит безвредным для тиранитов.

— Ваше предположение, Байрон, не менее опасно, чем предыдущее, — сказал Ризетт.

— Это не предположение. Я сказал в последнем разговоре с Джонти, что это он, а не Директор предатель, выдавший моего отца, потому что мой отец не настолько глуп, чтобы поверить Директору без надежной гарантии. Но именно так поступил мой отец.

Джилберт подслушал разговор моего отца с Директором, из которого он узнал о тайной роли Джонти в заговоре. Он мог узнать об этом только одним путем.

Но палка имеет два конца. Мы думали, что мой отец работает на Джонти и пытается лишить

поддержки Директора, но равно вероятно, или даже вероятнее, что он работал на Директора, и его роль в организации Джонти, как агента планеты повстанцев, заключалась в задержке преждевременного выступления Лигейна, которое могло разрушить два десятилетия тщательной подготовки. Почему, вы думаете, мне было так важно спасти корабль Аратапа, когда Джилберт замкнул двигатели? Не ради себя. Я в то время не думал, что Аратап освободит меня. Я не думал даже о тебе, Арта. Нужно было спасти Директора. Он самый важный человек среди нас. Бедный Джилберт не понял этого.

Ризетт покачал головой.

— Простите, Байрон, я не могу поверить во все это.

Тут послышался новый голос:

— Можете поверить. Это правда.

В дверях стоял Директор. Высокий, с проницательным взглядом. Звучал его голос и в то же время не вполне его. Это был резкий голос уверенного в себе человека.

Артемизия подбежала к нему.

— Отец! Байрон говорит…

— Я слышал, что говорит Байрон.

Он погладил ее по голове ласковыми мягкими

движениями руки.

— Это правда. Я даже допустил бы твой брак.

Она в изумлении отступила от него.

— Ты говоришь совсем по-другому, как будто…

— Как будто я не твой отец.

Он произнес это печально.

— Это ненадолго, Арта. Когда мы вернемся на Родию, и ты должна будешь принять меня таким.

Ризетт смотрел на него.

Обычно красное лицо его посерело.

Байрон затаил дыхание.

Хинрик сказал:

— Идите сюда, Байрон.

Он положил Байрону руку на плечо.

— Было время, молодой человек, когда я был готов пожертвовать вашей жизнью. Такое время может снова прийти в будущем. До определенного дня я никого из вас щадить не могу и не могу быть никем, кроме того, к кому вы привыкли. Вы поняли?

Все кивнули.

— К несчастью, — сказал Хинрик, — ущерб причинен. Двадцать лет назад я не был так тверд в своей роли, как сейчас. Я должен был бы приказать убить Джилберта, но я не сделал этого. И

потому что я этого не сделал тогда, теперь известно, что существует планета повстанцев, и я ее предводитель.

— Только мы знаем это, — сказал Байрон.

Хинрик горько улыбнулся.

— Вы так думаете, потому что молоды. Вы считаете Аратапа глупее себя? Вы догадались о существовании планеты повстанцев и о ее вожде на основании фактов, известных и ему. Он тоже может догадаться. Просто он старик и поэтому осторожнее, на нем больше ответственности. Думаете, он освободил вас из сентиментальности? Я думаю, что вы освобождены сейчас по той же причине, по которой вас уже один раз освобождали — просто потому, что вы можете повести его по тропе, ведущей ко мне.

Байрон побледнел.

— Значит, я должен покинуть Родию?

— Нет. Это было бы смертельно. Вы могли бы покинуть Родию по одной причине. Вы останетесь со мной, и у них не будет уверенности. Мои планы почти завершены. Еще год, может, и меньше…

— Но, Директор, существуют факты, о которых вы, наверное, не знаете. Документ…

— Который искал ваш отец?

— Да.

— Ваш отец, мой мальчик, знал не все. Опасно одному человеку знать все факты. Старый Ранчер многое узнал самостоятельно, знакомясь с моей библиотекой. Нужно отдать ему должное. Он понял значение документа. Но если бы он посоветовался со мной, я бы сказал ему, что документа больше нет на Земле.

— Точно так, сэр. Он у тиранитов, я уверен.

— Нет. Он у меня. Именно с него началась планета повстанцев.

— Это оружие, сэр?

— Сильнейшее во всей Вселенной. Оно уничтожит тиранитов и нас, но спасет все остальные планеты Туманности. Без него мы, может быть, и победили бы тиранитов, но лишь сменили бы одну форму феодального деспотизма другой. И как против тиранитов был создан заговор, так заговор был бы создан и против нас. Мы и они представляем устаревшие политические формы. Пришло время зрелости: как однажды оно пришло на планете Земля. Будет создан новый тип правительства, еще не испытанный в Галактике. Не будет ни Кханов, ни Автархов, ни Ранчеров.

— Во имя космоса, — неожиданно взревел Ризетт, — что же это будет?

— Народ.

— Народ? Разве он может управлять? Должен быть один человек, принимающий решения.

— Есть способ. Документ, который находится у меня, имеет отношение к небольшой территории одной планеты, но его можно распространить на всю Галактику.

Директор улыбнулся.

— Идемте, дети, я обвенчаю вас. Сейчас от этого уже не будет большого вреда.

Рука Байрона крепко сжимала руку Артемизии.

Она улыбалась ему.

Они чувствовали внутреннюю дрожь, как будто «Безжалостный» раньше времени начал прыжок.

Байрон сказал:

— Прежде чем вы начнете церемонию, сэр, может, вы расскажете немного о документе, чтобы я удовлетворил свое любопытство и мог снова вернуться к Арте?

Артемизия засмеялась и сказала:

— Лучше сделай это сейчас, отец. Я не перенесу его отсутствия.

Хинрик улыбнулся.

— Я знаю документ наизусть. Слушайте.

Хинрик начал читать слова, более древние, чем все планеты Галактики, кроме одной:

— Мы, народ Соединенных Штатов, в целях образования более совершенного Союза, утверждения правосудия, организации совместной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы, устанавливаем и принимаем эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки.